

1941 г. 41
 ... в этот момент ...
 ... и ...
 ...

ДЕТСКАЯ КНИЖКА ВОЙНЫ

ДНЕВНИКИ 1941-1945

В последние дни войны ...
 ...
 ...
 ...
 ...

МАРТ. 1942 г. 2.

1. В ...
 2. ...
 3. ...

4000
 11
 85

...
 ...
 ...
 ...

...
 ...
 ...

ДЕТСКАЯ КНИГА ВОЙНЫ

ДНЕВНИКИ 1941-1945

«АРГУМЕНТЫ И ФАКТЫ»
«АИФ. ДОБРОЕ СЕРДЦЕ»
МОСКВА, 2015

УДК 94(47+57)<1941/1945>(093.3)
ББК 63.3(2)622то14
Д38

Эта книга - документ истории. Впервые за 70 лет в одном томе собраны все дневники детей Великой Отечественной войны, которые удалось обнаружить журналистам «АиФ». Страшные и честные свидетельства того, через что пришлось пройти и что довелось испытать миллионам маленьких жителей великой страны. Ради памяти о них, ради сохранения этих рукописей и издана эта книга. Более половины из 35 дневников публикуется впервые.

Орфография авторов дневников сохранена. Печатается с сокращениями.

Редакционный совет:

Николай Зягьков (*председатель редакционного совета*), Евгений Факторович (*руководитель группы составителей*), Татьяна Кузнецова (*редактор*), Полина Иванушкина (*автор предисловий и составитель*), Индира Кодзасова, Марина Мишункина, Маргарита Широкова, Олеся Коробко.

Редакция благодарит Аркадия Романовича Ротенберга за помощь в издании этой книги. Без его участия этот труд мог и не увидеть свет.

Д38 **Детская книга войны. Дневники 1941-1945.** - Москва: «Аргументы и факты», «АиФ. Доброе сердце», 2015. - 480 с., ил.
ISBN 978-5-9906322-0-2

Охраняется законом об авторском праве. Воспроизведение всей книги или любой её части запрещается без письменного разрешения автора. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

ISBN 978-5-9906322-0-2

© «Аргументы и факты», 2015

ОТ РЕДАКЦИИ

Мы говорим «война» - и подразумеваем «большие слова»: «подвиг, патриотизм, Родина...» Так было принято. Но мы хотим уйти от шаблона, заглянуть туда, куда редко достигал луч света, ведь, по сути, кроме имени знамени Тани Савичевой и пятёрки пионеров-героев мы не знаем о «войне детей» ничего. Да, тушили зажигалки на крышах, да, копали картошку и работали на огородах, да, писали письма домой под диктовку раненых бойцов в госпиталях, да, вязали тёплые варежки... Но что было с их миром, миром ребёнка, поколебленным голодом, разрухой, смертью любимых, старших? Они, ещё живые, могут вспомнить сейчас, поделиться воспоминаниями - но ничто не будет так ярко и достоверно, как дневниковые записи. Именно поэтому мы взяли за этот жанр. Для нас, журналистов «ЛиФ», задумавших этот труд - собрать под одной обложкой эти тексты, чего не было сделано ни в СССР, ни в современной России, - соприкосновение с детским миром военных лет оказалось потрясением. И мы хотим, чтобы его пережили и вы. Мы собрали всё, что могли. Архивные документы, семейные реликвии, уже видевшие свет книги... Их оказалось 35. Тридцать пять дневников советских детей. Ни один не похож на другие. Из тыла, с оккупированных территорий, из гетто и концлагерей, из блокадного Ленинграда и из нацистской Германии. Тридцать пять разных войн...

Совершенно разные по фактуре, дневники детей поражают соседством «большого» и «малого»: «Зубрил алгебру. Наши сдали Орёл». Это настоящие эпосы, «Война и мир» в учебнической тетради. Удивительно, как держится детский взгляд за мирные «мелочи», как чувствуется биение «нормальной» жизни даже в оккупации и блокаде: девочка пишет о первой помаде, мальчик - о первом влечении. Дети - поголовно! - пишут о книгах: Жюль Верн и Горький, школьная программа и семейное чтение, библиотеки и домашние реликвии... Они пишут о дружбе. И конечно - о любви. Первой, осторожной, несмелой, не доверяемой до конца даже интимному дневнику...

Вообще у них, у наших героев, всё - впервые. Впервые дневник, впервые - война, у них нет опыта старших поколений, нет прививки жизни, у них всё - на живую нитку, взаправду, и нам кажется, что их свидетельства - они самые честные в том, что касается внутреннего мира и отражения в себе мира большого.

Собранные нами дневники разные не только по содержанию, разные они и по «исполнению». В нашем распоряжении и листы перекидного календаря, и записные книжки, и общие тетради в колленкоровых обложках, и школьные в клеточку, и альбомчики с ладонь... У нас есть дневники длинные и короткие. Подробные и не очень. Хранящиеся в запасниках архивов, фондах музеев, есть семейные реликвии на руках у читателей газеты.

Один из читателей, услышав наш призыв предоставить детские дневники, сел и за выходные записал свои юношеские воспоминания, бережно принес их в понедельник в редакцию. И нам подумалось: ведь может быть и так, что никто за все эти годы не спросил его: «Дед, а как оно было там?», ему не довелось никому доверить детского, сокровенного, больного...

Акция сопричастности - вот что такое труд, который взял на себя «ЛиФ». Не просто показать войну глазами ребёнка, сквозь призму детского восприятия мира - невинного, трогательного, наивного и так рано возмужавшего, а протянуть ниточку от каждого быющего сейчас сердца к сердцу, пережившему главную катастрофу XX века, к человеку даже если и погибшему - но не сдавшемуся, выдюжившему, человеку маленькому, может быть, ровеснику, но видевшему самые страшные страницы истории, которая была, кажется, недавно, а может, уже и давно... Эта ниточка привяжет. И, может быть, удержит. Чтобы не оборвался мир. Такой, оказывается, хрупкий.

**Редакция еженедельника
«Аргументы и факты»**

СЛОВО ДАНИИЛА ГРАНИНА

Дети переносят войну иначе, чем взрослые. И записывают эту войну и всё, что с нею связано, все её ужасы и потрясения они по-другому. Наверное, потому, что дети - безогляды. Дети наивны, но в то же время они и честны, в первую очередь перед самими собой.

Дневники военных детей - это свидетельства удивительной наблюдательности и беспощадной откровенности, часто невозможной взрослому человеку. Дети замечали явления быта, приметы войны более точно, чем взрослые, лучше реагировали на все происходящие перемены. Их дневники ближе к земле. И потому их свидетельства, их доказательства подчас гораздо важнее для историков, чем дневники взрослых.

Одна из самых страшных глав этой книги - самая первая. Ужаснее всего для детей в блокадном Ленинграде, насколько я мог заметить тогда, были бомбёжки и артобстрелы, тёмные улицы и дворы, где ночью не было никакого освещения. Разрывы бомб и снарядов - это была смерть видимая, наглядная, к которой они не могли привыкнуть.

А вот смерть человеческую, окружавшую их на улицах и в домах, они воспринимали спокойнее, чем взрослые, и не ощущали такого страха и безысходности перед ней, может быть, просто потому, что не понимали её, не соотносили с собой.

Но были у детей свои, собственные страхи. А ужаснее всего, как выяснилось, для них был голод. Им гораздо труднее, чем взрослым, было перетерпеть его, они ещё не умели заставляя себя, уговаривать, и от того больше страдали. Вот почему так много строк и страниц в их дневниках посвящено мыслям о еде, мукам голода - и последующих муках совести...

Чем эти дневники были для них, тех, кто их писал? Почти в каждом дневнике прочитывается: «мой лучший друг», «мой единственный советчик»... В дневник не пишут - с дневником говорят. Нет на Земле ближе существа, чем эта тетрадь в коленкоровой обложке, чертёжный блокнот, альбомчик с ладонь... И эта близость, эта потребность - зачастую она возникает именно в первый день войны, когда и были начаты многие из опубликованных в этой книге дневников.

Соприкосновение с детским миром тех военных лет - дело для меня глубоко личное.

Работая над «Блокадной книгой», мы с Алексеем Адамовичем поняли, что наиболее достоверно чувства, поведение блокадников выражены именно в детских дневниках. Разыскать эти дневники было непросто. Но несколько поразительно подробных мы всё же нашли. И выяснилось, что, как правило, дневник человек вёл, даже не надеясь выжить. Но вместе с тем он понимал исключительность ленинградской блокады и хотел запечатлеть своё свидетельство о ней.

В эпоху переоценки самых важных человеческих ценностей, когда по Европе снова маршируют факельные шествия нацистов, такие свидетельства, как дневники детей войны, крайне важны. Они возвращают нас к себе, к земле, на которой мы родились... И если сегодня кого-то не принимают свидетельства взрослых, то, может быть, проймают слова детей. И детям нынешним слышнее будут голоса их сверстников, а не взрослых, которые вещают с высоких трибун. Ведь одно дело, когда учитель у доски рассказывает тебе о войне, и совсем другое – когда это делает твой школьный товарищ. Пусть и с разницей в 70 лет.

Конечно, все мы боимся, страшимся, не хотим новой войны. Читая дневники детей, переживших войну мигувшую, понимаешь этот ужас ещё сильнее. И поневоле задумываешься: неужели мы смогли прожить без войны всего семь десятилетий? Всего семь десятилетий мира! Ведь этого так мало.

Даниил ГРАНИН, писатель,
участник Великой Отечественной войны,
почётный гражданин Санкт-Петербурга

СЛОВО ИЛЬИ ГЛАЗУНОВА

Мы жили на Петроградской стороне в когда-то самом прекрасном и богатом городе мира, бывшей столице Российской империи.

Это было нестерпимо давно. Но как будто вчера. А иногда мне кажется, что и сегодня, – настолько всё явно перед глазами... Завывание сирены. Тиканье метронома, которое доносилось из репродукторов. Это было предупреждение об артобстреле города или о его бомбёжке. А затем метроном всегда сменяла бравурная, весёлая музыка, которая действовала на наши души, как реквием. Голод. Вначале, несмотря на огромную слабость, голова была очень ясной... Потом временами начинаешь терять сознание, восприятие реальности нарушается...

Нестерпимый холод. Свыше 40 градусов мороза. Мы даже спали в пальто, зимних шапках, закутанные сверху шарфами. Но это не спасало. В квартире было так же холодно, как на улице. Окна закрывали одеялом, чтобы меньше дуло... По утрам не было сил, чтобы эту занавесь снять. Поэтому жили в кромешной тьме... Снег всю зиму не убирали. Трупы упавших от дистрофии людей заносила снежная вьюга...

Я навсегда запомню Новый год 1942 года... Моя бедная мама решила устроить мне ёлку, как всегда до войны. Она воткнула ветку в пустую бутылку из-под молока, завернутую в белую ткань... Повесила несколько ёлочных игрушек... Нашла свечку. Разрезала её на несколько частей, прикрепила к ветви... Из соседних комнат медленно шли родственники, опираясь на палки, закутанные, с неузнаваемыми от истощения лицами. Глядя на пламя угасающих свечей, все вдруг заплакали.

Первым в январе 1942 года не стало дяди, брата моей матери. Константин Константинович Флуг – знаменитый китаист, работавший в Академии наук, специалист по древним рукописям Китая XV века, в прошлом офицер Добровольческой белой армии.

Потом умер мой отец. Он страшно, протяжно кричал: «А-а-а-а!» – в тёмной комнате, освещённой тусклым пламенем коптилки. Как сказал врач, вследствие «психоза от голода». Отцовский крик долго потом стоял у меня в ушах и вызывал ужас...

В начале февраля 1942 года умерла моя бабушка. Елизавета Дмитриевна Флуг – внучка знаменитого русского историка и статистика Кон-

стантина Ивановича Арсеньева, воспитателя государя-освободителя Александра II. Я зашёл к ней в комнату. «Бабушка! Бабушка! Ты спишь?» В темноте подошёл ближе. Глаза её были словно полуоткрыты... Я положил бабушке руку на лоб. Он был холоден, как гранит на морозе... Не помня себя от ужаса, вернулся к маме и сказал: «Она умерла!» В ответ - едва слышимый шёпот: «Ей теперь лучше. Не бойся, мой маленький, мы все умрём».

Как-то мама пришла из магазина напротив дома, где нам выдавали по 125 граммов хлеба на человека. С трудом дыша, легла на кровать... И тихо сказала: «У меня больше нет сил, кажется, что это так далеко». С тех пор она не вставала.

Однажды я добрался до крохотной каморки, там жила наша родственница - тётя Вера Григорьевна. Она переехала к нам 2 месяца назад, когда её дом разбомбили. Приоткрыв дверь, я увидел: она лежит в постели в зимнем пальто, закутанная в платок, под старыми одеялами. С её обезданного лица прыгнули в мою сторону три огромные крысы. Я успел закрыть дверь...

В доме четыре трупа... Запаха нет, потому что вся квартира была огромным холодильником... Первой решили хоронить бабушку. За деньги не хоронили, только за хлеб. Но мама и тётя Ася с трудом уговорили дворничиху тётю Шуру взять два дневных пайка хлеба - 250 граммов и 100 рублей. Тело замотали простынёй и зашили. На углу были вышиты инициалы бабушки «Е. Ф.». Дворничиха обвила бабушку верёвкой и привязала к моим детским санкам. Она обещала отвезти и похоронить на Серафимовском кладбище.

Спустя несколько дней после организации бабушкиных похорон я снова вышел на улицу. Во дворе стоял грузовик: по городу время от времени ездила спецбригада, собирала мёртвые тела. Из-под лестницы нашего дома выносили трупы. Это были скелеты - некоторые в грязном белье, некоторые в пальто, некоторые запорошенные снегом, с сумкой, - они умерли прямо на улице... Трупов было огромное количество. Гора одеревенелых от мороза мертвецов в машине всё росла - их кидали, как дрова. И вдруг я увидел, как выносят труп, привязанный к моим детским санкам... Ужасная догадка пронзила меня... Я подбежал к грузовику и прочитал: «Е. Ф.»...

Мой дядя (родной брат отца) Михаил Фёдорович Глазунов был главным патологоанатомом Северо-Западного фронта, академиком военной медицины. Он просил несколько раз шофёров, везущих по льду Ладоги медикаменты в осаждённый город, найти его семью, брата, мать, сестру, пле-

мянника и привезти их на Валдай, где находился центральный госпиталь Ленинградского фронта. Одна из грузовых машин смогла доехать до города. Это был конец марта 1942-го. Так я был спасён, выбравшись из осаждённого Ленинграда по Дороге жизни, пролежавшей по льду Ладожского озера.

После месяца в военном госпитале, куда меня положил дядя, меня отправили в глушь Новгородской губернии - деревню Гребло у озера Великое. Я каждый день писал маме. Письма, помеченные штампом «Просмотрено военной цензурой», шли очень долго. Я успел получить два письма от неё. Она писала большими, качающимися буквами...

25 марта 1942 года.

«Дорогой мой, единственный мальчик! Всё время думаю о тебе. Никогда не думала, что буду так скучать. Как-то ты? Радуйся. Что уехал. Сегодня бы и есть тебе было печего...»

Не забывай... Всем поцелуй...»

26 марта 1942 года.

«...Писать довольно трудно, но хочу написать пару слов. Вчера Инна принесла твоё письмо, которое прочла с захватывающим интересом. Спасибо. Рады, что ты сыт. А здесь бы мучился.

...Единственно, что хочу - к тебе. Не бойся за меня... Пиши мне, сколько можешь - одно счастье. Целую моего родного. Всем привет...»

Больше писем от матери не было. Мама умерла, когда мне было 11 лет. Тогда и поселилось в моей душе чувство одиночества... И воля к жизни. После блокады я так заикался, что даже поначалу в сельской школе отвечал письменно... Говорят, что дети жестоки порой. Но никто не смеялся надо мной, все относились с любовью и дружеским пониманием. Меня тронуло, как один старшеклассник подошёл ко мне: «Илюшка, если тебя кто-то обижать будет, скажи мне, я его размажу. Сейчас война, у нас у всех одно горе».

Во время одного из праздников я шёл по деревне - возвращался из школы... Почти все мужчины были на фронте, моих одноклассников встречали мамы и бабушки. И многие шептались, глядя на меня: «Он сирота. Круглый сирота. Из Ленинграда».

Когда я вернулся в Петроград, город был очень пустынным... Я шёл по безлюдной набережной у Летнего сада, и иногда мне казалось, словно мама окликает меня. Я оглядывался, но видел могучие воды Невы и кружащиеся над ней стаи чаек. В 1944 году (почти сразу после приезда) мне посчастли-

вилось поступить в Среднюю художественную школу при Институте им. Репина Академии художеств СССР. Искусство и упорный труд художника спасали меня от одиночества...

...Не только на мне, но и на всём моём поколении детей войны отразилось то страшное время... Вся моя жизнь есть отражение последствий войны - той страшной трагедии, когда в Ленинградскую блокаду от голода умерли мой отец, мать и все близкие...

В 1945 году Иосиф Джугашвили поднял бокал за великий русский народ. Я видел, как по Садовому кольцу в Москве вели пленных немцев. Этот унылый поток был бесконечен. Некоторые шли гордо, делая вид, что не обращают на толпящихся москвичей внимания. Стоя в толпе, я со жгучим интересом рассматривал тех, кто недавно бомбил мой великий город Петроград, презирая «низшую славянскую расу». Я смотрел на них с брезгливостью победителей... и ненавистью. Мне было уже 14 лет.

Никто не предполагал тогда, что побеждённые будут жить лучше, чем победители... И миллионы умерших на полях сражений русских солдат ужаснулись бы и не поверили бы, что настанут страшные времена распада нашей великой державы, за которую они отдавали свои жизни... Сегодня мы должны в новом поколении вырастить элиту нашего государства - мужественную, энергичную, преданную своему великому Отечеству. Которая будет достойна памяти победителей в Великой Отечественной войне.

**Илья ГЛАЗУНОВ, народный художник СССР,
действительный член
Российской академии художеств**

БЛАГОДАРНОСТИ

Благодарности авторы книг обычно размещают в конце. Но эта книга необычна. Поэтому мы решили сразу назвать имена тех, кто внёс колоссальную лепту в её издание. Вот кто нашёл, сохранил, уберёг дневники детей войны, кто проделал огромную работу для публикации этих уникальных рукописей. Спасибо им всем и каждому в отдельности.

Спасибо сотрудникам «Аргументов и фактов», которые искали по всей нашей огромной стране сохранившиеся дневники детей войны и обнаружили их в музеях, архивах, у родственников, нашли самих авторов этих дневников, спасибо тем, кто помогал в выпуске этой книги: АLINE Клименко (Санкт-Петербург), Марине Масленниковой (Пермь), Ольге Момот (Брянск), Виктории Лебединец (Владивосток), Вере Матвеевой (Ульяновск), Наталье Поповой (Архангельск), Ольге Запорожцевой (Волгоград), Наталье Дремовой (Симферополь), Наталье Антиповой, Владимиру Кожемякину, Константину Кудряшову, Марии Поздняковой, Ольге Шаблинской, Наталье Бояркиной, сотрудникам благотворительного фонда «АиФ. Доброе сердце». Спасибо Андрею Батурину, заместителю генерального директора по связям с общественностью ООО «Стройгазмонтаж», помогавшему нам в издании дневников. Его высочайший профессионализм и сопричастность нашей идее очень помогли нам в работе.

Отдельная благодарность представителям архивов, музеев и издательств за помощь в публикации дневников: Сергею Курносову, директору Государственного мемориального музея обороны и блокады Ленинграда (Санкт-Петербург), Ирине Муравьёвой, заведующей научно-выставочным отделом Государственного мемориального музея обороны и блокады Ленинграда (Санкт-Петербург), Владимиру Тарадину, директору Центрального архива историко-политических документов (Санкт-Петербург), Андрею Сорокину, директору Российского государственного архива социально-политической истории (Москва), Валерии Каграмановой, главному хранителю Музея современной истории России (Москва), Виктории Кохендерфер, главному хранителю фондов музея-заповедника «Сталинградская битва» (Волгоград), Ларисе Турилиной, директору Государственного архива Брянской области (Брянск), Белле Курковой, заместителю главного редактора студии «Культура» ГТРК «Санкт-Петербург», Александру Жикаренцеву, главному редактору филиала ООО «Издательская группа «Азбука-Аттикус» в Санкт-Петербурге, Леониду Амирханову, генеральному директору издательства «Остров» (Санкт-Петербург),

Михаилу Сапегу, генеральному директору издательства «Красный матрос» (Санкт-Петербург), Сергею Николаеву, генеральному директору издательства «Алгоритм» (Москва), Павлу Поляну, историку, составителю серий «На обочине войны» и «Свитки из пепла: свидетельства о Катастрофе» (Москва), Сергею Глезерову, журналисту и исследователю, автору книги «Блокада глазами очевидцев» (Санкт-Петербург), Валентину Верховцеву (Архангельск), Наталье Адамович-Шувагиной (Минск, Белоруссия), Даниилу Гранину (Санкт-Петербург).

Наши слова признательности родным и близким детей войны за их бережное отношение к дневникам и предоставленную нам возможность их напечатать: Нине Тихомировой (Будапешт, Венгрия), Инне Черноморской (Санкт-Петербург), Андрею Вассоевичу (Санкт-Петербург), Татьяне Мусиной (Москва), Марине Борисенко (Москва), Людмиле Полежаевой (Апатиты), Ольге Барановой (Брянск), Юрию Андрееву (Санкт-Петербург), Ирине Новиковой (Санкт-Петербург).

И конечно же, наша благодарность самим авторам дневников, тем, кто пережил войну, кто сумел сберечь свои дневники и кто дал нам право опубликовать их: Наталье Колесниковой (Москва), Зое Доброхотовой (Хабаровой) (посёлок Кокошкино, Новая Москва), Марии Рольникайте (Санкт-Петербург), Тамаре Лазерсон-Ростовской (Хайфа, Израиль), Владиславу Бердникову (Пермь), Валерии Троценко (Игошевой) (Владивосток), Александру Ведину (Ульяновск), Татьяне Григоровой-Рудыковской (Санкт-Петербург), Юрию Утехину (Москва), Николаю Устинову (Холмск). Низкий им всем поклон.

В книге огромное количество дневников тех, кто не дожил до наших дней и не смог увидеть этот том. Вечная им память!

Я из детства ушел не как все,
А шагнул через пламя взрыва...
В молодом серебристом овсе
Мина мягкую землю взрыла.

Вновь засеяли землю весной,
От дождей оплыла воронка...
Трудно вырасти из ребенка,
Искаленного войной.

Глеб Еремеев

Ленинград 13
сильная бомбежка
но в последние
минуты, на улице
снегу и...

Ленинград 13
сильная бомбежка
но в последние
минуты, на улице
снегу и...

ЛЕНИНГРАД: БЛОКАДА

Дети. Блок ада

Маленький мальчик рисует. Ему 3 года, поэтому рисунок - много-много каракуль и завитков по краям, а в центре - небольшой овал. «Что же ты нарисовал?» - спрашивает его воспитательница. «Это война, вот и всё. А посередине - белая булка. Большие я ничего не знаю», - отвечает малыш.

Рисунок датирован 23 мая 1942 года. Имя мальчика - Саша Игнатьев. Он один из 400 тысяч детей, что остались в Ленинграде после 8 сентября 1941 года, когда кольцо блокады окончательно замкнулось. 900 дней спустя, когда части РККА прорвали наконец блокаду, стало известно, что в живых из 400 тысяч детишек осталось менее половины.

В одном из садиков блокадного Ленинграда работала воспитательница Валентина Козловская. На её попечении находились малыши 3-4 лет. Шла зима 1943 года. Воспитательница из лоскутков, тряпочек и пакли сшила кота. Он стал всеобщим любимцем - при звуках воздушной тревоги ребята в первую очередь заботились о коте. В бомбоубежище нести его доверяли самым послушным или самым слабеньким. Одним из таких стал Игорёк Хишун. Осколок фашистской бомбы раздробил ему голень. А он не чувствовал боли и не вполне понимал, что произошло: «Няня, нянечка, а скоро мне пришьют ножку? Ведь так быстро сшили целого кота!»

В самую страшную зиму, 1942-1943 годов, всё было гораздо мрачнее. Многим казалось, что они попали в преисподнюю. «У нас сто детей, - вспоминала сестра-воспитательница дошкольного детского дома № 38. - Они часами сидят молча и без движения. Злятся, плачут и скандалят, когда видят улыбку. Больно было видеть детей за столом, как они ели. Хлеб крошили на микроскопические кусочки и прятали их в стичечные коробки. Хлеб дети могли оставлять как самую лакомую пищу и наслаждались тем, что кусочек хлеба ели часами, рассматривая его, словно какую-нибудь диковину».

Были и светлые стороны. Ленинградцы вспоминают циркового артиста Ивана Наркевича. Он по инвалидности не попал на фронт. Зато умудрился сохранить двух дрессированных собачек и с апреля 1942 года начал обход детских садов и школ. И малыши забывали, что «бабушку увезли на саночках мёртвую», что «когда бомбят, очень страшно».

Малыши забывали. Им это даже нужно. Но тех, кто говорит, что Ленинград надо было сдать немцам, простить нельзя. В память о детях, умерших с голоду и видевших гибель родителей.

ДНЕВНИК
ТАНИ
САВИЧЕВОЙ

Жила до войны на 2-й линии Васильевского острова, в доме 13/6, семья Савичевых - большая, дружная и уже с поломанной судьбой. Дети кэпмана, «лишёнца», бывшего владельца булочной-кондитерской и маленького кинотеатра, Савичевы-младшие не имели права ни поступать в институты, ни вступить в комсомол. Но жили и радовались. Кроху Таню, пока та была младенцем, клали по вечерам в бельевую корзину, ставили под абажуром на стол и собирались вокруг. Что осталось от всей семьи после блокады Ленинграда? Танин блокнот. Самый короткий дневник в этой книге.

Ни восклицательных знаков. Ни даже точек. И только чёрные буквы алфавита на обрете записной книжки, которые - каждая - стали памятником её семье. Старшей сестре Жене - на букву «Ж», - которая, умирая на руках у другой сестры, Нины, очень просила достать гроб, редкость по тем временам, - «иначе земля попадёт в глаза». Бабушке - на букву «Б», - которая перед смертью наказывала как можно дольше её не хоронить... и получать по её карточке хлеб. Памятником брату Лёке, двум дядям и маме, ушедшей самой последней. После того как «Савичевы умерли», 11-летняя Таня положила в палехскую шкатулку венчальные свечи со свадьбы родителей и записную книжку сестры Нины, в которой та рисовала свои чертежи, а потом сама Таня вела хронику гибели семьи и, осиротевшая и истощённая, отправилась к дальней родственнице тёте Дусе. Тётя Дуся вскоре отдала девочку в детский дом, который затем эвакуировали в Горьковскую, ныне Нижегородскую область, в село Шатки, где Таня угасала ещё несколько месяцев: костный туберкулёз, дистрофия, цинга.

Таня так и не узнала, что Савичевы умерли не все, что Нина, чьим химическим карандашом для подводки глаз она написала 41-ю строку своей короткой повести, и брат Михаил, эвакуированные, выжили. Что сестра, вернувшись в освобождённый город, нашла у тёти Дуси палехскую шкатулку и передала блокнот в музей. Не узнала, что её имя звучало на Нюрнбергском процессе и стало символом Ленинградской блокады. Не узнала, что Эдита Пьеха спела «Балладу о Тане Савичевой», что астрономы назвали в её честь малую планету № 2127 - TANYA, что люди высекли её строки в граните...

Но всё это знаем мы. Знаем и помним. 9 страниц дневника Тани Савичевой уместились на одном листе этой книги. И это только начало...

Женя умерла 28 дек в 12.00 часов утра 1941 г

Бабушка умерла 25 янв 3 часа дня 1942 г

Лека умер 17 марта в 5 час утра 1942 г

Дядя Вася умер 13 апр в 2 часа ночи 1942 г

Дядя Леша 10 мая в 4 часа дня 1942

Мама 13 мая в 7.30 час утра 1942 г

Савичевы умерли

Умерли все

Осталась одна Таня

Чёрным карандашом для глаз старшей сестры Нины (справа) Таня и записала хронику гибели семьи Савичевых.

Фотохроника ТАСС.

Её дневник, самый короткий текст в этой книге, стал символом Ленинградской блокады.

Фото РИА Новости.

ДНЕВНИК
ТАНИ
РУДЫКОВСКОЙ

Таня вела свои блокадные записи ежедневно, на сшитых клочках бумаги, которые приносила мама-учительница из школы, в доме в Озерках - тогда это были дачи на севере Ленинграда, сейчас одна из станций петербургского метро. В Озерки семья переселилась из городской квартиры за несколько лет до войны. Отец Тани, чья родословная идёт с XV века, скрывал свои корни; прадедушка его матери-дворянки был личным врачом генерала Раевского и в поездке по Кавказу в 1820 г. лечил Пушкина... На дачах было спокойнее. До поры. В ноябре 41-го перестали ходить трамваи, ослабевший отец уже не осиливал 10-километровый путь до города, до завода «Красный выборжец», работала одна мама. А Таня, взяв пример со старшего брата и отца, решила вести дневник - начала с нового, 1942 года.

Поначалу это как будто бы однообразное чтение. Танины записи - по сути погодные сводки и страницы блокадного «меню»: подробные, чёткие, основательные - не упустить ни грамма, ни крошки! Давящие именно своей массой и однообразностью, они создают впечатление, как будто Таня пыталась таким образом удержат хрупкое чувство едва наполненного желудка подольше... И только когда видишь, какие строки вкрапляются в этот перечень еды - поперёк Таниной воли, вознамерившейся протоколировать лишь погодные условия и режим питания, - понимаешь, что делала блокада с человеком, что сделала она с 9-летней Таней... Её дневник - это и перечень смертей близких. В той же тональности, в той же строке, что и сардинка на завтрак... И это по-настоящему страшно!

Для самой Тани, которая и по сей день живёт на той же улице, на которой после войны остались 3 (!) жилых строения - остальные опустошила блокадная смерть, - в том же доме, в крыше веранды которого до сих пор торчит застрявший осколок снаряда наших зениток, бывших поблизости, эти пронумерованные тетради бесценны. «Перечитывать их очень тяжело: сначала я поем, и только потом открываю дневник...»

Татьяна Рудыковская закончила Институт киноинженеров, «покоряла» целину, до пенсии работала на ленинградском заводе «Светлана». Подняла троих сыновей. Выпустила 13 сборников стихов. «Что для вас блокадные дневники?» - спрашиваем мы Татьяну Валерьевну. Она отвечает кратко: «Жизнь моя».

1942 год

Январь

1. Ясный солнечный день. На завтрак полторы чашки какао, две печенины, суп, винегрет. На обед зеленые щи, на второе котлеты. Вечером какаовый кисель, чай.

2. Морозный день. Болел бок. На завтрак сардинка, 15 кусочков свеклы, хлеб, кофе с молоком. В школе была елка, давали подарки, был обед: суп с гречневой крупой, котлета с макаронами. Вечером суп, оставшийся от обеда, чай.

3. Утром кофе без молока, суп. Морозный пасмурный день. Папа зарезал последнюю утку. Кур уже не было. В подарках 5 печенин, 1 соевая конфетка, 2 кусочка шоколада, миндаль (орешки). В обед суп и кости. На вечер перловая каша. (...)

5. Ветерок, не холодно, снег, пасмурно. Утром винегрет. Геля привез с Каменки полное ведро и ящик брюквенных и немножко картофельных очисток. В обед кислые щи и по две котлетки из кофейной гущи, брюквенных и картофельных очисток. На вечер по одной такой же котлетке. Мама ездила с учениками в театр на елку, на Фонтанку, там был обед из трех блюд: суп рассольник, котлета с гречневой кашей и желе. Ездила туда и обратно поездом.

6. Морозно, ветер. Утром по две таких же котлетки. На обед рассольник и две маленьких и две больших косточки. Вечером Геля выносил Борзику, а Борзик исчез. Мама пошла искать и не нашла. Борзик пропал, съели. Вечером чай с вареньем и пол рюмки вина, две лепешки из картофельных и брюквенных очисток. В 10 часов вечера т. Анфиса принесла молока. 5-го числа Кимку (кошка) отдали в новый дом. Я ходила к Елизавете Федоровне попросить молока за овсяную шелуху, но она не дала, т. к. у нее корова не дает молока.

7. Ветер, немножечко шел снег, морозно. Утром две котлетки из брюквенных и картофельных очисток. Эти котлеты будут называться «лепешки № 1», вместо кофе полторы чашки какао, 1 печенина и хлеб с маслом. На обед рассольник, 2 косточки, 2 кусочка печенки, по 3 с четвертью блинка. Я выпила чашку чая и 3 чашки воды. Вечером 1 столовая ложка пшенной каши, чай с вином. Был Александр Михайлович и рассказывал про Иисуса Христа. Было так празднично, потому что по-старому сегодня Рождество, зажигали елку.

9. Морозно, ясно, солнечно, тихо. Утром по столовой ложке мучной

каши. У меня выступила на лице и груди сыпь, папа мерил температуру, было 36,3, а мама хотела вызвать доктора. В обед грибной суп с последними белыми макаронами и кости. Вечером 4 ст. ложки мучной каши, чай с вином.

10. Я не вставала, был доктор. Мороз, ясно и тихо. Не помню, что ели, т. к. записывала за 10, 11, 12-го числа.

13. Мороз, ясно, тихо. Я встала. На завтрак жидкий суп с лапшой. Выменяла у бабиньки за 3 кусочка сахара кусок хлеба. Играла на пианино, вытирала пыль. Обед: суп с картошкой и пшенкой, кости. Вечером по две ст. ложки жареной картошки, № 1 бублик. Зажигали елку. Так празднично потому, что по-старому Новый год. Дядя Саша пришел пешком и остался ночевать. От половины седьмого до семи часов дали электричество.

16. Сегодня у бабиньки день рожденья, ей 79 лет. На завтрак кофе с молоком, суп с лапшой. Я подарила полторы печенины, 2 кусочка сахара, 1 фисташку. Мама сахар, папа картошку, а Геля ничего. В обед суп с корешками и 3 уполовника манной каши. На ужин жирный суп с лапшой, бабинька дала всем: сухарик и четверть конфетки, еще мама достала булку, и поэтому было по куску хлеба и по куску булки. Снег, тихо, не холодно.

17. На завтрак суп с лапшой. Пропала Кимка, говорят, что издохла. В обед борщ, кости, одна лепешка № 1.

Геля ездил на Каменку, привез костей и немного брюквенных очисток. Маленький ветер, ясно, прохладно. На ужин суп с лапшой. Мама ушла в школу дежурить.

19. На завтрак 2 кости и 1 лепешка № 1. В обед суп с гречневой крупой, маме отлили. Я ходила в школу за маминым обедом. Была учительница. Вечером кости. Умер дядя Федя. Мама привезла из города: папе 200 гр хлеба, мне и Геле по маленькому кусочку шоколада, простыню, полотенце, два куска клея. Мороз, тихо, ясно. Разобрали елку.

20. Мороз, солнце, ясно, ветерок. На завтрак чуть-чуть жидкого супа с лапшой. Мама принесла из школы для папы банку каши. У папы ночью был обморок. Я ходила в школу за обедом. На обед 3 вареных картошки, суп с рисом. Т. Анфиса продала пол-литра молока. На ужин 1 ст. ложка гречневой каши, бутерброд с сыром и маслом, другой кусок так.

23. Мороз, ясно, тихо. Завтрак: 1 ст. ложка жареной картошки с мясом, кофе с молоком. Аннушка стирает и поэтому с утра топится плита. Была

Тане было всего 9 лет, когда на её глазах начала умирать от блокадного голода семья Рудыковских, а сама она взялась за дневник.

Она дожила до наших дней в том самом доме, где голодная смерть пощадил её в блокаду. И сама показала нам пожелтевшие фотографии и бесценные, бережно хранимые тетради. Фото на странице - из архива Т. Пригорской-Рудыковской.

Зира. На обед кислые щи, кости, 2 ст. ложки овсяной каши с половиной сардельки. Ужин: 1 ст. ложка пшеничной каши. Мама дала Геле облизать ложку, а там оставалась каша. Я попросила первая облизать ложку, а мама дала Геле. Папа чувствует себя хорошо. К вечеру у меня болела голова.

24. Мороз, ветер, ясно. Завтрак: 3 ст. ложки пшеничной каши, кофе с молоком, хлеб с маслом. Геля ездил на Каменку и ничего не привез. В обед грибной суп с лапшой, пол уполовника гречневой каши. Прибавили ХЛЕБА!!! Служащим 300 гр, детям и иждивенцам 250 гр, рабочим 400 гр! Папа чувствует себя хорошо. Я ходила к Зире. Ужин: 1 ст. ложка запеканки из очисток, кусок хлеба с маслом, другой с двумя кусочками сыра. После чая мама месила тесто.

25. Сегодня у мамы, меня и бабиньки именины. Мама подарила кусок пиленого сахара, бабинька печенину и кусочек сахара, папа кусок хлеба с маслом, на котором лежало 4 кусочка сахара и ягоды из-под наливки (иначе - торт). Геля 4 простых карандаша. На завтрак 4 оладьи, кусок хлеба с маслом, кофе с молоком. Папа вставал с нами завтракать, обедать и снова ложился. На обед 4 пирожка с рисом, рассольник, 3 уткиных косточки с чуть мяском, 3 половника киселя. Мороз, ветер, ясно, солнце. Вечером папа встал, играл на пианино, а мы танцевали, потом все вместе ужинали. Ужин: 3 ст. ложки винегрета, 1 сушка, 1 чайная ложка вина. (...)

ФЕВРАЛЬ 1942 год

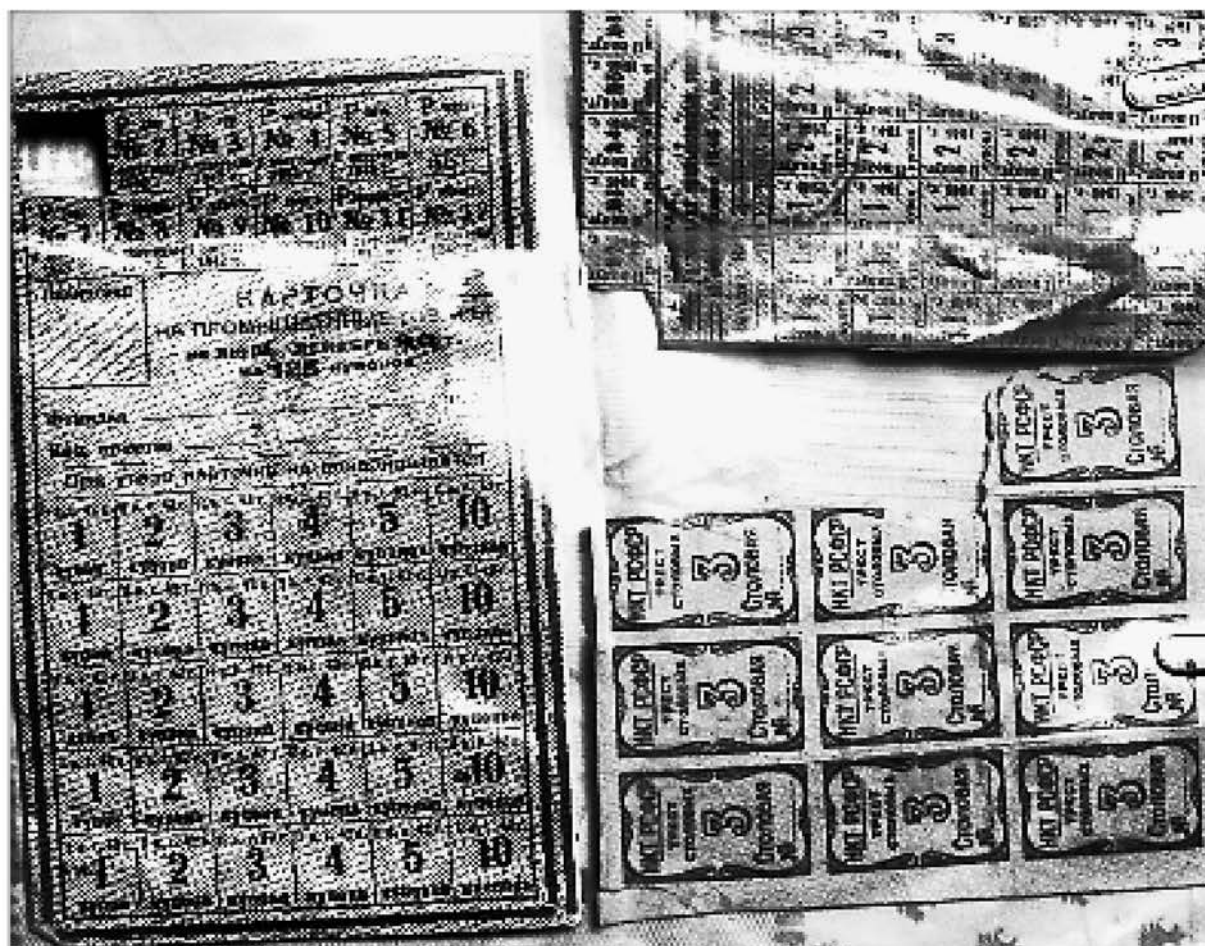
2. Мама в 7 часов утра ушла в магазин и пришла полдесятого, принесла 900 гр сахарного песка. На завтрак по тарелке мучного супа, 2 лепешки № 1, с хлебом. (На завтрак и ужин мы едим супы из столовой без разных корешков, а просто вода и засыпка, уже готовый, только подогреть. На обед мы готовим дома, с корешками.) Мама потеряла свою хлебную карточку, но не всю, а часть. Она уходила опять на Муринский за папиными карточками и не достала, так обидно. На обед грибной суп с хлебом. Мамочка пришла в 9 ч. вечера, принесла хлеб. Была Мария Васильевна, учительница из школы. Слабый ветер, пасмурно, изредка снег. Ужин: одна картошина, полсвеклы, хлеб.

3. На завтрак чуть-чуть жареного мяса с лапшой. Мама опять пошла на Муринский за карточками в 11-м часу утра. Когда она доставала капусту для щей, она дала Геле и мне немного капусты, а когда после кофе вышла на кухню, то я слышала, как мама его ругала, наверно, он полез таскать капусту. Я сама дала себе слово 25 января, что не будут таскать, и с тех пор ничего не брала. На обед щи кислые, две кости.

Самое щемлящее в Танином дневнике - даже не смерти родных. А то, что они перечисляются среди строк блокадного меню: близость гибели и подспудной жажды жизни...

13 апреля 1942

Продуктовые карточки - центр блокадной вселенной. Почти неминуемая смерть, медленное восхождение на эшафот - лишиться (по нелепой случайности, недогаду или чужому умыслу) этих листочков бумаги. Так, как лишилась их однажды и мама Тани.

Фото на странице - из архива Т. Пригоровой-Рудынской.

6. Мама ушла в 3 часа ночи в магазин в очередь. Геля ходил ее сменить в 9 ч утра, но не смог, его не пустили, а мама была уже в дверях. На завтрак суп горох. В восьмом часу утра пришел Александр Михайлович, он стучал, а мы подумали, что это мама, а она пришла домой в 11 ч, принесла сливочного масла и хлеба. Приходил Лукич, это сын извозчика Луки. В обед суп с клецками (клецки из ржаной муки, так просто, вода и мука, вот и тесто). Клецки мы выловили и ели отдельно со сливочным маслом, 1 кусок хлеба тоже с маслом. Ясно, солнце, тихо, мороз. На ужин 4 картошины, кусок хлеба с маслом. Я каждый вечер ставлю самовар, а Геля ставит утром. УМЕР Юзик в 5 ч утра, сегодня.

7. На завтрак суп горох, только протертый, получилось как бульон. Хлеб пока с маслом, как будет без масла, запишу. Пасмурно, ветер, не холодно, запорошило снегом. Папа чувствует себя прекрасно, вчера перед обедом обошел все комнаты. Стал немножко ходить. На обед суп с пшеничной крупой (густой). Геля после обеда мыл ноги. На ужин ничего, только хлеб с маслом.

8. Воскресенье. На завтрак суп с белой лапшой, вместо кофе - какао. Мама хватилась подсолнечного масла, а там вода. Оказалось, Геля выпил масло и налил воды. В половине десятого утра папе было худо, он был близко от обморока. Говорил, что больно очень живот. Я, мама и Геля довели его в кресле до столовой печки, а оттуда кое-как довели до сундука, где он лежал. На обед суп с рисом (густой), вареная свекла с двумя маленькими тефтельками. Геля уехал на Сытный рынок, но не на самый рынок, а к дяде Феде за радио, в 11 ч утра. А приехал в 7-м часу. Пасмурно, снег, ветерок, холодно. На ужин хлеб с маслом, все.

Дальше начинаю другой дневник.

ТЕТРАДЬ № 2, 1942 год

9. Папа не встает с восьмого числа. На завтрак студень из клея (не знаю из какого). К обеду встал папа. В обед суп с клецками (жидкий), клецки выловили из супа и ели отдельно с маслом, мне 3 чайные ложки киселя, Геле - 4, остальное мама разделила бабиньке, папе и себе. Нам с Гелей дали меньше, т. к. бабинька видела, как Геля таскал кисель. Пасмурно, холодно, тихо. Папа опять стал вставать с нами кушать. На ужин немного такого же студня из клея, как утром. Бабинька ходила к Дарье Андреевне. Приходила т. Анфиса сказать, что увели Нэльку (ее собаку).

11. Завтрак: 4 ст. ложки жидкой каши из ржаной муки, а папе пол

черной миски. Бабиньке, когда супы на завтрак, ей не дают, а сегодня была каша, и ей не дали. **ПРИБАВИЛИ ХЛЕБА!!!** Иждивенцам 300 гр, служащим 400 гр, детям 300 гр. Мы будем получать 1 кг 600 гр хлеба. К обеду папа не вставал, т. к. ему утром было худо. Обед: суп с пшенной крупой. Теперь, пока мама стала брать из школы, в столовой, а мы дома подбавляем немного корешков и зелени, получается довольно хороший суп, мама кладет масла. Ясно, солнце, ветер, снег, к вечеру ветер стал слабее, а утром сильный-сильный был. Мама ходила в Шувалово за хлебом, ушла в шестом часу, а пришла в девятом. Хлеб принесла. У меня пропал кусок хлеба и кусочек сахара. Ужин: ничего.

20. Завтрак: 2 ст. л. жареной лапши. Геля заводил часы. Мороз, туманно, пасмурно, к вечеру оттаяли окна. Мама дежурила в детдоме с 2 часов до 8 часов. Обед: суп с гречневой крупой, без корешков, только пол-луковки каждому (густой). Бабинька мыла меня всю, я сидела в тазу. Ужин: 2 ст. л. жареной лапши. Геля в магазине достал сухой картошки, он влез без очереди.

21. Завтрак: студень из клея, бабиньке немного лапши, потому что она не ест студня. Мороз, ясно, тихо, солнце. Геля достал в кооперативе мяса. Мама опять с 2 до 8 дежурит в детдоме. Обед: грибной суп с рисом (густой). Я вчера целый час играла на пианино. Бабинька вымыла Гелю. К вечеру сильный холодный и резкий ветер. Сегодня я опять целый час играла на пианино. Ужин: 3 ст. л. ячневой каши.

22. Завтрак: немного гречневой каши. Мама ушла к 8 часам в школу на дежурство, Геля в кооператив. Мороз, ясно, солнце, утром был ветер, потом не было. Геля принес пшена, перловой и сливочного масла. Мама должна была прийти в 2 ч, а пришла в 4 ч, задержалась. Обед: горох. Геля расплакался, что его обделили хлебом и супом, хотя мама дала ему добавочно 2 куска хлеба и пол уполовника супу. Мыли папу, вымыли голову и до пояса. Ужин: 3 ст. л. вареной сушеной картошки с кусочком масла, кусок хлеба с маслом. Мама к 8 ч вечера опять ушла в детдом дежурить. Я выходила принести ящик.

25. Мама пришла в девятом часу. Завтрак: жидкий горох, хлеб с маслом. Я ходила в магазин и сказала Геле, что там какао, он пошел и получил. Мама дежурила в детдоме. Обед: щи, маленькая котлетка. Мороз, ветерок, ясно, солнце. Приходила Аннушка. Была т. Анфиса. Ужин: мне и Геле по две с половиной ст. л. гороховой каши, облитой луком жареным и на постном масле, жирно и вкусно, папе и маме по 3 ст. л. гречневой

каши тоже в масле с луком, а бабинька свою порцию каши отдала маме, хлеб без масла. У нас кончается сахар.

26. Завтрак: немного гречневой каши, хлеб с маслом. Достали в кооперативе мяса и гороху. Мороз, ветерок, ясно, солнце. Папа весь день не вставал. Он перестал уже выходить к ужину и завтраку, а вчера последний раз вышел обедать.

Обед: суп с перловой крупой (густой), 1 тефтелька и пол ст. ложки свеклы. Аннушка стирала у нас, ей дали шей, кусок хлеба с горчицей, чай, а бабинька своих 2 куска хлеба, кружку кофе. Мама с 8 вечера до 8 ч утра дежурит в детдоме. Ужин: 3 ст. л. пшенной каши, хлеб с маслом. Мама вымыла себе ноги. Я поставила на чулок заплатку, ничего, хорошо получилось.

27. В 40 минут девятого утра УМЕР ПАПА. Геля ходил за Савиной (это наш знакомый доктор), она пришла, но папа уже умер. Когда мама пришла с дежурства, она сразу пошла к папе. Целовала и ласкала его, он сделал попытку улыбнуться, но не смог, а из глаз покатились слезы.

Завтрак: горох (жидкий), пол ст. л. пшенной каши (ее мама оставляла папе), хлеб с маслом. Бабинька ни супу, ни каши не ела. Достали в кооперативе сахар и вместо сахара кофе. Мороз, ясно, солнце, ветер с метелью. Обед: суп с гречневой крупой, без корешков, только лук и чуть-чуть зелени. Геля ходил к Алеше Лукичу, а он эвакуировался. К вечеру Геля собрался в Шувалово, за чем, не знаю, а пришел и сказал, что в Шувалово не ходил, а зашел в наш магазин и достал кило двести клюквы и хлеб. У нас спилили нашу березу, но мы макушку ее все-таки отняли. Ужин: пшенная каша, хлеб с маслом.

МАРТ. 1942 год.

1. Я лежала, болел бок и была рвота.

2. Я встала, но была слаба и не могла записывать. Помню, что была Кузнецова Нина.

4. Завтрак жареная лапша. Мороз, солнце, ветер. Мама и Геля после обеда спилили две березы. Обед: брюквенный суп, 1 сарделька. Ночью мама дежурит в детдоме. В школе заболели все учителя, и потому работы много, осталось только 2 или 3 учителя и мама. Ужин: хлеб с маслом. Все.

5. Завтрак: котлета (очень вкусная). Мороз, -27° , жесткий ветер, но не сильный, ясно, солнце. Я ходила в кооператив, и мы достали мясо. Обед: суп с лапшой. Маме никуда не надо было идти, и она была дома, так хорошо, когда мы все вместе. Ужин: пшенная каша с маслом.

ДНЕВНИК
ЮРЫ
РЯБИНКИНА

Юра Рябинкин, живший в Ленинграде с мамой и сестрой, боролся не только с блокадными обстоятельствами, пришедшимися на долю всех, он боролся ещё и с самим собой, со своей совестью, вынужденный делить крохи хлеба с самыми близкими, и честно записывал эти трагические переживания в свою синюю тетрадку в матерчатой обложке.

Младшая (моложе на 8 лет) сестра Юры Ира была разыскана ещё в прошлом веке Даниилом Грапным и Алесем Адамовичем, напечатавшими отрывки из дневника её брата в своей «Блокадной книге»; удалось поговорить с ней и нам, уже в 2015 году. Ирина Ивановна, 45 лет проработавшая учительницей русского и литературы в школе, помнит, как мама – с уже замутнённым дистрофией сознанием – упаковывает чемодан: Рябинкиным наконец дали возможность эвакуироваться. Но Юре не суждено было уехать из Ленинграда, он остался дома.

Ирина Ивановна помнит, каким видела брата в последний миг: опирающегося на палочку, прислонившегося к сундуку, уже бессильного идти... «Юрка, там Юрка остался!» – всю дорогу надрывается мать. Её последних сил хватает только на то, чтобы довезти младшую дочь до Вологды и несколько часов спустя умереть у неё на глазах на вокзале.

Ирина Ивановна хранит дневник брата, его стеклянную чернильницу и хрупкую веру в то, что Юра жив, а не нашёл её, определённую в детприёмник и затем вывезенную из Вологды тёткой, из чувства обиды, боли, гордости...

Как Юрин дневник попал к людям – история до конца не ясная. К одному из юбилеев снятия блокады газета «Смена» бросила ключ по школам – собрать свидетельства тех дней. Одна девочка принесла блокадный дневник неизвестного ей мальчика, Юры Рябинкина, хранившийся в семье, а до этого – у её бабушки в Вологде. Когда Ирина Рябинкина прочитала «Смену», опубликовавшую отрывки, она поехала в Вологду и нашла ту женщину: «Разговор получился короткий... Похоже, что она работала медсестрой в какой-то больнице, и Юра, умирая, уже не в состоянии ничего сказать, лишь кивнул головой: «Здесь, под подушкой». Там лежала синяя тетрадь. Медсестра её забрала. Что стало с Юрой – неизвестно».

«Чувство вины перед Юрой – оно пришло со временем! И я с ним живу, как живу с этой синей тетрадкой, – продолжает Ирина Ивановна уже сквозь слёзы. – И знаете, ещё я живу с грузом: я ведь должна быть Человеком! Должна быть достойна тех людей, моих близких и мне незнакомых, которые погибли в блокаду. Потому что за мою жизнь слишком много заплачено...»

22 июня 1941 г. Всю ночь мне не давало спать какое-то жужжанье за окном. Когда наконец к утру оно немного затихло, поднялась заря. Сейчас в Ленинграде стоят лунные, светлые, короткие ночи. Но когда я взглянул в окно, я увидел, что по небу ходят несколько прожекторов. Все-таки я заснул. Проснулся я в одиннадцатом часу дня, вернее, утра. Наскоро оделся, умылся, поел и пошел в сад Дворца пионеров. (...)

Выйдя на улицу, я заметил что-то особенное. У ворот нашего дома я увидел дворника с противогазом и красной повязкой на руке. У всех подворотен было то же самое. Милиционеры были с противогазами, и даже на всех перекрестках говорило радио. Что-то такое подсказывало мне, что по городу введено угрожающее положение.

Придя во Дворец, я застал только двоих шахматистов. (...) Расставляя шахматы на доске, я услышал что-то новое, обернувшись, я заметил кучку ребят, столпившихся вокруг одного небольшого парнишки. Я прислушался и... замер...

- ...Вчера в 4 часа ночи германские бомбардировщики совершили налет на Киев, Житомир, Севастополь и еще куда-то, - с жаром говорил паренек. - Молотов по радио выступал. Теперь у нас война с Германией!

Я просто, знаете, сел от изумления. Вот это новость! А я даже и не подозревал такой вещи. Германия! Германия вступила с нами в войну! Вот почему у всех противогазы.

У меня голова пошла кувырком. Ничего не соображает. Я сыграл три партии. Чудак, все три выиграл и поплелся домой. На улице остановился у громкоговорителя и прослушал речь Молотова. Когда я вернулся домой, дома была только мама. Она уже знала о происшедшем. (...)

28 июня. Сегодня работал опять во Дворце пионеров на строительстве бомбоубежища. Работа была адская. Мы стали сегодня каменщиками. Я отбил все свои руки молотком - все они теперь в царапинах. Но сменили нас рано - в 3 часа. Поработали мы, следовательно, 4 с половиной часа, но как!!!

Из Дворца я пошел к маме. Мама в беспокойстве, все ходит унылая... Встала возможность химической войны, сейчас начинается эвакуация. Взял 5 рублей и сходил в столовую. Затем пришел домой. Приходила какая-то женщина, которая записывала всех ребят до 13 лет. Ирку записала. Комендант приказал Нине дежурить у ворот с половины десятого и до трех. Кстати, сообщил, что на случай тревоги мы должны бежать к Хамадулину, в 1 этаж. Но там все равно небезопасно. От фугасной бомбы

не спастись, от воздушной волны тоже: волна снесет дом, а его обломки похоронят нас в этом подвале; от химической бомбы не спастись тем более.

29 июня. Работал во Дворце на строительстве бомбоубежища. Перед этим был на площади Лассаля (пл. Искусств) - грузил песок. Но работы там было все же мало. Ребята вылепили из песка рожу Гитлера и стали бить ее лопатами. Я тоже присоединился к ним. Во Дворце опять таскал кирпич и песок. Ушел из Дворца в шесть часов. Придя домой, получил неожиданный сюрприз.

Еще в дверях ко мне подбежала Ира с криком: «Посмотри, что мне мама купила! А тебе не купила! Не купила!» Я пошел в столовую. На диване лежала купленная Ире матроска и кукла. На столе стояли новые Ирины сапоги.

Мама мне сунула какую-то записку в руки. Я машинально развернул ее. Это было заявление в военкомат о добровольном вхождении мамы и меня в ряды Красной Армии.

Оказывается, у мамы было утром партсобрание и все партийцы решили войти в ряды нашей Красной Армии. Никто не отказался. Сперва я почувствовал какую-то гордость, затем некоторый страх, наконец, первое пересилило второе. (...)

30. (...) Пошел в фонд. Там другая новость - меня, наверное, в армию не возьмут: мал, да еще плеврит; из-за того, что плохо себя чувствую, дает себя знать плеврит, освободят, наверное, от работы во Дворце и пошлют в лагерь.

1-18 июля. Ходил с Додей в кино, смотрел «Боксеры»... Ходил в зоосад, играл в бильярд, в шахматы... Почему-то сильно заболела грудь. Появился кашель. Пот так и льется днем и ночью... Город Остров, по всей вероятности, взят, так как появилось псковское направление. Каким фронтом командует Ворошилов?... Маме приказано явиться на Балтийский вокзал для отправки в Кингисепп рыть окопы. Я провожал маму до вокзала.

19 июля. Вечером, когда мы вернулись домой, к нам неожиданно приехала из Шлиссельбурга Тина. Она будущий главврач больницы. Договорились, что, если с мамой что случится, она берет меня и Иру к себе... Говорят, будем учиться эту зиму (8, 9 и 10 классы). Особенно этому не верю. Тут бы быть живым.

Июль-август. Да... это, пожалуй, самая тяжелая, самая опасная для нас война. Много будет стоить победа.

Прочел «Дворянское гнездо».

Доподлинно установить, как погиб Юра - а его младшая сестра до сих пор верит, что он мог и выжить, спастись, - не удалось никому. В последний раз 8-летняя Ира видела старшего брата в начале января 1942 года.

Фото из «блочной книги» А. Адамовича и Д. Гранина.

Играл с Давидом в шахматы.

Мама дала мне денег, на которые я съел тарелку супа (борщ) и тарелку манной каши с маслом в столовой Дворца труда. Затем пришел домой. Дома учился давать мат слоном и конем. (...)

26, 27 августа. Новгород взят уже несколько дней тому назад. Ленинград подвергается опасности быть отрезанным от СССР. (...)

30 августа. (...) Мама меня хочет записать в военно-морскую спецшколу. Да я знаю, что медкомиссия меня не пропустит, и отказываюсь. Тяжело все же отказываться от своей мечты - моря, да нечего делать. Все попытки - зря. Пахнет пессимизмом. (...)

31 августа, 1 сентября. Занятия в школе 1 сентября, сегодня, не состоялись. Неизвестно, когда будут. С 1/IX продукты продают только по карточкам. Даже спички, соль и те по карточкам. Настает голод. Медленно, но верно.

Ленинград окружен! Немецкий десант, высадившийся в районе ст. Ивановская, отрезал наш город от всего СССР. (...)

Завтра мне должно было бы быть 16 лет. Мне - 16 лет!

2 сентября. Да, ничем необыкновенным мой день рождения не ознаменовался.

Мама дала мне 5 руб. в столовую. Решил себя порадовать. Пошел в магазин и купил шахматный учебник. А потом пришел в столовую - там ничего дешевого уже нет. Зато мама пришла вечером - мне два пирога принесла. Потом еще суп сварили - я и суп поел. Сыт, доволен! (...)

5, 6 сентября. Мама опять меня хочет устроить в морскую спецшколу, да я не желал бы туда идти. Ведь все равно в школу меня не примут, потому что я плохо вижу - раз, плевритные спайки в правом легком - два, ну да и еще кое-что. Чего же себя тешить радужными надеждами, а потом получать горькие плоды?

Ленинград обстреливается из дальнобойных орудий немцами. Так и бухают разрывы снарядов. Вчера снаряд попал в дом на Глазовской (К. Заслонова) улице, снес полдома. Финкельштейн с Никитиным приходили смотреть и рассказывали. Где-то снаряд попал в сквер - много убитых и раненых. Сегодня под вечер опять обстрел. Так и бухают снаряды где-то в стороне Московского вокзала, там, дальше, за ним. В очередях бабы говорят, что Гитлер обещал закончить войну к 7 сентября, т. е. к завтрашнему дню. Ну и слухи! А еще совсем недавно говорили то же самое, только дата была 2 августа. (...)

8 сентября. День тревог, волнений, переживаний. Расскажу все по порядку.

Утром мама прибегает с работы, говорит, что ее посылают на работу в совхоз, что в Ораниенбауме. Ей пришлось бы оставить меня и Иру одних. Она пошла в райсовет - ей дали там отсрочку до завтра. Потом мы договорились о спецшколе. Мама пошла в обком, оттуда завернула в спецшколу, а я завернул к Финкельштейну. У них в школе вышел номер. Ребятам было велено покрыть пол чердака известью. Но извести оказалось мало, и они решили разбавить ее. Но вместо извести они добавили суперфосфата. Произошла реакция. В результате выделился хлор. Ребятам пришлось ходить в противогазах по чердаку. Пришел Варфоломеев, разругался («Даром, что ли, я вас химии учил!»). Затем Додя пошел сдавать велосипед в армию (3 дня назад пришла повестка о «мобилизации» велосипеда).

Когда я вернулся домой, мама уже пришла. Она сказала мне, что, возможно, меня примут. Но я очень и очень сомневаюсь. Затем мама пошла опять куда-то.

И тогда-то началось самое жуткое.

Дали тревогу. Я и внимания не обратил. Но затем слышу, на дворе поднялся шум. Я выглянул, посмотрел сперва вниз, затем вверх и увидел... 12 «юнкеров». Загремели разрывы бомб. Один за другим оглушительные разрывы, но стекла не дребезжали. Видно, бомбы падали далеко, но были чрезвычайно большой силы. Я с Ирой бросился вниз. Взрывы не прекращались. Я побежал обратно к себе. Там на нашей площадке стояла жена Загоскина. Она тоже перепугалась и прибежала вниз. Я разговорился с ней. Потом откуда-то прибежала мама, прорвалась по улице. Скоро дали отбой. Результат фашистской бомбежки оказался весьма плачевный. Полнеба было в дыму. Бомбили гавань, Кировский завод и вообще ту часть города. Настала ночь. В стороне Кировского завода виднелось море огня. Мало-помалу огонь стихает. Дым, дым проникает всюду, и даже здесь ощущаем его острый запах. В горле немного щиплет от него.

Да, это первая настоящая бомбежка города Ленинграда.

Сейчас настанет ночь, ночь с 8 на 9/IX. Что-то эта ночь принесет?

До 12 часов.

Только Ира легла спать, опять объявили тревогу. Мы спустились вниз, в 1 этаж. Быстро оделись. Сперва немного постреляли зенитки, затем стали выть и трещать самолеты. Все время по небу ходили прожекторы. Но ни один самолет не был сбит. Где-то опять бомбили. Все население нижних

двух этажей (исключая подвалы) было в коридоре 1 этажа. Долго, томительно тянулось время. Затем где-то, на дворе дома № 36, забили в рельс. Мы перепугались. Я, Маруся и Лидка надели противогазы и пошли на двор спрашивать, что такое. А на дворе постовой отвечает, что никакой химической тревоги не было. Так прошло около 2-х часов. Наконец мы решились и пошли домой. Тревога еще не кончилась. Зарево на востоке погасло, но то и дело со стремительной скоростью над городом проносились немецкие самолеты. Их обстреливали, а они носились и носились над городом. Сейчас я не знаю, что делать. Мама с Ирой легли спать не раздеваясь. Может, и я так сделаю. Не знаю. Да, эту неделю фашисты хотят сделать оставленной в памяти у нас, у всех ленинградцев. Видно, взять Ленинград с суши не удалось, так вот они и решили его с воздуха уничтожить.

9 сентября. (...)

На фронтах без перемен. Мы отбили какой-то город Ельно... И то хлеб.

Да, теперь Ленинграду отдыха не будет. Каждый день бомбить будут.

В нашу квартиру хотят вселить семью какого-то главного инженера треста. Жуки! Мама хочет наотрез отказать.

Сирена. Час - тревога. Отбой. Перерыв - десять минут. Опять тревога. Так можно вконец измучить население. А у нас в доме даже нет бомбоубежища.

Пожалуй, пристроюсь я в пожарную команду в школе. В спецшколу наверняка не попаду. Лягу, пока тихо. А там кто знает?..

15 сентября. Сегодня утром решил: в спецшколу не являться. Причину здесь не пишу. Я не знаю, чего стоило мне это решение. У меня и сейчас слезы на глазах стоят, но я все тянул с этим. Сейчас это кончено. Впрочем, не знаю. Ведь это какой удар маме! И вместе с тем я знаю, что решение правильное. (...)

16 сентября. Сегодня я совершил ужасную вещь - потерял 30!! рублей. 30!! рублей. Мама дала мне их на подсолнечное масло (у нее не было более мелких денег), а я их потерял... Теперь весь день я был этим огорчен. Денег и без того осталось - кот заплакал, а я еще теряю по столько рублей. (...)

17 сентября. Сегодня вечером произошло важное событие. В нашу квартиру вселяется управляющий стройтрестом. Некий И-в с женой из Московского района. Сегодня перетаскали к нам его вещи. Завтра сам явится, по всей вероятности. Маме пообещали пользование их бомбоубежищем и столовой. (...)

18 сентября. Сегодня был у Финкельштейна. Договорились с ним о дежурстве в школе. Завтра с 8 вечера до 8 утра. Вышел приказ о военной подготовке мужчин начиная с 16 лет. В первую очередь идут, однако, 17 и 18-летние. Вечером вышел новый приказ. В нем говорилось, что по Ленинграду начались уличные бои, что все от 16 лет (мужчины) и от 18 лет (женщины) должны идти на баррикады. Ну и дела!

Немцы опять обстреливали город из орудий. Был обстрелян Невский, мосты, Фрунзенский район. Баррикадами не продержаться. Устарели. Современная война требует авиации, танков, орудий, а баррикады? Тьфу!.. (...)

25 сентября. Сегодня я окончательно решил, что мне делать. В спецшколу не иду. Получаю паспорт. Остаюсь в школьной команде. Прошу маму эвакуироваться, чтобы иметь возможность учиться. Пока езжу на окопы. Через год меня берут в армию. Убьют - не убьют. После войны иду в кораблестроительный институт или на исторический факультет. Попутно буду зарабатывать на физической работе сколько могу. Итак, долой политику колебаний! Сегодня иду в школу к 8-ми. Если мама придет раньше, скажу ей мое решение. Все остальные исходы я продумал и отказался от них.

Кроме того: решил тратить на еду себе начиная с завтрашнего дня 2 рубля или 1,5.

Мое решение - сильный удар для меня, но оно спасет и от другого, еще более сильного удара. А если смерть, увечье - то все равно. Но это-то именно и будет, наверное, мне. Если увечье - покончу с собой, а смерть - двум им не бывать. Хорошо, очень хорошо, что у мамы еще есть Ира.

Итак, из опасения поставить честь на карту я поставил на карту жизнь. Пышная фраза, но верная. (...)

1 и 2 октября. (...) Мне - 16 лет, а здоровье у меня, как у шестидесятилетнего старика. Эх, поскорее бы смерть пришла. Как бы так получилось, чтобы мама не была этим сильно удручена.

Черт знает какие только мысли лезут в голову. Когда-нибудь, перечитывая этот дневник, я или кто иной улыбнется презрительно (и то хорошо, если не хуже), читая все эти строки, а мне сейчас все равно.

Одна мечта у меня была с самого раннего детства: стать моряком. И вот эта мечта превращается в труху. Так для чего же я жил? Если не буду в В.-М. спецшколе, пойду в ополчение или еще куда, чтобы хоть не бесполезно умирать. Умру, так родину защищая. (...)

13 октября. День прошел спокойно. Зато ночь дала себя знать. Вече-

ром от мамы я узнал очень интересную вещь. Она видела (...), которая теперь работает в госпитале. Предлагают мне поступить в этот госпиталь. Моя обязанность эскортировать больных с госпиталя в госпиталь. Ответственность за их доставку несу я один. За потерю кого-либо иду под суд. Разъезжаю по ночам, преимущественно на машине. Мне кладут зарплату - 20 рублей в месяц и рабочую карточку. Быть может, обед. День работать, день отдыхать. Я согласен. Нужда... (...)

На 2 и 1 постах я, Давид, Борис (...) и еще две какие-то женщины. Я и Давид сидели на ступеньках. О, эти тревожные бесконечные ночи: навсегда останутся они у меня в памяти. Полусвет, передо мной «летучая мышь» в ведре, лестница и сбоку окно... гулко бьют зенитки, ухо настороженно ловит каждый звук, тревожно бьется сердце при сильном свисте бомбы, и чуткостораживаешься, слыша завывание германского самолета. Окно все время озаряют вспышки, порой лестница и весь дом содрогаются и дрожат от близкого падения фугасной бомбы. И это каждую ночь... Хочется спать, есть, забыться, но снова что-то свистит под ухом, инстинктивно прижимаешься к стене, втягиваешь голову в плечи... и свист замирает. Затем вспышка озаряет окно, лестница вздрагивает, и только после этого приходит отдаленный гул взрыва.

Эту ночь было более-менее спокойно, и я с Давидом вышел на крышу. Только огляделись по сторонам, по небу прожекторы, и совершенно внезапно яростно зашипела бомба нарастающим звуком. В одно мгновение я и Давид были на чердаке, не ощущая ушибов от падения. Решив, что на чердаке оставаться опасно, мы сошли в лестничную клетку, и в это самое время раздался короткий свист и затем взрывы над нашими головами. Стало светлее, чем днем. Давид вперед меня сообразил, что это такое, и, схватив лопату, бросился тушить бомбу. Я тоже. Началась безумная горячка. Мы работали в густом едком дыму, который лез в глотку, щипал ее, залезал в самые легкие, по лицам шел пот, а мы все возились с бомбами. Я пробежал на 1-й пост. Там стояла какая-то женщина и кричала в испуге: «Бомба! Тушите!» Она схватывала горстями песок и бросала в горевшие кусочки термита. Я схватил лопату и в полминуты забросал все горевшее песком. Яркий свет сменился глубоким мраком. Кое-как выбравшись с чердака, ведя за руку женщину, я побежал на 2-й пост. Там уже все бомбы были потушены. Я выглянул на крышу - по ней сновало человек десять. Хотелось подышать свежим воздухом, очнуться, прийти в себя. Скоро тревога кончилась. Затем, затем ничего нового не произошло. Была еще

одна тревога, но безобидная для нас. После этого я и Финкельштейн завалились спать и проспали до утра. Разбудило радио, сообщая нам скверную новость: Вязьма пала. Наступление немцев продолжается.

Я узнал впоследствии, что на нашу школу упало 23 бомбы. (Я потушил две и помог затушить третью.)

14 октября. Сегодня дома безобразная сцена. Ира закатила истерику, что я вот ел в столовой треста, а она даже тарелки супа не съела в столовой - мама ей говорит, чтобы она успокоилась. Мне в то же время говорит, что Ире давали борщ в столовой и фасоль со шпиком, а Ира говорила, что ее от них тошнит, и не стала есть. А съела оставшиеся полплитки шоколада, и только. Сама не ест и на меня злится! «Я, - говорит, - голодная хожу!» А кто ей мешает пообедать? Мне уже мама начинает говорить, что надо привыкнуть к мысли, что если накормят человека днем тарелкой супа, то и будь доволен. А если мне к этой мысли не привыкнуть?.. Я не ем даже половины, четверти того, чтобы себя насытить... Эх, война, война...

Сейчас хмурая пасмурная погода. Морозит, идет снежок. (...)

17 октября. (...) Ленинград полностью отрезан от СССР, на Ленинградском фронте еще ничего, держатся. В Ленинграде кончаются запасы продовольствия, скоро, пожалуй, пойдут голодные смерти, эпидемии и т. п. С тоской вспоминаешь, что не эвакуировались. Я боюсь сейчас даже вперед заглядывать - живешь одним днем.

Завтра в школе откажусь от ночных дежурств из-за неимения теплой обуви. Сейчас простудиться совсем не время.

От голода так и скребет в животе и слона течет. А ведь я сегодня все-таки пообедал в трестовской столовой. Сказывается отсутствие хлеба в первую очередь. Сегодня мама покупала пряники, так они сделаны из овса да немножко сахара. Хорошо, что такие. Жить по такой норме я согласился бы на время, хотя бы года на три, но чтобы не уменьшать норм, а ведь это обязательно будет... (...)

20 октября. Утром скучал, ходил в поисках кваса, замерз и возвратился домой. Дома мороз. Был в пальто. Брал обед в столовке треста: щи да свекла. Поел, посидел, пошел к маме. Там взял из фонда Вольтера и Дюма «Графиня Монсоро» и «Сорок пять» - ее окончание. Пообедал в столовке там. Поел супа-овсянки. Затем пошел домой. Пришел - тревога. Почитал Вольтера. Да, перед этим заходил Игорь. Он сказал, что занесет карточку вечером, ну да не верю больше этому. В магазинах на III декаду все еще не дают. Вечером произошла весьма выдающаяся вещь. Я, как написал

выше, принес из фонда Дюма. Принес себе, так как читать мне нечего. И вот входит в комнату, как полновластная хозяйка, Анфиса Николаевна, говорит: «Я, Нина Михайловна, брала у вас Золя, вот вам обратно» (книгу эту дал ей я - но это еще ничего). Подходит она к столику, берет Дюма и говорит: «Нина Михайловна, я у вас возьму Дюма, мне читать нечего». А мама так и рассыпалась в похвалах этой книге, так ее и хвалит. Только возьмите. Меня взбесило. Я стал возражать (с улыбкой на лице! - до чего приходится унижаться), что эту книгу я хочу читать сам, но мама стала кричать на меня, что я могу читать Вольтера и т. д. Я ничего не мог сделать. Анфиса Николаевна забрала книгу и ушла. Я сейчас более-менее неплохо понимаю политику этой Анфисы Николаевны. Белыми нитками она шита. Она, во-первых, желает видеть, что мы превратимся перед нею в услужливых, мягко выражаясь, людей, и приучает нас к этому. Во-вторых, она, видя, как мы нуждаемся в хлебе, сахаре и т. п., в то время как сама она ест сытно, ничего не желает «дать» - ну, предположим, она очень и очень эгоистична, а, впрочем, может, она права. С тех пор как мама взяла у нее стакан драже, пообещав отдать, и не отдала, она категорически про себя решила не давать нам ни кусочка. И мне теперь становится стыдно, когда я вижу, как мама пьет воду, а А. Н. стоит рядом и рассказывает о театре, в то время как мама говорит: «Ну вот, дожили до ручки...»

Быть может, во мне говорит моя гордость, но я не могу без какой-то злости смотреть на это. И что хуже - я сам иногда так делаю. Эта Анфиса Николаевна похожа на толстенькую, сытенькую кошечку, которая разлеглась на диване и как будто говорит: «Ну-ка пощекочите меня». Она обо всем включительно передает своему мужу (исключая, ясно, себя), а тот (ночная кукушка всех перекукует) делает, как она хочет, сам того не замечая. Сейчас произошел еще один интересный номер: Игорь обещал нам карточку 1 категории и говорил мне, что занесет ее сегодня вечером, а она пришла к маме и прямо ей в лицо говорит: «Игорь карточки вам дать не может, так как она (...) отобрана». Как пить дать старается для себя. Она не привыкла за услугу платить услугой, а привыкла принимать от других услуги, ничего, кроме лестных слов, обратно не преподнося. Мама, я просто не знаю, что это такое, отдала ей большой кочан капусты, а (...), которая относится к нам действительно по-товарищески, дала маленький... (...)

22 октября. Все утро проторчал в очередях за пивом. С трудом пополам достал 2 бутылки, отморозил ноги. Потом 3 талона на крупу. Вечером

дежурил в школе. Тревог не было. Таганрог взят немцами. Наступление немцев продолжается...

Зачитался романом А. Дюма «Графиня Монсоро». Увлекательная вещь.

Мама 2 бутылки пива выменяла на 400 гр. хлеба. Меня опять в очередь за пивом посылают.

23 октября. Достал еще 2 бутылки пива. Был в кино. Смотрел «Праздник святого Йоргена». Читал «Графиню Монсоро»...

Дома и холод и голод. Все вместе.

24 октября. Весь день с 10 утра до 6 вечера вместо дежурства в школе провел в очереди за пивом. Не было времени даже постоять в милиции за паспортом. И все-таки пива не достал. Вечером пришла мама, истратила еще один кочан капусты. Кое-как заморил червячка. В сводках ничего особого нет. Мама мне говорила, что ЦК союзов эвакуирован в Куйбышев. Представляю себе положение в Москве.

Чаю дают 12,5 грамм в месяц на человека, яиц вообще не дают. Рыбы тоже. Сегодня интересно поведение Анфисы Николаевны. Подарила нам 3 оладьи из морковного пюре, которое достала в столовой треста, и 10 драже. Было с чем полкружки чая выпить. Написал письмо Тине. Попросил ее прислать посылку с сухарями или с картофельными лепешками. Надо думать устраиваться на работу. Об учебе на время придется забыть.

С Ирой странная вещь: днем и вечером под глазами синие потеки, колет в левом боку от быстрой ходьбы и не может есть жидкого (супа). Мама хочет идти с ней к врачу.

Что? Какой сюрприз преподнесут немцы?.. Во всяком случае, немцы грозятся сжечь Ленинград за три дня непрерывной тревоги (слухи ползут от Чистовых, которым, работая в пригороде, волей-неволей приходилось читать сбрасываемые немецкие листовки).

Очереди всюду: за пивом, за квасом, за газированной водой. За перцем, солью (особенно за солью!), за горчицей. (...)

25 октября. Только отморозил себе ноги в очередях. Больше ничего не добился. Интересно, в пивных дают лимонад, приготовленный на сахаре или натуральных соках?

Эх, как хочется спать, спать, есть, есть, есть... Спать, есть, спать, есть... А что еще человеку надо? А будет человек сыт и здоров - ему захочется еще чего-нибудь, и так без конца. Месяц тому назад я хотел, вернее, мечтал о хлебе с маслом и колбасой, а теперь вот уж об одном хлебе... (...)

Мама мне говорит, что дневник сейчас не время вести. А я вести его буду. Не придется мне перечитывать его, перечитает кто-нибудь другой, узнает, что за человек такой был на свете - Рябинкин Юра, посмеется над этим человеком, да... (...)

29 октября. (...) Я теперь еле переставляю ноги от слабости, а взбираться по лестнице для меня огромный труд. Мама говорит, что у меня начинает пухнуть лицо. А все из-за недоедания. Анфиса Николаевна сегодня вечером проронила интересные слова: «Сейчас все люди - эгоисты, каждый не думает о завтрашнем дне и поэтому сегодня ест как только может». Она права, эта кошечка.

Я сегодня написал еще одно письмо Тине. Прошу прислать посылочку из картофельных лепешек, дуранды и т. п. Неужели эта посылка - вещь невозможная? Мне надо приучаться к голоду, а я не могу. Ну что же мне делать?

Я не знаю, как я смогу учиться. Я хотел на днях заняться алгеброй, а в голове не формулы, а буханки хлеба. Сейчас я бы должен был прочесть снова рассказ Джека Лондона «Любовь к жизни». Прекрасная вещь, а для моего сегодняшнего настроения как нельзя более лучшая. Говорят, что на ноябрьских карточках все нормы прежние. Даже хлеба не прибавили. Мама мне сказала, что, если даже немцы будут отбиты, нормы будут прежние...

Да, немцы, наверное, объявят непрерывную бомбежку 7 и 8 ноября. А перед тем вдоволь измучают население артиллерийскими набегами да бомбежкой. Готовят нам на праздник сюрприз.

Теперь я мало забочусь о себе. Сплю одетый, слегка прополаскиваю разок утром лицо, рук мылом не мою, не переодеваюсь. В квартире у нас холодно, темно, ночи проводим при свете свечки.

Но самое обидное, самое что ни на есть плохое для меня - это то: я здесь живу в голоде, в холоде, среди блох, а рядом комната, где жизнь совершенно иная - всегда хлеб, каша, мясо, конфеты, тепло, яркая эстонская керосиновая лампа, комфорт... Это называется завистью - то, что я чувствую при мысли об Анфисе Николаевне, но побороть ее не могу.

Мне не к кому идти. К товарищам? У меня их нет. Вовка в Казани, Мишка - на работе. А такие (...) - эгоисты до глубины души, зачем к ним идти?.. Но во мне опять просыпается зависть, даже злость, горькая-прегорькая обида.

1 ноября. (...) Сегодня, 1-го, меня встретил неприятный конфуз, меня

не пустили в столовую треста до 2-х часов. А в 2 часа в столовке уже кончилось картофельное пюре, и мне пришлось довольствоваться двумя тарелками чечевичной похлебки. Купил 3 пузырька с пертусином. Это смесь рома с валерьянкой и каплями датского короля. Чрезвычайно сладкая и питательная вещь, 2 пузырька уже выпил, остался один...

5 ноября. (...) На сегодня надо было прочесть «Мертвые души» Гоголя, но при тусклом свете свечки невозможно читать. Пишешь машинально. Многие новости не знаю. Говорят: «XXIV годовщина решает все...»

Что такое человек и человеческая жизнь? Что же, в конце концов? «Жизнь - копейка» - говорит старинная поговорка. Сколько человек жило до нас и сколько их должно было умереть... Но хорошо умереть, чувствуя и зная, что ты добился всего, о чем мечтал в юности, в детстве, хорошо умереть, зная, что остались последователи в твоих научных или литературных трудах, но ведь как тяжело... На что надеется сейчас Гитлер? На создание своей империи, самый замысел которой будет проклят человечеством будущих дней. И вот из-за какой-то кучки авантюристов гибнут миллионы и миллионы людей! Людей!.. Людей!!!

Уже поздно. Артиллерийская стрельба на время стихла. Свеча догорает. Голод, холод, темнота, грязь, вши и перспектива: багровое будущее, окутанное темной пеленой.

6, 7 ноября. (...) Занятия в школе продолжаются, но мне они что-то не нравятся. Сидим за партами в шубах, многие ребята совершенно уроков не учат. На литературе интересен тот факт, что ребята рассказывают образы из «Мертвых душ» по учебнику, где они есть. Некоторые даже вообще не читали «Мертвые души»...

Оказывается, рисовой каши больше у нас не осталось. Значит - 3 дня буду сидеть голодом полнейшим. Еле ноги буду таскать, если буду жив-здор. Опять перешел на воду. Распухну, ну да что же... Мама заболела. И не на шутку, раз сама признается в своей болезни. Насморк, кашель с рвотой, с хрипом, жар, головная боль...

Я тоже, наверное, заболел. Тоже жар, головная боль, насморк. Все из-за того, по всей вероятности, что, бывши на школьном дежурстве, мне пришлось пройти через три двора без пальто и шапки. А дело было в полночь, мороз...

Учеба мне почему-то сейчас в голову не лезет. Совершенно нет желания учиться. Голова одними мыслями о еде, да о бомбежках, снарядах занята. Вчера поднял корзину с сором, вынес во двор и еле обратно на

свой 2 этаж взобрался. Устал так, словно 2 пуда волок целых полчаса, как кажется, сел и еле отдышался. Сейчас тревога. Зенитки бьют вовсю. Бомб несколько также было. На часах - без пяти 5 вечера. Мама приходит в начале 7-го.

9 и 10 ноября. Засыпая, каждый день вижу во сне хлеб, масло, пироги, картошку. Да еще перед сном - мысль, что через 12 часов пройдет ночь и съешь кусок хлеба... Мама мне каждый день твердит, что она с Ирой ест по 2 стакана горячего, с сахаром чая, по полтарелки супа в день. Не больше. Да еще что тарелку супа вечером. Все же мне. (...) Ира, например, вечером даже отказывается от лишней порции супа. А мне они обе твердят, что я питаюсь, как рабочий, мотивируя тем, что я ем 2 тарелки супа в столовых да побольше, чем они, хлеба. Весь характер мой почему-то сейчас круто изменился. Стал я вялый, слабый, - пишу, а рука дрожит, иду, а в коленках такая слабость, кажется - шаг ступишь, а больше не сможешь и упадешь.

9 и 10 ноября (продолжение). И все же я могу твердо сказать, что не будь рядом со мной сытых, я к этому всему привык бы. Но когда каждый звук, почти (...) задевает чем-то веселым, сытным. Перед собою, сидя в кухне, я вижу на плите кастрюлю с недоеденными обедами, ужинами и завтраками, что оставляет после себя Анфиса Николаевна, я не могу больше... Разрываюсь на части, буквально, конечно, нет, но, кажется... И запах хлеба, блинов, каши щекочет ноздри, как бы говоря: «Вот видишь! Вот видишь! А ты голодай, тебе нельзя...» Я привык к обстрелу, привык к бомбежке, но к этому я не могу привыкнуть - не могу! (...)

И опять сейчас мне в уши бьет веселый смех Анфисы Николаевны... Мама вчера одолжила кусочек сахару у Анфисы Николаевны, сегодня хочет одолжить у Кожинских. Но сегодня - последний день декады. Завтра - будет свой сахар, хлеб... и хлеб!! Через ночь...

У нас не выкуплено на эту декаду 400 г крупы, 615 г масла, 100 г муки... а этих продуктов нигде нет. Где они выдаются, возникают огромные очереди, сотни и сотни людей на улице, на морозе, а привозят (...) чего-нибудь в этом роде человек на 80-100. А люди стоят, мерзнут и ни с чем уходят. Люди встают в 4 часа утра, стоят до 9 вечера по магазинам и ничего не достают. И больно, а ничем не поможешь. Сейчас тревога. Она уже длится часа два. Нужда, голод заставляют идти в магазины, на мороз, в длинную очередь, в людскую давку... Провести так недели, а затем уже никаких желаний не останется у тебя. Останется тупое, холодное безраз-

личие ко всему происходящему. Недоедаешь, недосыпаешь, холодаешь и еще к тому же - учись. Не могу. Пусть мама решает вопрос: «Как быть?» Не в силах решить - сам попробую за нее. И вечер... что он мне готовит? Приходит мама с Ирой, голодные, замерзшие, усталые... Еле волокут ноги. Еды дома нет, дров для плиты нет... И ругань, уговоры, что вот внизу кто живет, достали крупу и мясо, а я не мог. И в магазинах мясо было, а я не достал его. И мама разводит руками, делает наивным лицо и говорит, как стонет: «Ну а я тоже занята, работаю. Мне не достать». И опять мне в очередь, и безрезультатно. Я понимаю, что я один могу достать еду, вернуть к жизни всех нас троих. Но у меня не хватает сил, энергии на это. О, если бы у меня были валенки! Но у меня их нет... И каждая очередь приближает меня к плевриту, к болезни... Я решил: лучше водянка. Буду пить, сколько могу. Сейчас опухшие щеки. Еще неделя, декада, месяц, если к Новому году не погибну от бомбежки - опухну.

Я сижу и плачу... Мне ведь только 16 лет! Сволочи, кто накликал всю эту войну...

Прощай, детские мечты! Никогда вам ко мне не вернуться. Я буду сторониться вас как бешеных, как язвы. Сгинуло бы все прошлое в тартарары, чтобы я не знал, что такое хлеб, что такое колбаса! Чтобы меня не одурманивали мысли о прошлом счастье! Счастье!! Только таким можно было назвать мою прежнюю жизнь... Спокойствие за свое будущее! Какое чувство! Никогда больше не испытать...

Как я хотел бы, чтобы Тина взяла и прочла дневник у себя в комнате в Шлиссельбурге за чаем с бутербродом! Того, что переживаем мы в Ленинграде, ей еще вовек не приходилось переживать.

Сегодня вечером после тревоги сходил в магазин, что на Сенной. В рукопашной схватке в огромной тесноте, такой тесноте, что кричали, стонали, рыдали взрослые люди, удалось ценой невероятных физических усилий протискаться, пробиться без очереди в магазин и получить 190 г сливочного масла и 500 г колбасы из конины с соей. Когда я пришел домой, почувствовал сильные боли в груди, точно такие, какие я испытывал два года тому назад. У меня и так действительно сухой плеврит. Боли сильные, ну точь-в-точь такие, как прежде. Что за мучение! Завтра непременно пойду в тубдиспансер. В конце концов, я не хочу сейчас помирать от плеврита. Что я могу поделать? Что? Я бессилен... Против плеврита есть только два сильных средства: 1) отличное питание с обилием жиров и 2) воздух сухой, чистый, теплый. И оба средства отсутствуют...

Мама с Ирой «позавтракали» и идут на работу. Я пойду в тубдиспансер. Впрочем, перед этим позавтракаю в «комфорте и уюте». Почитаю.

...Сегодня достал 4 литра пива по карточкам, отдал их Анфисе Николаевне. И из них она мне дала выпить пол-литра. Мне понравилось. Право, будь это в былые времена, я стал бы добросовестным алкоголиком.

Да, забыл сказать самое главное. У мамы распухли ноги и стали твердыми, как камень. Вот дела-то! (...)

...К 5 часам утра надо идти в очередь (...) обязательно. Все мы издерганы. У мамы я давно не вижу спокойных слов. Чего ни коснется в разговоре - ругань, крик или истерика, что-то в этом роде. Причина... Причин много - и голод, и вечный страх перед обстрелом и бомбежкой. В нашей семье - всего-то 3 человека - постоянный раздор, крупные ссоры... Мама что-то делит, Ира и я зорко следим - точно ли... Просто как-то не по себе, когда пишешь такие слова. (...)

26 ноября. (...) Меня сегодня мать Штакельберга назвала круглым дураком, что я не ворую у И-вых. «Я бы, - говорит, - и не посмотрела».

Вместо растительного масла дают повидло. Очереди. Эх, достать бы где кокосового жиру! Где-нибудь...

Мама написала заявление на предоставление ей места в самолете для вылета из Ленинграда. Чувствую, что дело провалится, хотя какая-то тайная надежда есть на освобождение, но я все-таки угнетен разными плохими мыслями.

У меня мама потребовала Ирину карточку, хлебную. Хотят лишить меня печенья. Ну что ж... Раз только стоит Ире получить печенье, и она уже за него так уцепится, что не видать мне его больше... Опять пойдут гнусные, грязные сцены с дележкой, ей меньше, ей больше... Ну, положим, завтра я еще печенье получу, а с послезавтра начиная, кончайся моя и без того непривлекательная жизнь. Какая же жизнь, когда и печенье меня лишат... Вот теперь иди в магазин, доставай картофельной муки да кокосового масла или повидла, а они каждый день будут жаловаться, что они устали и т. д. Ирка обеими руками уцепится за печенье... (...)

28 ноября. Был в тубдиспансере. Меня отправили на рентген и на анализы. Что будет дальше - не знаю.

Сегодня буду на коленях умолять маму отдать мне Ирину карточку на хлеб. Буду валяться на полу, а если она и тут откажет... Тогда мне уж не будет с чего волочить ноги. Сегодня дневная тревога опять продолжается что-то около трех часов. Магазины закрыты, а где мне достать картофе-

ной муки и повидла? Пойду по окончании тревоги порыскаю. Насчет эвакуации я потерял надежду. Все это одни лишь разговоры... В школе учиться брошу - не идет учеба в голову. Да и как ей пойти? Дома голод, холод, ругань, плач, рядом сытые И-вы. Каждый день так удивительно похож на предыдущий однообразностью, мыслями, голодом, бомбежкой, артобстрелами. Сейчас выключилось электричество, где-то, я слышу, жужжит самолет, бьют зенитки, а вот дом содрогнулся от взрывной волны разорвавшейся неподалеку бомбы... Тусклая, серая погода, белые, мутные, низкие облака, снег на дворе, а на душе такие же невзрачные серые мысли. Мысли о еде, о тепле, об уюте... Дома не только ни куска хлеба (хлеба дают теперь на человека 125 г в день), но ни одной хлебной крошки, ничего, что можно съесть. И холод, стынут руки, замерзают ноги...

Сегодня придет мама, отнимет у меня хлебную Ирину карточку - ну ладно, пожертвую ею для Иры, пусть хоть она останется жива из всей этой адской (...), а я уж как-нибудь... Лишь бы вырваться отсюда... Лишь бы вырваться... Какой я эгоист! Я очерствел, я... Кем я стал! Разве я похож на того, каким был 3 месяца назад?... Позавчера лазал ложкой в кастрюлю Анфисы Николаевны, я украдкой таскал из спрятанных запасов на декаду масло и капусту, с жадностью смотрел, как мама делит кусочек конфетки (...) и Ирой, поднимаю ругань из-за каждого кусочка, крошки съестного... Кем я стал? Я чувствую, чтобы стать таким, как прежде, требуется надежда, уверенность, что я с семьей завтра или послезавтра эвакуируюсь, хватило бы для меня, но это не будет. Не будет эвакуации, и все же какая-то тайная надежда в глубине моей души. Если бы не она, я бы воровал, грабил, я не знаю, до чего дошел бы. Только до одного я бы не дошел - не изменил бы. Это я знаю твердо. А до всего остального... Больше не могу писать - застыла рука.

29 ноября. (...) Меня поражает перемена в поведении Анфисы Николаевны. Так, например, вчера она дала нам тарелку пшеничной каши и блюдце сухарей, не взяв за это ничего. Часто приносила из столовой треста какао, теперь оно исчезло. Сегодня я ей достал повидла, она дала мне за это грамм 50 его. В общем, я сейчас серьезно чувствую ее помощь. Если бы мы прожили еще полгода вместе, быть может, мы бы совсем подружались с нею. Впрочем, кто ее знает?... Ведь факт остается фактом, что на днях ее в Ленинграде уже не будет. Время позднее. Вечер. Покушали киселя из картофельной муки с повидлом, что я сегодня достал, и сухарей, что дала Анфиса Николаевна, тоже с повидлом.

Завтра Ира получает по карточке 250 г печенья. Сколько, а! Ну что ж, пусть поест их. Пусть...

Сегодня мама сказала, что ей подано заявление на разрешение о вылете. Что выйдет - неизвестно. Надеюсь на лучшее... (...)

30 ноября. У мамы настроение явно эвакуационное. Вчера она много толковала об эвакуации с Анфисой Николаевной. Та ей дала, вернее, пообещала дать адрес своих родителей, живущих у Златоуста. Хотя это и не хлебный район, но голод там, вероятно, все же не такой, как здесь. Но все зависит от резолюции, которую поставят на мамино заявление. Это ясно. Ответ должен быть самое позднее через неделю.

Анфиса Николаевна дает нам каждый день штук восемь сухарей, сегодня дала кусок конины и бутылку растительного масла. Спасибо ей за это все. (...)

Итак, начинается разгром Германии. И под Москвой, и под Ростовом, и под Ленинградом. Чтобы поскорее лопнула бы эта фашистская свинья, черт бы ее побрал! Но когда она лопнет, то от нее повеет такой смрадный дым, что никого в живых не останется.

Завтра надо идти в школу. Обязательно. Если дело коснется эвакуации, то меня выпустят из города лишь в случае, если я буду учащимся. Поэтому необходимо посещать школу.

Как бы я сейчас поел хлеба... Хлеба... Хлеба...

1 декабря. Наступил новый месяц. Настала новая декада. Пишу утром. Сегодня был в школе в 8 ч. утра. Мне сказали, что с сегодняшнего дня занятия в школах начинаются с 10 часов, а пуск в школу без двадцати 10. Я пошел домой. Зашел в столовку треста. Там горячий чай с шоколадной конфеткой. На конфетку отрезают 10 г кондитерских изделий. Пошел домой. В половине десятого хотел идти в школу, но дали тревогу. Сейчас, когда я это пишу, тревога продолжается, 10 часов уже, наверное, было.

Я сейчас так дорожу своей энергией, что для меня представляется важным даже решение сходить по коридору в столовую. Во всем теле чувствуется слабость. Ноги тяжелые, коленки слабые, тяжело подняться со стула, во всем теле слабость. И часов до 6-7 вечера, вероятно, не придется ничего есть. Дома масло мама запрятала, я его поискал и не нашел, а сырую конину есть не могу. Если тревога продолжится еще часа 2, в школу не пойду. Какой смысл? А впрочем, следовало бы. Захватчу с собой лишь часть учебников.

Значит, немцы теперь будут начинать налеты с 10 часов утра, вернее, с половины десятого. А в школу мне надо выходить точно в такое же время. Как быть?

Хочу все же подытожить, чему научил меня ноябрь месяц и чем отличается 30 ноября от 30 октября. (...) Если эвакуация 30 октября казалась чем-то отвлеченным мне, то сейчас это вопрос недели... Итак, за истекший месяц можно сказать, что этот месяц, месяц страданий и слез, семейных ссор и голода, вымотал из меня половину тех сил, которые были у меня перед ним. Я ни разу не наелся досыта за весь этот месяц. Не прошло ни одного дня без того, чтобы не было бомбежки и артиллерийских обстрелов, не было ни одного дня, не омраченного, кроме голода, страхом за свою и мамину с Ириной жизнь. (...)

2 декабря. Что за пытку устраивают мне по вечерам мама с Ирой?.. За столом Ира ест нарочито долго, чтобы не только достигнуть удовольствия от еды, но еще для того, чтобы чувствовать, что она вот ест, а остальные, кто уже съел, сидят и смотрят на нее голодными глазами. Мама съедает всегда первой и затем понемножку берет у каждого из нас. При дележке хлеба Ира поднимает слезы, если мой кусочек на полграмма весит больше ее. Ира всегда с мамой. Я с мамой бываю лишь вечером и вижу ее утром. Быть может, и поэтому Ира всегда правая сторона... Я, по всей видимости, эгоист, как мне и говорила мама. Но я помню, как был дружен с Вовкой Шмайловым, как тогда я не разбирался, что его, а что мое, и как тогда мама, на этот раз мама сама, была эгоисткой. Она не давала Вовке книг, которых у меня было по две, и т. д. Почему же с тех пор она хотела так направить мой характер? И сейчас еще не поздно его переломить...

Я раньше должен был съесть 2 или 3 обеда в столовках за день плюс еще сытный ужин да завтрак, да так, подзакусить, чтобы быть сытым день. А сейчас я удовлетворяюсь 100 г печенья утром, ничем днем и вечером тарелкой супа или похлебки. Кроме того, вода. Вода под названием чай, кофе, суп, просто вода. Вот мое меню.

А насчет эвакуации опять все заглохло. Почти. Мама боится уже ехать. «Приедешь, - говорит она, - в незнакомый край...» - и т. д. и т. п.

3 декабря. Заболела мама. Сегодня она не вышла и на работу. Температура, ломит кости, тяжесть в ногах... Не водянка ли? И так тяжело, а... Больше ничего не могу писать. Такое упадочное настроение. Сажу в кухне, трещат дрова в печке, а на сундуке рядом лежит больная мать... Боже мой!

По сводке Тихвин взят немцами. Севастополь продолжает обороняться.

Мама больна, Ира - ребенок, от Тины ничего нет, неизвестен и ее адрес, я изнемогаю, изнурен, еле держусь на ногах... Что-то будет дальше?..

4 декабря. Весь день в работе. Встал рано, обегал булочные, достал сахарного печенья, затем ходил на ул. Правды в поликлинику, хотел вызвать врача для мамы - не тот участок, к которому мы принадлежим. Пришлось съездить еще на пер. Матянина, в другую поликлинику. Затем опять очередь, колка дров, страдания.

Мама уволена из обкома (в связи с ожидавшейся эвакуацией). Насчет ее эвакуации и теплой одежды. (...) Лежит больная. Врач, приходивший к ней, нашел у мамы грипп, сердечную слабость, откуда опухоль на ногах, боли в боках и т. д. Лечение - питание. А его нет. Итак, мама слегла, у нее тяжелая болезнь, она лишена работы; возможно, что эвакуация пешком будет, но маме с ее опухшими ногами и болезнью, Ире с ее малой силой, мне со всеми остальными заботами о них и о себе, людям с 60-килограммовым, если не больше, багажом, не пройти далекого трехсоткилометрового снежного пути, не пробыть месяца в дороге... И вот финиш всей нашей жизни: замерзшие в дороге и оставшиеся больными в какой-нибудь захолустной больнице или истощенные ежедневным голодом, опухшие, еле плачущие свое ставшее жалким существование... (...)

5 декабря. Мама права, надо верить всегда в лучшее. Сейчас надо верить, что мы эвакуируемся. Так должно быть. И будет. Хотя мама еле ходит - она поправится, хотя Ира жалуется на боли в левом боку - пройдет. Хотя я и мама не обуты, у нас нет валенок и теплых вещей - мы вырвемся из этого голодного плена - Ленинграда. Но сейчас уже вечер, идет тревога, бьют зенитки, рвутся бомбы... Разыгрывается жутчайшая лотерея, где выигрыш для человека - жизнь, а проигрыш - смерть. Такова жизнь. И-вы завтра не уезжают. Они уедут на днях. Счастливые люди...

Голод. Жестокий голод!

Понемногу, мало-помалу передо мной встает образ Анфисы Николаевны. Из ее ссор с мужем, во время которых оба раскрывают часть своей жизни, из разговоров с ними, а теперь из глубины души исходившего горестного рассказа И-ва несколько встал из тумана передо мной этот образ.

Анфисе Николаевне 27 лет. 14-ти лет она уже любила, вернее, была любовницей какого-то грубого человека, который силой и грубостью

приучил ее еще тогда к алкоголю. С тех пор она уже не могла оторваться от вина, водки и т. д. С ней были горячки, она валялась пьяная под заббором... Но она была дьявольски красива и обворожительна в трезвом виде. Такой, по всей видимости, встречает ее И-в. Он бросает для нее свою прежнюю жену и дочь, получая письмо, в котором она умоляет его под влиянием какого-то обновления «вырвать ее из этой грязной ямы», жениться на ней. И вот жизнь для нее наступает новая. Муж получает 2000 р. в месяц, жена тратит по 40 р. в день. Езда по санаториям, всевозможные попытки отучить жену от пьянства, ссоры из-за денег... И. сам по себе человек немного неуравновешенный, когда-то он был даже в психиатрической больнице. А жена часто оставляла его перед зарплатой совершенно без денег, пропивая их. Но вместе с тем Анфиса несомненно человек, который в трезвом виде изумителен по характеру. Возможно, что это, конечно, притворство, но все-таки... Во всяком случае, Анфиса Николаевна - это очень трудный по раскрытию характера человек.

6 декабря. 11 часов утра. И-вы не уехали. Отъезд их отложили на 2-3 дня. Мама с Ирой отправились в обком. Маме теперь нужно хлопотать о многом. Разрешение на выезд, вылет на самолете или присоединение к партии И-ва, теплая одежда для мамы и бурки мне, приделать замок на дверь. Но у мамы уже совсем мало энергии. Для энергии нужна еда. Еда прежде всего. Она - источник единственный энергии в организме.

Конечный пункт эвакуации у мамы намечен. Это Барнаул, его окрестности. Все дело лишь сводится вообще-то к двум вещам: как ехать и в чем ехать. Тураносова должна была вылететь сегодня утром. Ответ из Смольного, наверное, еще не получен. Это плохо. Хорошо бы, если б нас приписали к группе И-ва.

Маме еще предстоят две трудности. Первая - это обеспечить финансовое наше положение за счет обкома и продажи некоторых вещей, а вторая - договориться насчет увольнения, что гораздо проще.

Итак, задержка из-за теплых вещей - раз и из-за способа эвакуации - два. Но еще главный вопрос - это еда. Без нее нам не двинуть ног... Мы можем продержаться лишь до числа 13, 14, не позже, или до числа 9, 10...

Анфиса Николаевна дала нам вчера граммов 300 гороха, думая, что сегодня уедет. Вот дала бы граммов 800-900!

Мне предстоят еще очень большие трудности. Очиститься от вшей, сходить в баню, в парикмахерскую, убрать книги, достать дрова, выкупить продукты, свести концы со школой. Чувствую, что уже очень недол-

го осталось мне до того дня, когда я надорвусь и слягу. Но если я слягу, то уж слягу. (...)

7 декабря. (...) Эта декада будет решающей для нашей судьбы... Главнейшие задачи, которые следует разрешить, это в чем ехать и с кем ехать. Эх, если бы я хоть раза два подряд покушал досыта! А то откуда мне взять энергию и силу для всех тех трудностей, что предстоят впереди... Мама опять больна. Сегодня спала всего-навсего три часа, с трех до шести утра. Мне просто было бы необходимо сейчас съездить к Тураносовой за обещанной теплой одеждой. Но такой мороз на улице, такая усталость в теле, что я боюсь даже выйти из дома.

Начал вести я дневник в начале лета, а уже зима. Ну разве я ожидал, что из моего дневника выйдет что-либо подобное?

А я начинаю поднакоплять деньжонки. Сейчас уже обладаю 56 рублями наличности, о наличии которых у меня ведаю один лишь я. Плита затухла, и в кухне мало-помалу воцаряется холод. Надо надевать пальто, чтобы не замерзнуть. А еще хочу ехать в Сибирь! Но я чувствую, что дай мне поесть - и с меня сойдет вся меланхолия, все уныние, слетит усталость, развяжется язык, и я стану человеком, а не подобием его... (...)

Сейчас я похудел примерно килограммов на 10-15, не больше. Быть может, еще меньше, но тогда уже за счет чрезмерного потребления воды. Когда-то раньше мне хватало полтора стакана чая утром, но сейчас не хватает шести.

8 декабря. А сегодня... сегодня я потерял карточку на масло Сухарева, ту самую, которую мама нелегально себе присвоила на первую декаду. И вот... что теперь делать? Боюсь, смертельно боюсь, что вся эта история с присвоением карточки Сухарева всплывет, и тогда... Жизнь моя обрушится, так же как и жизни мамы и Иры... Я ее потерял - точно знаю - в столовке треста. Быть может, оставил в руках у буфетчицы. Только бы дело не пошло дальше... Только бы... Не знаю, говорить ли с мамой на эту тему. Если у мамы хорошее будет настроение - это мало очевидно, - то поговорю, если нет - об утере умолчу.

Боль, жестокая боль во мне от этой карточки!.. Больше ни о чем не могу и думать.

И еще финал (возможный): карточка оказывается потерянной дома и ее находит Анфиса Николаевна. У нее становится ясный вопрос: как к нам (больше не к кому) могла попасть эта карточка? Обращает внимание на печать - обком союза!.. А эта печать хранилась до последних чисел у

мамы. Доводит обо всем до сведения Николая Матвеевича, тот дознается, кто такой Сухарев, - и вот мама идет в трибунал, а там изгнание из партии, расстрел и т. п.

Сейчас три часа дня, а мама ушла на работу в девять утра. Чем-то она занята? Неужели ни на шаг этот день не подвинет к нам эвакуацию? Ехать, ехать, ехать! Насущный вопрос. Теплая одежда, без теплой одежды никуда не выедешь.

9 декабря. Карточка нашлась у мамы. Я по ней вчера выкупил 200 г сметаны. Вчера и съели. Да, сегодня еще вот подъели вчерашние 100 г жира да дай бог, чтобы 15 г осталось.

Вчера мама достала и принесла два ватника и теплых штанов. Очередь за валенками. (...)

Обком выдал маме на эвакуацию денег. Вчера мы считали деньги, у нас наличностью было 1300 с лишним рублей. С 10 декабря мама лишается работы. Я думаю, что если бы был положительный ответ из Смольного, то я бы был так счастлив, как никогда. Этот ответ должен быть, обязан быть, он будет, потому что... да и как ему не быть?! «Кто хочет - тот добьется, кто ищет - тот всегда найдет!»

Хорошо бы улететь 12-го. 11-го выкупить все конфеты на новую декаду и улететь, грызя их. Пожалуй, тогда у меня даже воспоминания об этой жуткой голодовке как-то смягчатся. А ведь что со мной было? Ел kota, воровал ложкой из котелков Анфисы Николаевны, утаскивал лишнюю кроху у мамы и Иры, обманывал порой их, замерзал в бесконечных очередях, ругался и дрался у дверей магазинов за право пойти и получить 100 г масла... Я зарастал грязью, разводил кучу вшей, у меня не хватало энергии от истощения, чтобы встать со стула, - это была для меня такая огромная тяжесть! Непрерывная бомбежка и обстрелы, дежурства на школьных чердаках, споры и сцены дома с дележом продуктов... Я осознал цену хлебной крошки, которые подбирал пальцем по столу, и я понял, хотя, быть может, и не до конца, свой грубый эгоистичный характер. «Горбатого одна могила исправит» - говорит пословица. Неужели я не исправлю своего характера? (...)

10 декабря. Декада к концу. А дела наши с эвакуацией... Вопрос все еще остается открытым. Как это мучительно! Знаешь, что с каждым днем твои силы иссякают, что ты изнемогаешь от недоедания день ото дня все больше и больше, и дорога к смерти, голодной смерти, идет параболой с обратного ее конца, что чем дальше, тем быстрее становится этот процесс

медленного умирания... Вчера в очереди в столовой рассказывала одна гражданка, что у нас в доме уже пять человек умерло с голода... А самолеты летят до Вологды... Каждому прибывающему дается целых 800 г хлеба и еще сколько угодно по коммерческой цене. И масло, и суп, и каша, и обед... Обед, состоящий не из жидкости, а из твердых тел, именуемых: каша, хлеб, картофель, овощи... Какой это контраст с нашим Ленинградом! Вырваться бы из этих чудовищных объятий смертельного голода, вырваться бы из-под вечного страха за свою жизнь, начать бы новую мирную жизнь где-нибудь в небольшой деревушке среди природы... забыть пережитые страдания... Вот она, моя мечта на сегодня. (...)

Несчастья не закалили, а только ослабили меня, а сам характер у меня оказался эгоистичным. Но я чувствую, что сломать мне сейчас свой характер не под силу. Только бы начать! Завтра, если все будет, как сегодня утром, я должен был бы принести все пряники домой, но ведь я не утерплю и хотя бы четверть пряника да съем. Вот в чем проявляется мой эгоизм. Однако попробую принести все. Все! Все! Все!!! Все!!! Ладно, пусть уж если я скачусь к голодной смерти, к опухольям, к водянке, но будет у меня мысль, что я поступил честно, что у меня есть воля. Завтра я должен показать себе эту волю. Не взять ни кусочка из того, что я куплю! Ни кусочка! Если эвакуации не будет - у меня живет-таки надежда на эвакуацию, - я должен буду суметь продержаться маму и Иру. Выход будет один - идти санитаром в госпиталь. Впрочем, у меня уже созрел план. Мама идет в какой-нибудь организующийся госпиталь библиотекарем, а я ей в помощники или как культработник. Ира будет при нас. (...)

...У меня такое скверное настроение и вчера и сегодня. Сегодня на самую малость не сдержал своего честного слова - взял полконфетки из купленных, а также граммов 40 из 200 кураги. Но насчет кураги я честного слова не давал, а вот насчет полконфеты... Съел я ее и такую боль в душе почувствовал, что выплюнул бы съеденную крошку вон, да не выплюнешь... И кусочек маленький-маленький шоколада тоже съел... Ну что я за человек! У мамы вчера сильно распухла нога, с эвакуацией вопрос открытый, в списки треста № 16 маму включить нельзя, одна надежда на Смольный. Смольный даст нам троим, маме, мне и Ирине, жизнь или смерть. У нас после сегодняшнего дня осталось только 200-300 г крупы на вторую декаду да 300 г мяса. Конфет тоже всего 650 г, правда, еще сахара Ирине 200 г должны получить. У мамы ее карточка уже полуиспользована на 2-ю декаду, в запасе лишь Иринуна (150 г) да моя -180 г. А внешние

мы готовимся к эвакуации, собираем вещи, приготавливаемся... (...)

Через две декады Новый год. Где-то будем мы, что будет с нами? В эту новогоднюю ночь осиротеют новогодние игрушки в диване, не будет для них елки, негде им будет показаться во всем своем блеске и наряде. Не до елки будет каждому человеку в Ленинграде в эту ночь. Как сон мы вспомним, если будем живы, прошлогодние рождественские вечера, елки с горящими свечами, обильный пряностями, закусками и другими сладостями ужин, какой всегда имел место на 1 января... Может быть, а впрочем, что загадывать наперед, что с тобой может случиться?.. Как проведет эту ночь Тина? Где будут ее мысли ровно в 12 часов ночи 31 декабря 1941 года, когда сорвется последний листок календаря и откроется новый чистый свежий календарь 1942 года?.. Время летит, летит... (...)

Страницы моего дневника подходят к концу. Кажется, что сам дневник определяет мне время своего ведения... (...)

12 декабря (продолжение). (...) 5 часов вечера, а мамы нет. Значит, это что-то плохое. Либо дело с карточкой всплыло, маму, быть может, даже задержали в бюро, либо с мамой произошел какой-нибудь несчастный случай, быть может, она сейчас уже в больнице или даже морге... Чем не играет судьба?..

И все это из-за карточки. А почему мама взяла эту карточку? Из-за меня, из-за моего голодного вида. Это я толкнул ее на преступление, я виновник смерти, быть может, или же будущей нищенской жизни мамы и Иры, горя Тины, не говоря уж о зле, причиненном самому себе. Я виновник всего этого! Если бы я не впадал в меланхолию, уныние, было бы не то. Под моим влиянием мама пошла на преступление, я должен перенять кару с нее на себя. Если и это не выйдет, если я погубил все наши жизни, я лишу себя жизни, я должен и могу это сделать. Пойти добровольцем в ополчение и хоть на фронте сделать доброе дело, погибнуть за родину. Погибнуть, не забыть отдать свой долг. «Любишь кататься - люби и саночки возить», «Что посеешь, то и пожнешь».

Если история с карточкой вышла, то я отправлю Тине следующую телеграмму-молнию: «При смерти. Помощь не нужна. Забудь нас. Юра». Но я так писал бы, коли был один. А ведь Ира. Наконец, мало ведь как можно испортить всю их жизнь? Умереть-то легко, а вот поставить Иру на истинный путь!.. Пишешь и чуть не плачешь. Вчера мама говорит: «У меня вся надежда на бога. Вот я и коммунистка, а в бога верую. И Ира тоже». Но на бога надейся, а сам не плошай. И все-таки я чувствую, что,

пожалуй, я тоже становлюсь религиозен, смотрю на икону и моллю бога, чтобы отвлечь от нас это несчастье.

А мамы нет и нет... Шестой ведь уже час вечера, ушла и вот до сих пор нету... А сегодня как раз артобстрел был где-то... (...)

13, 14 декабря. Пишу за два дня, что редко со мной теперь случается. Полдня провалился в постели, вечером сходил в магазин и купил 6 плиток какао с сахаром из сои по 30 р. (пачка - 100 г) да еще 300 г сыру по 19 р. кг. По дороге домой случилось несчастье, так что я вернулся домой, имея при себе лишь 350 г какао да сыр. Была сцена с мамой и Ирой. Мама, вернувшись из райкома, сообщила, что мы занесены в список эвакуирующихся на автомашинах в колонну Наркомстроя, которая по обещанию райкома да райсовета пойдет 15-20 декабря. Завтра как будто еще решится о самолете. Дома еды нет никакой, кроме 100 г хлеба, которые мама выменяла на пачку табаку. (...)

15 декабря. Каждый прожитый мною здесь день приближает меня к самоубийству. Действительно, выхода нет. Тупик, я не могу дальше продолжать так жить. Голод. Страшный голод. Опять замолкло все об эвакуации. Становится тяжело жить. Жить, не зная для чего, жить, влачить свою жизнь в голоде и холоде. Морозы до 25-30° пробирают в 10 минут и валенки. Не могу... Рядом мама с Ирой. Я не могу отбирать от них их кусок хлеба. Не могу, ибо знаю, что такое сейчас даже хлебная крошка. Но я вижу, что они делятся со мной, и я, сволочь, тяну у них исподтишка последнее. А до чего они доведены, если мама вчера со слезами на глазах говорила мне, что она искренне желала бы мне подавиться уворованным у нее с Ирой довеском хлеба в 10-15 грамм. Какой страшный голод! Я чувствую, знаю, что вот предложи мне кто-нибудь смертельный яд, смерть от которого приходит без мучений, во сне, я взял и принял бы его. Я хочу жить, но так жить я не могу! Но я хочу жить! Так что же?

Ну вот и все... Я потерял свою честность, веру в нее, я постиг свой удел. Два дня тому назад я был послан за конфетами. Мало того что я вместо конфет купил какао с сахаром (расчет на то, что Ира его есть не станет и увеличится моя доля), я еще половину «всего» - каких-то 600 г полагалось нам на всю декаду - присвоил, выдумал рассказ, как у меня три пачки какао выхватили из рук, разыграл дома комедию со слезами и дал маме честное пионерское слово, что ни одной пачки какао себе я не брал... А затем, смотря зачерствелым сердцем на мамины слезы и горе, что она лишена сладкого, я потихоньку ел какао. Сегодня, возвращаясь

из булочной, я отнял, взял довесок хлеба от мамы и Иры граммов в 25 и также укромно съел. Сейчас в столовой я съел тарелку супа с крабами, бичочки с гарниром и полторы порции киселя, а домой маме и Ире принес только полторы порции киселя и из них еще часть взял себе дома.

Я скатился в пропасть, названную распущенностью, полнейшим отсутствием совести, бесчестьем и позором. Я недостойный сын своей матери и недостойный брат своей сестры. Я эгоист, человек, в тяжкую минуту забывающий всех своих близких и родных. И в то же время, когда я делаю так, мама выбивается из сил. С опухшими ногами, с больным сердцем, в легкой обуви по морозу, без кусочка хлеба за день она бегает по учреждениям, делает самые жалкие потуги, стараясь вырвать нас отсюда. Я потерял веру в эвакуацию. Она исчезла для меня. Весь мир для меня заменился едой. Все остальное создано для еды, для ее добывания, получения...

Я погибший человек. Жизнь для меня кончена. То, что предстоит мне впереди, то не жизнь, я хотел бы сейчас две вещи: умереть самому, сейчас, а этот дневник пусть прочла бы мама. Пусть она прокляла бы меня, грязное, бесчувственное и лицемерное животное, пусть бы отреклась от меня - я слишком пал, слишком...

Что будет дальше? Неужели смерть не возьмет меня? Но я хотел бы быстрой, не мучительной смерти, не голодной, что стала кровавым призраком так близко впереди.

Такая тоска, совестно, жалко смотреть на Иру... Неужели я покончу с собой, неужели?

Есть! Еды!

24 декабря. Не писал я уже много дней. 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23. Целых 8 дней рука не брала в руку перо.

Со мной произошли перемены. Появилось что-то хорошее, как мне кажется, в моем характере. Поворот этому дала потеря мною Ириной карточки на сахар. О, как я тогда подло поступил с мамой и Ирой. Заезавался в магазине и потерял 200 г сахара, 100 г шоколада для Иры и мамы и 150 г конфет. Я хочу перемениться, хочу выковать из себя иной характер, но я чувствую, что без поддержки мамы и Иры мне не протянуть на моей честной новой жизни. Пусть бы они как-нибудь сглаживали, ну, дальше я не могу просто выразиться. Сегодня я в первый раз за много уже дней принес домой полностью все конфеты, выкупленные в столовой, делюсь с Ирой и мамой хлебом, хотя иной раз еще украдкой стяну крошку. Но

сегодня я почувствовал к себе такое теплое обращение от мамы и Иры, когда они взяли и отделили мне от своих конфеток: мама - четверть конфетки (впрочем, потом опять взяла себе), а Ира - половину конфетки за то, что я ходил за пряниками и конфетами и лепешками из дуранды в столовую, что я чуть было не расплакался. Это люди, те люди, которых я так обманывал раньше и которые знают теперь про мои прошлые обманы! Да, чего только не может сделать хорошее обращение! Но затем... та же мама у меня взяла пряник, пообещав лишнюю конфету (а лишнюю конфетку получила сама), а та же Ира плакала, что мама дала и ей и мне одинаково по конфетке, а я потом еще Ире от своей конфетки дал, так что конфеток-то Ира съела больше. Правда, сегодня мой грех: утаил от мамы и Иры один пряник... Ну... это вот плохо.

Маме что-то обещают в райкоме, что ее эвакуируют 28/ХП... Сейчас мама пошла в райком насчет этого дела, если эвакуация будет отложена на 1 января, мы погибли, т. к. у нас осталось только талонов на два дня, еле-еле на три. Не больше. Мамино здоровье все более ухудшается. Опухоль у нее идет уже к бедру. Я завшивел окончательно... Я и Ира немного опухли на лицо. Сегодня кончили конфеты. Завтра - крупу. Послезавтра - мясо и масло. А затем, затем...

Тихая грусть, гнетущая. Тяжело и больно. Печаль и тяжкая безотрад-ная скорбь. Может быть, и еще что. Только вспоминаются дни, вечера, проводимые здесь, когда я выхожу из кухни в нашу квартиру. В кухне есть еще какой-то мираж нашей прошлой довоенной жизни. Политическая карта Европы на стене, домашняя утварь, раскрытая порой для чтения книга на столе, ходики на стене, тепло от плиты, когда она топится... Но мне хочется обойти опять всю квартиру. Надеваешь ватник, шапку, за-поясываешься, натягиваешь варежки на руки и открываешь дверь в коридор. Здесь мороз. Из рта идут густые клубы пара, холод забирается под воротник, поневоле поеживаешься. Коридор пуст. Один на другом стоят поставленные Анфисой Николаевной четыре стула ее, да у стенки поставлены доски от расколотого на дрова шкафа. У нас было 3 комна-ты. Сейчас вправе назвать себя владельцами лишь двух из них. Крайняя к кухне занята И-выми. О них нечего говорить. Весело топится у них в ком-нате буржуйка, вкусный запах идет из-под их дверей, счастьем, чувством сытости светятся лица жильцов этой квартиры. И рядом... пустая комна-та, оклеенная коричневыми обоями; окно разбито, гуляет холодный ве-тер с улицы, голый дубовый стол у стены и голая этажерка в углу. Пыль и

паутина по стенам... Что это? Это бывшая столовая, место веселья, место учебы, место отдыха для нас. Здесь когда-то (это кажется давным-давно) стояли диван, буфет, стулья, на столе стоял недоеденный обед, на этажерке книги, а я лежал на диване и читал «Трех мушкетеров», закусывая их булкой с маслом и сыром или грызя шоколад. В комнате стояла жара, а я, «всегда довольный сам собой, своим обедом и...», последнего у меня не было, но зато были игры, книги, журналы, шахматы, кино... а я переживал, что не пошел в театр или еще что-нибудь, как часто оставлял себя без обеда до вечера, предпочитая волейбол и товарищей... И, наконец, как ково вспоминать ленинградский Дворец пионеров, его вечера, читальню, игры, исторический клуб, шахматный клуб, десерт в его столовой, концерты, балы... Это было счастье, которое я даже не подозревал - счастье жить в СССР, в мирное время, счастье иметь заботившуюся о тебе мать, тетю, знать, что будущего у тебя никто не отымет. Это - счастье. И следующая комната - мрачная, унылая полутемная клетка, загруженная всяким добром, что осталось у нас. Стоит комод, разобранные кровати, два письменных стола один на другом, диван, все в пыли, все закрыто, упаковано, лежать тут хоть тысячу лет...

Холод, холод выгоняет нас и из этой комнаты. Но когда-то здесь была плитка, на ней жарился омлет, сосиски, варился суп, за столом сидела мама и долго ночами работала при свете настольной лампы...

Здесь, бывало, вертелся патефон, раздавался веселый смех, ставилась огромная, до потолка елка, зажигались свечи, приезжала Тина, приходил Мишка, на столе лежали груды бутербродов (с чем их только не было!), на елке висели десятки конфет, пряников (никто их не ел), чего только не было! А ныне здесь пусто (кажется, что так), холодно, темно, и незачем мне заглядывать в эту комнату. (...)

3 января. Чуть ли не последняя запись в дневнике. Боюсь, что и она-то... и дневник-то этот не придется мне закончить, чтобы на последней странице написать слово «конец». Уже кто-нибудь другой запишет его словами «смерть». А я хочу так страстно жить, верить, чувствовать! Но... эвакуация будет лишь весной, когда пойдут поезда по Северной дороге, а до весны мне не дожить. Я опух, каждая клетка моей ткани содержит воды больше, чем нужно. Распухли все, следовательно, внутренние органы. Мне лень передвинуться, лень встать со стула, пройти. Но это все от избытка воды, недостатка еды. Все жидкое, жидкое, жидкое... И опух. Мама порвала со мной с Ирой. Они оставят меня, у мамы уж такая сейчас стала

нервная система, что она готова позабыться, и тогда... Как это уже бывало, как она мне каждый день говорит, тогда она с Ирой как-нибудь выберутся отсюда, но не выбраться мне. Какой из меня работник? Какой из меня ученик? Ну, проработаю я, проучусь неделю, а там и протяну ноги... Неужели это так и будет? Смерть, смерть прямо в глаза. И деться от нее некуда. В больницу идти - я весь обовшивел... что мне делать, о господи? Я ведь умру, умру, а так хочется жить, уехать, жить, жить!.. Но, быть может, хоть останется жить Ира. Ох, как нехорошо на сердце... Мама сейчас такая грубая, бьет порой меня, и ругань от нее я слышу на каждом шагу. Но я не сержусь на нее за это, я - паразит, висящий на ее и Ириной шее. Да, смерть, смерть впереди. И нет никакой надежды, лишь только страх, что заставишь погибнуть с собой и родную мать, и родную сестру.

4 января. (...) Только какой-то именно, только бог, если такой есть, может дать нам избавление. Пусть он спасет нас теперь, никогда, никогда не придется мне уж обманывать мать, никогда не придется мне порочить свое чистое имя, оно опять станет у меня священным, о, только бы нам была дарована эвакуация, сейчас! А я клянусь всею своей жизнью, что навечно покончу со своей гнусной обманщицкой жизнью, начну честную и трудовую жизнь в какой-нибудь деревне, подарю маме счастливую золотую старость. Только вера в бога, только вера в то, что удача не оставит меня и нас троих завтра, вера на ответ Пашина в райкоме - «ехать» - только это ставит меня на ноги. Если бы не это, я погиб. Но я хочу остаться, вернее, хотел бы, да не могу... Только завтрашний отъезд... Я сумею отплатить хорошим по отношению к Ире и к маме. Господи, только спаси меня, даруй мне эвакуацию, спаси всех нас троих, и маму, и Иру, и меня!..

6 января. Я совсем почти не могу ни ходить, ни работать. Почти полное отсутствие сил. Мама еле тоже ходит - я уж себе даже представить этого не могу, как она ходит. Теперь она часто меня бьет, ругает, кричит, с ней происходят бурные нервные припадки, она не может вынести моего никудышного вида - вида слабого от недостатка сил, голодающего, измученного человека, который еле передвигается с места на место, мешает и «притворяется» больным и бессильным. Но я ведь не симулирую свое бессилие. Нет! Это не притворство, силы (...) из меня уходят, уходят, плывут... А время тянется, тянется, и длинно, долго!.. О господи, что со мной происходит?

ДНЕВНИК
ЛЕРЫ
ИГОЩЕВОЙ

...В блокадном городе живёт девочка Лера, ей 14 лет. Её подругу - из этого же подъезда, дочку домоуправа - зовут Ниной. «Однажды через Нину нам с мамой предлагают продать за хлеб мою книжную полку и коврик над кроватью, причём этот кто-то жестоко торгуется, даёт низкую цену...» Игошевы продают. Приехав спустя годы после войны в Ленинград, Лера, уже Троценко по мужу, заходит в гости к повзрослевшей Нине и видит в комнате свою полочку и свой коврик...

В тот момент «в душе что-то отвалилось». Потрясло даже не то, что мама-управдом и дочь жили на карточки «мёртвых душ», а то, что при этом они ещё торговались - со своими же... «Пусть это останется на их совести», - говорит уже сегодня Валерия Николаевна, жительница Владивостока.

Вместе с мамой она эвакуировалась в 1942 году по Дороге жизни, поступила в Онежскую военную флотилию, затем во фронтовой госпиталь. Закончила математический факультет Ленинградского университета и более полувека преподавала математику в Политехническом институте на Дальнем Востоке.

Но и совесть Леры болит, болит до сих пор. Её мама тоже работала в домоуправлении бухгалтером, и у Игошевых также появлялись дополнительные карточки. «Я пытаюсь успокоить свою совесть тем, что мы не только не приобретали вещи за добавочный хлеб, а это был мизер, который не спас папу от голодной смерти». «Мама» и «Папа» в дневнике Леры - всегда с большой буквы.

Дневник Леры Игошевой, который она спасала от воздушных тревог, унося с собой в убежище в кармане, пришитом к изнанке пальто, дневник, в котором описывает, как семья, не глядя друг другу в глаза, ест кошку... а спустя несколько дней ест другую уже почти спокойно, этот дневник несколько лет назад издала небольшим тиражом дочь Татьяна. Сейчас он в нашей книге.

12 августа 1941 года. (...) Это было 22 июня утром в Москве. Мы: я, Мама и Папа, а также дядя Паля с семьей - мирно завтракали в столовой, собираясь затем все вместе идти гулять. Около одиннадцати часов передали, что скоро будет транслироваться по радио речь В. М. Молотова. Мы очень удивились и приготовились к неожиданности. Но она превзошла все ожидания. В своей речи Вячеслав Михайлович сказал, что Германия без объявления войны напала на СССР в 4 часа утра 22 июня.

С этого момента все и пошло кувыркком. Мы быстро собрались и в ту же ночь выехали в Ленинград, т. к. Папе надо было явиться в военкомат.

31 августа 1941 года. (...) Но время теперь такое тяжелое, люди нервные, раздражительные, и мне вдруг стало казаться, что Мама и Папа совсем не любят меня. Они часто сердились, и я, в конце концов, стала чувствовать, что не люблю их. Недавно Папу взяли на окопы, а у нас с Мамой произошло «объяснение». Поругавшись с ней, я, немножко, правда, театрально и надуманно, сказала: «Ты думаешь, я люблю тебя?.. А любить-то ещё так хочется...» Это произвело на Маму, да и на меня большое впечатление, я заплакала, и мы потом помирились. Я немного успокоилась, и стало лучше. Еще опишу один случай. Я потеряла талоны от карточек на 200 г мяса и 200 г сахара. Мама посердилась, и я решила не есть сахара и масла - пила пустой чай, ела простую булку. К удивлению, это было не так трудно. Я выдержала дней 8-10. Потом пришлось кончить диету, т. к. Мама стала сердиться.

Сейчас дома все благополучно. Живем с Мамой дружно, почти не ссорясь. (...)

9 сентября 1941 года. Спешу все описать.

Вчера ленинградцы получили боевое крещение. Тревога началась в 7 ч. вчера. Я, как обычно, пошла считать людей, вдруг воздух задрожал, раздались стрельба из зениток, слышались разрывы бомб вдалеке, в воздухе появились немецкие самолеты. Меня стрельба застала на лестнице, ведущей к бомбоубежищу. Я не могу определить, а тем более написать, какие чувства овладели мной. Знаю только, что ноги и руки дрожали, а сама я старалась не бояться. (...) Тревога длилась часа полтора. Вначале самолеты летели, и был бой прямо над нашей улицей, нашим двором. Все небо было усеяно мелкими белыми облачками от взрывов зенитных снарядов. Затем бой удалился от нас, выстрелы стали слабее, а издалека, со стороны Невского, но гораздо дальше, стали видны два огромных столба дыма. Дым поднимался кверху, расходился тучей, и скоро все небо по-

крылось темным облаком с краями, розовеющим от вечернего солнца. Чем-то роковым казалась эта туча. Мы, связисты и санитары, сделали все, что могли: приготовили медикаменты, помогали в убежище, «ободряли» людей, боевой службы нам пока нести не пришлось. (...)

Ну а сейчас вот я пишу в дневник. Сердце тревожно бьется при звуке, похожем на звук полета бомбы, не за себя, конечно, но бьется. Я теперь стараюсь привыкать быть спокойнее, мне не верится, что что-нибудь может со мной случиться, я теперь, пожалуй, верю в судьбу и... Сейчас схожу за завтрашним хлебом. Затем буду готовиться - сошью карман для сухариков и т. д. Не решила еще, брать ли во время тревоги с собой дневник. Пожалуй, возьму.

20 сентября 1941 года. (...) Я, Лера Игошева, в эти суровые дни, перед своим дневником торжественно обещаю, что буду энергична, выдержанна, настойчива при достижении своих целей; буду с пользой и экономно проводить время; буду вежлива, опрятна и вообще культурна; буду по возможности продолжать свое образование и буду и дальше вести этот дневник.

19 сентября 1941 года. (...) Девочки что-то говорили о том, что неплохо бы выпустить стенгазету «Боевой листок». Я тоже присоединилась к ним. Мира хотела провозгласить меня редактором. С этим я, конечно, не согласна. И вообще не знаю, выйдет ли что-нибудь из этой затеи - ведь надо привлекать кого-то взрослого, даже партийного. Но если выйдет, я буду деятельным членом - ведь это моя «профессия», мне это так нравится...

Пришел Адольф Гейн. Он теперь уже вполне «молодой человек». Теперь (по делу, конечно) он часто заходит в контору. Мне кажется, есть что-то общее между ним и Женей Д. А может быть, я это просто придумала. Какая я глупая.

Злось. Страшно дико злось. Хоть бы начали стрелять, и... Мама, словно на привязи, держит меня около себя. Я хотела сесть рядом с Миррой, а она не позволила. Нина принесла книжку и читает с Миррой.

Как глупо получается. У стола сидят девочки, беспечные, оживленные, а в проходе между кроватями торжественно восседает Ира с матерью и я со своей Мамой.

К черту. Я придумываю, как дать выход моей злости. Попытаюсь сходить к Папе на чердак.

4 октября 1941 года. (...) Теперь о дневнике. С ним получилась целая история. Я во что бы то ни стало хочу, чтобы в тревогу ночью он был со

Палу его любимые жена и дочь Лера не уберegli... И сами прошли по самой крошечке смерти.

Фото на арена В. Троицко.

мной – гораздо увереннее, приятнее себя чувствуешь. Ведь почти двух-годовой дневник мне так дорог... Я пришила его к пальто, но Мама не позволила носить, сердилась; пришлось отпороть. Потом я сшила пояс и привесила дневник около резинок. Это было довольно неудобно, а Мама опять увидела и рассердилась. Теперь я беру его с собой совсем официально – в газете ношу каждую тревогу. Мама хоть и не совсем довольна, но не спорит, мне это и надо. В крайнем случае отдам на время Нине на хранение, но этого делать очень, очень не хочется, т. к. Нина о самом существовании дневника... Однажды, когда я еще носила его в пальто, у нас произошёл большой разговор. Нина высказывала догадки, говорила, что это документы, книга, заверение в дружбе... дневник... и другое. Я отрицала все это и последнее. Что поделаешь. Я вынуждена была соврать (как соврала Майке и Каре). Нине я только сказала, что это единственное, чем я не могу поделиться даже с ней, моей подругой.

Итак, что бы ни было, дневник со мной. Это уже утешает и придает бодрость.

7 октября 1941 года. Ночь. Дежурю в конторе. 5-го, в выходной, мы с Папой кушали в «Астория». Стояли часов 6 в очереди, поели очень плохо. «Астория», «Астория»... Я первый раз была в большом ресторане и весьма разочаровалась. Мы сидели за столиком с англичанами (судя по языку). Они мне не понравились, особенно мужчины.

Мы с Папой теперь решили больше не стоять в очередях в выходной. А кто знает, может быть, и придется. Теперь такое время. С едой всё хуже. Говорят, что с 15-го опять убавят хлеб. Что будет? И положение на фронтах весьма плачевное. Немцы близко от Ленинграда. Кругом идут бои. Чем все это кончится? Мне почему-то не страшно за будущее. В городе сейчас все так плохо, что Папа делает выводы, что при немце будет не хуже, что уж некуда хуже. С этим я вовсе не согласна. Все-таки, несмотря на лишения, я сейчас свободна, могу жить, учиться... а там еще неизвестно, что будет...

Говорят, что с 15-го откроют школы. Хоть не очень верится, но надеюсь. Как хорошо было бы!..

15 октября 1941 года. (...) Сводки передают очень плачевные. Уже немцы рвутся к Москве – Калининское направление, юг весь занят (Киев, Мариуполь, Брянск и другие большие города).

Я теперь каждую ночную тревогу уношу с собой дневник. Папа, вероятно, догадывается о содержании моего «свертка в газете». Однажды он

сказал мне: «Ты сожги свой дневничок, а то придет немец, прочитает»... Я ответила что-то несвязное. Теперь часто действительно раздумываю над этими его словами. В самом деле - что делать? Жечь? - быть может, придется и сжечь, а жалко, очень жалко, ведь скоро будет уже два года. (...)

Может быть, это я сама придумала из-за своего сейчас одиночества, или действительно на меня это повлияло, но вот уже много дней, как я думаю о Фимке. Думаю, когда ложусь спать. Лежа с закрытыми глазами, я представляю его себе, вижу снова школу, вспоминаю различные случаи. Глупая, какая я глупая. Я думаю, где он сейчас, что с ним? Мне он уже несколько раз приснился, и все в таких снах, что в действительности ничего такого не может быть...

26 октября 1941 года. Получила письмо от Кары. Написала ответ. Писала о Фимке, о таком, что я никогда ей не говорила. И вот решила не отправлять этого письма. Рвать его не буду, а положу в дневник. Пусть же никто, кроме меня самой, не знает об этом.

Письмо Каре

Здравствуй, Карочка (читай только одна), здравствуй, моя милая Кариша! (...)

Кариша, ты пишешь, что часто вспоминаешь наших ребят. А я? Глупая, мне они даже снятся, и особенно почти каждую ночь снится... Кара, я никогда тебе об этом не говорила и не писала. И до сих пор еще никто, кроме меня самой, об этом не знал. Какая я сумасшедшая. Но раз ты мне говорила о многом, то... В общем, мне часто, очень часто снится Фимка. Сны, ты знаешь, всегда бывают неправдоподобные, такие и у меня. Кара, милая, только ты никому ничего не говори. И поскорее сожги это мое письмо. Может быть, ты будешь знать что-нибудь о Фимке - напиши мне. Какая я глупая - ведь это совсем не то, что у тебя, а тем более, например, у Люси - ведь Фима тоже ничего не знает. Просто ты помнишь, зимой, в феврале, ты некоторое время болела. Карочка, ты не обижайся, но это были хорошие дни.

Сейчас такое время! Кто знает, что будет со всеми нами через месяц, через год? Интересно бы заглянуть в будущее. Если бы все было нормально, как всегда. Если сидели бы мы опять с тобой за партой в нашей чудесной школе, то... Кариша, если со мной что-нибудь случится, найди его и скажи ему.

Сейчас вечер. Папа уснул на оттоманке, Мама в кухне. Я сижу за столом в большой комнате и пишу. Рядом книжка - я перечитываю «Девяно-

сто третий год» Гюго. Какая хорошая вещь. Радио выключено. У вас там, конечно, нет радио, но это вряд ли хуже... Страшно надоедает...

Я наконец закончила «Войну и мир». В целом очень мне понравилось, но я совсем не согласна с Толстым: как он пишет о Наполеоне, о Кутузове. Жалкие людишки, игрушка судьбы, ярлычки событий. Совсем не такими я их представляла раньше, да и представляю теперь. А Наташа?! Неужели таков был удел девушки того времени? Чудесная, поэтическая девушка, очень тоненькая, живая, восприимчивая и чуткая, все время привлекающая к себе симпатии, она превратилась в... ну не буду писать...

Напишу о двух вещах, которые меня сильно заняли.

Был Василий Денисович. Вчера утром, когда пили чай, он мне обо многом рассказывал. Как европейский путешественник, он говорил о Германии, говорил о годах НЭПа у нас. Он считает, что частная торговля гораздо лучше, удобнее и выгоднее. Он рассказывал, какое изобилие и дешевка бывает при ней. Говорил о немецкой честности, о жизни в Германии. В целом он считает, что если Ленинград возьмут (а это он считает неизбежным), то многое будет как до революции или как в Германии. Это он считает поворотом в лучшую сторону.

Есть над чем задуматься. Я о немцах слышала много как положительного, так и отрицательного (конечно, не по радио - радио я теперь совсем не верю). Интересно, которое оправдается на деле. Я чувствую, что не буду доверчиво относиться ни к тому, ни к другому (за это говорит моя гордость). Я не уподоблюсь Ире К. в суждениях (например, ее быстрый переход к антисемитизму), но сначала беспристрастно посмотрю.

А второе - это частые теперь раздоры у нас в семье. Правы и виноваты бывали все по очереди, но очень много сердимся и дуемся. Папа сегодня говорил, и, кажется, серьезно, что уйдет, как бы тяжело это ни было. Я не хочу принимать этого всерьез. Вспоминаю, как однажды сказала, что могу уйти, но Папа ответил: «Неужели ты уйдешь от своего Папочки...?» Мне было тогда очень стыдно. А теперь? Неужели Папа это серьезно говорит? Или ему действительно очень тяжело? Какая я часто бываю нехорошая, гадкая, злая!

Вот и сейчас пишу на дежурстве. Мама не разбудила меня, как обещала, а два часа просидела сама. Я надулась, рассердилась и заругалась на нее. Я, конечно, права, но, быть может, не следовало мне так делать? Что ж будет дальше? Так и впрямь с ума можно сойти или убежать куда-нибудь из дома. Какая я нехорошая, неблагодарная, жестокая. Но неужели я не

смогу переделаться? Ведь чувствую же я, что внутри я совсем не такая, что очень, очень хочется любить, уважать, хочется, чтобы тебя любили...

29 ноября 1941 года. Не писала больше месяца. Как много пережила и передумала я за этот месяц. Постараюсь написать все по порядку.

С 3-го по 6-е были четыре счастливых дня. Открылись школы. Очень много новых впечатлений. Я учусь в 15-й - где Нина. В школе всего 5 классов. (...) Вообще условия занятий совсем иные - тем более что помещений неповрежденных мало - кабинеты. Занимаемся в галошах, пальто висят в классе, портфель всегда с собой, в тревогу идем в убежище, в перемену сидим в классе. Все это, конечно, мешает учиться, но я рада, очень рада школе, в ней имеешь занятие. В школе же нам давали еду - суп и кисель.

Из девочек отмечу двойняшек Струнь - противных и глупых, у них очень смешные, звонкие голоса. Таня Рабинович очень неприятна на лицо. Из нашей школы, но из другого класса, Ира Лебедева, кажется, неплохая девочка. Остальные - больше «никто». Позднее пришла новенькая - девочка на вид старше 8-го класса, производит впечатление старой гимназистки, зубрилы и подлизы, но довольно ограниченной. Кажется, она знала хорошо Горлиных и переписывается с ними. Села я с Ирой. С ней более других сблизилась за это время - вместе ходили в школу, вместе учили готический шрифт, но дружбы между нами нет.

Но, увы, прошли эти счастливые дни, оставив лишь приятные воспоминания.

Бомба упала напротив школы и не разорвалась - не занимаемся. Так длится почти месяц.

У Вали 3. в бомбежку погибла мама. Бедная, что переживает Валя, что чувствует? Я вдруг почувствовала, что надо сходить к Вале. Была у нее. Быть может, некстати, но, думаю, она меня поймет.

Праздник 7 ноября прошел вяло. Был В.Д. День отмечился хорошим питанием - достали брюквы. Что же, теперь и это хорошо.

Это случилось 16-го. Прошло уже много дней, так что воспоминание не очень ярко. В наш дом, во двор, попала фугасная бомба. Упала она удачно - только одна жертва. У нас вылетели стекла и рамы. Был большой переполох, немножко страшно. Сейчас вспоминаю обо всем уже спокойно. В те дни меня брало раздумье: жили люди, имели свои важные дела, много дел, а вот упала бомба - и все собрались, и копошатся, и починяют свои жилища, забыв об всем другом, и дом шумит, словно муравейник.

Настали тяжелые дни - дни тоски, апатии и физического страдания. Жаль, что нет школы - нет цели, занятия. Все пусто и тяжело. Целые дни хожу по очередям, мерзну дома, а вечером собираемся все и готовим еду. И еще хорошо, если она есть.

Чувствуешь, что опускаешься, что бесцельно проводишь время, но что же поделаешь...

Вот тут-то и появилось у меня новое в отношениях с родителями. Я буквально влюбилась в свою Маму. Началось это в тот памятный банный день. Мы обошли 5 бань и помылись в очень плохой баньке на Гороховой. Тогда я удивлялась Маме и восхищалась ее выносливостью и умением перебороть страдание. Она еще ободряла меня, уставшую и раскисшую. И с того дня она представилась мне совсем в другом свете, чем-то вроде идеала - она и красива, и женственна, и так работоспособна. Дома она приберет все, помоеет, как простая хозяйка, а потом оденется лучше и идет на работу, как прекрасная дама. Милая Мамочка, я так полюбила тебя за это время. Как-то раз мне удалось сделать для нее все так хорошо - она пришла с дежурства иззябшая, утомленная, я встретила ее ласково, все было убрано, чай готов; она была довольна. А мне было так приятно!

Совсем иное отношение у меня к Папе. Сейчас приходится учитывать продукты, делить каждый кусочек. Невольно о Папе складывается неприятное впечатление эгоиста. Да, он очень большой эгоист во всем. Он отказывается от дежурства, хочет все как-то получше, от меня же требует беспрекословного повиновения и, в то же время, любви и простоты. Я же не могу так, не получается из меня этого папиного идеала. Часто мы спорим, и я все дальше от него отдаляюсь. С Мамой хоть тоже мы часто спорим - теперь люди очень раздражительные (по многим причинам) - но я ее так люблю, мою Мамочку...

Изменилось и отношение к подругам. Я всех чуждаюсь и отдаляюсь. (...) Я много думаю. По вечерам не могу писать - дома Мама с Папой, но в уме часто составляю длинные послания и сочинения. Вот как я начала бы одно из них: «...В мире есть царь. Этот царь беспощаден, Голод - название ему». Некрасов «Железная дорога».

Голод - одно из страшных физических страданий. Как и другие физические страдания, его нельзя передать полностью на словах или в письме - его надо испытать. Это страшное чувство: хочется есть. Хочется есть что-нибудь - хлеб, картошку, дуранду, мясо, сахар, шоколад - лишь бы есть, лишь бы побольше. Остальные чувства и мысли притупляются, думаешь

о еде, о прошлой еде, о будущих счастливых временах. В будущем ставишь себе первую проблему - насытиться; представляешь, как устроишь жизнь...

Утром каша, обязательно вкусная, горячая каша с маслом. Потом чай или какао, хлеб, булка, сахар, всего много, всего в избытке... Смешно, но об этом думаешь часто, очень часто. Кажется странным, как можно было раньше так мало есть, как можно было уделять так мало внимания питанию и т. д.»

Недавно произошло нечто и приятное, и очень мерзкое, нехорошее: Папа принес кошку - да, живую кошку принес в портфеле домой. Раньше у него был разговор, обычно полушутливый, что, возможно, придется есть кошек, но дальше шутки не шло. Я обмерла. Папа сказал, что очень хочет есть, а потому принес для себя, и чтоб я не волновалась. Я не могла выдержать непреодолимое чувство отвращения, гадливость наполняла меня, я расплакалась и уехала к Маме. Вернулись мы вдвоем. Понемногу я успокоилась. Действительно, ведь все это лишь предрассудки. Мы едим свинину и хвалим, а уж чего-чего свинья не ест, ведь кошка чище. В данном случае это был кот одних знакомых, абсолютно чистый, ел из одного блюдца, был очень жирный. В общем, Папа его освежевал - мясо я видела, вполне приличное и красивое, и мы... съели кошку. Это было вкусно, совсем без привкуса, жирно, питательно, но ели мы, скрывая от других, ели редко глядя друг другу в глаза, и теперь мне не хочется об этом думать и вспоминать, больше я все равно не хочу этого есть... Кто знает, быть может, еще придется.

Голод в городе ужасный. Есть нечего. Хлеба 125 г в день, продуктов мало и, главная беда, - не достать. С 1-го введут прикрепление - надеюсь, что будет лучше. (...)

20 декабря 1941 года. Опять прошло много времени. Завтра исполняется 2 года моему дневнику. Чем-то отметится этот день? Обещают прибавку хлеба - вот хорошо бы! Жизнь идет своим чередом, однообразная, обыкновенная, тяжелая.

Совсем не так шла она 2 года назад, когда я начинала эту тетрадь.

Из «знаменательных» дел отмечу наши с Папой героические поездки за дровами. На Малой Охте на складе папа получил 1,5 куб. метра дров. Их надо было вывезти самим домой в течение нескольких дней.

Мы отправились с Папой вдвоем, взяли детские саночки. Пешего пути до склада ровно час. Там мы поработали - отобрали 1,5 куб. метра

и собрались в обратный путь. Тут-то и началось. Положили мы не очень много - меньше четверти куб. метра, но саночки-то детские, неудобные, полозья врезаются в снег. Словом, нам с Папой их с места не сдвинуть. Часть оставили, кое-как подвинулись. В самом же начале пути мы выбились из сил; чем дальше, тем было тяжелее. Стемнело. Мы двигались очень медленно, в темноте, часто отдыхали. Говорили о разном. Я на деле убедилась в некоторых истинах.

Физическое страдание очень тяжело. Его трудно передать, но по прошествии времени его трудно даже представить себе, с ним легко мириться. Вот и сейчас, пишу я как-то малоестественно, не похоже...

На следующий день мы опять проделали этот путь. Сил было еще меньше, но к санкам мы приладили лыжи и кое-как довели. На третий день Папа поехал один, а я осталась дома. Зато потом я переносила одна колотые дрова наверх, в ящик на кухне.

Эти 4 дня мы недаром назвали героическими. Я их запомню надолго. Силы мои и Папины подорвались еще больше, еще хорошо, что в это время мы опять достали кошку.

Вторую кошку мы съели уже безо всякого отвращения, довольные, что едим питательное.

Затем наступили особенно голодные дни. В магазинах ничего нет, дома тоже почти ничего. Кошек, видимо, ели далеко не одни мы. Сейчас на улице не встретишь ни одной, даже самой паршивой и тощей...

Подмогой служит нам сейчас Мамины «добавки» - да простится ей это!.. и помогает В.Д. Он живет, конечно, неплохо. Немножко он нам помог продуктами и вином, а еще, за что ему большое спасибо не только от нас, - своим изобретательством химика.

Мы по его совету сейчас печем и едим лепешки из клея декстрина (Папа достает через работу) с пайковым хлебом. Получается хорошо, поддержка большая, но все еще мало, ещё едим далеко не досыта, еще ощущается голод.

Сейчас вводим еще один необычный продукт - дафнии. Папа узнал от научных работников, что можно варить суп из рыбьего корма - дафний (я же проходила их по зоологии). Они продаются (вернее - пока продаются) в зоомагазине по 40 рублей кг. Папа купил 5 кг, и вот мы пробуем. (...)

ВТОРАЯ ТЕТРАДЬ

30 декабря 1941 года. (...) С 1-го по 5-е у нас каникулы. Кормить в школе будут. Дома придется позаниматься. Будет елка в Михайловском теа-

тре, с обедом из трех блюд. Да, такое время, что все связано с едой. Я часто просто ненавижу себя за малодушие, но не могу справиться, что-нибудь да откушу, отщипну из продуктов, а самой стыдно - ведь я беру от Маминой и Папиной доли. Как ужасно голодать! Сегодня утром было так нехорошо, так есть хотелось. Сейчас еще ничего. Постараюсь выдержать до вечера, ничего не брать. Новый год обещает быть довольно скучным - все зависит от того, достанем что-нибудь хорошенького из еды или нет. (...)

13 января 1942 года. Подошел и прошел Новый год. Мы его немножко встретили да около 12 и уснули. Сначала мне очень хотелось отпраздновать сам момент Нового года, я спорила, плакала, а потом - ничего. Пусть весь год я буду спать так же сладко.

Сейчас очень, очень тяжелое положение в городе. На Новый год, на январь возлагались такие надежды. А на деле - никаких улучшений. Хлеба все те же 200 г, продукты вот только сегодня стали давать за 1-ю декаду. Люди мрут, как мухи. За день в городе умирают десятки тысяч от голода. В перспективе - ничего. С фронта никаких отрадных известий. Блокада все еще не прорвана.

Дома у нас все идет как-то даже странно. Лишения на каждом шагу: голодно, дров мало - холодно, электричества нет, воду приходится носить из прачечной, помои выносить во двор, трамваи не ходят - Мама и Папа ходят на работу пешком, а какая теперь работа?

Эти дни Папа на бюллетене. Мама сегодня тоже дома - все-таки полегче, а то несколько дней назад Папа сказал: «Я, вероятно, умру от голода». (...)

В школе каникулы продлили до 15-го. Кормят не каждый день. 7-го была «елка». «Додумались» - показали «Дворянское гнездо» - по Тургеневу. Морозили нас с 11 до 5, потом дали по тарелочке супа, чуть-чуть пшеничной каши с котлетой да немножко желе. На занятия сейчас наплевать - совсем не занимаюсь, да и ни к чему. (...)

Дома отношения с Папой и Мамой хорошие. Голод очень сближает. Стараемся создать некоторый уют. Мама мечтает, да и все согласны, по окончании войны уехать жить в маленький город и поужнее, чтобы вести жизнь, меньше зависящую от общей городской жизни.

Я начинаю понимать многие новые вещи. Я лучше узнала Папу, Маму, их хорошие и плохие черты, лучше узнала и себя. (...)

Только бы пережить! Когда все это кончится? Сейчас на горизонте ничего отрадного, никакого утешения.

28 февраля 1942 года. Сегодня мне исполнилось 15 лет. Как не похож этот мой день рождения на то, что я ждала, о чем мечтала. Много писать не буду - нет сил и желания, всего не описать, да и просто все это я и так буду помнить всю жизнь.

18-го умер Папа. О, как просто все это случилось. Болела Мама, Папа жил на Почтамте, был в стационаре и немножко подправился, потом вдруг заболел поносом, ничего не ел, стал чахнуть и... около часа дня 18-го умер там же, на Почтамте. Я провела у него предпоследнюю ночь, Мамочка - последнюю. Мы сделали все, что могли, но было уже поздно. Врач говорит, что Папа был обречен уже с декабря - января, что третья степень истощения уже неизлечима.

Да! Не думала я, что четырнадцати лет останусь без отца. Я даже не могу осознать всего ужаса положения. Как тяжело видеть, как погибает человек от истощения, а у нас в это время как раз стали появляться продукты. Милый, как он хотел жить! Он и не готовился к смерти, и не думал о ней. Он даже не наказывал нам, как жить, что делать.

22-го мы его похоронили. Правда, без гробика, но мы себя так плохо с Мамочкой чувствовали, а ведь так трудно, помощи никакой. Милый Папочка, прости, что мы тебя зашили в одеяло и так похоронили. Место могилы хорошее, такая светлая полянка, недалеко березовая роща - это на Охтинском (Георгиевском) кладбище. (...)

Теперь у меня из самого дорогого осталась Мамочка да, пожалуй, этот двухлетний дневник. (...)

28 апреля 1942 года. Два месяца не писала. За эти месяцы прошло еще много тяжелых событий. В марте у меня украли продуктовые карточки, мы с Мамой после всех наших «добавок» остались ни с чем. Я очень расстроилась, я боялась стать причиной гибели Мамы, да и вообще жутко было подумать, как мы будем жить месяц в голодном городе без карточек. Но... быть может, все к лучшему. Теперь, когда это уже в прошлом, могу писать спокойнее. Все обошлось благополучно. Мы стали продавать и менять вещи: мебель, патефоны, папочкины часы и другое, и прожили неплохо по теперешнему времени, во всяком случае, имели мы даже больше, чем «полагалось» по норме. Да, все устраивается к лучшему. Мы написали в Вытегру и недавно получили ответную телеграмму. Там нас ждут. Теперь, как только начнется эвакуация на баржах, мы с мамой будем переезжать в Вытегру. Все наши помыслы сводятся к этой поездке. Вещей набирается много, и вообще трудностей предстоит масса, но, ду-

маю, как-нибудь справимся. На трех страничках, конечно, не напишешь всего, что произошло за 2 месяца. Мы еще больше сблизились с Мамой. Когда сидели без карточек, лучше узнали людей, почувствовали, какие сердечные и отзывчивые М.И. и М.О. Гейн, которые от своего мизерного пайка отрывали частичку для нас. И, наоборот, «родной» дядя Боря оказался более чем жестоким и бессердечным. Из грустных событий случилось вот что: умерла тетя Софа, у Гейн лежат Эрик и М.О. почти при смерти и, что для нас особенно тяжело, мы не нашли Папочкиной могилки на кладбище...

Но в целом все-таки стало полегче. Весна дает о себе знать. Город оживает - пошли трамвай, открываются кино, магазины, парикмахерские. Да! Я ведь остригла косы и очень этим довольна. (...)

1 мая 1942 года. Ну и денек выдался! Вот это действительно праздник! Готова поверить, что кто-то или что-то помогает нам. Пусть это будет Провидение или Папочка, или бабы Женины молитвы... Вчера я очень удачно променяла на рынке детские платяца на крупу и на хлеб. Мамочка достала банку кровяной муки за 400 г хлеба, отдала 2 бокала и графин за 300 г и договорилась, что 2-го придет женщина еще за 4 бокалами.

Утром мы устроили праздничный завтрак: скушали по 2 сковородочки крови с мукой, по 2 чашечки каши и чай с 5 декстриновыми лепешками. Да, «самое главное» и забыла - выпили по рюмочке портвейна. Ну, куда уж лучше для завтрака в теперешнее время. Потом решили помыться. Я принесла ведро воды, Мама подогрела ее, и только я стала раздеваться, как пришла Татьяна Петровна, женщина-врач, которой мы продали керогаз, детские стулики и разборный домик. Вот тут-то все и случилось! Не знаю, чем мы ей так понравились, но Мама разговорилась с ней, и Татьяна Петровна взялась устроить нас с Мамой в столовую на усиленное лечебное питание. Мне просто не верится. Чтобы получить это направление, надо выстоять очередь часов с 6 утра, да еще пропустят или нет, а меня так определенно не примут еще и по возрасту. Татьяна Петровна все это нам устроила. Мне оказалось 19 лет, я студентка, но мой институт эвакуировался, и теперь я поступаю в строительный техникум, но еще не оформилась; живем мы на ул. Пестеля, 16, кв. 20...

В общем, еще вчера у нас была забота, как мы будем жить на иждивенческие карточки, а теперь мы определенно знаем, что 15 дней - с 3 по 17 мая включительно - нам обеспечены горячие завтраки, обед, ужин и хлеб из расчета 500 г в день!!! (...)

Ну, теперь-то мы, я думаю, сможем добраться до Вытегры. За эти дни подкрепимся в столовой, да Мама подлечит ноги витамином. На обратном пути зашли в сберкассу. Мама взяла деньги с книжки, а я стала проверять облигации. Таблиц было мало, так что проверить удалось не все. И что же? Нежданно-негаданно выиграли 150 рублей (вот и полвитамина оправданы). (...)

Мама определенно верит в Бога. Она считает, что за нас молится Папочка, быть может, тетя Софа и, конечно, баба Женя с тетей Любой... Кто знает? Я мало в этом понимаю. Я ведь не верующая, но после таких событий просто готова поверить и Провидение.

Становится темно, кончаю писать. В довершение чудесного дня мамочка вернулась с покупательницей, которая набирает вещей чуть ли не на 600 рублей. (...)

12 мая 1942 года. Вчера дописать не удалось - пришла с рынка Мама, и мы отправились обедать. Вчера для понедельника был опять исключительно удачный день. Я продала Джека Лондона на 80 рублей, Григорьевы принесли кровь, сырковую массу и за Папочкино пальто хлеб и деньги.

На рынке Мама за хлеб купила себе туфли (ее модельные мы ведь обменяли на масло), мне на юбку. (...) Теперь, когда стали питаться лучше, стала и лучше работать голова, восприимчивее мозг. Часто задумываюсь о своей судьбе, о том, что надо навсегда вычеркнуть из жизни понятие об отце, о моем дорогом Папе, что никогда больше он не будет работать и отдыхать с нами. Зимой я была в каком-то оцепенении, а теперь все это чувствуется ясно-ясно, и жутко становится.

Задумала в дороге начать, а потом в Вытегре заняться тем, что написать рассказ, вернее, очерк, повесть о жизни в блокадном Ленинграде этой зимой. Пусть я пишу хуже, чем Кара или Майка, но я постараюсь, и думаю, что выйдет то, что я хочу. Героиню будут звать Катей или как-нибудь иначе - это неважно. Она будет моих лет и, вообще, наделена многими моими чертами, плюс те черты, которые я бы хотела иметь. Катя, как и я, даже больше, испытает все тяготы и лишения этой зимы: будет сначала активно участвовать в ПВХО, увлекаться общественной работой, потом - голодать, потеряет родителей. Короче, Катя - мой прототип. (...)

Я думаю, что в этой повести смогу описать суровую зиму, бедствия ленинградцев, личные переживания. Чтобы получилось естественнее, многое возьму из своих впечатлений, из виденного и слышанного...

ДНЕВНИК
ТАНИ
ВАССОЕВИЧ

Таня Вассоевич начала вести дневник 22 июня 1941 года - с первого дня войны. Девочка жила на 6-й линии Васильевского острова, в доме № 39. Её отца Николая Брониславовича война застала далеко от дома в геологической экспедиции. Таня оставалась в городе с мамой Ксенией Платоновной и 15-летним братом Володей.

Володя умер в январе 1942 года. Девочка сама занималась похоронами брата, потому что мама была уже слишком слаба, - её не стало спустя месяц. Прежде чем 13-летия Таня смогла организовать вторые похороны, тело Ксении Платоновны 9 дней пролежало в квартире. В своём дневнике девочка-подросток нарисовала план кладбища и отметила места захоронения близких в надежде, что, если выживет, обязательно установит на могилах памятники. Так и произошло. Обозначая в дневнике всё, что связано с датами смерти и захоронения близких, Таня использовала придуманный ею шифр: дело в том, что всю эту информацию она рассматривала как сугубо личную, сокровенную.

Пройдёт более 40 лет, и в 1985 году Татьяна Николаевна Вассоевич делает запись-признание: «Хлопоты похоронные мне десять лет после блокады спились. Ещё чаще спилось, что я маму спасаю, должна спасти её от смерти». Она часто вспоминала, как за три дня до смерти брата к ним зашла учительница музыки Мария Михайловна и рассказала, что её муж умер от голода. Брат Володя произнёс: «Почему же вы не сказали, что он умирает от голода? Я бы отдал ему свой хлеб». Это было 20 января, а 23-го брат сам умер от голода. Вот такая сила духа была в этом мальчике.

Таня Вассоевич закончила художественное училище и архитектурный факультет ЛИСИ. Много лет она преподавала детям изобразительное искусство. Она прожила долгую жизнь, покинув этот мир в 2012 году.

Её сын, профессор Санкт-Петербургского государственного университета Андрей Вассоевич, рассказывает: «В 90-х годах стало модным говорить о том, что в Ленинграде процветал каннибализм, а люди потеряли человеческий облик, - маму это страшно возмущало. Мама, наоборот, часто вспоминала благородные поступки блокадников. Её дневник перекликается с тем, что писала пережившая блокаду поэт Ольга Берггольц: «...мы счастье страшное открыли, - /достойно не воспетое пока, - /когда последней коркою делились, /последнюю щепоткой табака...» «Город выжил, потому что люди думали не о себе, а о других».

22 июня 1941 года. В 12 часов дня объявили, что началась война. По радио выступал т. Молотов с речью. Мама плакала. Я улыбалась. (...)

Весь день 22-го прошёл в хлопотах: бегали с Вовой и мамой по магазинам и в сберкассах и к Люсе. (...)

23.VI. Днём побежала в художественную школу к Петру Павловичу Казакову. Рисунков я не взяла, и шла так, поделиться впечатлениями.

П. П. был у себя в новом кабинете. Я нерешительно постояла перед дверью и вошла. П. П. поздоровался и спросил: «Ты работы принесла или так побеседовать?» Я сказала, что «так». «А я вот работы собираю, думаю, на фронт придётся».

Мы поговорили, так о войне, о том, что немцы взяли, сколько сббили самолётов, П. П. собрал работы, мольберт, и мы вышли. На улице было ветрено, но тепло. Шли молча, мне хотелось спросить какой он лётчик, но не решилась. Вместе дошли до угла Среднего, П. П. пожал мне руку, попрощались и... он ушёл, а я пошла домой. (...)

28.VI. (...) Слышала, что школы будут эвакуироваться. Мы все считаем, что это сумасшествие. Я категорически против поездки. Была у Ириной мамы (Ира в пионерлагере), она ездила в Сиверскую и говорит, что Ира может не заезжая в Ленинград эвакуироваться.

Я страшно этим напугана: хочу если уж ехать, так с Ирой. (...)

Первые дни жизни в Валдае мы очень скучали по дому и страшно беспокоились за оставшихся в Ленинграде. То нам казалось, что Ленинград бомбят, когда приехал кто-то из Ленинграда, нам показалось, что город уже у немцев, но от нас скрывают, и так всё время. (...)

17.VII. (...) В 10 часов утра мы были в Ленинграде!!! У вокзала мама с тётёй Наташей наняли такси, и мы поехали домой. (...) Мы проехали мимо многоуважаемой Академии Художеств, но... вместо художников на раскрытых окнах сидели красноармейцы и военные. (...)

В Валдае мы были оторваны от мира и ничего не знали о фронте и о жизни города. Только приехав в Ленинград я узнала, что с 18 июля вводятся карточки. Конечно, мы приняли соответствующие меры, т. е. весь день гонялись по магазинам, хотя я чувствовала себя после дороги плохо. (...)

23/VII. К нам пришла управдом и сказала: «Срочно собирайтесь, через час вы поедете на трудработы в Красное село». Я и Вова собрались и вышли к воротам. (...) Мы доехали до Гатчины. Здесь вышли все. Военные указали нам дорогу, и мы пришли в садик, вернее разместились под де-

ревьями у дороги. Я только развязала рюкзак и вынула бутылку кефира, как что-то тихо загудело и люди закричали, что тревога. Я стала собирать вещи не очень-то спеша, как делала это в Ленинграде во время тревоги. И вдруг над головой зажужжали немецкие самолёты и где-то рядом забаббахало. Это были первые залпы в моей жизни, и я очень испугалась. Запихнув вещи в рюкзак, я кинулась за нашими, которые неслись к придорожной канаве. Все мы легли плашмя в канаву, я накрыла голову рюкзаком. До сих пор не знаю, были ли это бомбы или зенитки, но что-то так громко бабахало, и казалось, ещё ближе, ближе и вот разорвётся над нами. Но вот стало утихать, и потом совсем стало тихо. Мы поднялись из канавы бледные, все в пыли. (...) Опять залпы. Мы бежали к парку, а военные, стоявшие на карауле по дороге, указывали нам путь, смеялись и говорили: «Ничего, привыкнете!» (...)

27/III. 23/І-42 г. в 6 ч. 28 м. умер Вова.

1942 г. - 17/II в 11 ч. 45 м. умерла мама.

(...) Страницы склеены, чтоб никто не видел самого сокровенного. На похоронах были тётя Люся, Гросс-мама, я и Толя Таквелин - Вовин лучший друг и одноклассник. Толя плакал - это растрогало меня больше всего.

Я договорилась с Худяковым, который вырыл могилу Вове, чтобы он рядом вырыл могилу папе Иры Разумовской - Александру Николаевичу, и он сделал в правую сторону нишу, где поставили гроб Александра Николаевича.

Маму хоронили я и Люся.

Вова и мама похоронены в настоящих гробах, которые я покупала на Среднем проспекте у второй линии за хлеб. Худяков вырыл за крупу и хлеб. Он хороший и взял с меня, что у меня было и не ругался и был добр ко мне. Мама на похороны Вовы не ходила - у неё уже не было сил. (...)

Я стояла в комнате у печки отвернувшись и не плакала. Мне было страшно. Я не понимала, не верила... я никогда в жизни не видела близко мёртвого человека.

Мороз. Яркое солнце. Я иду в детскую больницу на 3-й линии. Взять свидетельство о смерти. Я в Вовиной шубе. (...) Гл. врач находит картотеку Владимира Вассоевича и крупными буквами поперёк выводит УМЕР. (...)

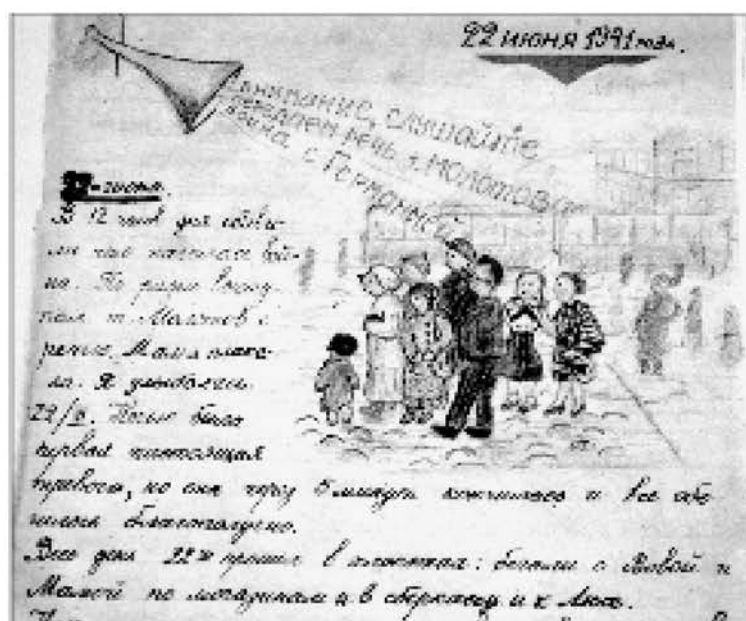
Гр-мама и Люся выносят Вову. Лидия Ив. Моткевич вышла. Перекрестилась. Люся везёт гроб, Гр-мама и я идём. Рядом везут Иркиного отца. С нами идёт Толя Таквелин. Два голубые гроба. Люди спрашивают, где

Во время войны школьнице Тани Вассоевич пришлось резко повзрослеть: на её детские плечи легли похороны брата и мамы в самую страшную, первую, блокадную зиму.

Таня Вассоевич училась в художественной школе, поэтому на страницах её дневника часто встречаются рисунки. Став взрослой, она сама много лет будет преподавать детям изобразительное искусство.

Фото и страница из дневника — из личного архива А. Вассоевича.

заказали такие хорошие. 1 раз в жизни я на кладбище. Яма. Как оказывается, всё просто. Толя плачет. Так вот кто любил Вову! (...)

31/III в 12 ч. Позвонила я по телефону в НГРИ. Попросила Татьяну Александровну и спросила насчёт эвакуации. Она сказала, что от папы пришла телеграмма, где он пишет, что доверяет деньги Люсе и, если возможно, просит доставить меня в Сухум. (...)

9/V. (...) Часов в 6 вечера приехали в Ростов. Мы поражены: носильщики с медалью и в белом фартуке. Впервые за столько времени видим!!!

29/VIII. Просыпаюсь на рассвете. Стоим в Килязи. Не знаю, то ли это место, которое мы проезжали, когда ездили в Алты-Агач, но я его не узнаю. Я с Софкой сбегали в селение. Домики стоят за пустырьём. Походили по саклям. Мне очень нравятся их жилища: глиняные сакли, некоторые вроде двухэтажных, поразительной чистоты. (...)

7-е ноября. Узнала, что Серёжа умер. Я так его любила и люблю. Это ужасно. Умер родной брат Вова и двоюродный Серёжа. Больше никого нет. (...)

Август 1944. (...) Садимся и едем. Говорят, на рудник. Интересно! (...)

От штольни отходят ходы в несколько сторон, мы идем по одному, рельсы кончаются, а через несколько метров тупик. Воздух здесь сжатый, как будто пыльный. Здесь недавно был взрыв. Кругом лежат куски камня. Немного возвращаемся, идём в другую сторону. Здесь бурят. (...) Под потолком висит карбитная коптилка и какой-то мужчина нагнувшись сверлит. Шум очень большой, голоса не слышно. Но вот он кончил, выключил. Тишина. Это стахановец, лучший забойщик, выполняет по 2-3 нормы. Он весь покрытый серой пылью и только видны красные губы. Мне кажется, что хуже работы в шахте нет. (...)

Едем на Алтайский разрез. Вечером остановились у одного дома, решили ночевать на улице. Кто-то сказал, что идёт кино «Моряки» или что-то вроде. Я сначала не хотела, но потом подумала и пустилась догонять. Темно, незнакомые места. В кино почти ничего не видала. А на нас смотрели: грязные, незнакомые, в брюках. (...)

День рождения, 28 августа 1944. Итак, утро. Я сходила за водой, на рынок. Ходила к Гале Бородавченко предупредить, чтобы пришли вечером. Днём явилась Марина с Ксаной. Первая преподнесла мне небольшой пирожок, вторая - тыкву. Люся 6 хороших перлам. пуговичек.

Пошла записалась в школу. Ничего интересного. «Ваши документы» и «Вы свободны»... Вечером пришла Марунька с Галей. Она принесла букет

Таня - в ленинградской квартире семьи. После смерти мамы и брата, когда она осталась дома одна, с девочкой произошло чудо. В середине квартиры стояла тыща льда - замёрзший аквариум с застывшими во льду рыбками. Когда весной лёд растаял, с ним оттаяла и одна золотая рыбка и вновь начала плавать.

После Победы повзрослевшая Таня недосчитается многих из тех, кого знала до начала блокады. Вернувшись из эвакуации в освобождённый Ленинград, она первым делом пошла к лучшему другу своего покойного брата Толе. От его мамы она узнала, что юноша умер вскоре после её брата. Таня пыталась найти ещё четырёх друзей Володи - все они умерли в блокаду.

Фотографии на странице - на личного доктора А. Вассовича.

астр и 3 карандаша! Потом Надя Бородавченко. Она тоже привезла букет астр и георгин. Позвала Марину.

Я вставила всем по цветку в голову. У меня были 2 красных георгины, за что меня назвали Кармен. Играли в мнения. Когда собирали мнения о Марине, кто-то сказал «котёночек», а я добавила «тигрёночек», а она потом сказала про меня «девочка не без капельки ехидства». (...) Пили чай, потом загадывали загадки и... разошлись по домам. Нельзя сказать, чтобы я была недовольна вечером. Ибо было сделано всё возможное. Но и не было ничего счастливого.

Новый 1945 год. 1, 2, 3 - готовлю спешно костюм.

3.I. Вот и долгожданное число: сегодня в школе Бал-маскарад. (...)

Сначала концерт самодеятельности. Неважный, в пионерской холлодно. Наконец, пустили на 2-й этаж. Там устроены комнаты очень хорошо. 1-я восточная гостиная: диван, ковры, возвышение, вроде как в чай-хане. 2-я: много ёлок в снегу, синий свет, на одной стене голубая материя, на ней месяц, звёзды. 3-я буфет. Танцы в коридоре.

Приглашён был джаз Орлова - пограничников. Очень хорошо пели и танцевали. Я всё время танцевала, хоть и не совсем всегда ладно. Переоделась я в костюм принцессы Турандот. Он хороший, даже очень. Все приняли его за костюм из костюмерной и (очевидно оттого не дали премии). Костюмов много. Хорошие из костюмерной, самодельные так себе.

В раздевалке вырезали стекло - украли 3 пальто, был небольшой переполох. В первом часу пошли домой. А я не натанцевалась! (...)

9 мая 1945. Вот день, которого миллионы людей ждали почти четыре года. А ждала ли я его? Да, я повторяла за всеми: «Скорей бы кончилась война!» Конечно, я хотела, чтобы она кончилась, но было что-то другое. Может, я немного боялась этого дня; я считала, что встретить его я должна, как-то серьёзно, что к этому времени должно что-нибудь произойти.

Мне хотелось встретить его как-нибудь серьёзно, чтобы я в это время где-нибудь по-настоящему работала. У меня не было радостного веселья, у меня была какая-то строгая радость. Я танцевала и пела, но мне (пожалуй) больше хотелось сказать людям что-нибудь такое, чтобы они стали бы сразу смелыми, честными, добросовестными и трудолюбивыми. Чтобы они поняли, что же в жизни есть хорошее, когда бывает действительно весело, а действительно бывает только тогда, когда ты сделал какое-нибудь трудное и благородное дело, и потом веселишься. Тогда веселье и счастье бывает настоящее.

ДНЕВНИК
ГАЛИ
ЗИМНИЦКОЙ

Блокадный дневник Гали - дневник чувственный, женский, несмотря на то что автору 14 лет. Перед новым, 42-м годом умирает от дистрофии первая Галина любовь. Год 44-й она встречает вместе с молодым офицером Володей, который отправляется после праздника сразу на фронт, шлёт оттуда письма... Удивительно, но блокадная катастрофа не гасит в Гале Зимницкой порывов открытой любви души...

«Ранней весной 1945-го письма от Володи перестают приходиться» - об этом мы узнаем уже из позднейших записей Галины Карловны, которая спустя год после войны родила дочь и прожила длинную, до 1996 г., полноценную жизнь: с любимыми людьми, театрами, путешествиями, работой одним из ведущих конструкторов ленинградского завода... В этой жизни всегда была оглядка на детские годы, на жуткое кольцо беды, в которой росла и раскрывалась её женская душа.

Сам дневник Гали не сохранился: из «блокадной» квартиры семья выехала сразу после войны, потом было ещё много переездов, и тетрадь с записями затерялась... Галина Карловна восстанавливала её уже в мирное время, по памяти, день в день: писала много черновиков, сверяла вехи своей личной истории по датам исторических сражений, перепечатывала на машинке, переживала... «Для мамы это было очень важно, так же важно, как и для меня сейчас, - сквозь слёзы говорит её дочь Инна. - Однажды она предложила свой дневник для публикации, но тогда ей сказали, что спасибо, не нужно, слишком много уже этой памяти, зачем ворошить... Меня очень трогает, что сейчас мамин дневник оказался нужным, что этот документ прочтёт не только её внук... Ведь памяти лишней не бывает».

1941, 22 июня. Война! Когда по радио зазвучали тревожные слова, мы с бабушкой Сашетой были одни в квартире. Мама и отчим уехали к друзьям на взморье. Я лихорадочно искала резиновую купальную шапочку и не вникла в смысл слов. Во дворе нетерпеливо галдели ребята, поджидая опаздывающих. День был жаркий, и всем хотелось купаться. Бабушка поймала меня за руку и сказала трясущимися губами: «Галюша, война!». Я прислушалась: «Гитлер... Германия напала... без предупреждения... вероломно...». Тогда я подошла к окну и крикнула: «Ребята, война!». Купаться в этот день мы не поехали. (...)

28 июня. При ЖАКТе (в доме у станции Ланская, где музей-квартира В. И. Ленина) оборудовали комнату под медпункт. Из медикаментов пока есть только бинты, вата и йод. Здесь также организовали дежурства, в которые включили и нас - девочек. Врач Екатерина Александровна (мать моей подруги Нади Рыбаковой) ведет санитарный кружок. Учит нас оказывать первую помощь раненым. Мы перевязываем друг друга. Занятия проходят весело. Не обошлось и без смешного случая. Когда мы учились на Ире Малиновской делать перевязку головы (нога у нее уже была забинтована с наложенной шиной), вошла Ирина мама, тетя Леля, и в ужасе бросилась к дочке. Она подумала, что Ира пострадала всерьез.

Не верится, что будут настоящие раненые. Во время воздушных тревог спокойно.

У наших ребят появилась «болезнь» - учиться танцевать. Теперь собираемся там, где дома нет родителей. У нас четыре пластинки: «Утомленное солнце», «Рио-Рита», «Брызги шампанского», «Кукарача». Но танцевать нам удается редко, так как нет подходящих условий. Вчера я уговорила свою Сашету, обещала после танцев вымыть пол. Собралось семь человек. Я танцевала больше с Лешей Жуковским. Геня Прокопюк пригласил только один раз. С тех пор, как в нашем дворе появилась Верочка Гладкова, все наши мальчишки обращают свое внимание на нее. (...)

10 июля. Наши старшие товарищи постепенно исчезают. Ушли добровольцами на фронт Сережа (брат Люси Курьяк), Рома Подскочий, Коля Жуковский (брат Леша), Коля Герасимов, Тоня Осипова, Луся Лулева. Теперь во дворе не играют в волейбол, не стоят ребята у парадной двери, за что их раньше многие осуждали. Остались мы - подростки от 12 до 16 лет. Да и нам стало не до игр. Другие дела и заботы отвлекают нас от бездумной жизни, тревожат наши детские души. (...)

20 июля. Много говорим о делах на фронте. А дела эти не радуют. По-

дошел к нам тот самый милиционер дядя Саша. Сказал, что нам пора идти домой. Еще рассказал, что сейчас враги засылают в город шпионов распространять ложные слухи об успехах фашистов под Ленинградом, сеять панику среди населения. Надо быть бдительными и, если что заметим, сразу сообщить ему или в милицию.

В небо поползли раздутые, темные на фоне меркнувшего заката аэростаты. (...)

Вот уже месяц идет война. А кажется, прошел год. Говорят, на оборонных работах есть жертвы обстрелов. От наших нет никаких известий. Бабушка тайком вздыхает, я же ее подбадриваю, говорю, что такие слухи распускают шпионы. (...)

30 июля. Сегодня мама и дядя Миша пришли с работы очень расстроенные (они работают на заводе «Прогресс»). Им объявили, что завод срочно эвакуируют. Ехать нам всем. Сердце мое оборвалось от такого сообщения. Уехать из Ленинграда! Расстаться с ребятами, со всеми нашими делами! Для чего я училась перевязывать раненых? Для чего мне дядя Миша принес детский противогаз? И вдруг бабушка, моя милая Сашета, заявляет, что она остается в городе и не сдвинется с места, что бы ни было. Тогда я тоже заявляю, что остаюсь с бабушкой. На протест мамы у меня истерика. Давно я так не ревела! Родители опешили и ушли в спальню совещаться. Что будет? Я твердо решила не ехать.

2 августа. Мы с бабушкой «перетянули». Мама и дядя Миша остаются с нами. Оказывается, на заводе продолжают работать некоторые цеха, изготавливающие продукцию для ленинградского фронта. Мама работает на револьверном станке, она нужна здесь. Отчим - настройщик станков - тоже пригодился. Все уладилось, родители повеселели. Они признались, что тоже не хотели уезжать. (...)

15 августа. С каждым днем мне все труднее писать дневник. Неужели брошу? Правда, эти дни проходят однообразно, без особых событий. Дежурства в медпункте идут своим чередом, занятия кончились с отъездом Екатерины Александровны. Если заглянуть в наши души, то, наверняка, все хотят испытать хоть чуть-чуть боевой обстановки (бомбежки) и попробовать свое умение на раненых. Хотя это глупо.

Вчера уехали из Ленинграда две семьи, а значит, мы попрощались с Гаем Шевеленко и Володей Пашко. Гай начитанный мальчик, всегда делился с нами самым интересным, советовал, что прочитать. У него была мечта, даже цель - стать танкистом. Володя был нашим затейником в

«Я твёрдо решила не ехать», - запишет Галя в дневник, и, как будто волею маленькой девочки, семья останется в блокадном городе. Выживут не все.
Фото из архива И. Черномерной.

играх. Любую игру он превращал в театрализованное представление. А что он вытворял на качелях «Гигантские шаги»! Правда, иногда на Вовку находило, и он начинал задираться: дергал меня за косы, больно бил мячом по ногам. «Володька, ведь больно!» - взывала я со слезами в голосе. Однажды Ира мне сказала, что это у Володи так проявляется симпатия ко мне: «Он в тебя влюблен, а ты не замечаешь». Конечно, я не замечаю, потому что больше поглядываю на Геню. Он притягивал меня с раннего детства. Бабушка это замечала и часто говорила: «Иди, иди во двор, этот белобрысый Генька уже давно там».

21 августа. Мой день рождения. «Стукнуло» 14 лет.

Сегодня все читают в газетах и говорят об обращении Жданова и Ворошилова к ленинградцам... В обращении говорится об опасности, надвигающейся на нас. Значит, на фронтах стало еще хуже. У всех на лицах боль и тревога. Но в городе все спокойно, никакой суеты. Работают магазины, кино, театры. В центре города витрины больших магазинов завалены мешками с песком и обшиты досками. На шпиль Петропавловского собора надели чехол серого цвета, над некоторыми домами натянуты маскировочные сетки, а стены больших зданий разрисованы пятнистыми желто-зелеными разводами. В парках, скверах и на газонах прорыты щели или траншеи. Тревоги замучили своей частотой. Но пока не бомбят.

13 сентября. 9 сентября разбомбили Бадаевские склады с большим запасом продуктов питания и аттракцион «Американские горы», где тоже были укрыты запасы муки и крупы. С продуктами стало совсем плохо. Еда очень скудная и однообразная, а аппетит увеличивается с каждым днем. Мама берет с собой на работу бидон под суп. Суп дают в заводской столовой, но родители его не едят, приносят домой. Сашета говорит, что она еще не чувствует недостатка в еде. А я уже чувствую, да еще как! (...)

22 сентября. Сегодня к нам пришла Евгения Трофимовна. Эта седая старушка, бывшая барынька, очень несчастна в своей судьбе. Когда-то еще до революции она с семьей жила в городе Старый Оскол. Всей семьей мечтали перебраться в Петроград, но это не удавалось. Наконец, незадолго до революции, их мечта осуществилась: муж получил перевод в город их мечты. Но вскоре после переезда он погиб в железнодорожной катастрофе. Заболела скоротечной чахоткой и умерла единственная дочь. И вот Евгения Трофимовна одна. За много лет она не нашла дру-

зей, и оказывается, что мы теперь для нее - самые близкие. До войны Е. Т. шила мне платья, перешивала мамнины старые пальто. И вот теперь, в возрасте 76-ти лет, она попросилась к нам в семью.

За обедом, обсудив ситуацию, мы пришли к выводу, что надо хоть немного согреть ее одинокую старость. Дядя Миша спустился к ней на второй этаж и принес холщовый чемодан, большую корзину и еще кое-что из необходимых вещей. Е. Т. принесла красивую старинную деревянную шкатулку с документами и дорогими письмами. Я уступила ей свой диван и перешла спать на раскладушку. Бабушка дала мне шикарную перину. Если не лениться и взбивать ее хорошенько перед сном, то получаешь ощущение возложения на облаке. (...)

7 октября. (...) У дома дяди меня окликнула его дочь Зоя. У нее было печальное лицо, в глазах стояли слезы. Несколько дней назад пропал их любимый кот Кузька, а сегодня нашли за дровами его ярко-рыжую голову. Мне иногда попадались на глаза кошачьи головы, но только сейчас дошло, что начали есть кошек. Собак тоже не видно.

10 октября. (...) На днях мы с мамой зашли в Выборгский универмаг, посмотреть, что там есть. Увидели купальные костюмы из черного сатина с голубой отделкой и кокетливыми резиночками по бокам. Купили себе по купальнику. Продавщица смотрела на нас как на чокнутых или знающих великую тайну конца войны. Нет, ничего мы не знаем, просто надеемся дожить до мирных дней.

Однако наши опять отстают: войска оставили город Орел.

15 октября. (...) Дядя Миша подшучивает над мамой, называет ее «лапушкой» или «горошинкой». Мама - маленького роста. До войны она была полненькая, но теперь сильно похудела и подурнела. Отчим же словно и не замечает этого - все Лапушка да Горошинка! Трофимовна почти не сходит с дивана. Стол специально придвинули ближе. Сядет, поест, попьет и опять на боковую. Она говорит, что голода совсем не чувствует. Ест мало, больше пьет чай с сахаром вприкуску. Сахара и чая у нее свой запас. Лицо у Трофимовны розовое и круглое. Пожалуй, из всех нас одна она не изменилась. Бабушка постепенно, медленно худеет, но ей худеть до дистрофика еще долго: полноты у нее было на троих. Сашета меньше нас страдает от недостатка питания и находит в себе силы делить продукты на два-три дня, а не съедать их сразу. В этом она у нас признанный командир. (...)

21 октября. Вчера в Лесотехническом парке поймали ракетчика. По-

могли милиции наши мальчишки. Не знаю, как они там оказались. После того налета, когда из парка вынесли не один десяток трупов, мы туда больше не ходили. Боялись, что в каждой траншее нам будут мерещиться убитые. И все же Геня, Дима и Алешка бегали там и заметили, что около одной траншеи набросаны горелые спички и окурки. Это показалось им подозрительным, и они сказали об этом нашему милиционеру. Там устроили засаду и поймали вредителя на месте преступления, когда он выпускал очередную, оказавшуюся для него последней, ракету. (...)

26 октября. Побывали в двух госпиталях, но нас не взяли из-за возраста. Потом пошли в третий большой госпиталь, который разместился в Лесотехнической академии. Наконец, удача - нас согласились взять писарями, так как многие раненые не могут сами писать письма. Завтра идем с Верой. Я очень волнуюсь. Ведь надо найти в себе силы не показывать жалости, не волноваться.

28 октября. В госпитале все обошлось лучшим образом. Привели меня с Верой в палату, где лежали бойцы с забинтованными руками или ногами, были и с завязанными глазами. Однако атмосфера в палате была не унылая, а вполне нормальная, и волнение мое сразу же прошло. Раненые нас приветливо встретили, стали расспрашивать, как мы учимся, интересовались всеми подробностями жизни города. Быстро освоившись, мы принялись писать под диктовку раненых письма. В тот вечер я написала четыре письма, стараясь не делать ошибок.

30 октября. (...) Иногда нам дают несложную работу: скручивать бинты, делать тампоны. Один раз мыли посуду. Взрослые стараются угостить нас чем-нибудь. Но мы с первого дня отказались от еды, и это остается непреклонным. Медсестра уговаривает нас поесть, говорит, что хлеб остается от пайка тяжелобольных или умерших. Но мы не поддаемся, хотя есть очень хочется. Боимся, как бы не подумали, что мы ходим в госпиталь из-за еды.

2 ноября. Старшей медсестре надоело с нами воевать по поводу еды, и она пожаловалась начальству. Главврач был немногословен: «Не будут есть - не пускайте в госпиталь». И сразу стало легче. Теперь мы не испытываем мук отказываться от каши или хлеба.

6 ноября. Сегодня я узнала, что наш милиционер дядя Саша ушел на фронт. А несколько дней назад он взял у меня на время электрический фонарик (память об отце).

Мне стало так жалко свой фонарик, что я чуть не заплакала. «Бес-

совестный, не мог вернуть чужую вещь», - ругалась я под грушей. «О чем ты говоришь! - возмутился Геня. - Может быть, твой фонарик Саше жизнь спасет, а тебе жалко». Я прикусила язык. Как всегда, Геня прав.

Забыла написать, что нам пришло несколько писем с фронта с благодарностью за посылки. Первое письмо пришло тете Насте из 19-й квартиры. Молодой боец писал ей о том, что у него нет родных и близких, а он очень хочет переписываться с девушкой. Тетя Настя передала это письмо Леле Феркович. Теперь Леля читает нам письма с фронта. В письмах солдат Сеня описывает боевую обстановку, рассказывает о страданиях людей, находящихся на оккупированной территории, о голодных и оборванных детях, пробирающихся под пулями к своим, на передовую позицию, за куском хлеба. (...)

10 ноября. Сегодня опять убавили хлебный паек. Из-за этого за вечерним чаем произошел неприятный разговор. Мама объявила, что с завтрашнего дня дядя Миша будет есть свой паек полностью. А она будет делить свой хлеб со мной и бабушкой. Отчим беспомощно заморгал глазами (у него замедленная реакция), потом быстро выпалил:

- Я не согласен!

- Ты будешь полностью есть свой хлеб, - упрямо твердила мама.

- Я не могу есть один свой хлеб, Зина.

- Сейчас не время играть в благородство, ты мужик, тебе надо в десять раз больше, чем дают теперь.

- А Галя растет! - возражает отчим.

- Галя подкармливается в госпитале, - не уступала мама.

В этот момент завывла сирена, мама заторопилась на лестницу, встал и отчим. (...)

17 ноября. Сегодня мама непустила меня в школу. Причина - женский день в «круглой» бане, что бывает не так уж часто. Мы удачно помылись и только вошли в свою квартиру, как наш дом заходил ходуном. Стрельба зениток началась одновременно с сигналом тревоги, и сразу посыпались бомбы. Все началось и кончилось за какие-нибудь пять минут.

После отбоя я побежала к школе. Там уже стояли наши машины скорой помощи. В них грузили носилки с ранеными ребятами, сажали раненых учителей. Бомбежка застала школьников, когда они шли к щелям через Сердобольскую улицу. Убило одного мальчика, который замешкался и стоял, когда все залегли. Тяжело ранило нашего Павла Петро-

веча. Он тоже стоял на дороге и подгонял детей в укрытие. Не везет же человеку! Много жертв было у станции Ланская. Трупы отнесли за забор, а двое дежурных с красными повязками поджидали машину. Из-под забора текла кровь прямо на панель. (...)

2 декабря. В госпитале вылетели все стекла, в палатах мрак от фанерных заплат в окнах. Большинство раненых, особенно тяжелых, находятся в бомбоубежище. Срочно ликвидируются последствия налета: вставляются стекла, штукатурятся потолки и стены (местами отвалились большие куски штукатурки).

Медсестра Таня рассказала, что в ту ночь им здорово досталось. От взрывной волны упали и разбились керосиновые лампы, в двух местах начался пожар, который в суматохе не сразу заметили. И все же огонь погасили своими силами до прибытия пожарных. Один раненый признался мне, что ему на фронте не было так страшно, как здесь: там все ясно, где враг, откуда бьют, куда стрелять, а тут чувствуешь себя загнанным зверем... Я до позднего вечера помогала убирать мусор из палат, выносила во двор битое стекло, штукатурку, обрезки фанеры.

3 декабря. У нас дома разыгралась настоящая драма. Пришла женщина из квартиры № 3, жена сапожника, мы даже не знаем, как ее звать. Она стала просить маму (бабушка была на работе) спасти ее детей от голодной смерти. Женщина почему-то решила, что у нас есть запас продуктов, и умоляла маму насыпать ей хоть немного крупы.

«Розочка умирает, не откажите в помощи», - просила женщина, протягивая чашку. Мама сначала растерялась, стояла и молчала, а женщина, приняв ее растерянность за нежелание поделиться крупой, продолжала умолять маму, стоя на коленях. Тогда мама опомнилась и открыла все дверцы старого буфета и кухонных столов.

- Ищите, ищите, - говорила она. - Что найдете - все ваше...

На полках была идеальная чистота и пустота.

- Да встаньте же с колен!

Но женщина не могла подняться. Мы с мамой взяли ее под руки и посадили на табуретку.

- Разве Вы не заметили, что мой муж еле ходит? Откуда у нас могут быть продукты? - с мягким укором говорила мама.

- Александра Викторовна всегда была очень практичной хозяйкой, и мне казалось... - женщина не договорила. Поверив, что у нас действительно ничего нет, она заплакала, закрыв лицо руками.

Кстати, о наших «запасах». Если не считать наволочку сухарей из всевозможных недоеденных кусочков белого и черного хлеба, которые Сашета не выбрасывала, а подсушивала над плитой (не из-за экономии, а по убеждению, что хлеб грешно выбрасывать), ничего у нас не было. Но и эти сухари уже давно съедены.

4 декабря. Голод сосет днем и ночью. Дядя Миша едва передвигается: у него ослабли ноги. Мама изменилась до неузнаваемости. Бабушка высохла вся и сторбилась, но стала подвижнее, чем была. Кожа на ее лице и теле висит тощими складками. Сашета работает в общежитии трампарка им. Калинина кастеляншей, стирает постельное белье, по ночам сушит сырую одежду и обувь. В общем, пропадает там сутками. Так как трамваи не ходят, то вагоновожатые и кондукторы сейчас заняты на разных работах: расчищают дороги от снега, заготавливают дрова и т. п. Теперь бабушка получает рабочую карточку, но, к сожалению, кроме хлеба по карточкам в магазине пока ничего нет.

Я уже много раз видела, как возят на саночках гробы или зашитые в простыню трупы по направлению к Шуваловскому кладбищу.

У меня образовался нарыв под мышкой. Мама говорит, что это от неправильного обмена веществ. Дядя Миша шутит: «Это от отсутствия каких-либо веществ».

6 декабря. Мама собрала вещи, которые можно обменять на продукты на «черном» рынке. В первую очередь она взяла каракулеву шапку и полупальто дяди Миши. «Господи! - воскликнула бабушка. - В чем же он у тебя ходить будет?». «Лишь бы ходил, а в чем - это уже второй вопрос», - ответила мама. С рынка она принесла маленький мешочек пшена и буханку совсем черствого хлеба. «Господи, - опять воскликнула бабушка, - ведь это же ворованный хлеб! За такое сейчас расстрел, и ты пойдешь как сообщница. Зина, неужели ты этого не понимаешь?». «Понимаю. Но я не могу смотреть, как мы все приближаемся к смерти. Буханка, может быть, и не ворованная, а паек рабочего с хлебозавода. Ты видишь, какая она черствая?» - возражает мама. Бедная моя честная Сашета, как же нам выжить?

7 декабря. Встретила в булочной Люсю Курьяк. Она сказала, что ее отца направили от завода работать в похоронной команде. В городе есть квартиры, где лежат неубранные покойники. Особенно много таких квартир в центре города. Людей там губит не только голод, но и холод, так как нет дров: до войны обогревались паровым отоплением. Сожгли

мебель, книги, но этого слишком мало для суровой блокадной зимы. (...)

11 декабря. Днем в булочной видела ужасную сцену. Мальчишка лет десяти выхватил у старушки пайку хлеба и сразу начал есть. Женщины бросились отнимать, а он лег на пол, лицом вниз, и, не обращая внимания на обрушившиеся удары, доел хлеб на грязном полу. Самое ужасное в том, что никто не заступился за ребенка. Полежав немного, ворюшка встал, вытер рукавом слезы и кровь и ушел грязный, оборванный, может быть, совсем одинокий. Сейчас мне его жалко до боли в сердце. Где же я была тогда? Стояла, смотрела и молчала. (...)

13 декабря. Большая победа наших войск под Москвой! Ради такого праздника мама устроила банный день. Натаскали воды из пруда, хорошо протопили плиту, нагрели целый бак воды. Мылись в корыте. После мытья все порозовели и похорошели. За скудным обедом шутили и смеялись. Особенно веселым был дядя Миша. Он гордился победой под Москвой. Это уже настоящий успех! Мы радовались как дети. Евгения Трофимовна перекрестилась. Эта она молится за нас. Себе она желает только скорой смерти, чтобы не быть нам в тягость. (...)

24 декабря. У Иры Малиновской умерла мама. Вчера поздно вечером Ира прибежала за мной. Тетя Леля лежала одетая на диване и часто, часто дышала. Слабо улыбнувшись мне, она положила руку на грудь. «Сегодня мама отработала две смены», - сказала Ира. Вскоре тете Леле стало совсем плохо, она не открывала глаз. «Может быть, это голодный обморок?» - предположила я. Ира пожала плечами: «В доме ничего нет». Потом она, что-то вспомнив, вышла на кухню. Вернулась Ира с бутылкой в руках. На ее дне темнел портвейн. Тетя Леля открыла глаза и пристально посмотрела на Иру. Та влила ей в рот чайную ложечку вина. Пульс стал чаще. Когда он пропал, Ира дала маме еще вина. Жизнь опять вспыхнула, затрепетало сердце.

Так было, пока не кончилось вино. Тетя Леля умерла, не сказав ни слова. Милая, красивая, ей не было и 36-ти лет. Ира осталась одна.

26 декабря. (...) По дороге домой мы видели на снегу мертвую молодую женщину. Она лежала на проезжей части Лесного проспекта, видимо, упала с воза, когда сани с покойниками накренились на ухабе. Сначала нам показалось, что это лежит манекен из разбитой витрины магазина - так красива была эта женщина. На ней было темное легкое платье с глубоким вырезом. Красивые смуглые руки были сложены на груди, как у певицы. Великолепные темные волосы разметались по грязному снегу.

Удивляло ее прелестное, не исхудавшее, чуть скуластое лицо с густыми ресницами. Мы с мамой стояли и смотрели с большой жалостью на эту погибшую красоту, а мимо шли люди и никто не останавливался, не удивлялся ни красоте этой женщины, ни тому, что она лежит посреди дороги. Да это и понятно. Стоят сильные морозы, и люди появляются на улице закутанные в несколько шарфов, платков. Идут сторбленные и смотрят себе под ноги, чтобы не упасть. Если кто упадет, то не всегда сможет подняться. Где уж тут оглядываться по сторонам. (...)

29 декабря. В парадном встретила Генину маму. Поздоровались.

- Приходи с Геней попрощаться.

- А куда вы уезжаете?

- Никуда. Он умер.

Тетя Настя спокойно это сказала, а я тупо уставилась на нее.

- Если хочешь попрощаться, приходи сегодня. Завтра, рано утром, повезем на кладбище.

Я пришла домой и, не раздеваясь, плюхнулась на стул. Геня умер? Геня умер! Вот и конец моей первой детской привязанности, может быть, даже любви. Уж очень мне нравился этот веселый, умный мальчик. Он научил нас быть добрыми, ценить дружбу. Я сидела и думала о Гене как о живом и не могла представить его мертвым.

Прощаться с ним я не пошла, пусть останется в моей памяти только живым. И если мне суждено будет выжить, то я его никогда не забуду.

31 декабря. Через несколько часов Новый год. Но ничто не напоминает об этом. Попив горячей воды с кусочком хлеба, наши домочадцы разошлись по своим комнатам. Я лежала в постели и вспоминала о довоенных новогодних приготовлениях... Вот мы с мамой принесли домой большую пушистую елку. В квартире густо запахло смолой. Обеденный стол сдвинут к стене и завален елочными игрушками. В муфточки, коробочки и сумочки засыпаем драже и театральные горошек. Шоколадные конфеты в нарядных фантиках вешаем на елку вместе с игрушками... Стоп!

Я вдруг вспоминаю, что большие длинные конфеты, похожие на хлопушки, сохранились из-за яркой красочной обертки. Их уже года два три вешали на елку. В обертках была пастила, поэтому конфеты были легкими и не оттягивали елочные лапки. И вот я осознала, что такое сокровище лежит в коробке с игрушками. С воплем «ура!» соскакиваю с постели, зажигаю коптилку, стаскиваю со шкафа коробку и добываю драгоценные конфеты. Их пятнадцать штук!

Мама и бабушка радостно удивляются. Дядя Миша проснулся, но еще не понимает, что случилось. Я ему объясняю. Одеваемся и садимся за стол. Трофимовна отдает нам свой последний чай. Всем досталось по три конфеты!

- Давайте съедим их сегодня все!..

Сашета, экономная, как всегда, две конфеты убрала в буфет. Хоть пастила высохла в сухарик, все равно вкусно. И по-праздничному. Горит керосиновая лампа. С Новым 1942 годом! С новыми нашими победами на фронте! Сейчас все хотят только этого. Это первое и главное пожелание друг другу.

А наш милый Геня навсегда остался в 1941 году.

1942

8 января. Утром на лестнице меня поджидала тетя Соня, мать двух маленьких девочек. Она протянула мне три карточки и попросила принести выкупленный хлеб пока к себе домой. «А довесочки можешь съесть. Я потом все объясню», - торопливо сказала она. Оказалось, что ее муж съедает все, что находит в доме. Куда только ни прятала Соня от него хлеб. Но стоит отвернуться, хлеб бесследно исчезает. А вчера, не стесняясь детей, отобрал жалкий паек прямо на пороге. Дети обречены на голодную смерть.

Помню, как до войны этот молодой отец гулял в парке со своими девочками. Он был очень внимателен к ним и постоянно следил, чтобы дочки не забегали далеко, не промочили ноги. В голове не укладываются его сегодняшние поступки. Наверное, он свихнулся от голода.

Тетя Соня приводит дочек к нам. На девочках нарядные ярко-красные фланелевые платица в белый горошек. Ужасно их жалко! Девочки такие грустные и тихие. Пьют кипяток, макают свои крохотные пальчики в соль, и откусывают хлеб маленькими кусочками.

Господи, когда все это кончится?..

10 января. Вчера забежала к нам Верочка Писакина. Я ее не видела недели две, хотя живем в одном доме. Из румяной полненькой девочки Верочка превратилась в худого бледного подростка. Вера пришла по делу. Умер отец Леша Жуковского. Леша лежит в больнице, и поэтому его мама, Елена Ивановна, просила всех ребят, кто может, свезти покойника на Шуваловское кладбище. Сама она, больная и слабая, не может. О могиле она договорилась и заплатила хлебом, могильщик поможет похоронить.

Я, конечно, согласилась. И вот сегодня утром мы двинулись к Шуваловскому кладбищу. Гроб везли на двух санках. Впереди тянули Нина и Вера, а я палкой подталкивала сзади. Везли гроб мы медленно, так как сами слабые. На Поклоной горе совсем выбились из сил и решили передохнуть. Вдруг завывла сирена. Тревога. Ее так давно не было. Где-то далеко забили зенитки. Мы поторопились закончить свой путь. До кладбища было еще довольно далеко. Теперь на дороге уже не задерживают и не отправляют в убежище. Мы, подгоняемые стрельбой зениток, спешили туда добраться.

На кладбище, в условленном месте, мы не нашли ни могилы, ни могильщика. Контора была закрыта, на наш зов никто не отозвался. Ходить по кладбищу было жутко, так как за оградами и на дорожках лежали зашитые в простыни незахороненные трупы. Они были похожи на куколки какого-то огромного насекомого. Нам пришлось оставить гроб, не предав его земле, и отправиться домой.

Мы не стали расстраивать Елену Ивановну, сказали, что похоронили нормально и место могилы хорошо запомнили. Как мы выйдем потом из этого положения? Елена Ивановна пригласила нас на поминки, но мы отказались, сославшись на усталость. Отчасти не хотелось объедать слабую женщину, да и не было настроения из-за вынужденного обмана. (...)

19 января. Я стояла у квартиры № 9 и стучала каблуком в дверь. Надо узнать, что с Димой Шокиным. Еле расслышала слабый голос, говорящий, что дверь открыта. В темной и холодной комнате на кровати лежит Димина мама. Она и до войны была маленькая, как девочка. Сейчас ее можно было принять за ребенка.

- Где Дима? - спросила я, наклонясь к ней.

- Он умер. А что ты хочешь?

- Да так, давно его не видела. Геня Прокопюк тоже умер.

Димина мама вздохнула.

- Мужа убили на фронте, Дима умер, я не могла его спасти. Теперь хочу скорее умереть сама.

Я предложила истопить печку, согреть воды, сходить за хлебом. «Спасибо, - сказала Димина мама. - Не надо». И отвернулась к стене. Я ушла.

29 января. Мы с мамой ходили за водой, а когда вернулись и взглянули на себя в зеркало, то удивились своим покрасневшимся, румяным лицам. Особенно неестественно выглядел румянец на худом, обтянутом

кожей мамином лице. Дядя Миша сидел в большой комнате у печки и разговаривал с Трофимовной. Мы очень обрадовались: значит, ему стало лучше! Я подошла и протянула руки к огню. Глаза мои встретились с глазами отчима. Я внутренне содрогнулась от его какого-то тоскливого и завистливого взгляда. Дядя Миша сидел, положил руки на палку, и смотрел на меня со смешанным чувством надежды и печали, потом с уверенностью сказал, что во мне еще много жизни, словно упрекнул. И есть за что. Ведь это мы с бабушкой восстали против эвакуации, и еще, осенью, когда дядя Миша был в силе, ему предлагали ехать на Большую землю валить лес, он отказался из-за нас, не захотел оставить женщин одних, думал, что с ним маме будет легче. А вот теперь сдал первый. (...)

3 февраля. Мама опять ушла стоять в очереди, бабушка - на работу. Я, как всегда, уселась дяде Мише в ноги. В окне красное расплывшееся солнце висело над крышами. Отчиму было не по себе. Он долго крепился, потом сказал: «Галя, мне очень больно в груди, словно там горит огонь. Я мучаюсь, не могу больше терпеть, дай мне бритву, я перережу себе вены». Я испуганно уставилась на него. «Если ты меня любишь, прошу, дай бритву». Я его, действительно, люблю, но не могла сделать то, что он просил, и громко заплакала. Дядя Миша опомнился, стал меня уговаривать не плакать и не бояться. Хорошо, что мама вскоре вернулась. Я ей все рассказала. «Он скоро умрет, - грустно сказала мама, - он погубил себя какой-то жидкостью, потихоньку сосал, а бутылочку я под подушкой уже пустую нашла. У него, видимо, сожжен пищевод».

Мама раздобыла лекарство, от которого боль в груди у дяди Миши стихала, и он засыпал. Есть он уже не мог, не проглотить было даже суп. «Я боюсь с Мишей спать, - сказала мама, - боюсь, что проснусь, а он уже холодный». И стала спать с бабушкой. (...)

7 февраля. Сегодня, когда я дала отчиму лекарство, он подмигнул мне и сказал, что «лапушка» боится с ним спать. «Я ее понимаю, Галченок, все правильно».

Ночью я проснулась от того, что мама тихонько разговаривала с бабушкой, они искали пятаки. Смутная тревога коснулась меня и отлетела. Я заснула. А утром узнала, что умер дядя Миша. Вот и в нашем доме покойник. Его положили к холодной стенке на два стула и доску от раздвижного стола, загородили ширмой. Мама сказала, что не отдаст его в общую могилу, а похоронит на Шуваловском кладбище, рядом с первым мужем (моим отцом).

Вот так тянулась вереница ленинградцев к Дороге жизни через Ладожское озеро - в общей сложности через него за годы блокады было эвакуировано порядка 659 000 человек. Фотохроника ТАСС.

А это «дорога смерти» - за годы блокады в Ленинграде, по разным данным, погибло от 600 000 до 1 500 000 человек, из них только 3% от артобстрелов и бомбёжек, а 97% - от голода.

Фотохроника ТАСС.

8 февраля. Сегодня мама ходила на кладбище, чтобы нанять выкопать могилу. Хлебный паек дяди Миши прикапливали для расходов на похороны. У кладбища маму встретил пожилой мужчина и предложил выкопать могилу за 600 граммов хлеба. Долго долбил мужичок лопатой промерзший слой снега, но до мягкой земли не мог добраться. Мама озябла и забеспокоилась, что засветло он не успеет справиться. Но работник упрямо, изо всех сил тюкал лопатой - уж очень ему хотелось заработать хлеба. Наконец, он изнемог и, сев на сугроб, виновато посмотрел на маму. Она пожалела его и дала кусочек хлеба, а сама пошла искать другого работника. Второй мужичек оказался сильнее, он, видимо, был не новичок в этом деле. Быстро сколол ломом смерзшийся снег, а рыхлая земля с песком уже сама сыпалась ему в лопату.

9 февраля. На следующий день после смерти отчима управдом привел к нам на жительство беженку Аню с четырехлетней дочкой Тамарой. Они жили недалеко от Кировского завода, их дом разрушил снаряд. Расселяли беженцев по всему нашему дому, но Аня не пошла в пустую квартиру, попросилась к людям. Когда она вошла, мама замаялась, не зная, что сказать насчет покойника. Однако Аня не смутилась. «Сейчас везде покойники», - сказала она. И даже пообещала помочь с похоронами. Аня - довольно крепкая для блокадных дней молодая женщина. Вечером мама и Аня зашили покойника в плотную бежевую штору: Аня уговорила маму не покупать гроб. «Шутка ли сказать, отдать целый килограмм хлеба за лишнюю тяжесть, которую самим же придется тащить», - заявила она.

Теперь на папиной колонке со звездой будет выбито и имя Громова Михаила Абросимовича. «Разве думали два друга, что им придется лежать рядом и так скоро», - вздохнув, сказала мама. Слез я у нее не видела. (...)

23 февраля. (...) Как ни странно, вскоре у нас появились бельевые вши. Эти гадкие насекомые прячутся в швах и складках нижнего белья, их укусы очень чешутся.

Откуда они взялись? Теперь в свободное время нас можно застать за таким занятием: снимаем с себя белье, выворачиваем наизнанку и тщательно просматриваем. Хорошо бы прогладить горячим утюгом, но уввы...

Нам два раза в месяц будут выдавать постное масло и сахар, а хлеб и котлету - каждый день. Раздачей заведует старшина Тоня, приятная и улыбчивая девушка.

Голодная смерть нам теперь не угрожает, но голод, сосущий голод, терзает, как и прежде. Нас пока еще не посылают на пожары, изучаем пожарное дело, дежури́м в пожарной части у телефона. (...)

25 февраля. Пока мы обучаемся приемам борьбы с огнем, нам поручают другие, совсем не пожарные дела: ходим по квартирам и выявляем ослабевших от голода (лежащих) или умерших людей и оставшихся без родителей детей. Ох, как трудно и страшно входить в квартиру, которая не отозвалась на стук, а незапертая дверь сама открывается и отвечает мертвой тишиной на мой робкий вопрос: «Есть ли кто живой?». Но входить все равно надо, должна быть проверена каждая лестница, каждая комната. Сведения о слабых и больных ленинградцах в холодных квартирах мы сдаем в райсовет того района, где делали обход. (...)

7 марта. Сегодня забежала к своим и сразу увидела пустой диван. Умерла Евгения Трофимовна. С вечера уснула и не проснулась.

За столом сидела бабушка и ела суп из воробья. Она нашла на улице замерзшую птичку, ощипала ее и сварила с лавровым листом. Я заглянула в кастрюльку - какой же воробушек маленький! С собой я принесла кусочек хлеба с котлеткой, положила его перед бабушкой. Она посмотрела на меня и заплакала, потом отщипнула маленький кусочек и заела воробья.

С черного рынка вернулась мама, и я заметила, что она похудела еще больше. Черты ее лица стали грубыми, почти мужскими. Голод грызет всех беспощадно. Мама устало прилегла на диван. Обменять табак на хлеб ей не удалось, но на деньги она купила творог почему-то черного цвета. Мы не покупаем на толкучке ни котлеты, ни студень - все это может быть из мертвечи́ны. Сашета и мама стали есть эту черную массу, похожую на жирную землю. Я тоже попробовала - никакого вкуса. (...)

9 марта. Шли с занятий по Новосильцевской улице и увидели лежащего на снегу солдата. Он уютно свернулся калачиком, голову положил на ком снега. Мы стояли и сомневались: живой он или мертвый? Вдруг Сережка Иванов пнул его ногой и поморщился: солдат был совсем замерзший, как камень. Откуда он шел? Из госпиталя или в госпиталь и когда успел так промерзнуть? Утром его еще не было. Мне сначала нравился Сережка Иванов, и в первую очередь потому, что он похож на Геню. Такой же беленький, с голубыми глазами. А теперь разонравился за то, что пнул солдатика. Ведь к мертвому тем более надо относиться уважительно. (...)

12 марта. Евгения Трофимовна просила, чтобы мы похоронили ее в отдельную могилу. Для этого она оставила 1,5 кг сахара и золотые часы. Но у мамы уже кончились силы. Аня болеет. И мама отдала Трофимовну в общую могилу на Пискаревское кладбище. Теперь же ужасно переживает, что не исполнила последнее желание умершей. Я пыталась ее успокоить тем, что на могилку к Трофимовне все равно некому ходить, а братская могила, может быть, будет охраняться государством. (...)

28 апреля. Копаем землю вокруг наших барачков. Земля твердая, наверное, сто лет ее топтали, и никогда на ней ничего не росло. Но мы копаем, копаем все подряд. В центре города вскапывают все газеты, скверы - все, все под овощи! Мои на Сердобольской тоже получили участок во дворе дома. Я помогала копать и видела в земле много кирпичной крошки. Вырастут ли овощи? Сашета прикапывает удобрение (фекалии). Она совсем высохла, но не унывает, работает. (...)

15 июня. Только сегодня узнала, что еще в марте умерла Верочка Писакина. Умерла уже на Большой земле от дизентерии. Ее сняли с поезда в Саратове, а легкомысленная мамаша поехала дальше. Господи! Неужели она не понимала, что делается на эвакуационных пунктах?! Сколько там больных и слабых людей, и некому хорошо ухаживать. Что ее несло дальше? Стремление к сытой жизни? Верочка! Моя добрая милая подружка, тебя уже нет. А я так часто думала о тебе, как о живой.

22 июня. (...) Поздно вечером мы с Сашетой видели, как Ляля Никитина, живущая в доме напротив, таскала овощи с чужих грядок. Встанет в дверях, оглядится и - раз на грядку! Подергает второпях - и в дом. Глупая, ведь из окон нашего дома все видно как на ладони.

Ляля не принадлежала к нашей дворовой компании, так как жила в другом доме и гуляла в маленьком садике, огороженном с трех сторон сараями. Этот кусочек земли был превращен жителями небольшого двухэтажного дома в райский уголок. Однажды в щель сарая я видела, как из дома выбежала Ляля в бархатном вишневого цвета платье. Позади шла ее мама с расческой. Ляля, щурясь от ярких солнечных лучей, села на скамейку среди цветущих яблонь, а мама нежно и ласково расчесывала ее золотистые косы. Зимой сорок первого умер Лялин отец, а мать, не выдержав блокадного ужаса, перерезала себе вены. Старший брат, кадровый военный, с первых дней был на фронте. Ляля осталась одна. Сослуживцы матери устроили ее на работу в Геофизическую обсерваторию. В начале войны сломали забор, отгораживавший цветущий садик

от улицы, и мы стали собираться на новом месте под грушей. Но Ляля редко выходила к нам, видимо, не совсем уверенно чувствовала себя в нашей сдружившейся компании. Как ей живется теперь одной в эти тяжкие дни? И разве можно осуждать голодную девчонку за съеденную редиску с чужой грядки? Но предупредить ее надо обязательно. (...)

22 августа. Вчера мне исполнилось 15 лет. Но этот день прошел в обычном дежурстве. Я никому об этом не сказала и домой отпроситься не смогла. Да и что тут особенного? 15 лет - даже паспорта не полагается.

Интересно, как бы мой день прошел, не будь войны? Бабушка испекла бы большой пирог и обязательно купила бы раков. Раки - это любимое лакомство нашей семьи. (...)

15 сентября. У нас в роте говорят, что полк будут расформировывать, а бойцов пошлют на лесозаготовки или в степь ловить одичавших лошадей. И якобы малолеток будут отчислять. Очень не хочется, чтобы эти слухи оправдались. (...)

20 сентября. Я не могла действовать, как Валя, так как мои родители живы (кроме отчима), мне есть, где жить, и меня, конечно, отчислили. И вот я уже не в ПКП, а дома, скучаю и прикидываю, как поступить, куда идти работать.

21 сентября. Мама договорилась с начальством, и меня взяли на оборонные работы. Работать тяжело, хотя грунт песчаный. Копаем рывками - 15 минут работаем, 5 минут отдыхаем. Такой режим позволяет в короткий срок отдать максимум сил, а за отдых - накопить их снова. Вместе со мной работают такие же малолетки, как и я. Работаем мы наравне с взрослыми. За это вечером получаем отдых на топчанах в деревянном скрипучем доме. Желавшие могут здесь переночевать. Мы же с мамой идем домой и несем бабушке Сашете кусочек хлеба.

26 сентября. Сегодня объявили, что оборонные работы на нашем участке подходят к концу. Всех фабричных отзывают на фабрику и мою маму тоже. (...)

30 сентября. Сегодня оформлялась на фабрику. Нас, подростков, оформлялось четверо. Пока женщина из отдела кадров ходила с нами и нашими документами по всем начальникам на фабрике и в райсовете, все время боязливо приговаривала: «Ох, где-нибудь да откажут!». Главной причиной остается наш малый возраст. Наконец нам подписали документы - ура! Я теперь ученица ФЗО! (...)

4 ноября. Как выяснилось, «фабзайчат», в основном, бросают на про-

рыв. Выполняем вроде бы несложное дело, но и оно дается с трудом. Вот уже два дня работаю в ящичном цехе. Мне дают готовые рамки (стенки плоского ящичка), к которым надо маленькими гвоздиками прибить фанерное дно. Кажется, чего проще? Но у меня молоток попадает почему-то по пальцам, а гвозди норовят пройти мимо стенки. Для постоянных цеховых рабочих так это - просто игра. С одного пристука забивают гвозди и, не заглядывая на обратную сторону, ставят ящик на сдачу.

8 октября. Не прошло и недели, а я уже на оборонных работах. Из нашего ФЗО пока направили сюда восемь человек. Работаю на строительстве ДОТа в бригаде с совсем незнакомыми людьми. ДОТ строим на набережной Большой Невки у моста Свободы. Мы, четверо девчат, ломami выковыриваем из панели каменные плиты и переносим их на носилках к месту будущего ДОТа. С работой нас торопят, так как не за горами заморозки и зима. (...)

19 октября. Утром, когда я шла на свой объект, было дождливо и холодно. На дороге, у большой ямы, сидели около костра рабочие. Среди них я узнала Алешку Пиотровского, моего бывшего одноклассника. В то время он был озорным, но добрым и недрачливым мальчишкой. В конце учебного года (еще до войны) я получила от Алешки письмо с предложением дружить. Но долговязый избалованный маменькин сынок не нравился мне, а нравился мне с пяти лет Геня, и я ответила ему обидным отказом. Я чуть не наступила ему на ногу, обутую в грубый сапог, но он меня даже не заметил. Алешка, Алешка! Что пришлось нам пережить! Как далеки мы от тех нас, что учились в 6б классе! (...)

20 октября. Хочу пойти в Лесотехническую академию на танцы, а что надеть? Из своих прежних платьев я давно выросла, да и не годятся они, так как совсем детские.

Обратилась к Люсе Курьяк. Она предложила платье, на мой взгляд, очень неплохое, а главное - недорого. Ей мало, а мне - в самый раз. Сшито оно из шелка вишневого цвета. Рукава, чуть собранные в плечах, доходят до локтя. Лиф с небольшим круглым вырезом, плотно облегает талию, а юбка - клеш. Я оделась и посмотрела в зеркало. Да! Я уже девушка. Из-за своего высокого роста я кажусь старше своих 15 лет. Это хорошо.

Сколько ни будет у меня потом в жизни платьев, это первое взрослое платье не забуду никогда. Я его сразу полюбила. (...)

30 октября. Вчера на объекте (недалеко от больницы Эрисмана) был

сильный артобстрел. Снаряд разорвался недалеко и как раз напротив нашей амбразуры. К счастью, мы, все четверо, были за ней, а вот из бригады, разбиравшей на кирпичи старую ограду, убило бригадира - очень славную девушку Катю. Она была энергичная, веселая и очень хорошенькая. Мне почему-то думалось, что песня «Катюша» именно про нее. И вот на носилки положили что-то окровавленное, не имеющее ничего общего с Катей. (...)

12 ноября. Вот и я прошла этот ад - ночную смену в пятом конфектном цехе (шоколадном). Поставили меня на укладку ирисок в те самые ящички, которые я сколачивала в тарном цехе и от которых у меня до сих пор отметины на пальцах и ногтях. Как ни часто представляла я себе обстановку в пищевых цехах, но даже и вообразить себе не могла все эти груды конфект, которые отделяет от двора кирпичная стена. Конечно, трудно это все представить, если почти год кроме кусочка хлеба, каши-размазни и супа, похожего на разведенную водой кашу, я ничего не видела. Повели нас по цеху на рабочее место, смотрю по сторонам, лежат на столах какие-то коричневые бруски, в чанах такая же масса и никак не могу осознать, что это и есть съедобное. Начала укладывать ириски в ящички. Они соединены между собой тонкими пленками и составляют плитку размером как раз по размеру ящичка. Каждую плитку надо переложить бумажной прокладкой, чтобы они не слиплись, так как еще очень свежие, мягкие и ломкие. Укладываю, укладываю и боюсь конфектку в рот положить. Наконец, попалась плитка со смятым углом. Отделяю раздавленные ириски и заменяю нормальными, ну а брак можно и съесть! (...)

7 декабря. Ко мне теперь часто заходит Ляля. Свою «контрабанду» по-прежнему делю между голодающими. Когда у нас варят суп в большой кастрюле, я стучу в потолок, приглашая к обеду Лялю. С тех пор, как уехала Галя Свиглинская, Ляля у нас самая дистрофичная. Она никогда не говорит о своих близких. Смерть отца и матери, отсутствие вестей от брата обрекли ее на полное одиночество. Вчера к нам зашла Ира Малиновская. После ПКП она работает в детском саду. Выглядит хорошо, выросла и возмужала. Шестнадцатого декабря исполнится год, как умерла ее мама. Вспомнили тот ужасный день, когда мы вином, пока оно не кончилось, продлевали ее жизнь.

28 декабря. (...) Я изменила Ване Рожко, хожу на танцы с Лешей Муштафой. Хорошенькая фамилия! Говорят, он татарин, а по мне - хоть

эскимос. Леша мне очень нравится. Он появился у нас на седьмом этаже недавно в новенькой форме младшего лейтенанта. На внешний вид - ничего: густые черные волосы и белые зубы. Но главное, как он держится: веселый, но не трепливый, вежливый, но не приторный. На мой взгляд - все в меру. Пока мы с ним на «Вы», хотя мне всего пятнадцать (но он этого не знает), а ему девятнадцать.

1943, 2 января. Новый год я провела на фабрике, в штабе. Немного выпили за успехи наших на фронте. Закусывали хлебом с селедкой - невиданная роскошь! Говорят, попалась бочка с селедкой вместо яблочного повидла. Я сменилась в ноль часов тридцать минут - надо было дать Тосе встретить Новый год. На пост она пришла, естественно, вместе с Толиком, а я побежала в штаб. Не спали всю ночь. (...)

18 января. Вечером, сменившись с поста, пришла в штаб. Девчонки где-то раздобыли жидкую, несмываемую губную помаду и намазали губы. Я тоже не отстала. Но если девчонки намазали чуть-чуть, то я, неумея, жирно намочила пробку и так навела, что можно было подумать, будто у меня изо рта идет кровь. Сначала пыталась смыть, а потом, махнув рукой, легла спать. Вдруг будит меня тетя Дина: «Вставай, „красавица“, блокаду прорвали!». Я вскочила, хотела поцеловаться, а она, смеясь, отстраняется: думает - замажу. Все побежали на фабричный двор слушать громкоговоритель. Я тоже побежала, прикрыв рот шарфом. Во дворе собралось много народа - вся ночная смена и штабники. Радость была так велика, что многие плакали. Я впервые поняла, как плачут от радости. Утром привезли наших девчат, временно работавших на ликероводочном заводе. Они отметили там это радостное событие так, что всех вели до нар как больных.

На работу мы шли веселые и счастливые. В цеху то и дело собирались в кучки, обсуждали события. Начальство не ругалось, да его и не было видно. После работы нам объявили, чтобы бойцы команд ПВО собрались в штабе. Даже те, кому положено идти домой. Нас отправили на уборку снега. За сутки его столько намело, что не пройти и не проехать. Наши девчонки с ликероводочного были «больны» и выйти на снег не смогли. Поэтому мы отработали до полночи. Но их никто не ругал, так все были довольны и счастливы. Жаль, не могут порадоваться со мной мои погибшие ребята. Так много счастья и почти не с кем разделить! Думали, немцы от злости забросают нас бомбами, но они притихли. Видно, находятся в шоке.

25 января. Ходили с Лешей в кино, смотрели «Парень из тайги». Перед фильмом демонстрировался киножурнал о прорыве блокады. Когда показывали момент соединения Ленинградского и Волховского фронтов, то в зале, так же, как и на экране, кричали «ура» и бросали вверх шапки.

29 января. Под Сталинградом немцы окружены и разгромлены окончательно! У меня все по-старому. Работаю, дежурю в штабе. Настроение хорошее, да и не только у меня. Леша уехал в командировку. Опять около меня ходит Ваня Рожко. Нет, все напрасно: Леша со мной, даже когда его нет. Жду, когда он появится. Обычно Леша выходит во двор, садится на перила беседки и украдкой поглядывает на наши окна. Скорей бы! (...)

10 апреля. Долго не писала, так как не было никаких особых событий. Не для того я завела дневник, чтобы описывать, как я с парнем хожу в кино или на танцы. Да и хожу не так уж часто. То я на дежурстве, то Леша в командировке. (...)

3 мая. Первое мая отпраздновала так, как и мечтать не могла. Наш директор фабрики Мазур устроил банкет для всех рабочих. Каждый цех убрали и украсили по-праздничному, сделали длинные столы, которые накрыли белыми накрахмаленными скатертями и сервировали, как в хорошее довоенное время. Вокруг ходили официантки и обслуживали не хуже, чем в первом классе ресторана. Было шампанское и еще какое-то красное вино. Водки, по-моему, не было. Угощение состояло из бутербродов с красной рыбкой и копченой колбасой, потом принесли тушеное мясо с картошкой. Выпив бокал шампанского, я очень захмелела, поэтому тихо сидела и слушала тосты наших цеховых руководителей. Было так хорошо, что в одно мгновение мне показалось, что мы празднуем победу. Потом пошли на фабричный двор, где устроили танцы. Я не танцевала, так как у меня еще зимой развалились туфли. Я была в бабушкиных кожаных тапочках и поэтому жалась в сторонке. Но это не испортило мне праздник. А на дворе немного захмелевшие начальники так отплясывали, что любо-дорого было смотреть. Баянист играл все, что просили: русского, цыганочку, барыню и даже кадрили. (...)

6 июня. (...) Мама немного поправилась. У нее завелся дружок Сима, небольшого роста, неказистый мужичок. Теперь на «заработки» в пищевые цеха они ходят вместе. У Симы все погибли зимой 1942 года. Удивительно, как он сам-то уцелел! Уж не объедал ли своих, как это делал отец двух девочек из шестой квартиры? Я его стараюсь не замечать, мама же

обижается, говорит, что Сима очень хороший человек. Ну ладно, будем считать так. Вообще-то ей, действительно, везет на хороших людей.

Налеты с воздуха и обстрелы не прекращаются ни днем, ни ночью. Расположение орудий на высотах позволяет немцам вести прицельный огонь. Из-за этого очень много человеческих жертв. (...)

3 сентября. Услышала по радио, что Художественное Промышленное училище производит дополнительный набор на первый курс. Можно поступить с шестью классами. Бегу в школу за справкой. (...)

22 сентября. Вчера был первый урок живописи. Пока будем писать только акварельными красками. Учитель, на вид болезненный и истощенный человек с красивой бородой и смелой манерой общения (мальчишки тут же прозвали его Шишкиным), попросил сдать ему тюбики с черной краской. «Акварель, - сказал он, - легкая, прозрачная краска, она не терпит черноты и какой-либо мутности. Даже глубокие тени учиться писать без ее помощи». (...)

3 октября. Наступление наших войск теперь не остановить до самого Берлина! Все так говорят. Настроение хорошее, приподнятое. Часто захожу в парикмахерскую на Литейном, делаю завивку щипцами. Волосы у меня послушные, этой прически хватает на всю неделю. На танцы ездим в клуб МВД или в Мраморный только по субботам или воскресеньям. Мне необходимы модельные туфли. Не могу же я все время танцевать в чужих! Решили продать швейную машину (подарок бабушки Кати) и купить хорошие туфельки. Сплю и вижу светлые, изящные, на невысоком каблучке. (...)

20 октября. Наши ребята из НКВД с седьмого этажа переехали в домик, где раньше была парикмахерская. Встречаемся теперь реже, и узнать, где Леша, нет никакой возможности, а от него - ни слуху, ни духу. Думаю, что он потерял ко мне интерес. А я вспоминаю его почти каждый день. Очень хочется увидеться. Ничего не слышно о Леше и от его ребят, а спрашивать я не хочу.

25 октября. Приехала из училища - дома никого, холодно, тоскливо. Затопила печку, с ней, горячей, всегда уютней и веселей. Смотрю на яркое пламя, глаза слезятся, слезы так и текут по щекам. Сижусь, плачу сама не знаю о чем. Прогорели дрова. Стою я в темной комнате, прижавшись к теплой печке, и такое у меня состояние, словно жду чего-то, на душе тревожно. Неужели это по Леше тоска, неужели влюбилась? И так мне захотелось, чтобы он пришел. Леша! Вдруг раздался звонок, и сердце

забилось так часто, что я задохнулась, не могу сдвинуться с места. Потом отворила дверь - на темной лестнице стоял Леша! Я сумела быстро скрыть свои чувства, свое смятенное состояние и спокойно предложила войти. Теперь такое время, что гостя не угощают, так как нечем. Мы сели на диван и проговорили около часа, пока не пришла Сашета.

Говорили так, ни о чем, то есть ни о чем серьезном. Я делала вид, что немного рада его приезду, хотя на самом деле была просто счастлива. Он, как всегда, шутил. Потом Леша ушел, не сказав, когда снова появится здесь, и я не спросила. Когда между нами пробежала черная кошка? Говорят, что разлука гасит маленькую любовь, а большую раздувает еще сильнее. Ну, конечно, откуда было взяться большой любви? (...)

21 ноября. Вчера мельком видела Лешу. Собрались с девчатами в кино, пошли на трамвай. Вижу, они себя как-то странно ведут, захотели идти на другую, дальнюю остановку. Пospорили, потом все же пошли на ближнюю остановку к бывшей парикмахерской. Сели в трамвай, и тут Тося мне шепнула, что приехал Мустафа. Я хотела выскочить, но меня прижали к сидению. Смотрю на их дом, а в окне - Лешка, глядит во все глаза, да на другой вагон, меня не видит. Так наши глаза и не встретились. В кино я ничего не видела: передо мной стояло милое, встревоженное лицо Лешки. Ну и подружки! Хотели скрыть от меня его приезд, увезли насильно в кино. А может быть, так лучше? Ведь он почему-то не зашел ко мне.

7 декабря. (...) В воскресенье, от нечего делать, мы с Тосей зашли в красный уголок. Смотрим, а там новые лица - офицеры с погонами артиллеристов. Разговорились.

Оказалось, что их часть расположилась в школе недалеко от нашего дома. Мы познакомились с Володей Филипповым и Женей Сладковым. На следующий день пригласили их ко мне домой. Узнали, что Володя медик, а Женя почему-то химик. В тот вечер у меня была Ляля, и мне показалось, что Жене она понравилась. (...)

18 декабря. Вчера Володя пришел раньше обычного и без Жени. Он признался, что ему с Тосей скучно и он хочет встречаться со мной. (Вот это поворот!) Володя пригласил меня на очередной спектакль в Выборгский Дворец культуры. Вечером я сказала об этом Тосе. Она вздохнула и, как мне показалось, с облегчением.

22 декабря. Встречаемся по-прежнему у меня. Женя Сладков не может прожить и дня без Ляли. Она расцвела и очень похорошела. В этом

году у Ляли большой огород рядом с Геофизической обсерваторией. Овощи, особенно картошка, сыграли немаловажную роль в округлении ее фигуры. Одно плохо: Ляля стала курить, и ее тяга к куреву очень сильна. Постоянное ее желание - найти покурить, так как своего курева у нее никогда не бывает. Хотя Женя не курит, мне он признался, что очень понимает Лялю. Ведь в самые голодные месяцы по карточкам давали табак, и многие стали курить, чтобы заглушить голод. И вот - голубоглазая, с шикарными золотистыми волосами, девчонка с самокруткой во рту важно выпускает дым через курносый носик. «Женя, что же делать, как отучить ее?» - переживаю я. Он отмахивается: «Это не самое страшное».

25 декабря. Володя пригласил меня на фильм «Сто мужчин и одна девушка». Я охотно согласилась, и мы поехали на Невский в кинотеатр «Октябрь». У кинотеатра толпился народ, спрашивали лишний билетик. В фойе было тепло и уютно, играл небольшой оркестр. И тут началось...

Где-то невдалеке разорвался снаряд. Мы почувствовали это по сотрясению здания. Но оркестр играл, люди спокойно слушали. Следующий снаряд упал совсем рядом, вылетели стекла, затрепетали и надулись, как парус, синие шторы. Оркестр перестал играть, но никто не расходился. Вошел администратор и хотел что-то сказать, но разрыв следующего снаряда заглушил его слова. Махнув рукой, он вышел. Я огляделась. Оркестра уже не было, народ устремился к выходу. Я разозлилась, прошла через фойе и демонстративно села у самого окна. Мне так хотелось посмотреть этот фильм с Диной Дурбин!

Володя сел рядом и сказал, что я смелая девчонка. В тишине мы услышали стоны раненых под самым окном кинотеатра. «Сойди вниз и подожди меня», - сказал Володя и побежал оказывать медицинскую помощь. Я долго ждала его, потом не выдержала, прошла через черный ход и пошла к Невскому. На углу чуть не споткнулась об убитых, которых я сначала приняла за грязную кучу снега. Я вскрикнула и попятилась. Не знаю, почему это так напугало меня, ведь за блокадные дни я видела не одну сотню трупов. Вдруг почувствовала, что кто-то взял меня за плечи. Володя! Я обрадовалась ему как родному! Володя рассказал, что один снаряд попал в трамвай, когда он пересекал Литейный проспект; другой разорвался тоже на Невском, у улицы Рубинштейна. Поскольку рельсы были разбиты, и по Литейному трамваи не шли, мы отправились домой пешком.

Каждая серая куча снега, лежащая у тротуара, нагоняла на меня необъяснимый страх. Я невольно пристально всматривалась и, убедившись, что это снег, с облегчением проходила мимо. Конечно, я старалась, чтобы Володя ничего не заметил. У Финляндского вокзала мы сели в трамвай, который шел на Выборгскую сторону, и, наконец, добрались до дома.

28 декабря. Вечером Володя предложил погулять по парку. В городе грохотали непрерывные обстрелы, и ехать туда было просто безрассудно. Мы прошли по парку до самого конца и обратно. Был чудесный зимний вечер. Медленно падали крупные снежинки. Деревья, кусты и провода были выбелены инеем. От легкого морозца снег поскрипывал под ногами, а в воздухе пахло свежестью. Когда мы проходили под фонарем, Володя внезапно обнял и поцеловал меня. Мы прошли еще немного и - опять поцелуй под фонарем! Я не выдержала и рассмеялась... Володя сказал, что у них намечается грандиозная встреча Нового года и что он хочет, чтобы я была с ним. В чем же мне пойти? Туфли есть, а платья нет. Мое единственное вишневое - не по сезону. На помощь пришла Лида Рябцева. У нее много нарядов, она старше меня на два года, и ее родители успели хорошо одеть дочь еще до войны. Теперь эти наряды Лида с радостью дает девочкам, оказавшимся в затруднительном положении. Мне подошло черное бархатное платье с белым кружевным воротничком и такими же манжетами. Спасибо тебе, Лида, за доброту!

Прибежала сияющая Ляля, она тоже идет с Женей встречать Новый год.

1944, 2 января. Какой был Новый год! Я даже в мечтах не могла бы придумать лучшего. Ребята зашли за нами, и я заметила, как заблестели глаза у Володи. Видимо, я ему очень понравилась в бархатном платье. (...)

Пришли в дом. В передней теснота ужасная, пальто и шинели висят горой с двух сторон, еле пролезли между ними. Вошли в комнату и ахнули! Комната - этаж с три наших, метров 45-50. Настоящий зал! Шикарный мраморный камин, у окна елка, а посередине - длинный стол, очень красивый в праздничном убранстве. На столе красиво нарезаны и уложены американская тушенка, колбаса из банок, мясо ломтиками, огурцы и прочие деликатесы. Но это я уже потом разглядела. А когда мы вошли, нам с Лялей сразу подали кресла и стали подходить знакомиться. Из девушек мы были пока одни. Наши ребята куда-то ушли, и мы остались среди незнакомых парней. Один из них уселся у моего кресла

прямо на ковер и стал вести «светскую» беседу. Лялю обступила целая толпа офицеров. Я заметила, как она натянула платье на свои все еще тонкие ножки. Господи, какое внимание! Я думала, что так бывает только в кино. Завели патефон, стали танцевать. Я заметила одного парня, сидящего за столом у стены с очень грустным видом. Подошли новые ребята, появились и девушки. Но теперь никто не знакомился, только здоровались. Офицер на ковре спросил, сколько мне лет. Я сказала, что шестнадцать с половиной. Он с улыбкой покачал головой. Пришел комбат с женой, и все стали садиться за стол. Мы с Володей оказались напротив того грустного парня. Его зовут Саша Романов. Володя шепнул, что у него в оккупации погибли все родные.

Комбат встал, и все затихли. Он сказал несколько слов о нашем победном шествии на фронтах, напомнил, что предстоит еще много боев, и один из них будет очень скоро. Потом поздравил с наступающим Новым годом. Часы пробили полночь, все закричали «ура!». Подняли бокалы. Ну а потом - разговоры, танцы и опять застолье. Женя и Володя все подкладывали нам с Лялей еду, знали, что мы голодные. Но разве накормишь за один раз, если голодали не один год? Я рассматривала людей, сидящих за столом. Володя называл имена своих товарищей, коротко рассказывая о них. Как я поняла, это минометчики. Сейчас у них небольшой отдых перед очередным броском.

Как мне не хотелось, чтобы кончалась эта новогодняя ночь! Но она кончилась, и мы пошли домой. На прощание Володя сказал, что мы обязательно отметим и старый Новый год, если только их не отправят до 13 января. (...)

7 января. Вчера мы уже легли спать, как вдруг звонок. Я накинула свой синий сатиновый халат и открыла дверь. На площадке стоял... Володя. Я замерла от неожиданности. Он вошел в переднюю и как-то робко посмотрел на меня. Оказывается, Володька приехал с попутной машиной. Через час она пойдет назад и прихватит его. Он не захотел пройти в комнату, стеснялся спящей Тоси (он так и не знал, что мы не сестры и живем в разных квартирах), попросил постоять с ним в передней. Мы стояли, прислонившись к комоду, и тихо разговаривали. Удивлению моему не было конца. Ехать два с половиной часа, чтобы часок поговорить с девчонкой, которую и знал-то всего около месяца!

Оказывается, Володя понял, что не сказал мне самого главного, и все думал, как бы исправить дело. А тут машина, вот он и приехал. Володя

признался мне в любви и попросил считать его своим другом и защитником. Я, к сожалению, не смогла искренне ответить на его чувство. Я еще не поняла, разлюбила ли Лешу, и не знала, как сложится дальше моя еще совсем юная жизнь. Я стояла и молчала, а он и не допытывался, ему и так было хорошо. Но вот он одел шинель, поцеловал меня, крепко пожал руку, сказал: «Пиши чаще» и ушел.

Я легла в постель и думала о Володе, Жене, Саше и других знакомых мне офицерах, которые сейчас готовятся к большому бою.

12 января. Получила письмо от Володи. Он пишет: «Привет с фронта! Здравствуй, многолюбимая Галя!!! Спешу передать пламенный привет и массу наилучших пожеланий. Галя, как хорошо вспоминать наши встречи. Ведь это были беспредельные радости и счастье, которого мы, возможно, не скоро опять испытаем. Ты только знай, что у тебя есть друг, который помнит о тебе всегда и везде, в любой обстановке и с нетерпением ждет встречи»... Далее слова песни из кинофильма «Два бойца»: «Как я люблю глубину твоих ласковых глаз...» и так далее. Далее следует привет маме, бабушке, Тосе и Ляле. О боевых действиях ни слова.

Письмо - воинское, с картинками: боец, показывающий пробитую немецкую каску, и пионер, в руках которого табель с отличными отметками. Посредине написано «отличники», а сверху - «Смерть немецким оккупантам!». Адрес Володи очень короткий - полевая почта 86732.

А за окном - гул артиллерийской канонады. (...)

20 января. Сегодня в почтовом ящике нашла записку с просьбой зайти в госпиталь. Подпись - Саша Романов. Я сразу побежала, но в проходной госпиталя сказали, что сейчас обед, а потом будет тихий час. Пришла второй раз, пропустили. Нашла Сашу, он ранен в руку и в шею. Оказывается, Володя дал ему, на всякий случай, мой адрес. А случай - вот он: госпиталь рядом с нашим домом. Саша рассказал про первое наступление, про то, каким шквальным огнем сметают фашистов «катюши». Когда его ранило, он долго лежал, засыпанный землей и снегом, пока сам не откопался и его не подобрала санитары. «Вообще-то, - сказал Саша, - мне жить не хотелось с тех пор, как получил известие о гибели всей семьи. А когда засыпало, лежу живой в могиле, нет, думаю, еще поживу». Мне показалось, что он стал веселее, оживленнее. Буду к нему заходить.

Дома все по-старому: Сашета сторожит магазин, мама работает в механическом. Дома мама почти ничего не ест, оставляет нам с бабушкой.

И все равно все время хочется есть. Уже освободили Ропшу, Красное Село, Петергоф. Может быть, скоро совсем не будет обстрелов? Такое не укладывается в голове. Неужели совсем не будет?

21 января. Когда Володя уезжал, то подарил мне на память маленькую фотокарточку. В выходной решила нарисовать его увеличенный портрет. Получилось очень хорошо, я даже пожалела, что рисовала на серой бумаге - не ожидала, что так удачно получится. По радио сообщают об освобожденных поселках, немцев выбили уже из Новгорода!

Я представила себе наших ребят, находящихся в непрерывных боях, на холоде, рядом со смертью. «Господи, помоги им», - говорит моя бабушка.

23 января. Пришло третье письмо от Володи. Он пишет, что отправляет так мало писем, потому что писать некогда и негде. С тех пор, как уехал из Ленинграда, не снимал с себя ни валенки, ни шубу. Сейчас находится за двести километров от нас, пишет на ходу, едут быстро и писать неудобно. Как бы мне хотелось хоть несколько дней побыть там, где делают свое святое дело Володя, Женя и другие ребята. (...)

27 января. Могучий голос Левитана: «Сообщение Совинформбюро. Полное освобождение Ленинграда от вражеской блокады!». Вот оно, такое долгожданное и радостное известие. Вечером будет салют! Нет, не могу писать, плачу от счастья.

28 января. По приказу генерала Говорова был дан салют в 24 залпа из 324 орудий. Наш город салютовал войскам Ленинградского фронта. Это привет и благодарность от ленинградцев Володе, Жене и всем, всем, кто нас освободил. Салют был грандиозный. Казалось, что гром и свет от залпов дойдет до фашистов, и так им станет жутко, как никогда еще не бывало. Когда раздавался очередной залп, у меня мурашки бежали по спине, так это было торжественно и красиво. Прожектора освещали шпиль Петропавловской крепости, Ростральные колонны и здания у Дворцового моста. Народа было - сколько хватало глаз, многие плакали.

Да, мы пережили много горя, теперь пришло время радостям, а главная радость - еще впереди. И я верю, что окончательную победу уже не долго ждать!

ДНЕВНИК
КАПЫ
ВОЗНЕСЕНСКОЙ

«Январь прошёл у нас не лучше декабря. В январе у нас умерли бабушка Груша, дядя Вася, тётя Шура, Сима и дядя Женя». Пожелтевшая тетрадка в линейку. Неизвестный почерк. Незнакомое имя. История этого дневника - детектив. Весной 2010 года во время капитального ремонта в Петербурге, в квартире на Галерной, 41, на антресолях, между проеденными молью пальто и старых телевизоров были найдены эти записи. «Капитолина Вознесенская» - значилось на первой странице. И это всё, что было известно.

Молодая семья Пестриковых, жильцы квартиры на Галерной, в которой когда-то жил Блок с женой, а потом была коммуналка, в которой постоянно сменялись жильцы, порой забывая свой скрб на общих антресолях, передали находку в небольшое питерское издательство «Красный матрос». Издательство выпустило дневник отдельной книжкой к юбилею снятия блокады.

К тому моменту изыскания в архивах и запросы в МВД не дали никакого результата, и следа автора дневника по-прежнему не было найдено. Но после публикации история Капы, обрывающаяся в 1942-м, начала проясняться.

Через знакомых Капитолины выяснилось, что дневник она начала вести в 14 лет, что пережила блокаду, после войны работала на железной дороге, а до выхода на пенсию - заместителем директора по кадрам «Ленбытхима». Умерла в 1995 году, схоронив за 40 дней до своей смерти единственную дочь и не вынеся этой потери. Муж Капы Вознесенской лишился квартиры и доживал у родных, в коммуналке на Галерной. Вместе с невеликими пожитками он взял с собой и блокадный дневник умершей жены, который после его смерти, видимо, вместе с прочими вещами и переехал на общие антресоли...

1941

24 октября. Сегодня утром мы ходили за хлебом у нас очень холодно еще не топят спасаемся керосинкой. Незнаю чтобы мы стали делать если бы ее не было. Мама мочит горчицу надеясь из нее делать лепешки не знаю что из этого выйдет. После обеда мы пошли к Тете Тоне и она дала нам целую сетку посуды. Дядя Сережа сегодня принес буржуйку а папа целый мешок капустных листьев. Наверное с завтрашнего утра начнут топить. А керосинку Томилины фиги с две получают, пускай тогда отдадут нам кислую капусту. (...)

Без даты... что с ним никогда не бывало потерял хлебные карточки. Свою, мою и Танину и мы теперь живем на 400 грамм хлеба. Спасают сухари, мама вечером дает всем по 5 сухариков (они у нас маленькие нарезанные в форме детских сухарей), и утром когда дядя Сережа и папа уходят, мама дает им по 8 сухарей. Но все мы рады что уехали из того ада, наверное скоро будем эвакуироваться. Дядя Сережа достанет нам отдельную теплушку, и мы уедем куда-нибудь подальше. (...)

5 ноября. Таня ушла как обычно рано в школу, мама в школу, папа и дядя Сережа на работу. Я осталась одна. Прибрала комнату и села читать. Вскоре пришла мама ничего не принесла. Я кончила читать, принялась вышивать. Хочу к завтрашнему дню закончить. Не знаю что выйдет, потом мама вскипятила какао и мы попили его с хлебом с кокосовым маслом. В наш дом сгружают в подвальное помещение продукты для военных, говорят, что нехорошее соседство. Но по моему много не сгрузишь в такое маленькое помещение, да прямо-то вообще не хочется думать об этом. На улице Надеждинской сбросили бомбу в дом, отломилась как раз половина дома, прошло все этажи (дом пятиэтажный). Наверное много жертв.

Вчера-то оказывается в наши корпуса попала бомба но не разорвалась, а тоже много бы бед было.

Папа сегодня с работы принес 7 порций щей, да еще пролил в трамвае на людей, которые к несчастью близко от него были. Сегодня у папы в столовой стибрили 200 гр хлеба и главное под носом лежал он у него. Ну да это хорошо, следующий раз будет умней. Из-за артиллерийского обстрела нам пришлось сидеть в подвале, сидя там мы слышали как завывала сирена. Тревога продолжалась около часа. После отбоя мы пошли домой, попили чаю и легли спать. Вдруг слышу мама меня будит, а я какой-то сон хороший видела, я села на кровать и ничего не соображаю,

потом прислушалась, воеет сирена, тогда я только сообразила что тревога. 15 минут 1-ого тревога кончилась. Мы легли спать и спали спокойно. Сегодня еще приходили Оля, Ляля и Валя. Павловым дали комнату где и Лавыгиным, они уже туда перебрались и уже две недели спят раздетыми (но у них второй этаж а у нас пятый). (...)

9 ноября. Сегодня Таня выходная. Так как в комнате было холодно то мы пили чай в кровати. Мама ушла за водой. (Это очень смешное зрелище: по улицам Ленинграда носятся сердитые граждане кто с ведром, кто с чайником, кто кастрюлей.) Таня встала, а я доканчивала вышивку рубашки. Вскорее пришла мама и нам попало что мы не беремся за уборку. (...) Мы сделали все уроки кроме алгебры. Сели, ничего не хотелось делать. Только хотелось есть. Наконец раздался долгожданный звонок, пришел дядя Сережа. Сегодня у него была неудача, он принес мало супу, но мне хватило. А Таня до того наелась шей что потом не могла нагибаться. Удивительно жадный человек. Сегодня дядя Сережа принес нам с ней по рубашке, она забрала себе сразу две. Дядя Сережа хотел воспротивиться этому, но мама сказала что пускай берет их. И что у нее есть мне на рубашки. Вчера-то оказывается была сброшена затяжная бомба на Коломенской, она-то и взорвалась когда наш дом закачался. Больше не было тревог, спали спокойно. (...)

11 ноября. Рано утром мы с мамой поехали на Васильевский остров зарегистрировать карточки и заодно подать заявление об выписки. Когда мы туда приехали тетя Шура делала котлеты из свинины. У них все есть. Да и еще будет. Такие люди не пропадут. Михаил с нами не разговаривал. Да и мы с ним тоже. Сегодня это говно осмелился поднять руку на Симу и обозвать ее горбатой, это ему даром не пройдет. Вскорее мы оттудова уехали. А Мишка отнял от меня перчатки хотя они ему совсем не нужны.

18 ноября. Вот уж сколько дней я не пишу в дневнике. Не писала я из-за холода. У нас лопнул котел и в комнате стоял жуткий холод. Дядя Сережа ходил ругаться к Кацу (это наш управдом). Не знаю это ли на него подействовало но вот второй день как начали топить, сегодня были такие горячие трубы как никогда. В комнате постепенно нагревается все. Вчера нас залило. Вода лила с потолка ручьем. Мама и Ольга Ивановна черпали воду ведрами и относили в ванную. К нам надвигается беда, кончается капуста. Не знаю, что мы тогда будем есть. Дядя Сережа предложил взять у Томилиных нашу капусту, но мама ни за что на это

не соглашается. Папа так согласен. Но правда это выйдет очень неудобно, недаром говорится в поговорке «Серый кот обратно не отдает». (...)

25 ноября. Сегодня у нас произошло событие, которое мы никак не ожидали. Мама сварила супу с овсянкой и поставила его на плиту чтобы он упрел. Через некоторое время суп загустел и мама была очень обрадована, что овсянка так разварилась и что на это пошло мало дров. Посидя немного в комнате, она опять пошла полюбоваться на овсянку. И к ужасу увидела, что половины ее нету. Она сообщила об этом Александре Ивановне и Зинаиде Федоровне. Обе они подразумевают Умрихиных. Мама очень расстроилась потому что у нас очень мало овсянки. И к тому же скоро должны придти дядя Сережа и папа. Но нечего было делать и пришлось ей суп снова варить. Таня сегодня ходила в школу, на уроках присутствовало 12 человек, а вчера было восемь. Какое же теперь учение в голод. (...)

28 ноября. Сегодня уже третий день как мама ничего не варит. У папы опухли ноги. Дядя Сережа сильно похудел. У мамы постоянные головокружения. Я же чувствую смертельную слабость. Когда сегодня были тревоги и нам пришлось сойти в подвал, потому что сильно бомбили, и мы в 5-ом этаже качались как на качелях. Я спустилась туда еще ничего, но оттуда еле-еле поднялась держась за перилы. Когда быстро встанешь то сразу пошатнет и потемнеет в глазах. Немец теперь взялся бомбить днем. Начинает он примерно в 1-ом часу дня и кончает в 5 или в начале 6-ого вечера. Эти дни кроме сегодняшнего мы сидели дома, но сегодня сидеть было невозможно. Но удивительно, нашего аэроплана ни одного не было. Наверное все угнаны на московский фронт. Говорят что это решающие дни. (...)

1 декабря. Вот уже началась зима, а война еще не кончилась. Немец все время бомбит и бьет из орудий по Ленинграду. Сегодня папа не принес конфет а принес только дрожевого супу, да и то сказал что принес он его последний день. На завтра у нас осталась одна кастрюля супу. Вечером не пили чаю, не с чем. Мама хотела попросить в долг сахару у Зинаидушки (она у нас тоже брала), но та расплакалась что у нее нету его, а сама компот варит, что есть приторно. Противная баба. Только и знает что хвастается что очень добрая. Вчера Виктор пошел в очередь за пивом, мама дала ему наши карточки чтобы он заодно получил и нам. Когда он пришел, мы не видели. Вскоре мама спросила Зинаиду, что, принес Виктор пиво? Та возвратила карточки назад с ответом, где

уж ему достать. А на самом деле он достал его. Я когда-нибудь это припомню.

3 декабря. Утром дядя Сережа не пришел, и мама волновалась что с ним. Днем мама подогрела ему супу, но он тоже не пришел, а пришел только часов в 8 вечера и принес мешок капустных листьев и мороженых кочерыжек. Они очень вкусные как сахарные, но очень холодные, так что зубы захватывает. Дядя Сережа вчера ничего не ел и питался одними этими кочерыжками, так что они ему опротивели. Паек опять снизили, рабочим урезали крупу на 200 г и мясо, служащим так же. Я думаю, что если это продержится еще неделю, то папа у нас умрет, на него страшно посмотреть, кожа да кости, ходит как тень и качается во все стороны. 3-ий день сидим без чаю, нечего пить. Ну что для него для мужчины 125 грамм хлеба и дрожжевого супа без единой крупинки. Масло кончается. Хорошо что есть капуста. (..)

6 декабря. Декабрь это страшный месяц, потому что 20 декабря умер папа. Мне очень жалко, что я не видела как он умирал. Никак не могу свыкнуться с этим, все думается, что вот вот раздастся звонок. Мне часто он снится во сне. Чтобы я сейчас дала, чтобы он был жив! Карточкой хлебной нам не пришлось попользоваться, потому что когда мама пошла за хлебом рано утром (было еще темно, в магазинах горят коптилки), у нее продавщица их украла. В общем декабрь у нас прошел ужасно.

1942

Январь. Январь прошел у нас не лучше декабря. В январе у нас умерли бабушка Груша, дядя Вася, тетя Шура, Сима и дядя Женя. Январь мы очень голодали. Как раз были очереди за хлебом. Приходилось стоять 6 часов. Мама очень похудела, выглядит что смерть. Недавно мама ушла за хлебом в 7 часов утра и пришла в 6 часов вечера. В магазине ей сделалось плохо, она упала. Не могу передать, что я за это время пережила. Я теперь очень боюсь, когда она далеко уходит. Она очень себя плохо чувствует. Мы ее с Таней никуда не пускаем. В этом месяце никаких нету выдач. А когда они есть, мы с Таней премся на Балтийский в распределитель. Все это кошмар.

Март. В этом месяце у нас чуть не умерла мама, ей все говорили, что она больше пяти дней не проживет. Она шла и падала. Это у нас получилось вот почему. У нас тетя Оля отрезала талон на 500 гр. крупы, и нам не хватило. Я стала ходить в столовую и брать по 5 каш. Конечно мы быстро протряхнулись, и у нас за 10 дней до конца месяца ничего не

осталось. И мы с Таней вынуждены были каждое утро идти на Клинский рынок и покупать маленький кусочек дуранды кокосовой за 60 рублей. Варили днем и вечером бурду, о которой противно вспомнить. Ясно, мамино здоровье подорвалось. Хорошо, что Шумовские достали нам свинины по дорогой цене, этим спасли маму от смерти.

Апрель. В апреле слава богу мы жили хорошо. Мама сперва устроилась на базу сторожем, а потом в магазин. На базе она познакомилась с заведующим, и он ей начал доставать по дорогой цене крупу по 400 руб., а потом по 500 сахар, рис по 650 руб., сгущенного молока по 200 руб., мука по 500 рублей и мясо по 150 руб. Мама поправилась, но сначала все же была очень плоха, так что на работу еле ходила с палочкой, а с работы ездила на санках (я за ней приезжала). Да, чуть не забыла сказать, что я поступила в ремесленное училище, кормят вкусно, но очень маленькие порции. Прямо только цыплятам, но все это не беда. (...)

Июнь. В июне нас отправили с ремесленным на огороды.

30 июня. Разбудили нас в 30 мин. 7-го, позавтракали. Сегодня на завтрак давали колбасу копченую по 25 гр. Плохо только что ее обварили кипятком. Сейчас тороплюсь на ночное дежурство. Завтра буду целый день свободна. Надо еще написать письмо маме в Ленинград. Нас наверное тоже туда скоро отправят. Хочется, но боюсь обстрелов. Там очень жутко. Немец собирается Ленинград брать штурмом, это очень жутко. Севастополь немец штурмует 28-ой день, от него ничего не осталось, но жители пострадали мало, потому что все закопались в землю, там ведь горы. Вообще говорят, в июле должно все решиться.

1 июля. Сегодня утром опять дали колбасу. Вчера я дежурила ночь и поэтому сегодня отдыхаю. Сразу после завтрака нам объявили что 2-го будут обстригать под плешку. У нас конечно все взбунтовались. Ну хорошо, повели нас в парикмахерскую, 3-их девчонок удалось обстричь. А мы убежали, когда пришли в столовую, докторша запретила давать нам (у кого волосы не обстрижены) обед, тогда я не долго думая подвязала голову платком и пошла в столовую. Вышло как будто обстриженная, так и пообедала, а девчонок морили до 6 ч. вечера. После ужина я собрала монетки и обманным путем убежала в Ленинград.

2 июля. Со мной в город убежали: Ледя, Нина, Тася и еще несколько девочек с новой группы. Сегодня, когда я пошла за рационом, узнаю, что наше ремесленное эвакуируется в Казань или Куйбышев. Всем обязательно можно взять родителей. Прямо ум за разум заходит. Мама

никуда не хочет двигаться, наши на некоторых участках фронта отступили. Вот тебе и на. (...) Эвакуироваться не буду. Хочу устроиться на работу. (...)

4 июля. Завтра в 3 часа 30 м наше училище уезжает в Куйбышев. Говорят с Московского вокзала и через Москву, но мне что-то не верится, наверное, через Ладогу. Я не еду. Не знаю как я завтра покажусь в училище. Хочу устроиться на работу почтовым агентом. Сегодня наши войска оставили город Севастополь. На Международном продаются духи, небольшой флакон 110 рублей. Сегодня была в санобработке. Там мальчишки моются вместе с девочками, какое-то безобразие. Выдали нам простынь, майку, трусы, рабочую рубашку и ватное полупальто.

5 июля. Сегодня наше училище уехало. Нас осталось в Ленинграде 5 человек девочек и несколько мальчишек. (...)

11 июля. (...) Получив обед мы неспеша пошли домой, начали подходить к Троицкой церкви, как грохнет снаряд совсем рядом. Потом раз за разом как начали свистеть снаряды. Народ побежал в разные стороны, а я не думая ничего, побежала что дура в сад. Мама мне крикнула, чтобы я бежала в парадную, я бегу, а снаряды все рвутся, а я бегу с супом и с кашей. Наконец добежали до парадной, обстрел продолжался минут 35. Наконец он кончился, и мы быстро пошли домой. Пришли, не успели поесть, как по радио объявляют опять обстрел, а еще пожары не потухли и пахнет порохом от того обстрела. Этот обстрел продолжался наверное 1 ч. 30 м. Что-то немец взялся. Прямо не знаешь, эвакуироваться или нет. Наши сдали г. Россошь. (...)

22 июля. Сегодня я дежурная по кухне, пришлось вставать рано, неохота было. Разбудила меня Дина. Сегодня утром давали кильки по 50 гр. Я их сама вешала. Все эти дни идут дожди, так что мы не ходим на работу. Холод на улице жуткий. Не похоже что лето. Теперь нам мальчишки здешние не дают покою. Всех ремесленников избивают. Мне вчера камнем попало по виску (чуть кровь не пошла) и раз по ноге и по спине кирпичем. Дина, Юрка и Ира собрались в кино, но их не пустили. У нас сегодня пропала корова, точнее убежала от пастухов, и все хозяйственники ее искали. После долгих поисков наконец нашли. За это хозяйственникам дополнительно выдали по 75 гр. хлеба и по 400 гр. горячего молока.

23 июля. (...) Мы сегодня хотели идти в кино, но было очень поздно, и мы немного только прошлись по воздуху и вернулись. Одна девочка

привезла из Ленинграда гитару, но очень расстроеную, и мы хотели сходить к мальчишкам попросить, чтобы они ее настроили. Но только мы стали подходить к общежитию, как навстречу идут Мария Андреевна (комендант) и Таранков (военрук), они стали смеяться, что мы с гитарой идем к мальчишкам. Мы повернулись и пошли домой. (...)

27 июля. Когда я утром проснулась, то увидела, что мамы и Тани уже нету. Я еще немного повалялась в кровати, потом встала, вскипятила чай кое-что убрала и как раз мама пришла. Она, оказывается, уже ездила на Лиговку и купила на Кузнечном на 10 рублей сыроежек. Я привезла с огородов 3 картошки, свеклы и турнепсу, мы с мамой залили яйцом и поджарили. Получилось очень вкусное блюдо. Давно я такого не ела. (...)

1 августа. У меня сегодня очень болит горло. И внутри все красное. Ужасно болит. А надо идти на работу, день очень ветренный. До обеда я кое-как поработала, вернее пробузили. Юрка влюблен в Иру до безумия, я думала он ее в поле поцелует. Павлик все чего-то дуется. После обеда мы опять пошли на работу, но мне было очень плохо, и Ира отпустила меня домой. После ужина я пошла с девочками за ягодами, но ни фи́га не нашли, было темно, да и холодно. Видели парашут, наверное, германский. В 10 часов вечера пошли к мальчишкам в общежитие танцевать. Снесли туда патефон. Только растанцевались, вошла комендант. Нам стало неудобно и мы пошли домой. Поздно ночью Герман и Павлик принесли нам патефон. И привели с собой новую девочку, которая теперь будет в нашей группе. Интересно, какой то у нее характер. (...)

5 августа. (...) Мама взяла рацион, сходилa в столовую за обедом и вызвала врача. Ждать его пришлось недолго. Вскоре она пришла, но не могла определить болезни, так и ушла, сказав или тиф или колит. Велела есть только сухари, но я пока все ем, и хлеб и селедки. Сойдет.

6 августа. В 6 часов приехала скорая помощь и меня взяли в больницу на Обводном, где я раньше лежала при скарлатине. В боксах мне обстригли наголо волосы (под плешку) и после мытья повели в палату. Палата большая на 52 человека, пока что ничего не разобрала. Тороплюсь спать. (...)

9 августа. Никак не могу дождаться 10 числа. Завтра выхожу домой.

12 августа. Утром, как только ушли Таня и мама, я встала, поела и пошла искать дров. Дров не нашла, устала что собака. Потом пошла в столовую. Вышла там из-за стола не сыта и не голодна, зато купила 4

литра сладкой воды. Придя домой, я сварила суп и вдруг слышу, кричит в окно меня Дина. Я высунулась, оказывается, она зовет меня в кино. Ну в кино дак в кино, я бросила все и понеслась сломя голову, чуть не опоздали. Достали билеты на 6 часов, шел фильм Александр Пархоменко, картина ничего. (...) Когда пришла, мама была уже дома и очень сердитая. Оказывается, пропало много сои. Таня заявила, что у нее пропал кусочек сосиски. Пускай не врет, сама слопала.

13 августа. (...) Завтра пойду покупать босоножки без карточек. Сегодня у нас мировой обед, только поздновато кушали, часов в 11 вечера. Был суп с рисом и с рыбными клецками, на второе голубцы с фаршем из риса и грибов. Ничего что поздно, мимо рта не пронесли.

14 августа. (...) Таня ворона, босоножки оказались по карточкам. Так мне и не удалось купить. Выходя из магазина, я на чем свет стоит ругала Таню. Прямо зло берет. (...)

Наверное в скором времени будет открыт второй фронт. И тогда наша победа. А немцу гроб с музыкой.

21 августа. (...) Дома я принялась за уборку. Акуратная девочка только в 5 часов принялась за уборку. Главное, это вода, ведь не шутка в 5 этаж тащить ведро воды. После уборки стала петь песни, потом заболела горло и сольное представление пришлось окончить. Я легла и стала читать роман Фибиха «Насущный хлеб». Скоро пришла Таня, а затем мама. Она принесла хряпы и кормовой свеклы. Я приготовила обед и поставила на чугунку - а Таня стала растоплять ее. Маму вызвали в военкомат, теперь она военнообязанная - боец. Скоро и мне пришлют. Теперь у нас в Ленинграде все женщины бойцы от 14 до 60 лет. Все получили военные билеты. Дела на Ленинградском фронте идут прекрасно - заняли два населенных пункта и важный узел обороны пункт «11». Может, скоро поедem в Лугу? Вот было бы замечательно.

ДНЕВНИК
МИШИ
ТИХОМИРОВА

Миша Тихомиров с сестрой Ниной (в дневнике - Нинель), моложе его на год, и с родителями, школьными учителями, жил в Ленинграде на улице Достоевского, напротив того дома, где теперь музей писателя. «Детство у нас с братом было счастливым. В семье царил мир, согласие, по воскресеньям ходили гулять к Неве, в Зоологический музей, а иногда ездили в Павловск; по вечерам папа читал нам хорошие книги: рассказы Бианки, Пришвина, «Дерсу Узала», «Оливер Твист», - вспоминает сестра Миши Нина Васильевна, ныне жительница города Будапешта, куда она переехала в 1955 году вслед за мужем.

В 2010 году в журнале «Звезда» была опубликована большая часть дневника Миши Тихомирова. И в этом же году небольшой книжкой, тиражом всего 300 экземпляров, за счёт собственных средств Нина Тихомирова издала его полностью. «Как самую дорогую из накопившихся за долгую жизнь реликвий» хранит она дневник 15-летнего брата.

Миша Тихомиров вёл записи ежедневно с 8 декабря 1941-го по 17 мая 1942-го, пропустив из-за болезни только два дня. 159 дней - обратный отсчёт... Последняя запись - предпоследний день Миши.

«О его гибели мы узнали 19 мая, - говорится в электронном письме в «ЛиФ» из Будапешта. - 18 мая днём был очень интенсивный артобстрел. Ни мама, ни Миша не пришли домой вовремя. Трамваи не ходили, трамвайные провода висели, люди шли пешком... Вечером мама пришла, Миша - нет. Утром папа поехал в училище и узнал, что рядом с ним, на трамвайной остановке, на углу Международного и Киевской, разорвался снаряд, осколок которого попал Мише в висок. Любимая Мишина учительница, биолог Людмила Николаевна Леончукова, дала место для его могилы рядом с могилами своих родных на старом Лютеранском кладбище».

В блокадном городе близкие Миши, конечно, видели, знали, что он ведёт дневник. Но и после Мишиной гибели они ещё долго не открывали две тетрадки - слишком живым и ранищим было всё, с ними связанное... Теперь откройте их и вы.

8 декабря 1941 г. Начинаю этот дневник вечером 8 декабря. Порог настоящей зимы. До этого времени было еще малоснежие и морозы были слабые, но вчера, после 15-й подготовки утром ударил мороз в -23. Сегодня держится на 16, сильно метет весь день. Снег мелкий, неприятный и частый, пути замело, трамваи из-за этого не ходят. У меня в школе было только 3 урока. (...)

Так как дневник начинает писаться не только не с начала войны, но с середины обычного месяца, необходимо сделать краткий перечень всего интересного, что произошло у нас и как мы живем в данный момент.

Ленинград в кольце блокады; часто бомбардировался, обстреливался из орудий. Топлива не хватает: школа, например, отапливаться углем не будет. Сидим на 125 г. хлеба в день, в месяц мы получаем (каждый) примерно около 400 г. крупы, немного конфет, масла. У рабочих положение немного лучше. Учимся в бомбоубежище школы, т. к. окна (из-за снаряда) забиты фанерой и собачий холод в классах. Дома живем в одной комнате (для тепла). Едим 2 раза в день: утром и вечером. Каждый раз суп с хряпой или чем-нибудь другим (довольно жидкий), какао утром, кофе вечером. До последнего времени пекли лепешки и варили изредка каши из дуранды (теперь она кончается). Закупили около 5 кг столярного клея; варим из него желе (плитка на 1 раз) с лавр. листом и едим с горчицей. (...)

9/XII. Пятнадцатиградусный мороз без сильного ветра, снега нет. Трамваи после вчерашних заносов не ходят. Целый день с утра до вечера идет отдаленная стрельба. Ребятам в школе дали без карточек (а возможно, будут давать и впредь) жиденького супа. Все-таки это что-нибудь да значит. Днем у нас с 10 до 5 часов света нет, самые неприятные последние часы - темно. Сегодня перетащили со двора дрова, которые легче всего стянуть. Днем поели клею, попили горячего кофе с хлебом, с салом, полусухарем и галетиной. Всего, конечно, минимальное количество, но все же это из ряда вон выходящее событие. Вечером думаем шить варежки. Спать лягу часов в 8.

10/XII. Погода все та же. В 6 часов утра мама ходила в очередь за конфетами. Но безуспешно. Вернувшись, сообщила радостную новость: нашими войсками взят снова Тихвин. Приподнятое настроение. Мама сшила первую пару варежек. Замечательные: просторные и теплые. Сегодня сварили суп на два дня из 10 картошек (2 кастрюли), кружки бобов, чуть-чуть лапши и по кусочку мясных консервов. Это уже третий двухдневный картофельный суп (после капусты кажется замечательно

вкусным). Послезавтра снова капуста. Это последняя и уже неполная бо-
чечка. Клея по городу нет. При случае запасем еще. Пока он идет у нас
замечательно с разными острыми приправами.

Затоплен камин. Сейчас будем греться, пить кофе, читать вслух. На-
строение бодрое. Ждем газет с подробностями о боях за Тихвин. Дневник
я теперь пишу как только дают свет, т. е. после 5 часов.

11/XII. Сегодня еще радостная весть: наши войска взяли Елец. По-
тери немцев 12 000 убитыми и ранеными, 90 орудий и т. д. На Тихом океа-
не заваривается страшная каша. Япония действует вовсю. В школе было
из-за холода 4 урока. Вероятно, так будет и впредь. Собрались все дома
до 2 часов. Поэтому согрелись чаем. Выдано по сухарю и галетине. Обе-
дать сегодня будем позднее. Вокруг упорные, но по-моему ложные слу-
хи о прибавке хлеба. Идут разговоры об эвакуации через лед Ладожского
озера. Кто говорит, идти пешком 200 км, кто - 250 км. На вторую декаду
выдадут еще понемногу столового масла. Если удастся получить - заме-
чательно.

Сегодня намечается шитье варежек для меня.

12/XII. (...) Мама получила за первую декаду месяца 800 г. черных ма-
карон. Сразу же разделили их на 10 частей. Выходит - по неполной чай-
ной чашке на кастрюлю супа. Суп сегодня уже варили с капустой. Папа
сегодня ушел в школу на ночное дежурство. Взял 2 одеяла, надел свежес-
шитые стеганные ватные бурки: ведь в школе лютый холод! Такие же бур-
ки, вероятно, будут готовы к среде для меня. Сейчас мы втроем сидим и
читаем. Скоро пойдем спать.

Вообще все мы страшно похудели, в ногах и теле слабость, которая
особенно чувствуется после пилки дров (даже очень непродолжитель-
ной), ходьбы и т. д. Тело все время зябнет, пустяковые царапины и ожоги
не заживают очень продолжительное время. Уроки стараюсь пригото-
влять в школе, раньше ложиться спать. (...)

14/XII. Спали до 11 часов. День прошел незаметно. Варили обед, я до-
делал микроскоп, но еще не испытал его. Вечером прочли при камине 3
главы «Морского волка». Скоро должны выключить электричество. До
этого момента почитаю «Большие надежды» Диккенса. Потом - спать. К
вечеру оставил четыре ломтика сушеного хлеба (очень маленьких), кусо-
чек сухаря, пол-ложечки топленого сахара (чаю я не пил во избежание за-
пыхания), и будет еще благодаря воскресенью выдача шоколада. Сегодня
подсчитал остатки клея - 31 плитка. Как раз на месяц.

На этом фото Мише 9 лет. Спустя 6 лет он начнёт записывать блокадные дни своей семьи в тетрадь. Всего таких записей окажется 159... Жизнь Миши Тихомирова оборвёт осколок снаряда. Вместе с ней оборвётся и дневник.

Миша с сестрой Ниной каждое лето до войны проводили в деревне Красные Горы Лужского района. «Это было самое счастливое наше время», - вспоминает Нина Васильевна, сберегшая тетрадь брата до наших дней.

Фото на странице - из архива Н. Тихомировой.

В городе заметно повысилась смертность: гробы (дощатые, как попало сколоченные) везут на саночках в очень большом количестве. Изредка можно встретить тело без гроба, закутанное в саван.

15/XII. (...) С некоторых пор все замечают, что у меня опухает лицо. Думаю поэтому как можно больше уменьшить себе порцию воды. Вообще об опухании: по городу эта болезнь очень сильно распространена. Опухание начинается с ног, переходит на тело; многие умирают. Еще раз подчеркиваю громадную смертность среди населения. Возвращаясь из школы, можно встретить до 10 гробов. (...)

19/XII. Канун моего дня рождения. День после школы занят усиленной работой: пилим дрова, колем и таскаем в комнаты. Перед работой подкрепились остатками черных сухарей и кусочками сала с какао. Для истощенного организма работа кажется страшно тяжелой, руки быстро устают. Так или иначе, но в общем напилили довольно много дров. Остальные сложили плотным штабелем и забили досками (против воров).

Скоро будем обедать. Это не вредно, т. к. голод дает себя чувствовать, да и все тело ломит от усталости. Потом затопим камин, вымоем головы и ноги, сменим белье. На завтра мама достала за 10 пачек папирос маленький кусочек дуранды (дорого!). Из него и из бобов она устроит праздничную кашу. Отрезали сегодня последний (4) пай в фонд завтрашнего пира.

Немцы вспомнили о нас: вчера был короткий, но очень интенсивный обстрел, кажется, Куйбышевского р-на. Сегодня тоже кого-то обстреливали.

20/XII. Запишу о празднике немного. Он еще впереди. Сейчас варится торжественный обед.

В школе сегодня много работали, я по уборке снега (2 часа), папа по разборке дома на дрова для школы. Потом я и еще некоторые ребята поехали на завод за буржуйками для школы и учителей. Завод - у Волкова кладбища. Большое «оживление», масса гробов. По дороге видели небрежный труп на улице... Все это производит очень тяжелое впечатление. Привезли к школе 5 печурок. Потом, погрузив на санки одну, оставленную для папы, поехали втроем домой. Мама страшно обрадовалась: печурка чугунная, цилиндрическая, вес приблизит. 4-4,5 пуда. Приладили к ней самоварную трубу, затопили. Результат великолепный. В комнате сразу стало теплее. У мамы тоже удача: она достала 1200 г. бомбошек. Сейчас это очень выгодные конфеты.

21/ХІІ. Воскресенье. Спали в замечательном тепле от печурки до 10 часов. Потом согрели на ней суп и поели. Мама ушла на дежурство. Получили хлеб. Уже отрезали частицу в фонд Новогоднего праздника. Сейчас 2 часа, но уже темнеет. Только что кончился сильный артобстрел города. Немцы зашевелились, вероятно, благодаря теплу ($t -2^{\circ}$).

День рождения прошел вчера великолепно. Я получил замечательный коллективный подарок: альбом для рисования и великолепно изданную книгу «Античное и новое искусство» с замечательными репродукциями творений великих мастеров. Потом начался обед, состоявший из двух тарелок густого супа с капустой, каши из разваренных бобов сои с лапшой (кажется, никогда не ел такой вкусной!), кофе. К кофе было выдано по кусочку вареной почки, тресковых консервов, хлеба, меда. Из всего этого каждый состряпал десяток миниатюрных бутербродов и с наслаждением, медленно, съел. Кроме того, ко сну мама выдала по несколько конфет. Организм почувствовал сытость!

Камин не топили, т. к. великолепная печечка очень сильно нагрела комнату. (...)

24/ХІІ. Настроение не очень веселое, т. к. сводки еще не слышал, во всем теле и особенно в ногах сильная слабость. Ее чувствуют все. Сегодня узнали в школе о смерти учителя черчения. Это вторая жертва голода... Уже не ходит в школу преподавательница литературы. Папа говорит, что это следующий кандидат. Многие учителя еле-еле ходят. Жить было бы можно, если бы получали вовремя наш маленький паек. Но это очень трудно. Да, нужна сейчас Ленинграду немедленная помощь. (...)

25/ХІІ. Сегодня Нинель из-за кашля и насморка, а главное, для сохранения сил не ходила в школу. Мы же, придя в школу, узнали великолепную весть: прибавка хлеба! Получаем теперь по 200 г. Это показатель нашего положения на фронте. У населения приподнятое настроение. Все воспрянули духом. (...)

27/ХІІ. В школу не пошел. Дома наколот дров для печурки, потом лег.

У Татьяны Александровны мама достала книгу Беляева «Властелин мира». Кажется, очень интересная. На улице мороз 20. Стекла в узорах. Скоро затопим плиточку. (...)

Интересны образчики цен на толкучке: хлеб - 300 руб. кг; рис - 500 руб. кг; масло - 750 руб. (все это, конечно, в очень малом количестве).

Вообще все говорят о скором и резком улучшении в продовольственном отношении, а это сейчас самое важное. (...)

31/XII. Папа пришел с дежурства с радостной вестью: наш десант высадился в Крыму, занял Керчь и Феодосию и громит немцев. По заданию тов. Сталина Крым должен быть очищен от немецкой сволочи! Сегодня празднуем Новый год. Вечером - пир (насколько возможно, конечно). К вечеру над столом укреплю медный кронштейн с лампой (ниже старого). Будем жить при 2 лампах. (...)

4/I-42 г. Продукты еще не получены. Вчера мама взяла на пробу 400 г. «ржаной» (дурандовой) муки. Чайную чашку всыпали в суп. Сегодня попробовали: вкус дает, но и только. Капусту кладем уже только для вкуса, по неполной чайной чашечке. Сегодня мама спекла из части взятой муки и кофейной гущи лепешек и вечером сварила жиденькой кашицы. Все это кажется замечательно вкусным.

Опасность с Нинелиным желудком, кажется, миновала, но папа жалуется на слабость в ногах. Вообще же город вымирает... Смертность огромная; света нет; воды нет; трамваи не ходят; улицы покрыты снегом, который совсем не вывозится... Городу нужна срочная помощь. (...)

7/I-42 г. К одиннадцати часам пошли в театр. Свет дали, поэтому елка состоялась. В сильном холоде посмотрели «Дворянское гнездо». Артисты играли плохо; в пальто, валенках и шубах. Потом - обед. При впуске в столовую величайшая толкотня и беспорядок. Обед: крошечный горшочек супа, граммов 50 хлеба, тоненькая котлетка с гарниром из пшена и немного желе. Хлеб и котлеты принесли к вечернему пиру: предполагается каша из «ржаной» муки. (...)

8/I-42 г. Вчера вечером по моей просьбе мама достала у Юры остатки докторского микроскопа (штатив и труба). Юра перестал, очевидно, им интересоваться, а поэтому я попытаюсь эти остатки присвоить, тем более что, присоединив к трубе объектив и окуляр от моего УкозлаФ, я получил сносную для работы штуковину. Микроскоп этот не похож на наши теперешние; сделан, кажется, в Лондоне.

Вернувшись из школы (мы оставались дома, так как каникулы продлены до 15-го, что замечательно), папа принес еще скорбную весть: умер от истощения Владимир Петрович Шахин и еще один преподаватель. Все это действует угнетающе, а по городу везут еще гробы и гробы в громадном количестве... Ноги у папы пока не лучше, мои тоже чувствуют слабость; скорее бы улучшение! Но с фронта ничего утешительного нет.

9/I-42 г. Мороз не легче. Опять сидел целый день дома. Папа достал в школе по знакомству 4 кг муки (отходы от производства патоки) по 25 р.

за кило. Я упоминал уже о свойствах, испытании и оценке, данных этой муке. Но теперь, благодаря мне, отношение к ней резко улучшилось: в энциклопедии я нашел статью, в которой указывается, что при производстве патоки получается некоторое количество глюкозы (виноградного сахара), о котором (или которой) говорят, что сейчас она очень поддерживает организм. Кроме того, муку можно менять на толкучке. Из мучной болтушки с некоторым количеством сахара получается какое-то подобие повидла. Она нравится всем, за исключением Нинели. С этой штукой с большим успехом нами пьется чай, кофе и т. д.; я, кроме того, ем ее «сырым».

Некоторые изменения в городе: сняты кони барона Клодта с моста через Фонтанку; рядом посажен сверху донизу бомбой дом. Люди по городу ходят как тени, большинство еле волочит ноги; на «больших дорогах» к кладбищам масса гробов и трупов без гробов, трупы, просто лежащие на улицах, - не редкость. Они обычно без шапок и обуви... Трудно будет выдержать этот месяц, но надо крепиться и надеяться. (...)

13/1-42 г. (...) С микроскопом пока работать нельзя, так как нет света, а при дневном зеркальце из-за своего малого диаметра (приспособлено зубное без черенка) слишком слабо освещает рассматриваемый объект. День прошел замечательно, если не считать маленькой размолвки между папой и мамой. По-моему, неправы были оба. (...)

16/1-42 г. День богат событиями. Днем совершенно неожиданно явился Алик Портяки. С ним я не виделся месяца 3. Вот настоящий друг! Он притащил мне около литра соевого сладкого молока! Он сейчас получает по первой категории; его мать, доктор, тоже; до последнего времени он доставал такое молоко. За «замором червя» заварили какао с таким молоком, вечером по две ложечки его добавили в кофе. Божественно, невообразимо, неопишимо вкусно! Пол-литра молока мама завтра попытается обменять на хлеб. Если не удастся удачно проделать это - оставим себе. Вечером - второе событие: пришла записка от директора школы, в которой тот сообщал, что папу берут в 11 школу в госпиталь для усиленного кормления и восстановления сил. Сделано ли это школой или по настоянию Райсовета, пока не знаем. Во всяком случае это очень хорошо: папа в последнее время жаловался на слабость, и мы очень беспокоились о нем, а там он как следует отдохнет. Сегодня вечером будем собирать его в госпиталь.

В школу мы пока ходить подождем, только Нинель будет ходить за

супами. В завтрашний рейс она получит карточки папы, отданные для регистрации. Если их не отберут, то и нам будет легче, пока он будет находиться в госпитале. (...)

17/I-42 г. Очень хлопотливый день. Утром проводили папу в госпиталь, мама пошла пешком в школу. За обедами вместо папы пошла Нинель. Получила 6 супов, сходила к папе, отнесла ему карточки (все-таки взяли!). Он устроился, кажется, хорошо. Подробности сообщит потом. Вероятно, он пробудет там от 1 до 2 недель.

Вечером уже варили суп втроем. Зашла погреться Соня, мы нагрели ей воды, завтра дадим немного дров. В благодарность она принесла нам с мельницы чашку пшеницы, комок теста (из него мама смастерит кашу) и большую лепешку (самодельную). Вечером доели молоко, макая в него хлеб - замечательно вкусно.

Завтра встанем в 6, т. к. в ТПО будут давать крупу.

18/I. Встали вместо 6 в 10 и хорошо сделали: утром за крупой была очередь (давали гречневую и перловую), а днем мама получила совершенно свободно наши 600 г. Взяли и того, и другого, смесью. Вечером варим кашу из вчерашних приношений Сони, пишем папе письмо. Завтра в школу ходит Нинель только за обедом и к папе, т. к. маме снова надо идти - регистрировать карточки. Насчет школы соображения такие: пока нет папы, мама ходит в школу, надо носить воду, пилить дрова с ней. Если начнем ходить в школу, получать супы по многим причинам будет очень трудно; занятия в школе ни то ни се. Завтра еще Нинель посоветуется с папой, ходить или нет: слишком сложно будет все. (...)

23/I-42 г. В ночь на сегодня умер Владимир Николаевич Комаров! Таня забежала вечером с вестью, что ему очень плохо. Мама посидела у нее до 12 ч., потом легли спать. Эту смерть папа предсказал уже давно: слишком уж худ был покойный... (...) Державшаяся до середины дня Таня сдает - плачет... Ей многое пришлось перенести.

Получили еще чашечку пшена от Екатерины Ивановны, в обмен на полчашки портвейна: у ее дочери плохо с желудком.

Нинель кашляет. Вечером устроим лечение: крепкий кофе, ложку меда, портвейна, потом закутаемся и спать. (...)

1/II-42 г. Февраль! Он начался 15-градусным морозом. Уже февраль! Что-то он принесет с собой? В нашем кружке в последние дни частят разговоры об эвакуации, и верно: хочется удрать из Ленинграда. Слишком отощал и обессилен организм. Исхудали и устали, изголодались до невоз-

В мае 1942 года Миша последний раз отметил день рождения своей любимой сестрёнки Нинель, а через три дня погиб.

Одним из увлечений Миши в те голодные дни был микроскоп, который он собрал своими руками и пытался в него разглядеть жизнь микроорганизмов, которые существовали в блокадном городе вместе с людьми.

Фото на странице -
из архива Н. Тихомировой.

возможности, а никаких улучшений по существу нет. Завтра начнем ходить в школу; я - ежедневно, Нинель - через день. Будет по 3-4 урока. Учиться, вообще говоря, не хочется совершенно (мозг ввиду общего ослабления не желает как следует работать, сосредоточиться), а учиться нужно.

Хорошо еще, что успешно идет пока наше наступление по направлению к Пскову и дальше. В последние дни вокруг города идет частая пальба, бывают сильные обстрелы окраинных районов. Надеемся, что немцев все-таки истребят у нас вокруг города, и уж тогда-то вздохнем свободно! (...)

3/II-42 г. Температура упала утром опять до 18. Хоть бы потеплело! Я и Нинель в школу сегодня не ходили: с самого утра охотились за мясом. Простояв до половины двенадцатого, получил 950 г. хорошего мяса. Крупы пока нет... Известия невеселые: нами оставлена Феодосия. Как-никак это удар...

Среди нас тоже невесело. У папы расстройство желудка, отсюда сильная слабость. Нас это очень беспокоит.

Имеются слухи о людоедстве: случаи нападения на женщин и детей, еда трупов. Слухи из разных источников; поэтому, я полагаю, это можно принять как факт. Еще одно: на февраль на Нинелю «по ошибке» удалось получить детскую карточку: это очень хорошее подспорье. (...)

11/II-42 г. Мороз 12 градусов; с утра маленькая метель, но к середине дня проглянуло солнце, посветлело. В школу ходил сегодня только я: у папы уроков не было.

День сегодня принес много радости: во-1), прибавили хлеба, и мы в день уже получаем на 300 г. хлеба больше (служащие 400 г.; ижд. 300; дети 300 и раб. 500), во-2), в сводке указано, что нашими частями ликвидирован основной узел блокады Ленинграда. К сожалению, больше ничего не указано. Где?

У нас в последнее время так же прочно, как «замор», вошел в жизнь мертвый час; храним свои силы. Прямо удивительно, до чего мы привыкли и почти перестали замечать отсутствие таких вещей, как свет, вода, уборные. Живем при ночниках, даже лампу зажигаем редко для экономии керосина.

В последнее время начинает замечаться некоторая забота о порядке в городе. На толкучке, разросшейся в последний месяц до невероятных размеров, начали энергично орудовать пешие и конные милиционеры; помои и нечистоты, выброшенные на улицу, заставляют убирать.

Эвакуация идет сейчас, по-моему, полным ходом. По утрам очень часто видишь саночки с вещами, ползущие к Финляндскому вокзалу, откуда идут эшелоны к Ладожскому озеру. Мы же об эвакуации пока невысокого мнения: идут слухи, что везде живетесь несладко; да и появилась надежда на улучшение положения в Ленинграде.

Р. S. Татьяна Александровна получила письмо из Ташкента от эвакуировавшихся родных. Они пишут, что там очень не сладко: работу найти трудно, с продуктами очень туго, заработки невысокие. (...)

13/II-42 г. (...) Получили пшено, объявлена выдача сахару (всего 950 гр.), завтра ожидается выдача мяса и масла.

Интересен случай, иллюстрирующий трудность получения и ценность воды. В Волковой деревне хозяйка загоревшейся квартиры выскочила на лестницу, по которой поднималась женщина с 2 ведрами воды. Несмотря ни на какие уговоры и мольбы первой, вторая воды дать не пожелала. В результате дом сгорел...

Большое число смертей в городе происходит все-таки от неумения или невозможности в некоторых семьях планово распределить пищу. Некоторые, например, получив утром хлеб, сразу же съедают его. Так же поступают с другими продуктами. Многие из обедающих в столовых, беря по несколько блюд, в первые же дни исчерпывают всю карточку, а потом пухнут с голоду... У нас в этом отношении дело обстоит благополучно: план везде и всюду. (...)

19/II-42 г. В школу ходили Нинель и я. Дома остался папа: мама тоже ходила к себе в школу. Она обещала вернуться позднее, поэтому мы решили «замариваться» втроем. Только скипел самовар, неожиданно открылась дверь и появился настоящий, живой Боря!!! в красноармейской форме. Все мы бросились к нему. От радости чуть не плакали! Сели к самовару. Боря из мешка достал масла, хлеба, сухарей, сгущенного молока. Пили чай и не могли наговориться! Ели, конечно, тоже не по-прежнему.

Пришла мама... Заплакала от волнения и радости; глядя на их встречу, и мы не могли удержаться от слез...

Оказывается, Боря до последних дней не знал о страшном положении в Ленинграде, а как только узнал, то, взяв продуктов, поспешил вырваться на несколько дней сюда. С большими трудностями добрался сюда, не знал, живы ли мы, цел наш дом. Всех нас очень сильно взволновала эта чудовищно радостная, необыкновенная встреча. Еще сейчас не верится, что приехал Боря!

В голове масса, хаос мыслей. Их приведу в порядок и запишу позднее: сейчас это невозможно сделать. Пока коротко: Боря привез 3 больших буханки хлеба, немного сухарей, консервов, масла, баночку сгущенного молока, макарон, несколько концентратов. Это все для нас сейчас очень кстати! Вечером будет прямо пир. (...)

25/II-42 г. (...) Боря уехал 23-го. Расставаться было тяжело. Кто знает, встретимся ли еще?

За эти дни объявили и выдали еще крупы, по 100 г. масла, по 25 г. какао (детям и рабочим выдают шоколадом), по 1/4 л. керосина.хлопот полон рот, как видно из этого!

Сегодня к «замору» приходила мама. Выглядит она немного лучше, кормят их там сносно, хорошо с песком и маслом, первого в день 50 г., второго тоже. (...)

28/II-42 г. Сижу дома хранителем жилья и всего прочего. Ноги слабы, тело вялое. Особенно жалуется на это папа: он говорит, что ноги хуже, чем когда-либо. Чем объяснить это?

Был коротенький обстрел. Снаряды ложились где-то очень близко.

Сегодня вернулась из стационара мама. Чувствует она себя лучше, хотя ноги все еще слабы - да и понятно: слишком недостаточен срок и количество питания для таких организмов, как наши. Во время обстрелов много снарядов упало и около стационара мамы. Мама принесла с собой пару крупных осколков.

В последние дни читаем вслух и каждый отдельно Оскара Уайльда: папа на толкучке приобрел томик с главнейшими его произведениями.

Порций хлеба (да и всего прочего) снова чудовищно мало; аппетит адский! Снова мечтаем о прибавке.

1 марта 1942 года. (...) Весь день посвятили уборке: копать, грязь и беспорядок у нас страшные. Вечером мама получила мясо (это последняя февральская выдача); поели его сырым, с маленькими кусочками хлеба - замечательно вкусно, чувствуешь себя волком.

Слабость в ногах не проходит, хотя последнее время едим каши, жидкие, правда, но все-таки каши. Может быть, это нам только может казаться, что таким «обильным» питанием можно поправить такие организмы, как наши. Борис, например, говорил: «Это не еда, не поправка, а вам надо бросать все да сматываться отсюда, ибо на такой пище далеко не уедешь, а второй блокады вам не пережить». Последнее абсолютно верно. (...)

5/III-42 г. Ну и март! 25 градусов мороза при ясном небе и замечатель-

ном солнце. (...) Солнце, заглядывающее в комнату, использую на 100%: рассматриваю инфузорий из загнившей сенной настойки.

15/III-42 г. Воскресенье, половина марта, но все те же чертовы 25 градусов. Мама утром ходила к Балтийскому за белым хлебом (его дают только больным желудком, но маме повезло: она купила за 25 руб. справку, по которой его можно получить). Придя домой, она обменяла 800 г. (на 2 дня) белого хлеба на 1600 г. черного - прямо замечательно! Папа ходил на воскресник - скалывал лед у школы, хорошо хоть, что их там покормили. Завтра папу берут в городской стационар; я снова остаюсь главным истопником, водоносом и т. д. (...)

19/III-42 г. Чуть теплее; солнце, небо и воздух замечательные. Мама и я сегодня сидим дома, отдыхаем. Объявили выдачу масла всем, кроме нас, иждивенцев. Это хорошо: папе тоже, вероятно, начнут давать масло.

В квартире у нас произошел трагический случай: замерз муж Прасковьи Ивановны, Константин Алексеевич! Он пошел в баню куда-то к черту на кулички, прислал поздно вечером оттуда человека с вестью, что лежит и не может идти. Его жена (какое дать ей название!), побоявшись идти к нему с саночками одна, тем не менее никому ничего не сказала. И вот результат! Почти убийство. (...)

20/III-42 г. Вот новое по городу за последние дни: идет массовая уборка снега из дворов, у Обводного, например, на мосту постоянно стоят грузовики, сани с ящиками, сваливающие груды снега за перила. Целыми днями над городом носятся и гудят самолеты, много самолетов; изредка начинается страшная пальба зениток - очевидно, над городом появляется вражеский самолет. Говорят, что площадь Урицкого вся вскопана снарядами; сгорела довольно большая часть Гостиного двора.

Наш управхоз зашевелился: двор немного приведен в порядок, из стены выведена труба - бежит вода.

Толкучка разрослась невероятно, масса ценных вещей, красивой посуды, всякой всячины. (...)

21/III-42 г. С утра я занимался уборкой: ведь сегодня день маминного рождения! Мама и Нинель в школе; первая - за белым хлебом, вторая - за обедом. К трем часам поели супа; к четырем пришел папа, поставили самовар и устроили торжественный «замор». Маме поднесли великолепную чайную чашку, купленную папой на толкучке. На «заморе»: черный и белый хлеб (копился нами за несколько дней), Боринны «сазан в томате» и сгущенное молоко, сахарный песок

и натуральный кофе. Поели хорошо; отвели, что называется, душу.

Сегодня объявили выдачу сахара и крупы. Нормы старые, завтра попытаемся получить то и другое.

В последнее время участились обстрелы города, быют по разным районам. Жители же совсем спокойны: то ли привычка, то ли перенесли неизмеримо больше. Сводка бодрая: части Федюнинского теснят немцев, продвинулись на несколько километров; определенного же ничего. (...)

28/III-42 г. Прекраснейший солнечный день при зверских и неуместных -14. Папа и мама пошли в школы; папа - на собрание, посвященное концу четверти. Я, сделав все обычное по хозяйству, пошел потолкаться на толкучке (там масса интересных вещей). Наблюдал немецкий самолет, который появился на большой скорости над городом, выпуская за собой белый дымок. Зенитки открыли по нему частый, но не блестящий по своей меткости, а потому и безрезультатный огонь.

Я и папа вернулись домой почти одновременно; папа сразу же спешно послал меня в школу, т. к., оказывается, утром надо было явиться в школу для генеральной уборки. (Надо сказать, что выпущено постановление о мобилизации всего населения с 15 лет для очистки города). Явился в школу поздно, но отговорился тем, что привлекли по жакту для сколки снега: скандала избежал. Теперь ежедневно по 2 часа будем направляться школой на работы (так будет до 8 апреля).

Благодаря собранию, кроме супа выдали по микроскопической порции пшенной каши. Получили 4 каши и с величайшим удовольствием съели их за «замором».

29/III-42 г. Погода - точная копия вчерашней и, следовательно, прекрасная. Утром удачная охота за сливочным маслом; получено вместе с новой выдачей (всем, кроме иждивенцев) 1050 г. ! Давненько не было столько масла! От карточек (масляных) остались только корки и ни одного талона, а этого не было уже несколько месяцев.

Город принялся за уборку. На улицах масса народу с ломami, лопатами и кирками. Солнце помогает им вoвсю. Уклоняющихся от повинности задерживают милиционеры (была, например, оцеплена толкучка и устроена проверка документов). (...)

Немцы разлетались: самолеты появлялись над городом несколько раз. Зенитки, как и полагается, страшно, но безрезультатно палили.

P. S. Пробуждение сегодня не совсем обычное: с грохотом и звоном выбитого стекла. Очевидно, где-то поблизости ляпнулся снаряд. Я искал,

но следов не нашел... Снова хлопают зенитки. Пойду высунусь и посмотрю. (...)

2/IV-42 г. По виду форменная зима: серое небо, сыплет с самого утра снег, -5. После уроков работали и, по-моему, совершенно зря: снег сразу же засыпает очищенное. После работ «на снегу» последних дней ноги и руки от работы ломом ослабли и снова отказываются работать.

В школе новый предмет, называемый «противохимическая защита». Упор на то, что очень и очень возможны в самом близком и неожиданном будущем «химподарки» от немцев; половина передовиц посвящена этому. (...)

9/IV-42 г. Утром пасмурно, но выше нуля. В середине дня проглянуло солнце, тает чудовищно, улицы потоплены. Опасения оправдались - работы продлены до 15-го, но в школе сегодня работ не было. За эти дни убрано очень мало по городу; один сегодняшний день уберет снега больше, чем все население города. Очевидно, нам теперь всю весну и лето, под разными соусами, будут преподноситься разные повинности. Кончится снег, начнется земля, огороды и т. д.

Божественный «замор»: мама получила в ТПО сельди (4 штуки и хвост) и новую выдачу масла (600 г). Сельди крупные, жирные, толстые - божественные, с не менее божественными молоками. (...)

12/IV-42 г. День можно вполне назвать весенним, ибо очень тепло, тает чудовищно, ветерок теплый и наполненный разными запахами, многие из которых будят массу приятных воспоминаний.

На то время, когда должна была прийти учительница рукоделия, я отправился гулять по Невскому. Он уже очистился от снега, подсох, довольно оживлен; на солнечной стороне, на каждом уступе стены или тумбочке греются выползшие из домов с книгами и газетами изможденные ленинградцы.

Последние дни над городом тишина: ни налетов, ни обстрелов. Сводки информбюро ничего не говорят и не разъясняют; мы же частенько строим теперь догадки и планы на будущее, которое покрыто таким мраком, что и черт выколет оба глаза...

13/IV-42 г. Утром маленький морозец, зато днем идеально чистое небо и замечательное солнце. Школьный двор почти весь обтаял, поэтому после уроков поковырялись только для вида. Ноги плохи. Слухи: о прекращении эвакуации, о скором выселении из Ленинграда некоторых категорий, например, с судимостями, спекулянтов, эвакуированных и т. д. (...)

20/IV-42 г. К 10 отправился в Райсовет узнавать о своих делах. Дорогу туда и обратно проделал на трамвае, поэтому, устав очень мало, вернулся рано. Результаты таковы: завтра к 10 часам явиться на медосмотр в 18-ю поликлинику, потом снова в Райсовет, уже за путевкой в ремесленное училище. Захватить с собой уже продуктовые карточки.

Сейчас жду папу и Нинель из школы, размышляю. Решил воспользоваться временем, покоем и тишиной, царящей в квартире, и вписать в дневник день великого переворота в моей жизни. Немножко грустно. Влияет, конечно, на настроение прекрасная погода, грачи, ломающие для своих гнезд ветки с деревьев у церкви, бабочка (кажется, траурница - большая и черная) - первая! - пролетевшая сейчас по улице. На первый взгляд все это весеннее, веселое, но война и блокада - 2 слова, объясняющие все. Весеннее - недоступно.

С другой стороны, как-то отрываешься от своих, дома будешь только ночевать, пожалуй! Вообще же из нас, наверное, очень быстро «спекут» должных электромонтеров и сварщиков и пошлют по предприятиям. Работы по городу этим специальностям, вероятно, будет много. (...)

15/V-42 г. Довольно ясно, тепло; вылезает трава, разворачиваются листья. В училище ничего нового, но занятия, по-моему, идут все-таки вяло.

Завтра Нинелин день рождения. Устроим «замор», который обещает быть замечательным. Хлеб подкоплен.

Толкучка обогащается: скоро эвакуация, и отъезжающие распродают. (...)

17/V-42 г. Воскресенье. Погода совсем летняя: 15 градусов тепла; в трамваях жарко. «Замор» вчера был замечательный. Я наелся до отвала (не зря копил!).

В училище выдали обед и ужин вместе, в 1 час дня, поэтому вернулся домой рано. Что будем делать - не знаю. Может быть, если Нинель придет рано, сходим в кино.

Поминутно вспоминается былое, которое повторялось бы и сейчас, не будь проклятой войны. И понятно: трава уже большая, скоро будут листья (на кустиках уже есть), а погода!..

А тут с утра до вечера я - в училище, да и все остальные из-за питания поздно сидят по школам.

Опять хочется удрать подальше из героического постылого и надоевшего Ленинграда.

ДНЕВНИК
МАРУСИ
ЕРЁМИНОЙ

Тетрадка в 48 листов, без обложки - так дневник 14-летней блокадницы Маруси Ерёминой, ученицы ленинградского строительного техникума, в середине прошлого века был передан в руки жителю Архангельска Валентину Верховцеву. Он сохранил его до наших дней и, откликнувшись на айфовский призыв, передал тетрадь в редакцию. Верховцев, всю жизнь проработавший на строительстве дорог, на пенсии сам взялся за перо, использовал дневник незнакомой ему девушки в одной из своих книг... «Для меня то, что я прочёл в этой тетрадке, оказалось потрясением: всё, что я знал о блокаде до этого времени, померкло перед строками Маруси».

«Увижу ли дом, вернусь ли в родную деревню?» - для Маруси Ерёминой в блокадном Ленинграде существует свой образ рая - деревня Сосновка, откуда она приехала в Северную столицу учиться: убежище, куда устремляются мысли, предмет тоски. Благодаря Тамаре Клутовой, однокурснице Верховцева, передавшей ему дневник, мы знаем ответ на этот вопрос. Тамара нашла тетрадку в комнате Маруси, которую та снимала в квартире Клутовых. Сама Маруся рассказывала, что в январе 1942 года, через месяц после окончания записей, её техникум эвакуировали в Томск, но она туда не поехала, а вернулась домой, в любимую Сосновку. Закончила пединститут, работала учительницей в школе. Где сейчас Маруся Ерёмина, не знает ни Клутова, ни Верховцев, ни тем более мы...

Ленинград, 20 октября 1941 г. Суббота. Лежа на койке в постели в 6 часов утра мы услышали отчаянный раздирающий вопль. Это в истерике плакала тетя Шура Фролова, она живет через комнату от нас, у нее утром вытащили все продовольственные карточки, а у ней 3 или 4 детей, бабушка, муж и сама. Один грудной, и теперь остались все и безо всего, не выкуплено было за 2 декады. Они и без того уже были опухшие все и теперь вообще не знают, что будут делать. Карточки - сейчас все. Хотя на них ничего не достать, ибо в магазинах ничего нет. Но все-таки хоть 125 г хлеба да и то каждый день. Ночью спится плохо, то и дело просыпаешься и ждешь утра, хоть выкупить хлеб, да закусить скорей. За хлебом сегодня ходила Таня Д., а мы с Таней разогрели на примусе щи, а Тане Д. кофэ, и утром поели, я столько поела соли с этими 125 г хлеба, что в тех-ме под краном надулась холодной воды, хотя знаю, что сейчас это самое вредное. Техникум сейчас не отопляется, руки не чувствуют, но я сижу и корябаю в дневник. (...)

25 октября 1941 г. Спать легли поздно, слушали последние известия и заснули только после того как передали интернационал. Вечером к Таниной подруге, Тосе, пришел Ю. П. Тося принесла сахару, я разожгла примус на кухне, скипятила чаю, и мы пропили до позднего. Утром Таня встала рано в 5 часов и пошла с соседкой в очередь за свининой, мясо на эту декаду по 250 грамм, с какими-то силами она достала 500 г свинины и ушла на работу. Я встала в 7 часов, прослушала последние известия и пошла в техникум. Пришла в 8.40 и поднялась на 2-й этаж, у нас в 7-й аудитории занятия по гидравлике, девочки сидят и ждут преподавателя Бельдюга. Я подошла к ним и поздоровалась, сердце у меня стукнуло, я не знала отчего; вдруг Ида Подосенова говорит мне: «Танцуй». (Это слово мы говорим, когда получаем письмо.) Я растерянно ответила: «Мне? Письмо? От отца?» (Всем знаком почерк моего милого папы.) Ида сказала: «Да, от отца, получай», - и подала мне письмо, я взяла письмо как драгоценную золотую вещь и не сразу ее стала распечатывать. Потом я пошла в кабинет геодезии и прочла долгожданные строки. Меня зовут ехать домой, я обрадовалась, но на сердце что-то стало обидное. Приглашают, когда отсюда выехать никакими путями невозможно, ведь Ленинград сейчас окружен так, что даже обречен на ужаснейший голод. А поэтому я не надеюсь увидеться с родными, ибо если сбережешься от бомбежки, наверно, умрешь от голода. Занятия кончились в 15 часов, мы с Валею Кашиной пошли на ул. Декабристов к Вере Федоровой, дома

ее не застали и вернулись обратно. На остановке 15 трамвая мы с Валею простились, и я поспешила на Бульвар Профсоюзов к Тане; не успела я отойти от Театральной площади, как раздался оглушительный свист и вскоре после свиста разрыв снаряда, снаряд упал на площадь против Ленинградской консерватории. Вскоре упал второй снаряд, народ попрятался в парадные, я кое-как добежала до Тани, открыла дверь и села читать «Дым» Тургенева, окна дрожат от разрыва снарядов. Вскоре пришла Таня, я начала разжигать примус, греть кипяток. Таня пошла в магазин, выкупила хлеба. 25 октября поели с кокосовым маслом, попили чай, долго спорили о настоящем положении нашего города и, прослушав последние известия в 9.30, заснули беспокойным, нервическим сном.

26 октября. Воскресенье, занятий в техникуме нет, но сегодня дежурю полные сутки в пожарном звене. Домой сегодня написала письмо, послала заказным письмом. Уроки не учила, все то вязала, то штопала, то на картах гадала девочкам, все мечтали как бы домой уехать да покушать хорошенько, хлебца досыта поесть. Говорили о прошлом, о хороших кушаньях, спорили о политике, горевали о своем положении, из которого, видно, нам не выбраться. Давали нам сегодня суп с морковкой и картошкой, да уж очень пересолен.

27 октября 1941 г. Настроение паршивое, очень расстроилась о доме, очень обидно, что я на веки оторвалась от родных. Немец всеми силами старается захватить наш город, сейчас он не наступает, засел у ворот Ленинграда, окопался и ни взад, ни вперед, измором что ли хочет взять. Воздушные налеты немного прекратились, тревог не было уже дней 5. Спала сегодня беспокойно, все думала о доме, т. к. Тамара Яковлева вчера вечером сказала мне, что когда она сидела на дежурстве, то слышала разговор проходящих военных о том, что скоро будут эвакуировать старух и детей. Я взбесилась от радости, но это было лишь до утра. Проснулась я рано и услышала, что сдали г. Сталина, все сдают, Ленинград все окружают, скоро и его возьмут. И осталась я качаться здесь, как в поле былинка, не к кому голову свою приклонить, спасибо хоть Таня здесь, с ней-то все веселее. Она иногда меня до того разговорит, что я начинаю верить в то, что я когда-то буду дома, увижусь с родными и даже «надоест». Нет, это только утешенье с ее стороны, немец не будет ждать, пока мы выйдем отсюда, а займет и начнет свои грабежи, разорения, истязания невинных народов, как это уже и есть в захваченных районах

Люди умирали тысячами, большинство из них уже никому было хоронить, поэтому их тела отправляли в братские могилы. Большинство ленинградцев захоронены на Пискаревском кладбище (порядка 500 000 человек), но практически на всех кладбищах города есть блокадные захоронения (здесь - Волково кладбище, 1942 год). Часть умерших была сожжена в печах крематория.

Фотохроника ТАСС.

Вода, так же как еда и тепло, для блокадного города была роскошью. За ней ослабленные голодом люди отправлялись к водопроводным люкам или к Неве.

Фотохроника ТАСС.

Ленинградской области. Сегодня выпало много снега, хотя бы скорей начались морозы, может быть, хотя бы немножко повлияло это на немца, открылся хотя бы какой-нибудь путь, выехать отсюда домой. Дома и умирать милей, но это уже осталось теперь мечтой навечно.

Сейчас урок теоретической механики, меня вызвал Григорий Иванович решать задачу, но у меня мысли совсем и не думают о задачах, я чуть не заплакала у доски, вспомнив, что не увижусь больше с домом. Очень часто мне вспоминается Нюра Шарыченкова, наверно, она там вспоминает обо мне, хочется увидеть ее и поговорить сердечно. Больше всего хочется поесть блинов, да хлеба домашнего.

3 ноября 1941 г. Каждую ночь вижу во сне бабу, она, наверно, думает там обо мне. Все ночи слышится непрерывная артиллерийская канонада. Город - фронт, в данный момент мы не думаем о жизни, на каждом шагу - смерть. Снаряды летят, на ходу убивает народ. Днем сегодня было 2 тревоги. Думаю поступить в Р. У. Таня советует пойти в Р. У., но девочки говорят, что очень страшно там около заводов. Положение ужасное, подходят праздничные дни, но их праздновать нам, ленинградцам, не придется. Адольф Гитлер - этот гадина, кажется, угостит нас на праздник как следует своими «своеобразными подарочками». Карточки Тани не сменили. Сегодня у нас был зачет по стройматериалам, мне поставили 3-. Теоретическая механика прошла благополучно, по электротехнике не спросили, в буфете удалось покушать, тарелку борща, 25 гр. макарон, хлеб на завтра выкупила. Вечером с Таней пили чай с конфетами, хлеб сейчас ничем не заменим - ни шоколадом, ни золотом, хлеб пекут очень плохой, но едим его как нечто ... (?), стараюсь не проронить ни одной крошки этого «навозного кома». Эх, если бы сейчас попасть в деревню, да поесть бы вдоволь хлебушка с похлебкой, с тыквой, свеклой, картошкой, о которой теперь остались лишь воспоминания и мечты, наверно, никогда не сбываемые. Хочется, хочется пожить эти годы дома, но нет, видно, придется погибнуть под развалинами Ленинграда, не увидевшись с родными. Смерть видна на каждом шагу, каждую минуту. Боже милостивый, скоро ли будет конец? Конец, наверно, будет тогда, когда нам всем конец придет. Жаль все-таки, что не увижу теперь никогда своих родных и свою деревню.

12 ноября 1941 г. Господи! Наступил настоящий голод, народ начал пухнуть. Смерть! Голодная смерть - вот что ждет нас, ленинградцев, в эти ближайшие дни. Сегодня хлеб на завтра не дают, наверно, уменьшат

норму, а на сегодня у всех было взято вчера. Итак, сегодня все рабочие и почти каждый без куска хлеба, на несчастные последние талоны крупы возьмет тарелку овощного супа и съест его без хлеба, а потом пойдет работать почти круглые сутки, да вот работай с водички этой горячей. А завтра, наверно, дадут по 100 грамм на день. Эх! Жизнь, жизнь, неужели теперь наши там не предчувствуют, что я здесь умираю голодной смертью, мучаясь в одиночестве, которой, видно, мне не пережить.

13 ноября. В ночь с 12 на 13 ноября была сильная бомбежка, одна бомба попала прямо в почтамт, в пожар произошло большое разрушение, на утро около почтамта сделали ограду и никого не пускали. На улицу Декабриста Якубовича бомба упала в ясли, весь дом обрушился, смотреть жутко. Во время тревог мы не вставали и живы только случайностью. Утром проснулись в 7.45, слушали последние известия, по радио вчера передавали статью о том, что Ленинград окружен кольцом железной блокады, что немец хотел взять Ленинград штурмом, чего у него не вышло. Теперь же он хочет взять Ленинград измором, поэтому нам сейчас придется пережить не только беспощадную бомбежку, артиллерийский обстрел, но и голодную смерть, настает момент, когда от нее нет никакого спасения. Ходим все как голодные волки, во все сутки едим только тарелку супа и 150 грамм хлеба. Рабочие получают 300 грамм хлеба, а служ. 150 грамм. Слабость чувствуется ужасная, сильное головокружение, на уроке сидим как глупые, путаемся во всех мелочах, да кроме того, кроме голода трагично и нервично переносим внезапный обстрел тяжелой артиллерии. Смерть на каждом шагу. Господи! Наверно, никогда это не кончится. Я все мечтаю о будущей жизни в деревне, всю ночь проводишь дома в деревне с родителями, ешь картошку, похлебку, но просыпаешься - живот пустой и в груди щемит от голода. Голова плохо работает, если и переживем эту войну, то все равно останемся или калеками или глупыми помешанными дураками. Нет! Пережить, наверно, не придется, сдадут, наверно, город, а жизнь от немца ждать нельзя. Прощай, родная сторонка, родная деревушка, прощайте, милые родители, бабка, сестренка, подруги моего счастливого детства, все прощайте, я, наверно, умру с голода или попаду под бомбежку или обстрел.

22 ноября 1941 г. Суббота. Ровно 5 месяцев войны с немецкими захватчиками. Ленинград на волоске от гибели. Вот-вот и осуществится план Гитлера: взятие Ленинграда измором. Норма в армии уменьшена,

с 600 г красноармейцы стали получать 300 г на день, а с 300 г не очень-то развоюешься. Ой! Не могу подумать, как не хочется попадаться в руки немцу, ведь к нему не на жизнь, а на смерть. Вскоре судьба наша должна решиться. Хорошего не жду, теперь я совсем отчаялась, что когда-нибудь откроются дороги: из газет и из рассказов раненых, лежащих в госпиталях, нам известны все невозможно осуществимые трудности в боях за дорогу. Вряд ли удастся нашим бойцам прорвать кольцо блокады, видно, возьмет нас измором. Производительность труда уже снижается на всех предприятиях, а победу за дорогу еще не видно. О доме уже не думаю, все равно бесполезно, только себя расстраиваю. Да! За все свои капризы я достойно наказана богом. (...)

28 ноября 1941 г. Пятница. Л. С. Т. Занятия сегодня у девочек всего 2 курса, я встала утром, сходила на почтамтскую, купила хлеб, Татьянки ушли на работу, я поела кофэ, вынула свою повидлу и съела все. (...) Убралась в комнате. У Тани нашла письма мои, которые я написала домой и мамаше, но они уже распечатаны и прочитаны ей. Ах, как мне стало обидно за контроль, чего ей надо контролировать меня, шпион что ли ей я. В 10.30 пошла в тех-м, в библиотеке сменила книгу, взяла «Обрыв» ч. 1 Гончарова, говорят, хорошая вещь, почитаю. Занятия прошли, по контрольной математике не сделала одну задачу, тревога опять началась, беда, и до 5 вечера, вот уже недели 2,5 летает и бомбит в одно и то же время. Бомбы летели рядом, но мы сидели на лекции и строчили конспект.

22 декабря 1941 г. Понедельник. Вчера был выходной день. Мы с Таней выкупили конфеты «Аккра» кофейные 600 грамм, все на мою и ее карточки на 3-ю декаду. Это прямо счастье, а то в магазине, где я прикреплена, ничего не дают. Бывает повидла, и то и очередь за ней, а не выгодно, а это я все 3 декады выкупала в магазине, где прикреплена Таня. В столовую не попасть, наш буфет выходной, мы с Таней утром съели хлеб по 125 г с супчиком, в обед я еще выкупила 125 г, а вечером съели с Таней по 6 конфет и выпили по стакану кофэ.

ДНЕВНИК
БОРИ
КАПРАНОВА

В 1996 году в Музей обороны и блокады Ленинграда пришёл пакет с дневником. Мальчишеский почерк, шестнадцать лет. Сопроводительное письмо гласило: «Извините за беспокойство, но я решил обратиться к вам с просьбой ознакомиться с блокадным дневником моего брата с целью определения его пригодности в качестве экспоната музея», - писал старший брат Бори Капранова.

Мама, папа, бабушка и трое братьев Капрановых жили перед войной в Колпино, ныне это в черте города Петербурга; в сентябре 1941 года эвакуировались в Ленинград, где обосновались на эвакупункте на улице Салтыкова-Щедрина. Боря, до войны закончивший 8-й класс, служил в противопожарном полку, недолго учился в Военно-морском политическом училище. К этому времени относятся записи, полные боевого духа: «Какая-то сила зовёт меня на фронт... Здесь невыносимая скука. Немцы бросали листовки со словами: «6-го доедайте соевые бобы, а 7-го готовьте гробы». Какая-нибудь шальная бомба залетит, и умрёшь, не принесёшь пользы, а на фронте мог бы принести какую-нибудь пользу. Хочу отомстить за товарищью, за родину». Заканчивается дневник уже совсем в другой тональности - «скука» превращается в «ад»: «Опять я едва таскаю ноги, дыхание спирает, и жизнь уже не мила. Не видать бы мне тебя, Ленинград, никогда. На улице всё так же падают люди от голода. У нас в доме померло несколько человек, и сегодня из нашей комнаты просили мужчин помочь вынести покойника... Что-то с нами будет? Выживу ли я в этом аду?»

О героях дневника брат Бори написал в сопроводительном письме коротко: они с мамой и братом Валентином смогли выехать из города в марте 1942 года; бабушка умер от голода в январе; папа - в эвакугоспитале в конце марта.

Сам Боря, не дождавшись официальной эвакуации, в начале февраля уходит с группой комсомольцев по Дороге жизни и погибает. В этом аду он не выжил.

Его дневник - ныне экспонат музея.

14 октября. Вот уже месяц как я боец 1-го взвода 13-й роты Комсомольского противопожарного полка по охране г. Ленинграда. (...) По поступлении в полк, мне сразу, как и всем, выдали комбинезон, ботинки и фуражку, а немного позже - ватник. У каждого имеются: рукавицы, каска, пояс.

Находимся на казарменном положении и питаемся в столовой, только карточки надо сдавать. Имеются все постельные принадлежности. Питаемся в день 3 раза. Кормят по военному времени и, принимая во внимание теперешнее положение, когда Ленинград окружен, хорошо. (...)

18 октября. Сейчас так напряжены нервы, что от каждого резкого звука приходишь в раздраженное состояние. Это когда отдыхаешь. Идя в дозор, не обращаешь внимание на бомбы, настолько привык. Когда свистит летящая бомба, то ждешь, когда она упадет, где и скоро ли. С фронта приходят неутешительные вести - немцы ближе к Москве и Ленинграду. В нас нет боязни к врагу. Мы свыклись с таким положением. Некоторые ребята хотят оказать большую помощь Родине и стремятся пойти на фронт. Я подавал заявление в ополчение, но 25-24 года (рождения) не принимают. (...)

20 октября. Эти дни тихо. Идет снег. Туман. Налетов не было. Я хотел поступить в артиллерийскую школу, но так как табель остался в Колпино, то не приняли.

В городе с питанием плохо. Иждивенцы получают по 200 гр. хлеба, а белого хлеба и сливочного масла не получают совсем.

Особенно плохо с питанием у беженцев. (...) Были случаи, когда умирали грудные дети. Рабочие питаются в заводских столовых и некоторые прикреплены к государственным столовым. Там тоже по карточкам, но все-таки лучше. Нас кормят неплохо, но официанты здорово обманывают. Командиру и старшине дадут больше, они и молчат.

Только в последнее время в это дело вмешалось ротное комсомольское бюро, и предвидятся улучшения.

На работу не ездим, потому что нет бензина.

23 октября. Это случилось летом, в августе месяце. Мы находились на казарменном положении в 9-й школе. Из второго этажа, из спортзала, нас перевели в третий этаж, в кабинет естествознания. Ночи две мы спали спокойно. Жизнь шла нормально. Был прекрасный солнечный день. Мы занимались своим делом. Вдруг стали раздаваться взрывы со

стороны колонии, в поле. Взрывы все чаще. Что такое? Все удивились и в недоумении смотрели один на другого, как бы спрашивая. Подбежали к окну и стали наблюдать. Вот раздался свист, показался белый дымок и потом - взрыв, как разломали сухую доску, точно такой звук, только треск сильнее. Все больше и больше разрывов. Это немцы обстреливали зенитную батарею, которая метким огнем не раз отгоняла их стервятников, защищая город и завод, который имел большое военное значение.

Снаряды ложились все точнее и точнее. Из окна мы хорошо видели, как несколько снарядов попали в красноармейские землянки. Два мессершмидта, летающие около леса, точно корректировали стрельбу. Наш патруль, состоявший из трех ястребков, или боялся встречи с ними, или имел другую цель, только он летал над городом и в частности над нашей школой, т. к. на крыше находился морской наблюдательный пункт, корректирующий стрельбу кораблей, стоящих на Неве и была вышка МПВО.

На батарее были раненые. Ее пробовали перевезти на другое место, но ничего не вышло. Прилетели немецкие самолеты. Со всех сторон раздалась залпы зениток. Со станции бил бронепоезд. Внезапно немцев атаковали наши самолеты. Завязался воздушный бой. К гулу взрывов присоединился рев моторов и треск пулеметов. Один самолет (не знаю чей) вспыхнул и круто пошел вниз. Он упал в поле за белыми бараками. К небу поднялся столб черного дыма, смешанный с искрами.

Бой кончился, а обстрел продолжался. Крайние дома и бараки были изрешечены осколками. Перед школой упал снаряд, который был единственным залетевшим в этот день в город. Обстрел так же внезапно прекратился. Мы пошли домой покушать. Хотя в городе было напряженное состояние, но разрушений еще не было. Народ шел в убежища. Каким родным и прекрасным показался тогда город.

Вечером немцы бросили несколько бомб в районе, прилегающем к вокзалу. На следующий день обстрел начался с утра. Перед школой убило несколько человек и разрушило дом. Все провода порвало. Свет в убежищах погас. В воздухе стала рваться шрапнель. Командир звена сказал, чтобы мы спустились в убежище. Только мы спустились, как в соседней комнате раздался грохот. Это снаряд попал в окно школы.

Немцы хотели сбить вышку. Огонь стали переносить на завод. От нас пошел домой Б. Михеев и уже не вернулся. Снаряд попал в их дом.

«Ленинград был городом веселья и радости, а стал городом печали и горя», - пишет Боря. Ленинград - братская могила для сотен тысяч. Среди них - 16-летний Боря Капранов, говорящий с нами на этих страницах из гибнущего города. Ещё живой, ещё надеющийся...

Фото из фондов Музея обороны и блокады Ленинграда.

Когда после обстрела шли по городу, то почти во всех окнах были выбиты стекла. На улицах было множество воронок. Улицы пусты. На следующий день опять обстрел. И на другой день тоже. Мы собрали вещи и уехали в Ленинград вместе с потоком беженцев. Там мы обратились на Лиговку 46 (...) и нас направили на Гагаринскую, откуда я и поступил в полк.

31 октября. Дней десять была передышка от налетов, но, так числа с 29, опять начались бомбежки. На пожар не выезжали. 29 числа в 8-м или 9-м часу вечера произошел нехороший случай. Он нас очень ошеломил и настроение какое-то подавленное. Я позвал Коткина сыграть партию в бильярд. В самый разгар игры раздался сильный взрыв. Зазвенели разбитые стекла, и на улице на миг все осветилось. Я подумал, что перед домом бросили фугасную бомбу. Выбежав в коридор, увидел, как из соседней комнаты, из той, в которой мы спали, шел дым. Оттуда пробежал Орлов, но я его не заметил. За ним выбежал Корнилов, с обгоревшим черным лицом, зажав глаза руками. Затем Шимко, у которого опекло левую сторону лица. Лебедев с зажатыми глазами. У него осколками ранило глаза. Кузнецов тащил политрука роты с обгорелым лицом, и на нем тлела одежда.

В комнате был едкий дым. Горели подушки, матрас, одеяло, ватники. Все тащили ведра с водой. Девочки плакали, потому что пострадавшие были все свои люди. Политрук получил тяжелые ожоги, и его лицо кое-как обмыли в коридоре и разрезали спецодежду, так как она тлела. Пострадавшим оказали помощь. Бергер вызвал скорую помощь. Корнилова, Лебедева, Шимко увели в комнату девочек, а политрука перенесли туда. Орлов, как только выбежал вниз, встретил санитарку-дружинницу, которая его отвела в глазной госпиталь на Моховую. Приехала скорая помощь, и пострадавших, наскоро перевязав, увезли в больницу во Дворец пионеров. Прибежало много милиции, бригадмиллов (...) и дело начало разьясняться. Командир роты и Чистов, находившийся в момент взрыва в той же комнате, дали показания в отделении.

Оказалось, что бойцы задумали истопить печку зажигательной бомбой, которую принес командир роты. Политрук принес от него бомбу и передал ребятам. Орлов положил ее в печку и обклат дровами. Политрук сел против дверки. Корнилов тоже был около. Шимко и Лебедев - в стороне. Они шутили, что бомба не взрывается долго. Только Орлов наклонился, чтобы пошевелить, как раздался взрыв и термит

вылетел вместе с бомбой из печки. Печку разворотило. Вероятно, в ней был взрывчатый аммонал. Всех контузило. Политрук поднялся и опять упал. Кузнецов тоже был там, но не пострадал и сразу бросился тушить политрука и его выносить. Теперь Шимко и Лебедев уже здесь, так как легко отделались. Орлов, Корнилов и Троценкова в больнице. У них дело не прекрасно, а очень плохо, особенно с политруком.

Мы перебрались в дежурное помещение и теперь спим и находимся пока здесь.

2 ноября. Вчера получил и сдал карточки. (...) Сначала не хотели дать, но когда немного поругался, карточки выдали. Промтоварных не дали за неимением какой-то справки, которую было негде взять.

Вчера выдали резиновые сапоги 43 номер. Хотя они и большие, но можно побольше навить портянок, и будет тепло. (...)

От нас ушли четыре девочки. Командир их отпустил, так как, по его мнению, они были не нужны. Одна ушла самовольно. Мальчиков он не отпускает, и когда один хотел уйти, то командир накричал, что он посадит в холодную комнату, и не отпустил.

Сегодня получили мы по плитке шоколада весом 100 г, по два пирожных и по 150 гр. конфет. Это полагалось по карточкам на праздник и, конечно, за деньги. Приехал из Колпино папа, и я этому очень обрадовался. От него узнал, что наш дом изрешетило осколками. Около него разорвалось несколько снарядов. Узнал также приятную новость, что мой старый товарищ по школе Кузынов Владимир находится здесь, а не уехал по эвакуации. Думаю его навестить, когда выдастся свободный час.

Впервые на завтрак дали суп. Теперь его будут давать через день. Опять начинаются частые налеты. (...)

4 ноября. 3-го ноября со мной и с еще одним бойцом т. Боруновым произошел нехороший случай. Нам дали шоколад, пирожные и потом вечером конфеты. Во время обеда, когда я получил шоколад, Кузнецов предложил мне продать все в три раза дороже. Я отказался. Тогда он опять стал просить, говоря, что это нужно матери. Я одно пирожное продал, а второе съел сам. Когда уже после, я съел немного шоколада, и у меня осталось полплитки, Кузнецов попросил продать ее за 15 рублей, когда и плитка стоила 5 рублей 2 копейки. Я сначала думал, что он смеется, и не продал, но потом все-таки согласился продать, руководствуясь той целью, что мне нужны были деньги.

Когда я выкупал шоколад, то этого у меня и в уме не было, чтобы перепродавать. Не то чтобы я соблазнился деньгами, а я просто ни о чем не думал и не понимал, что совершаю нехороший поступок по отношению к товарищу, с которым жил вместе уже почти два месяца и спал на соседней койке. Когда я уже перепродал, то пошел в 22-ю комнату играть в бильярд и там сообщил о сделке. Ребята стали смеяться, что они один другому тоже продадут, и, в конечном счете, получился аналогичный случай, Борунов продал Ерофееву полплитки или меньше за такую же цену.

Вечером под руководством Шимко мне ребята стали объяснять, что я совершил и к чему это влечет. Что, может, завтра я продам ватник, пойду продавать хлеб и т. д. Что это мародерство, спекуляция. И если дать огласку и передать в ревтрибунал, можно получить 8 лет. Решили по предложению Айзиковича и Шимко устроить товарищеский суд, не вынося это из стен взвода. Позвали политрука.

Суд под председательством Айзиковича, так как он учился в Юридической школе и кое-что понимает, и при посредстве секретаря т. Преде вынес общественное порицание перед строем. Пошло дальше, так как, по словам Шимко и политрука и Преде, комсомол этого оставить не может. Собрали тотчас же комсогруппы и вынесли мне строгий выговор с предупреждением и с занесением в личное дело. Некоторые говорили, что это слишком, но тут опять же Шимко и Айзикович подняли шум, развели такую философию, что припомнили были и небылицы и еще кое-что приплели. В общем, из мухи сделали слона. Решили, что если это повторится, то дело пойдет дальше.

Этот случай, конечно, я запомню надолго и думаю, что больше не повторится. На ошибках мы учимся. Потом это дело разбирали на бюро в присутствии командира роты, политрука взвода, политрука 3-го взвода, комсorghов 1-го и 2-го взводов и старшины роты. Оставили также и передадут в райком.

Встретил в магазине Д. Решетникову, учившуюся вместе со мной, и узнал, что Владимир Орлов погиб от руки фашистского снайпера. Возвратившись из разведки, он понес обед красноармейцу, и в это время его настигла разрывная пуля, убившая на месте. Он умер 22-го октября. Погиб также Ю. Никитин. Оба были хорошими товарищами, прекрасными комсоргами. (...)

6 ноября. Вчера многим бойцам, родившимся в 1923 году, пришли

повестки в армию. Я тоже очень хочу пойти в армию добровольцем. Попытаюсь второй раз. Хотя здесь одевают и хорошо кормят, но какая-то сила зовет меня на фронт. Переговорю с Коененом, и если он согласится, то вместе будет веселей. Здесь невыносимая скука. Немцы бросали листовки со словами: «6-го - доедайте соевые бобы, а 7-го приготовляйте гробы». Какая-нибудь шальная бомба залетит, и умрешь, не принеся пользы, а на фронте мог бы принести какую-нибудь пользу. Хочу отомстить за товарищей, за Родину. (...)

17 ноября. Наконец-то свершилось то, что я давно желал. Сегодня я зачислен студентом 1 курса морского военно-политического училища. 21-го к 12 часам прийти на Мойку 59 комната 8, имея при себе зубной порошок и щетку, но я не возьму порошка, так как его у меня нет. Надо открепиться в райкоме и справиться все свои личные дела. (...)

19 ноября. Сегодня на завтрак дали 20 гр. паюсной икры, 100 гр. хлеба и чай. Суп не стали есть, так как нельзя было в рот взять. На обед дали 100 гр. хлеба, суп из макарон, макароны с сарделькой, конфету и чай. На ужин щи из капусты, 100 гр. хлеба, конфету и чай. Теперь я уже не пожарник.

20 ноября. ДОМА. Сегодня я совсем покончил с работой в комсомольском полку противопожарной обороны г. Ленинграда. Вчера вечером сдал форму, а сегодня получил карточку. Сегодня уже там не питался. Утром мама купила щи и смешала их с гречневой кашей, и получившимся, так сказать, супом позавтракали. Потом чай пили. Часов около 12 сварили и поели супу из рисовой каши и тем же поужинаем. Хлеба ели грамм по 70. Чтобы получить карточки, пришлось много побегать. (...) Но, в конце концов, я их получил, и теперь с взводом покончено. Сейчас ходил в райком сниматься с учета. Отдал прикрепительный талон и получил справку, что снят с учета. Сейчас нужно приготовить кой-какие вещи, которые будут нужны в училище. У меня есть маленький чемоданчик, и в него, думаю, все сложу. Так как вещей буду брать немного. В баню ходил. Сначала с Валею пошли на улицу Чайковского, так как он говорил, что там баня лучше. Но из-за недостатка воды баня была закрыта, и мы пошли на улицу Некрасова, где и помылись. Теперь надо наголо остричься. Сейчас я ехал в трамвае и слышал слова военного: «Смотрю я на мальчиков лет 15 - молчат или жалуются, а в 18 году ведь только по 100 гр. одного хлеба было». В 18-ом было плохо, но и теперь не хорошо. Голодно, холодно и бомбят. Чем ты был, Ленинград?

На улицах веселье и радость. Мало кто шел с печальным лицом. Все что хочешь можно было достать. Вывески «горячие котлеты», «пирожки, квас, фрукты», «кондитерские изделия» - заходи и бери, только и дело было в деньгах. Прямо не улица, а малина. И чем ты стал, Ленинград? По улицам ходят люди печальные, раздраженные. Едва волочат ноги. Худые. Посмотришь на разрушенные дома, на выбитые стекла и сердце разрывается. Прочитаешь вывеску и думаешь: «Это было, а увидим ли опять такую жизнь?» Ленинград был городом веселья и радости, а стал городом печали и горя. Раньше каждый хотел в Ленинград - не прописывали. Теперь каждый хочет из Ленинграда - не пускают. Разве будет хорошо, когда иждивенец получает только 125 гр. хлеба и каждый день ждет уменьшения нормы. К этому еще прибавь ночные бомбежки и артиллерийский обстрел. Но моральное состояние имеет большое значение, а оно подавленное. Дети часто мрут. Таковы факты. А факт вещь упрямая. (...)

24 ноября. ВМПУ. Подъем! Кричит дневальный - подъем! Раздается скрип кроватей, и из-под одеял по всей комнате, как грибы, вырастают стриженные головы. Ребята нехотя вылезают из темноты, убирают койки, идут мыться. Я уже не спал часа 2. Лежал и думал о разном. О своем прошедшем, когда учился в школе. Как мы были радостны и беспечны. Ни о чем не думали. Как началась война, и я был в группе самозащиты. Потом приехал в Ленинград. Все это мельком. Подумал о настоящем, и сердце заныло. Как-то там дома. Мама, братья сидят на 125 гр. хлеба, в столовой берут плохие щи из капусты раз или два в день, но вырезают 25 гр. крупы. Им хватит ненадолго крупяных талонов. Я-то здесь обеспечен, но как они? Подумал о будущем. Может, буду политруком во флоте. Это уже профессия на всю жизнь. Работать будет трудно. Учиться тоже трудно. Но надо преодолеть все трудности. (...)

Я молод, и почти все старше меня. Не лучше ли уйти. Я ведь еще мало видел жизни, и все трудности меня пугают. Допустим, что я стану политруком. Мне будет 17 или 18 лет. Как я буду работать с краснофлотцами. Но зато материально я буду обеспечен. Я мало еще пожил. Мне хочется сейчас пойти отсюда домой и кончить среднюю школу, а уже потом поступать в училище. Но то еще меня пугает, что придется жить впроголодь на 125 гр. хлеба, денег не будет. Теперь хоть я избавил семью от лишних хлопот. Но потом ко мне приходят мысли новые и тех уже вытесняют и перемешивают. Ты комсомолец. Должен перенести все ли-

шения. Преодолеть все трудности. Напрячь все силы, нужные для преодоления трудностей. Потом ты хоть чем-нибудь поможешь родителям. Поможешь выучиться братьям. Ведь им уже трудно троих воспитывать. Тем более, что сейчас отец мобилизован. Работа будет трудная, но надо все силы приложить, чтоб справиться с этими трудностями. (...)

27 ноября. Проснулся рано. Пospал очень хорошо. Вечером накинул на одеяло еще шинель. Закутался с головой. Согрелся и скоро заснул. Все тело охватила приятная истома, и скоро заснул, как граф. Проснулся, выглянул из-под одеяла. Холодно. И быстро опять с головой закрылся. Но подумал, что надо писать дневник, и быстро встал. Вечером писать плохо, потому что полно народу и могут помешать. А сейчас никто не мешает. Все еще спят. В комнате около сотни кроватей. Две печки. Но дверь не закрывается и быстро выхолаживается. Спит здесь 1 рота, 4 класса. Остальных не знаю куда перевели. Еще вчера спали вповалку по двое на койке. Сейчас пишу, но думаю о доме. Как-то живут мои братья, мама, что слышно от папы. Сердце сжимается, как вспомнишь, как им сейчас трудно. Домой, наверно, еще долго не отпустят. Вчера отправил письмо. Скоро ли получу ответ. А может быть, в их дом попала бомба или снаряд. Вот чего я боюсь. А будущее тоже меня пугает. Я слишком молод. Не лучше ли уйти. Но нет. Этого делать нельзя. Вот если бы не война, тогда все бы было по-другому. Я окончил бы 10-летку и пошел куда-нибудь в военное училище или куда захочу. Может быть, уже сейчас бы работал. Это тоже военное училище. Но условия таковы, что очень трудно учиться. А между прочим, я ведь очень хочу во флот, хочу окончить это училище. Первые шаги сделаны. Раньше я сюда, может быть, бы и не попал, а теперь попал очень просто. Зато уж раньше выпускали хороших политруков. Сейчас программа сжатая, и мы получим меньше знаний, а, значит, и работать будет труднее. Сейчас все спят. Только трое одетые, в том числе и я.

28 ноября. Сегодня отправил второе письмо домой, где написал точный адрес. Еще с самого первого дня лейтенант Пискунов говорил, что мы попали в трудную обстановку. Что холодно и ничего не готово. Придется пройти суровую жизненную школу. Между прочим, это даже полезно, потому что, попадая потом в трудную обстановку будем лучше понимать настроения людей. Но это явление временное, приходится мириться.

Также полковой комиссар говорил, что у нас создались трудные об-

стоятельства. Что многие разочаровались. Думали, что придут на все готовое, в тепло и т. д. Но это временно, не намеренно. И это потому, что училище переводится из Кронштадта и ничего не готово. Придется все делать самим. Оборудовать классы, натаскать и расставить койки, заклеить окна, и с питанием стало хуже. Пришлось снизить паек, так как Ленинград в кольце блокады и подвоза продуктов нет. Со всеми трудностями мы постараемся справиться. Уже почти оборудовали все. Обмундировались, спим уже на койках и в тепле, классы оборудованы, окна заклеены. Надо еще наладить пароотопление. Но надо готовить и разные кабинеты, пособия.

Но мы очень ощущаем блокаду не только из-за пищи, из-за таких трудностей и еще и по-другому. Вот сегодня, как и часто, когда строились к обеду, началась тревога. Наш дом потряс сильный взрыв. Когда на улице у ворот столовой ждали своей очереди, то над головами рвались зенитные снаряды, вдалеке падали бомбы. Или на информации в 6 часов. Все было тихо, и, вдруг, раздался невдалеке сильный взрыв. Задрожал дом, и потом закачались стены, пол и мы тоже. На потолке лампочку как кто толкнул. Или идем в казарму, и рвутся снаряды. Это немцы обстреливают район. Но это уже превратилось в обыкновенное явление.

Да, мы действительно пройдем суровую жизненную школу, рано созреем. От прошлой беспечности не остается и следа. Я чувствую, как у меня меняются взгляды и настроения. Я уже с другой точки зрения смотрю на вещи. (...) Я часто скучаю по дому и семье. У меня сжимается сердце, как вспомню, в какой обстановке находятся братья, мама. Им очень плохо, но чем я могу помочь? Папа сейчас на фронте в г. Колпино в команде МПВО. Хоть и не воюет, но находится рядом с фронтом. Под Колпином идут ожесточенные бои. Я хоть немного утешаюсь тем, что не состою на иждивении родителей и хоть этим немного помогаю. А то папа не работает, мама тоже, а деньги нужны. Хоть папе и выплачивают средний заработок, но его недостаточно. Я выбрал койку, которая мне пришлась по нутру. (...)

1 декабря. Внутри у меня какой-то сумбур. Я задумал уйти отсюда, так как мне здесь все опротивело. Я больше не могу так жить. Эти бесконечные перемены, построения, строгие требования меня так изводят, что, кажется, у меня разорвется сердце. Так я никогда еще не переживал. Заявил о своем желании, об уходе старшине роты и жду, пока он доложит начальнику курса. Скоро ли я вырвусь отсюда?

В самые суровые дни блокады - зимой 1941-1942 гг. - в городе работали 39 школ, потом их количество увеличилось до 80. С детьми занимались в разрушенных школах - как на этом фото, в бомбоубежищах. Были открыты ясли, детские сады, открывались детдома - там жили маленькие ленинградцы, у которых умерли от голода все близкие.

Фотохроника ТАСС.

Тема «Смерть детоубийцам!» была очень популярной у художников, рисовавших плакаты во время войны. Сюжеты были разные, но смысл один - за каждую отнятую фашистами детскую жизнь их ждала мечь. Этот плакат висел на углу Лиговского проспекта в Ленинграде.

Фотохроника ТАСС.

2 декабря. Я все остаюсь при старом желании, уйти отсюда, и с минуты на минуту жду вызова от лейтенанта Пискунова, чтоб отпроситься совсем отсюда. Вчера вечером меня подозвал старшина класса и спросил, действительно ли я хочу уйти из училища, так как до него дошли такие слухи. Я ответил утвердительно. Почему? Потому что мне слишком мало лет, и я не хочу всю свою жизнь посвятить службе в В. М. Ф., - ответил я. Он что-то записал против моей фамилии и сказал, что доложит старшине роты. А еще до этого в обед я сам уже докладывал старшине роты, который сам хотел доложить начальнику курса. Потом после обеда целый день надоедал командиру своего отделения, могут ли отослать в армию, если я с 1925 г., и вообще отпустят ли меня? Так что он уже устал отвечать мне. Наутро мне не терпелось узнать о результатах, и в обед я спросил у старшины роты. Тот отвечал, что доложил и меня вызовут. Я едва мог терпеть неизвестность и сам отыскал лейтенанта и обо все доложил ему. Он записал и сказал, что вызовет. Теперь буду писать ему заявление и если долго не получу ответа, то подам заявление.

6 декабря. НА ЭВАКОПУНКТЕ. Дольше я не мог терпеть и решил действовать решительнее. После завтрака я потихоньку ушел в здание училища, а ребята пошли на занятия. Здесь бродил по коридору, потом заходил в комнаты начальников, больше всех к начальнику курса, но они были пусты. Стал бродить по всему зданию и нашел на окне тетради, из которых несколько забрал себе. Наконец дождался: увидел, что начальник политотдела пришел. Я к нему. Открыл дверь, постучавшись. Там он сидел за столом, возле него сидел полковой комиссар, напротив что-то докладывал сотрудник и рядом на диване сидел политрук.

Я подождал несколько минут, пока он освободится, и обратился к нему: «Товарищ батальонный комиссар, разрешите обратиться?» Он удивленно посмотрел и недовольно: «Кто такой?» «Курсант Капранов!» «Как?» - не понял он. «Курсант Капранов». «Ну что?» Приготовился он слушать, полуобернувшись ко мне. «Вот я хочу уйти из училища и обратился к вам!» Он сразу переменялся: «Почему, какая причина?» Те тоже смотрели на меня. «Не могу я учиться. Мне шестнадцать лет и как я буду политруком?» Он сразу переменялся и стал суровее с лица: «Так вот товарищ Капранов. Капранов. Идите и учитесь. И больше ко мне с такими вопросами не обращайтесь». «Есть» и, повернувшись, вразвалку вышел.

Я нарочно держал себя так, чтобы он подумал о мне с худшей стороны. Но немного пройдя по коридору, я остановился. Какой-то комок

подступил к сердцу. Что я наделал? Зачем ушел, не доведя до конца дела. Начал дело и уж не сдавайся, а ты и растерялся. Такие сомнения и мысли налетели вихрем на меня. Я вернулся, постучался, вошел. «Я опять к вам, товарищ батальонный комиссар». Он и все были удивлены. «Не хочу я учиться в училище!» «Я вам уже сказал, и вы исполняйте приказание» - ответил он сердито. «Не могу учиться, отчислите лучше меня!» Начал я ему говорить и опять повторил, правда, сбивчиво, но все причины и кое-что приврал. «Вы человек военный, зачислены курсантом в приказе и только приказом вас можно отчислить. Я уже вам сказал, что идите и учитесь. Ждите. А таких, как вы, нам и самим не нужно». «Не хочу, не буду я учиться!» - почти крикнул я. Он тоже рассердился: «Я вам приказываю, и вы исполняйте, а то за невыполнение приказа отдам на ревтрибунал, вы ведь курсант?» - «Нет еще, кандидат», - ответил я, хотя приказом я был курсантом. «Нет, вы зачислены курсантом и только приказом по училищу можно вас отчислить. Идите». «Не буду я учиться. Не хочу совсем. Я лучше на фронт пойду!» «Куда???» «В партизанский отряд разведчиком или еще кем». «Куда вы нужны, вам 16 лет. Вы трус. Испугались трудностей. Что вы будете делать на фронте. Вот спишут, и пойдете домой». «А когда выйдет приказ?» «Когда выйдет, тогда и пойдете. Может сегодня, может завтра!» Я еще хотел поспорить, но сидящий политрук сказал: «Что ты хочешь? Раз тебе сказали, то надо ждать». И я понял, что он был прав. Повернулся и ушел. (...)

Училище переезжало на Охту, и часть ребят ушли еще вечером. Утром, часов около 9 получили справку, что в училище не приняли, и, наконец, пошли домой. Наконец, к великому своему удовольствию, я опять стал гражданским. Я вздохнул полной грудью.

13 декабря. Проснулся в 6-м часу и больше уже не мог заснуть. Почти все не спали. Начали рассказывать свои сны. И, оказалось, что все были схожие, так как все видели во сне хлеб или другую пищу. Вале приснилось, что будто бы 19-го числа ему поставили на пропуске, что завтра эвакуируемся. Так в разговорах долежали до 7 часов, но свету не было, и вставать холодно. И мы, ворочаясь с боку на бок, лежали, хотя лежать было трудно из-за того, что мы почти круглые сутки лежали и отлежали все бока. У меня еще болит нога, и переворачиваться сущее мучение. (...)

Теперь мы едва переставляем ноги. Поднимаясь на второй этаж, я чувствую, что уже устал. Все мы ходим, как привидения. Будет ли, не

будет прибавки хлеба, и при первой возможности постараемся покинуть Ленинград.

15 декабря. Вот уже 5 дней второй декады, а в магазине ничего нет. Даже того скудного пайка, полагавшегося по карточкам, нельзя выкупить. Мама выкупила 250 гр. кофе вместо конфет, и теперь пьем его. Супу в столовой часто совсем нет, и кофе заменяет суп. Живем почти на воде. Теперь нет ни масла, ни жира. Вот варили капустные щи дней 8, из капусты, привезенной папой, и тем поддерживались, но капусты осталось на один раз. Все ждали прибавки хлеба, но ее нет. Если еще так затянется, то долго не выдержу. От меня остались одни кости.

Много умирает. Здесь, в доме уже померло несколько человек, а покойницкие все забиты умершими от истощения и они долго лежали в комнатах. На кладбище навалены горы трупов и гробов не хватает. Один раз, придя на работу, мужчина и девушка сели отдохнуть. От утомления они заснули, так и померли, потому что организм совсем ослабел от голода. Другой случай произошел в магазине. Молодая девушка пришла в магазин и, схватив кусок хлеба, стала в угол и жадно поела. Продавщица ее стала ругать, бить. Но она только и отвечала: «Я голодна, хочу есть».

Было много случаев, когда ловили кошек и собак, дома варили и ели. О голоде еще говорит тот факт, что за килограмм хлеба рады дать 200 рублей. Люди пухнут и умирают. Но голодают не все. У продавщиц хлеба всегда остается килограмма 2-3 в день, и они здорово наживаются. Накупили всего и денег накопили тысячи. Обьедаются и военные чины, милиция, работники военкоматов и другие, которые могут взять в специальных магазинах все, что надо. И едят они, так как мы ели до войны. Хорошо живут повара, зав. столовыми, официанты. Все мало-мальски занимающие важный пост. Достают и едят досыта. (...)

Итак, факты доказывают, что половина в Ленинграде голодует, а половина объедается. В закрытых магазинах много, а в наших пусто. На совещании, где должны решать вопросы о прибавке нормы и об улучшении, присутствуют не голодные, а все сытые и потому нет улучшений. Где же та свобода и то равноправие, о котором говорится в конституции. У нас все попугай. Неужели это в советской стране. Я просто с ума схожу, как подумаю обо всем. Сегодня утром попил кофе без хлеба. В 11 часов после капустных щей. Туда примешал немного дуранды. Но все равно одна вода. В капусте и дуранде нет пита-

тельности. Щи разделили и на ужин. Ни масла, ни жиров нет. Я едва переставляю ноги. Голова кружится. Долго ли еще так будет? Но если долго, мы не переживем.

20 декабря. В комнате объемом 30 кв. м живем 5 семей, всего 16 человек. У каждой семьи по 2 топчана, и по маленькому столику. Очень тесно. (...)

24 декабря. Проснулся в 6 ч. 15 мин. Кто-то вошел в дверь и у него стали спрашивать время. Я не знаю, ответил тот. Но Сковородка, спавший на соседнем топчане и имевший часы, чиркнул спичкой и сказал - 15 мин. седьмого! У, пора вставать! - и Шихова поднимается, засвечивает остаток свечки, и начинает возиться с печкой. У нас печка-буржуйка, и на нее всегда наставят чайников. Мама же часто кипятит воду в горшочке прямо в печи. Так быстрее. В комнате уже все зашевелились, наша семья тоже не спит, но вставать незачем, и мы рассказываем сны. Я начинаю рассказывать свой сон: «Я сегодня во сне ел белую булку и половину оставил. Видел реку, видел, что поймал белого зайчонка, как вратарь. Он выскочил из норы, и я прыгнул и поймал, и посадил в корзину. Потом собирал красные грибы, много грибов. К чему это?» Зайчонок и булка к хорошему! - отвечает мамаша, и тоже рассказывает свой сон. В комнате почти все видят во сне хлеб, так как думают все об одном, ибо все голодны. В разговоре уже участвует вся комната. (...) Печка растепляется, теплый воздух доходит и до меня. «Я скидываю с головы одеяло. Знаешь, Борис, я вчера читала в газетах, что нужны кадры трактористов. Может быть, будут набирать на курсы, вот бы тебе поступить», - говорит мама, тоже вылезая из-под одеяла. - «А хорошо трактористом?» - «Хорошо, он и зарабатывает хорошо, и всегда сыт, приезжает если куда, то в первую очередь в колхозе его накормят». Я раздумываюсь и решаю, что трактористом быть неплохо. Хорошо, я поступлю, если будет набор, - отвечаю я. Мама встала и пошла за кипятком, но вернулась с пустыми руками, супу сегодня тоже не было. (...)

25 декабря. Как обыкновенно, встали. Мама ушла за хлебом. Папа, Леня и Валя лежат на постели. Я сижу за столом и пишу дневник. Внезапно раскрылась дверь с треском. В комнату вбегают тетя Надя и радостным, необыкновенным голосом кричит: «Слава тебе господи, хлеба прибавили!» (...) Сразу все выныривают из-под одеял: «Сколько, сколько?» «Рабочим 350, иждивенцам 200 грамм», - говорит тетя Надя. «У нас уже выкуплено все назавтра, у нас тоже и у нас тоже», - со всех

сторон говорят. Я тоже говорю: «У нас тоже!» Но уже настроение другое, более веселое, и разговор живее. Мама принесла хлеб. Мы сразу же съели по 40-50 гр. с чаем. Я накрошил его в чай и съел несколько тарелок, постепенно добавляя чай. (...) Папа ходил за папиросами, но не достал. Не знаю, как мы будем отдавать взятые в долг пачки, ведь папирос нигде нет, а если и бывают, то надо отстоять громадные очереди. (...) В связи с прибавлением хлеба настроение у всех приподнятое. С 1-го хотели еще прибавить, так как теперь больше дать нельзя, не то получится много смертей. Ведь люди были голодные и сразу если прибавить до 400 гр., то уже этого для голодного желудка много и врачи не разрешают. (...) Недавно на улице одна гражданка шла и упала, потом померла в страшных мучениях. Также на улице упал и умер гражданин от истощения. Помирают каждый день тысячи. В одном нашем доме за последнее время померло от голода около 10 человек, и много молодых среди умерших. Кладбища завалены, гробов нет, и около кладбищ большие очереди с покойниками, завернутыми в материю. Помирает очень много, а живые едва ходят. Теперь и мы будем жить, а то еще несколько дней и я бы не выдержал. Теперь только будем ждать, только ждать эвакуации. В комнате уже поют.

1942

1/1-42 г. Сегодня наступил новый год. Что он нам несет - тайна покрытая мраком. Впервые мы так встречали новый год - даже не было крошки черного хлеба и вместо того чтобы веселиться вокруг елки - мы спали, так как нечего было есть. Когда вчера вечером я сказал, что уходит старый год, то мне ответили: «К черту с этим годом, провалиться бы ему сквозь землю!» И действительно, я того же мнения, и 41 год никогда не забуду. А новый год принес еще меньше радости. Хлеба не добавили, продуктов в магазинах нет, сахару, конфет и жиров еще за третью декаду не давали. Опять я едва таскаю ноги, дыхание спирает и жизнь уже не мила. Не видать бы мне тебя Ленинград никогда. На улице все так же падают люди от голода. У нас в доме померло несколько человек, и сегодня из нашей комнаты просили мужчин помочь вынести покойника. В столовой ничего, кроме жидкого плохого супа из дуранды, нет. А этот суп хуже воды, но голод не тетка, и мы тратим талоны на такую бурду. В комнате только и слышно, что об еде. Люди все жалуются и плачут. Что-то с нами будет? Выживу ли я в этом аду?

ДНЕВНИК
ЛЕНЫ
МУХИНОЙ

Лене Мухиной - 17 лет, они живут вдвоём с приёмной мамой (родная серьёзно больна). Лена влюблена в одноклассника Вову, полна жизни и строга к себе: «Милый мой бесценный друг, мой дневник. Только ты у меня и есть, мой единственный советчик. Тебе я поведаваю все мои горести, заботы, печали. А от тебя прошу лишь одного: сохрани мою печальную историю на своих страницах, а потом, когда это будет нужно, расскажи обо всём моим родственникам, чтобы они всё узнали, конечно, если они этого пожелают».

Удивительно, но родственники никогда не слышали от повзрослевшей Елены Владимировны о тех днях, что она провела в блокадном Ленинграде...

Родственники Лены и сейчас живут в Москве, где до 1991 года в одиночестве жила и сама Мухина. «После того как обрываются записи в её дневнике, Елена Владимировна эвакуировалась в Горький, - рассказывает её двоюродная племянница Татьяна. - Вернулась в Ленинград осенью 1945 года, закончила художественное училище, потом её поносило по свету: она ездила и на целину, и работала на гидроэлектростанции в Сибири». В начале трудового пути создавала по своим эскизам зеркала на Ленинградской зеркальной фабрике, в конце - трудилась на Купцевском мехзаводе. Не было ни своего жилья, ни семьи. Вышла на пенсию рано, по инвалидности. Болела - душой. Попадала в больницы. «Может быть, блокада так подорвала её психическое здоровье... Она была чрезвычайно скрупулёзна, педантична. В её квартире везде были расклеены «таблички» с напоминаниями, перебранная крупа была отмечена особо, на перебранной был свой знак. Елена Владимировна жила очень замкнуто и бедно. Единственной её отрадой была влюблённость в Муслима Магомаева. Во времена, когда купить телевизор было практически невозможно, она откладывала деньги на эту покупку, чтобы смотреть кумира по ТВ. Ездил за ним по гастролям, тратилась на билеты... В какой-то момент она даже смотрела за дочкой семьи друга Магомаева, и ей «перепали» какие-то вещицы, связанные с певцом: я помню бережно его лелеемую его шариковую ручку...»

Умерла Лена Мухина на больничной койке, от рака. Её печальную историю сохранял дневник, в 1962 году - так и неизвестно, какими тропами, - попавший в Центральный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (тогда партийный архив Ленинградской области), где хранится ныне, и опубликованный в 2011 году издательством «Азбука-Аттикус». «Собственно, дневник - это единственное, что было у автора, - сказали на презентации книги составители первого издания дневника, - самое яркое из того, что с ней случилось».

23 июня 1941 года. Утром сказали долгожданную сводку. С 4-ех часов утра 22-ого июня 1941 года регулярные войска Гитлера перешли нашу границу и стали углубляться на нашу территорию. Крупные соединения германских бомбардировщиков сбросили бомбы на мирные города и села нашей страны; но уже в 6 часов германцы столкнулись с регулярными частями Красной Армии. (...) Только в некоторых пунктах гитлеровцы продвинулись и захватили небольшие города и селения в 30-40 километрах от границы.

Германские бомбардировщики совершили налеты на города и села нашей родины, но везде их встретили наши истребители и огонь зениток. Сбито по всему фронту 65 германских бомбардировщиков.

Английское командование и генерал Черчилль заявили, что делают все возможное, чтобы помочь русским, а им помогут США. Гитлер просчитался, он думает, что до наступления зимы он справится с Советским Союзом и тогда расправится с Западной Европой окончательно.

Но он просчитался, мы будем бить врага и днем и ночью с умноженной силой. Мы сделаем все, чтобы помочь русской стране. Мы все делаем, чтобы спасти человечество от тирании. С самого утра у нас на дворе и на чердаке началась работа. На дворе строят спешно газоубежище, которое будет занимать все помещение подвала. На чердаке разрушают все перегородки, клетушки. Ведь они деревянные, и если на чердаке будет пожар от бомбы, то эти клетушки будут прекрасным горючим материалом. (...)

28 июня. В 4 часа утра был дан сигнал В. Т. Пошли в подвал. Но весь почти дом не пошел, а остался на месте. В 5 часов был дан отбой. Мы вышли на улицу, косые яркие лучи солнца мощным потоком били из-за Владимирской колокольни. Ярko горели на солнце многочисленные аэростаты воздушного заграждения. Было так красиво, что не хотелось идти домой. Проехал грузовой трамвай, нагруженный бидонами с молоком и ящиками с бутылками с молоком. Так хорошо, так радостно на душе. Так спокойно.

1 июля. Уже 3 дня, как идет эвакуация детей. Каждое утро (...) едут в автобусах на вокзал дети от 1 года до 3 лет и старше. Всем очень тяжело. На сто человек прикрепляются 1 руководитель и 1 нянька. Сегодня уезжают Грета, Ира и Женя. Ревек[к]е Григорьевне посчастливилось, она уезжает в качестве руководителя. Налетов не было уже два дня. По

радио рассказывают боевые эпизоды, говорят о бдительности, о борьбе с болтливостью, часто напоминают о том, что город Ленинград находится на военном положении, учат, как себя надо вести во время налета, как тушить зажигательные.

Вышли указы об обязательной трудовой повинности, об обязательной сдаче населением всех радиопередающих установок, чтобы ими не мог воспользоваться враг. А врагов у нас в тылу достаточно. Воздушные десанты являются излюбленным приемом врага. Он сбрасывает их в огромном количестве, но благодаря бдительности советских граждан, колхозников, трудящихся большинство их уничтожается в момент приземления. Остальные же вылавливаются нашими специальными истребительными отрядами работников НКВД совместно с трудящимися. Но много еще их не выловлено. Они разгуливают по нашим городам в форме работников милиции или в штатском. Задание этим парашютистам-диверсантам: найти нужные сведения, взорвать важнейшие пункты, поджечь колхозы, распусть ложные слухи, устроить панику, завербовать новых агентов, повредить радиосеть, телеграф, телефон.

Среди них имеются и женщины. По поводу этих шпионов по городу бродят различные нелепые слухи, толки вроде таких, что на Невском недавно приземлились два самолета противника... (...)

5 июля. Немцы подходят к Смоленску, несмотря на то что несут тяжелые потери. В Москве и Ленинграде создается народное ополчение. Недавно по радио выступал Сталин. По улицам проходят отряды добровольцев.

Вчера была у Вовы. Какой он хороший, молодой, здоровый, жизнерадостный. Мечтает перебраться на Карельский перешеек. Без конца острит. Как я его люблю.

Сегодня 3 часа (с 12 до 3) разгружала баржу с кирпичом. Это трудовая повинность. Работа нетрудная. Только обидно, что работаешь бесплатно.

Скоро поступлю куда-нибудь работать. Пора. Надо помогать маме.

За границей растут ненависть к фашизму и симпатия к нам, к моей великой родине.

Эх, Вовка! Я бы все отдала, чтобы видеть тебя каждый день, все время. Строки не могут изобразить то чувство, которое я к нему питаю. Не выразить словами. А выразить так хочется. Только сердце может это выразить!!! (...)

Женщине, которая вырастет из этой девочки, выпадет на долю одиночество.

Школьный снимок 41-го года. Лена - третья слева в верхнем ряду. Идёт война, она влюблена и уже в этой детской любви одинока.

Фото на странице - на самомном архиве Т. С. Мусковой.

25 августа. (...) Я почти все свободное время проводила с Тamarой. Заберемся мы с ней на холм, что напротив школы, и начинаем петь песни, какие только в голову придут. Или размышляем, что такое любовь, как объяснить иными словами слово наивность. (...)

29 августа. Сегодня мне мама Лена открыла страшную истину. Сегодня она решилась сказать мне, что моей мамы нет в живых. Я еще не верю. До моего сознания не дошло это. Но я уже чувствую, что пустота одиночества наваливается на меня. Никакими словами невозможно передать, как мы друг друга любили. Только родные дочь и мать могут так любить друг друга. (...)

Моя рука дрожит. Сердце трепещет в груди. Ее не стало еще 1-ого июля. 1 июля 1941 года, во время кровавой войны с немцами скончалась ты на 44 году жизни, и я даже не знаю подробностей твоей смерти. Моя мама, моя любимая, бесценная мама. Тебя уже нет в живых. Как я могу пережить это. Сердце надрывается. Так вот он, первый удар, который наносит мне судьба. Я вся дрожу. Мне страшно. Я сейчас побегу к Тamarе.

Мне хочется бежать к Вовке. Я не хочу оставаться дома. Мне все противно. (...)

Как бы я хотела иметь любимого, чтоб в это грозное время мы дали бы друг другу клятвы, что, если останемся живы, через несколько лет соединим свои жизни навсегда.

О, лишенько! Как мне больно. Теперь, когда нет на свете родной мамы, мне так хочется, чтоб меня любили. (...)

10 сентября. Еще только 11 часов утра, а уже было 3 В. Т. Я теперь каждый раз хожу в бомбоубежище. Одеваюсь в зимнее, надеваю галоши и беру с собой мой маленький чемоданчик. Я теперь с ним не расстанусь до окончания войны, у меня там чистая тетрадь, Вовин портрет, деньги, 2 носовых платка, бутылка с чаем, хлеб и этот самый дневник. На крышке чемодана, внутри, я написала свой телефон и адрес, если что со мной случится, можно будет сообщить домой. Вот сейчас тревоги нет, а слышно, как бьют зенитки.

Боже, как наш город кишит врагами. Сколько уже выловили ракетчиков, и все-таки, как только ночной налет, предательские ракеты, выпущенные неуловимым врагом, показывают цель для бомбометания. Вот многие люди, которые вчера во время налета были у ворот, на чердаке, на крыше, говорили, что над местом, где находится банк (на Фон-

танке), Витебский вокзал и другие важные объекты, до тех пор вспыхивали ракеты, пока туда не сброшены были бомбы. (...)

22 сентября. Я пока жива и могу писать дневник. У меня теперь совсем нет уверенности в том, что Ленинград не сдадут.

Сколько говорили, сколько было громких слов и речей: Киев и Ленинград стоят неприступной крепостью!! ... Никогда фашистская нога не вступит в цветущую столицу Украины, в северную жемчужину нашей страны - Ленинград. И что же, сегодня по радио сообщают: после ожесточенных многодневных боев наши войска оставили... Киев! Что же это значит? Никто не понимает. Нас обстреливают, нас бомбят.

Вчера в 4 часа ко мне пришла Тамара, мы пошли с ней гулять. Первым делом мы пошли смотреть разрушенные дома. (...) Еще ужасней разрушения на Стрелькином переулке {51}. Там в одном месте разрушены здания по обеим сторонам переулка. Переулок засыпан обломками. Кругом ни одного стекла. Но страшней всего это вид одного здания: у него срезан весь угол и видно все: комнаты, коридоры и их содержимое. В комнате на 6-ом этаже у стенки стоит дубовый буфет, рядом маленький столик, на стене висят (это очень странно), висят старинные часы с длинным маятником. Спинкой к нам, как раз у той стенки, которая отсутствует, стоит диван, покрытый белым покрывалом. (...)

Потом мы с Тамарой стояли в булочной в очереди за газированной водой, потом сидели полчаса в бомбоубежище, потом полчаса спорили, кто к кому пойдет. Победила я, мы пошли ко мне. Тамара застряла у меня из-за В. Т. до 8-ми часов, мы с ней общими усилиями написали записку от меня Вовке. Дело в том, что этот негодяй снова по-свински поступил со мной: весь дом красит известкой чердак, за нашу долю чердака надо заплатить 15 рублей. Мы с мамой решили, что выкрасим сами. Я решила позвать на помощь своего товарища, тем более ему это не ново. Я пошла к нему, его не было дома, я оставила ему записку, которую передала его отцу. Я просила придти и помочь мне. Но он не пришел. Если бы он был занят, он мог бы забежать и сказать, что «я, мол, занят». Нет, непростительно. И даже если он был бы только знакомый (уж не говоря о товарище), то из рыцарского чувства, которое должно быть свойственно всем воспитанным мальчишкам его возраста, он должен был бы придти. Я написала ему очень крепкую записку и передала Тамаре для передачи ему. С Тамарой же мы стоворились, что, если будет ответ, она сама после 5-ти зайдет ко мне, если ответа не будет, я сама иду к ней.

Сегодня Тамара не пришла, я к ней тоже не пошла, так как все время воздушные тревоги. Вот я и не знаю, есть ответ или нет. А это весьма любопытно. По-моему, так: если Вова все же считает, что мы товарищи, и ему станет совестно за свое свинское обращение, то он, конечно, напишет ответ. Если эта записка явилась для него пустой бумажкой и ему нет до меня дела, ответа не будет. Хотя может быть и так: он покажет эту записку ребятам и они сообща настрочат мне ответ. Но тогда такой ответ не будет для меня иметь никакой цены. (...)

4/X-41 г. Как давно я не писала. Но сегодня прорвалось. О Господи Боже мой, что с нами делают, с нами, ленинградцами, и со мной в том числе.

Я работаю в госпитале при Инст-те охраны материнства и младенчества им. Клары Цеткин. У нас, санитарок, суточное дежурство: с 9-ти утра до 9-ти утра следующего дня работаю, а потом сутки отдыхаю до 9-ти утра следующего дня. Итак, я должна спать через ночь. Это очень тяжело, но еще терпимо. (...) Зато я в дни дежурств бываю сыта и получаю карточку первой категории с 400 гр. хлеба в день.

С того раза, как мы вечером сочиняли Вове записку и условились увидеться на другой день, я не видела Тамару. Вчера я написала ей записку и попросила Розалию Павловну передать ее Осе, чтоб он передал ее Тамаре. Так я до сих пор не знаю ничего о судьбе моего послания к Вове. Но я нисколько не раскаиваюсь, что так резко написала ему.

Как-то во время В. Т. я разговорилась с Идой Исаевной о дружбе между мужчиной и женщиной. Ведь любить можно только одного, а помимо любви можно дружить со многими мужчинами. Ида Исаевна рассказывала мне, что когда ей было еще 17 лет, у ней были друзья из мальчиков. И до сих пор их дружба ничем не омрачается. Из класса они дружили впятером, двое девочек и трое мальчиков.

У нас тоже ведь двое девочек: я и Тамара, и трое мальчиков - Вова, Миша, Яня. Почему же мы не дружим - не знаю. Разве мальчики плохо к нам относятся - нет. Разве они неподходящие для дружбы - тоже нет, даже наоборот. Именно с таким типом мальчиков, как они, можно дружить. Но в чем же дело? Не знаю. Но, по-моему, мы не знаем, как подойти к друг другу. (...)

У нас с Тамарой мало кипучий характер. Мальчики тоже какие-то сухие. Между нами отношения какие-то натянутые, уж очень мы почтительны друг к другу. Да еще Яня не очень подходит. Такой профес-

сор, разве можно с ним дружить. Мы могли бы сдружиться, если бы у нас были простые, незатейливые отношения. Обыкновенные отношения между мальчиками и девочками. Если бы мы друг другу нравились. Если бы они заигрывали с нами. А мы держали себя. (...)

12 октября. Я уже совсем свыклась с работой. Больные меня любят. 8-ого впервые увидела мертвого. В этот день в нашем отделении умерли сразу двое: женщина, она беременна была и ранена в живот. Мужчина, он умер от газовой гангрены. Я совсем не боюсь мертвых. Мне только до слез их жалко. Особенно мужчину, ведь еще недавно я видела его живым, он, как и другие, улыбался, курил папиросу, и лицо его мне очень понравилось, такой молодой, симпатичный. Потом его взяли в перевязочную, и там его продержали часов 5. Наконец его вывезли в коридор, и я узнала, что его повезут в операционную отрезать ногу. Он лежал и улыбался, потом его увезли. А когда его привезли, его нельзя было узнать, он тяжело дышал, мучительно стонал, бледный, трепещущий. Вот каким я его помню перед смертью. А потом меня погнали за кислородом в аптеку. И вот я прибегаю, мне встречается в коридоре врач и говорит: «Мухина, можете не торопиться, кислород больше не нужен, он умер». Я не верю своим ушам, вбегаю в свое отделение, а он уже лежит, вынесен из палаты, лицо простыней прикрыто. Жутко. (...)

16 октября. Наступила зима. Вчера выпал первый снег. Немцы непреодолимой стеной напирают на нас. Страшно посмотреть на карту. Последние сведения удручающие. Наши войска оставили Мариуполь, Брянск, Вязьму. Напряженные бои идут на Калининском направлении. Ну, это уже значит, что Калинин можно считать взятым. Ведь это жуть что делается. Вязьма в 150 км от Москвы. Значит, немцы в 150 км от Москвы. Сегодня по радио впервые объявили: «На Западном фронте положение тяжелое. Немцы сконцентрировали огромное количество танков и мотомеханизированной пехоты и прорвали нашу оборону. Наши войска, неся огромные потери, отступили». Вот что сообщило нам радио. Никогда еще нам ничего подобного не сообщали.

Настроение подавленное. Начинает казаться, что нам уже не суждено увидеть светлые дни. Не суждено дожить до светлого, радостного мая.

Немцы, наверно, превратят Ленинград в развалины, потом займут его. Мы все, кто успеет убежать, будем жить в лесах. И там мы умрем, или замерзнем от холода, или умрем от голода, или нас убьют.

Да, наступила страшная зима, холодная и голодная для многих тысяч людей. Сегодня ко мне придет Тамара, и мы с Акой будем заниматься по-английски. Завтра я опять иду на работу. Там тоже не легче. Умерла Анечка и еще две женщины. Я почти все прошлое дежурство сидела у постели одной умирающей. (...)

Сегодня во сне и вчера днем, когда спала, мне все снился Вовка. Как будто он пришел ко мне совсем раздетый, голодный и я его накормила, одела, и он меня очень благодарил и сказал, что только теперь очень осознает, что такое настоящий друг. А потом за мной кто-то бежал с ножом. И меня уже совсем настигали, это было в саду осенью, вдруг вижу, идут Вовка с мальчишками, и он подставил моему преследователю подножку, и я была спасена и еще, и еще что-то. (...)

11. XI. Уже ноябрь. Везде лежит снег. Мороз. Я хожу в школу, учусь, и все, что мне пришлось пережить в октябре, кажется мне сейчас тяжелым сном. Даже трудно себе представить, что еще совсем недавно я вставала в 6 часов. Без четверти семь мы с мамой уже выходили из дому. Холодно, темно. Потом трамвай, битком набитый народом, проходная, сад с протоптанной напрямик тропинкой. Я раздеваюсь, и вот я уже в белом халате, в белой косынке... Вот они, больные, судна, судна, понукания: Лена, иди туда, Лена, иди сюда, Лена, сбегай в аптеку, Лена, сбегай в лабораторию, Лена, отнеси мочу на анализ. Да, это не сон, это правда. Я зарабатывала деньги. И вдруг меня уволили. И вот я опять в школе. (...)

Итак, все кончено. Вова, мы знали друг друга и расстались. Все рассеется как дым, и мы забудем друг друга, и, только когда ты как-нибудь будешь просматривать альбом с фотокарточками, ты вспомнишь, что была когда-то такая Лена Мухина, простодушная девочка, и улыбнешься, прочтя на обороте фотокарточки: «Гадкому утенку от Лены». Может быть, судьба еще где-нибудь столкнет нас с тобой, но, Вова, я тебя никогда не забуду.

Пусть ты самый последний негодяй на земле. Низкая тварь, недостойная внимания. Но нет, ты первая моя любовь, ты тот мальчишка, который первый, сам того не зная, зажег у меня что-то в душе, и это что-то будет гореть во мне, пока я жива, то ярко вспыхивая и обдавая все мое существо горечью досады и обиды на что-то, то медленно тлея. Ты для меня самый дорогой человек на земле. Будь же счастлив в своей жизни, не ведай никаких забот и печалей.

Дай Бог тебе всего наилучшего.

Прощай, Вовка!

Прощай.

Фу ты, я совсем разнервничалась. И стоит ли. Найдутся другие мальчишки, другие ребята. (...)

16/XI. Опять воздушная тревога. Как половина восьмого вечера, так пожалуйста, немец тут как тут.

Сегодня день прошел как-то гадко. Ака ушла искать чего-нибудь съедобного в 9 часов утра и пришла только в 5 часов. Мы с мамой уже смирились с мыслью, что Ака ничего не достала и мы не будем вообще сегодня обедать, и вдруг Ака явилась, и не с пустыми руками, а со студнем. Принесла 500 гр. мясного студня. Мы сразу сварили суп и поели горячий суп по две полных тарелки. Как мы сейчас живем, еще сносно, но если положение ухудшится, то не знаю, как мы это переживем. Раньше, еще сравнительно совсем недавно, мама могла получить у себя на работе суп без карточки, и у нас в школе уже первый раз дали суп. Но на другой же день вышло постановление о том, что суп давать тоже по карточкам.

150 грамм хлеба нам явно не хватает. Ака утром покупает себе и мне хлеба, и я до школы почти все съедаю и целый день сижу без хлеба. Прямо не знаю, как и быть, может быть, лучше поступать так: через день в школьной столовой брать второе на 50 грамм по крупяной карточке и в тот день хлеба не брать, а в другой день питаться 300 граммами хлеба. Надо будет попробовать. А вообще, самочувствие неважное. Все время внутри что-то сосет. Скоро, 21-ого этого месяца, у меня день рождения, мне исполнится 17 лет. Как-нибудь отпраздную, хорошо, что это первый день третьей декады, так что конфеты будут обязательно. Как хочется поесть.

Когда после войны опять наступит равновесие и можно будет все купить, я куплю кило черного хлеба, кило пряников, пол-литра хлопкового масла. Раскрошу хлеб и пряники, оболью обильно маслом и хорошенько все это разотру и перемешаю, потом возьму столовую ложку и буду наслаждаться, наемся до отвала. Потом мы с мамой напекем разных пирожков, с мясом, с картошкой, с капустой, с тертой морковью. И потом мы с мамой нажарим картошки и будем кушать румяную, шипящую картошку прямо с огня. И мы будем кушать ушки со сметаной и пельмени, и макароны с томатом и с жареным луком, и горячий белый,

с хрустящей корочкой батон, намазанный сливочным маслом, с колбасой или сыром, причем обязательно большой кусок колбасы, чтобы зубы так и утопали во всем этом при откусывании. Мы будем кушать с мамой рассыпчатую гречневую кашу с холодным молоком, а потом ту же кашу, поджаренную на сковородке с луком, блестящую от избытка масла. Мы, наконец, будем кушать горячие жирные блинчики с вареньем и пухлые, толстые оладьи. Боже мой, мы так будем кушать, что самим станет страшно. (...)

21 ноября 1941 года. Вот и наступил мой день рождения. Сегодня мне исполнилось 17 лет. Я лежу в кровати с повышенной температурой и пишу. Ака ушла на поиски какого-нибудь масла, крупы или макарон. Когда она придет, неизвестно. Может быть, придет с пустыми руками. (...) Пришла ко мне Тамара и... и ничего не принесла. Дело в том, что вчера я дала ей свои карточки на крупу и мясо и просила сегодня взять в нашей школьной столовой обед, а именно 2 вторых на крупу, и если еще можно, то и на мясную карточку 2 котлетки или 2 порции колбасы, что будет. Она обещала.

У нас сегодня с Акой была вся надежда только на то, что принесет Тамара. Мы решили из второго, будь это каша, или макароны, или что-либо другое, Ака сделает прекрасный густой суп, 2 кастрюльки, а котлеты мы разделим на 3-их как ради праздника, будем кушать бутерброд с котлетой. И вдруг, о ужас! Тамара приходит и ничего не приносит, ничего, ни второго, ни супа, ничего... Рассерженная, надутая, она клянется, что никогда, ничего, никому больше не будет обещать, ничего не будет делать. Из ее рассказа я понимаю только то, что она 2 переменки стояла в очереди и ей не хватило. Второе кончилось, тогда она купила одну порцию супа и пролила его. Как ей это угораздило его пролить, я до сих пор не понимаю. Но только я одно понимаю, что это все ужасно.

Скоро придет Ака, замерзшая, усталая и, наверно, с пустыми руками. Тогда гроб. Она узнает, что Тамара ничего не принесла, и я не знаю, как она это переживет. А потом придет мама, усталая, голодная, она постарается придти сегодня пораньше, она знает, что у меня сегодня день рождения, и, Боже мой, что будет, если Ака не успеет ничего сострять. (...)

Дорогая, золотая мамочка придет голодная. Я прижму ее к своему сердцу, крепко, крепко обниму и скажу ей о постигшем нас горе. И она, я думаю, не будет сердиться. Ведь она что-нибудь, наверно, там поест.

Только бы она не сердилась, не омрачала моего праздника. Больше мне ничего не надо. Мы выпьем по рюмке вина, а потом будем пить чай с конфетами.

Только бы не ссориться, только бы все было тихо и мирно. Вот в чем мое горячее желание. (...)

22/ХІ. (...) Моя плитка, красивая плитка настоящего английского шоколада, где ты? Почему я тебя съела? Такая нарядная, только и любоваться тобой, а я тебя съела. Какая я свинья. Теперь только одна надежда, т. е., вернее, одно утешенье, если мама пожелает поделиться с нами, то я получу еще одну плитку. И я не буду ее есть, нет, Боже сохрани. Я буду ею только любоваться и съем ее только тогда, когда у мамы не останется ни крошки шоколада.

Сейчас я перечла опять весь свой дневник. Боже, как я измельчала. Думаю и пишу только о еде, а ведь существует, кроме еды, еще масса разных вещей. (...)

Вчера я просмотрела свои открытки. Какие раньше выпускались красивые открытки с разными видами, а теперь выпускают такие неаккуратные открытки, без всякого старанья, без всякой заботы. Пересмотрела я и все открытки с письмами для меня на обратной стороне, которые присылала мне мама из Пятигорска три года тому назад.

И я вспомнила, что когда-то мы с мамой мечтали, да и не так уж давно, еще прошлой зимой, поехать на пароходе по Волге. Узнавали, высматривали, сколько все будет стоить. Я помню, мы с мамой твердо решили поехать куда-нибудь летом путешествовать. И это от нас не уйдет. Мы с мамой сядем еще в мягкий вагон с голубыми занавесочками, с лампочкой под абажуром, и вот наступит тот счастливый момент, когда наш поезд покинет стеклянный купол вокзала и вырвется на свободу, и мы помчимся вдаль, далеко, далеко. Мы будем сидеть у столика, есть что-нибудь вкусное и знать, что впереди нас ждут развлечения, вкусные вещи, незнакомые места, природа с ее голубым небом, с ее зеленью и цветами. Что впереди нас ждут удовольствия, одни лучше другого. И мы скажем, смотря, как уплывает вдаль назад Ленинград. Тот город, где мы столько пережили, столько перестрадали, где мы сидели голодные в холодной комнате и прислушивались к грохоту зениток и гулу вражеских самолетов. И мы отмахнемся от этих воспоминаний как от тяжелого кошмарного сновиденья и переведем взгляд вперед, туда, вдаль, куда мчит нас краснозвездный экспресс. (...)

27.XI-41 г. Тревога кончилась без 5 минут 6. Но в 1/2 7-ого начался артиллерийский обстрел. Мама пришла пешком. Сейчас слушали статью академика Орбели, из которой узнали, что немцы расхитили петергофские и пушкинские сокровища. Они распилили Самсона, увезли в Германию, а также разорили Янтарную комнату в Пушкине и тоже увезли в Германию. Германскому народу придется хоть из-под земли достать нам янтарь для реставрации Янтарной комнаты.

У меня последнее время что-то такое творится в душе, что я сама ничего не понимаю. Мало желаний, предположений, вопросов, столько мыслей, и все они свились клубком, шевелятся, и никак их не распутаешь. Хоть бы ухватиться за какой-нибудь конец. (...) И главное, поделиться не с кем. Мама? Домой придет, поест и спать ляжет. Ведь она сейчас так устает. Тамара? Но как с ней поделиться и что она поймет из того, что я ей скажу, да и о чем делиться. Ведь во мне одна пустота, суцая пустота. Я ничего не понимаю, вернее, я все понимаю, только не знаю, что понимать.

Я никак не могу забыть Вовку, он мне каждый день снится. Неужели я его действительно любила, я никак себе не могу дать отчета. И почему я не могу познакомиться ни с одним мальчишкой из нашего класса. (...)

7/XII. (...) По радио играет симфония, а за окном грохают залпы. Это проклятые немцы производят очередной обстрел Ленинграда. А ночью опять завоет зловеще сирена и опять содрогнется дом от близкого разрыва бомб. Смерть все время висит над каждым из нас, и мы так к этому привыкли, что перестали это замечать или, вернее, просто не хотим это замечать. (...)

18 декабря. (...) Со школой у меня дела, можно сказать - дрянь. Геометрию я запустила, по алгебре по контрольной получила плохо. Черчение запустила. По химии получила отказ. Ну это все равно что единица. Только вот по немецкому имею хорошо да по истории. В субботу буду делать по истории доклад о Гангутском сражении и, может быть, получу по истории отлично. По литературе сочинение написала на плохо. Масса грамматических ошибок, да и само сочинение неважное. Завтра можно будет писать снова. Я думаю, что надо попытать счастья, авось напишу на хорошо. Но и так, если я писать второй раз не стану, двойки мне в четверти не будет, у меня там четверка стоит. Очень обидно было слышать от учительницы по литературе, что она обманулась во мне, что считала меня лучше, чем я есть на самом деле. Что я одна из

наиболее антисоветски настроенных. Нет, она в этом не права, я в душе Советский Школьник, но на деле действительно этого про меня сказать нельзя, потому что я сейчас очень распускаюсь, мне лень собраться с силами, я слишком много думаю о себе. Вот ведь скоро кончается первая четверть, а я совсем не учу уроки, страшно запускаю материал, и, конечно, это мне не пройдет даром. Я своими плохими успехами очень огорчу маму. Конечно, можно сослаться на то, что учиться трудно. Но кто же это отрицает. Вот в том-то и мог бы проявиться мой патриотизм, что я, несмотря на трудности, наперекор всему прилагала бы все усилия к тому, чтобы хорошо учиться.

А то, что же выходит! Разговоры, мечты о том, что я буду достойна звания Советского гражданина, все пустая болтовня. Первые же испытания на моем пути сломили меня, согнули. Я сдалась. Я тряпка. Трудности испугали меня. Я кутаюсь в сто одежек и ничего не делаю, зря ем хлеб и только ною - холодно, холодно.

Да, холодно. Но разве холод - это такая вещь, которую нельзя преодолеть? Нет, холод можно преодолеть. (...)

25/ХП. Какое счастье, какое счастье! Мне хочется кричать во все горло. Боже мой, какое счастье!

Прибавили хлеб! И еще сколько. Какая разница: 125 грамм и 200 грамм. Служащие и иждивенцы 200 грамм, рабочие 350 грамм.

Нет, это просто спасение, а то за последние дни мы так все ослабли, что еле передвигали ногами. А теперь, теперь и мама, и Ака выживут. Вот в чем счастье, а еще в том, что это является началом начинающегося улучшения. Теперь начнутся улучшения.

Новый год мы встретим весело. С хлебом, с конфетами, с шоколадом, с вином. Ура, ура и еще раз ура. Да здравствует жизнь.

27/ХП. У меня еще руки не сгибаются, хотя я уже давно пришла. Я пришла из театра. Сегодня я снова была в театре. Смотрела и слушала постановку театра драмы «Дворянское гнездо». Мне было очень хорошо, я бы каждый день ходила бы в театр, но все-таки я больше в театр этой зимой не пойду. Потому что каким маленьким кажется удовольствие по сравнению с тем мучением, которое представляет возвращение домой. (...)

2 января 1942 года. Давно я уже не бралась за перо. Сколько всего произошло за это время.

Наступил новый, 1942-ой год. Теперь мы с мамой одни. Ака умерла.

Она умерла в день своего рождения, в день, когда ей исполнилось 76 лет. Она умерла вчера, 1-го января, в 9 часов утра. Меня дома в это время как раз не было. Я ходила за хлебом. Когда я пришла из булочной, меня очень удивило, что Ака так тихо лежит. Мама была, как всегда, спокойна внешне и сказала мне, что Ака спит. Мы попили чаю, причем мама отрезала мне от Акиной порции кусочек, сказав, что Ака все равно не съест столько. Потом мама предложила мне пойти вместе с ней в театр за обедом. Я охотно согласилась, потому что мне было страшно одной оставаться с Акой. А вдруг она умрет, что я буду делать. Я даже боялась, что мама попросит меня поухаживать за Акой, пока она будет ходить. А мне не хотелось даже подходить к Аке, потому что мне было очень тяжело видеть, как она умирает. Я привыкла видеть Аку на ногах, дорогую, милую, хлопотливую старушку, всегда она была чем-нибудь занята. А тут вдруг Ака лежит беспомощная, худая как скелет и такая бессильная, что даже ничего у ней в руке не держалось.

Такую Аку я не хотела видеть, и поэтому я охотно пошла вместе с мамой. Мама закрыла дверь на ключ и отнесла его в комнату к Саше.

- Мама, зачем же ты Аку-то закрыла, а вдруг ей что-нибудь будет нужно.

Но мама мне ответила, что Аке уже больше ничего не нужно. Что Ака умерла. (...)

По словам мамы, она умерла очень тихо. Как замерла. Похрипела, похрипела и затихла. А перед этим, в новогоднюю ночь, ей было очень плохо, и мама все время подходила к ней. Я же спала, но сквозь сон я слышала, как кто-то мучительно стонет.

Мы с мамой остались одни. У меня никого больше нет, кроме мамы Лены, а у ней - никого, кроме меня.

Теперь мне надо беречь маму, как никогда. Ведь она для меня все. Если она умрет, я пропала. Куда я одна пойду? Что буду делать? А ведь мама сейчас живет почти только одним своим духом. Дух у ней сильный. Она знает, что ей нельзя свалиться, потому что у нее я. (...)

8/1. Положение наше с мамой очень тяжелое. До конца первой декады осталось еще 2 дня, а у нас в столовых ни на мою, ни на мамину карточку ничего больше не дают. Так что эти два дня должны питаться только той тарелкой супа, которая мне полагается. Правда, мы можем еще получить 3 мясные котлеты, но неизвестно еще, будут ли вообще котлеты. (...) Такая обида: сегодня я 3 часа стояла на улице в очереди за

вином, и, когда до двери оставалось человек 8, вино кончилось. Зря я только замерзлась. У меня так замерзли ноги, что я шла домой и ревела. Стоять я больше не могла, я чувствовала, что если еще останусь стоять, то упаду и умру. (...)

10 января. Конец первой декады. А в магазинах по-прежнему пусто. Люди не получили еще продукты за вторую и третью декаду за прошлый год.

Мы слабеем с каждым днем. Мы стараемся с мамой как можно меньше тратить энергии, побольше сидим и лежим. Это очень хорошо, что мы не учимся пока. Сейчас не до ученья, когда жизнь чуть теплится в тебе.

Наши школьные каникулы продлены до 15-го, но говорят, что их еще продлят. Не знаю, по какой причине это делается, но, так или иначе, это как нельзя кстати.

Я очень беспокоюсь за маму. Как она должна себя чувствовать, если я уже начинаю шататься от слабости. Вот совсем, не преувеличиваю, когда я сижу долго, а потом хочу встать, мне надо сделать большое усилие мышц, чтобы встать. А когда с постели встаешь на горшок, ноги подгибаются и не хотят тебя держать. На улице я стараюсь идти быстро и преодолеть нужное расстояние одним махом, если же замедлишь шаги, то ноги начинают заплетаться. (...)

Вчера тетя Саша поделилась с нами своим изобретением. Может быть, мы ей за это обязаны будем жизнью. А дело вот в чем.

Вчера мама за чем-то пошла к ней и возвратилась веселая и радостная. Оказывается, тетя Саша дала ей попробовать студня, сделанного из высшего сорта столярного клея, и дала ей одну плитку этого клея, чтобы мы тоже попробовали. Мама сейчас же принялась за дело. Вскипятила воду, примерно две тарелки, и распустила всю плитку, потом все это прокипятила и разлила по тарелкам, поставив на окно. Утром в 6 часов мы проснулись и увидели, что наш студень готов. Общим нам он очень понравился. Мне лично очень. А когда мы прибавили немного уксуса, это было замечательно. Вкус мясного студня, так и кажется, что вот сейчас тебе в рот попадет кусочек мяса. И совсем не пахнет столярным клеем. Этот студень совершенно безвреден, наоборот, он очень питателен. Ведь высший сорт столярного клея делается из копыт и рогов домашних животных. А ведь некоторые специально покупают самые ножки с копытами молодых животных и делают рагу и студень. Таким

образом, у нас с мамой есть широкая возможность получать без карточки добавочное питание.

У мамы в театре есть точно такой клей. Она как раз недавно выписала для работы себе из кладовой 4 кило, это приблизительно 20 плиток, а 1 плитка - это 3 полных тарелки. Мама постарается выписать еще такого клея, и мы будем обеспечены на месяц вкусным, питательным студнем по полной тарелке в день.

Но говорит русская пословица «голь на выдумки хитра», я уже придумала и разработала дальнейшие пути применения этого студня. Если в тарелку еще горячего клея положить повидлы, сиропа, вина и еще что-нибудь в этом роде, то, когда все это застынет, получится прекрасное желе (из вина и сока), а с повидлой, а еще лучше джемом, если их положить побольше, должен выйти своеобразный мармелад, то есть сладкая масса, которую можно будет резать ножом на кусочки и пить с чаем. (...)

29/І. Давно не писала. Все как-то не выбрать время. Мы два дня: 27 и 28 сидели без хлеба. Почти ни в одной булочной не было хлеба. Говорят, этот перебой в хлебе произошел по причине той, что вследствие сильного мороза на хлебозаводе лопнули трубы.

Так или иначе, мы сидели 2 дня без хлеба и без обеда, питаюсь только одним супом из школы и студнем. Мама так ослабла, что еле ходит. Но, о счастье, вчера я получила вместо хлеба пшеничную хорошую муку, 975 гр., и мама совсем ожила. Мы сразу сделали суп-болтушку и лепешки. Если и завтра не удастся достать хлеба, мы опять возьмем мукой. Сегодня потеплело, идет снег. В доме 17 пошла вода. Сегодня стояла там в очереди и достала воду. А то последнее время стояли такие морозы. Воду брали из проруби с Фонтанки.

Не знаю, проживем ли мы. Мою маму совсем подкосили эти два ужасных дня. Она очень ослабла, но крепка духом. Она хочет жить, и она будет жить.

8/ІІ. Вчера утром умерла мама. Я осталась одна. (...)

11/ІІ. Сегодня прибавили хлеба. Утром я с дворничихой отвезла маму на улицу Марата.

Мы везли маму по той же самой дороге, по которой еще месяц тому назад мы с мамой везли Аку. И, как и тогда, когда мы сегодня везли маму, была метель, а потом, днем, сияло солнышко. Потом мы с дворничихой пошли в булочную. Я получила 600 гр. хлеба, 300 отдала ей. Потом я пошла в школу, получила тарелку пшеничного супа и порцию

пшенной каши со сливочным маслом. Пришла домой, напилела дров, разогрела обед, поела хлеба и почувствовала, что больше ничего не в силах делать. Хотела пойти за водой, помыть посуду, но, вероятно, сегодняшней день меня так истомил, не столько физически, сколько нравственно, что я совершенно ничего больше делать не могу. Вчера я продала 6 плиток клея, по 15 рублей плитка. Получила 90 руб. Сейчас у меня 99 рублей 60 коп. За комнату, оказывается, мне ничего не дадут. Ида Исаевна принесет мне рублей 100, не больше. 50 рублей я отдам Иде Исаевне за времянку.

Вчера я топила большую печку, и у меня в комнате было +12 градусов тепла. Печка была почти доверху каленая. Завтра я получу 600 гр. хлеба, подумать только. Сейчас я ничего больше делать не буду, а лягу спать. Утро вечера мудренее. Как тяжело одной! Ведь мне еще только 17 лет. Я совсем неопытна в жизни. Кто мне даст теперь совет? Кто меня будет теперь учить, как жить? Кругом чужие люди, никому до меня нет никакого дела. У всех свои заботы. Боже, как же я одна буду жить. Нет, я не представляю. Но жизнь сама будет мне диктовать, что делать, и потом, у меня есть еще один близкий человек - Женя. Она мне поможет, это бесспорно. Но до нее надо еще сперва добраться.

Мамочка... (...)

13/III. Когда я утром просыпаюсь, мне первое время никак не сообразить, что у меня действительно умерла мама. Кажется, что она здесь, лежит в своей постели и сейчас проснется, и мы будем с ней говорить о том, как мы будем жить после войны. Но страшная действительность берет свое. Мамы нет! Мамы нет в живых. Нет и Аки. Я одна. Прямо непонятно! Временами на меня находит неистовство. Хочется выть, визжать, биться головой об стенку, кусаться! Как же я буду жить без мамы. (...)

5/III. Скоро женский день. Стоит солнечная морозная погода. Хлеба еще не прибавили. Когда подумаешь, сколько уже пережито, прямо страшно становится и радостно, самое тяжелое позади. Я это пережила и одна из всех нас 3-ех осталась в живых. Если бы продовольственное улучшение запоздало бы еще на полмесяца, то и я бы вслед за Акой и мамой отправилась бы на Марата, 76. Марата, 76! О, какой зловещий адрес, сколько тысяч ленинградцев узнали его. Я осталась жива и хочу жить. Для этого я не должна здесь оставаться. Мне надо пробраться в Горький к Жене.

Вчера Раиса Павловна, моя соседка, отдала мне открытку, которую, как и еще несколько писем, принесли из жакта, где она давно валялась. Не знаю, как попала эта открытка в жакт. Открытка оказалась от Жени от 19/1. Женя в ней пишет, что очень беспокоится, почему нет ответа, вот уже какое письмо пишет. А адрес-то: Горький, пер. Могилевича, а я-то, дура, писала совсем ведь по другому, старому адресу. Вот почему моя телеграмма не дошла.

Теперь план моих действий таков: пошлю Жене новую телеграмму, а потом буду стараться пробраться в Горький. Для этого пойду к Кире, к Гале. Если же я здесь останусь, то мне будет очень тяжело. Работать сейчас мне очень трудно, я очень ослабла, если же я останусь безработной иждивенкой, то меня замучают трудовой повинностью. Начнется весна, потеплеет, растают нечистоты, работы будет много, а может, еще на кладбище погонят, мертвецов закапывать, а самих замучают. Нет, мне надо к Жене. (...) Нет, нет, мне надо уезжать! Я напишу такую телеграмму: Я осталась одна. Ака и мама умерли. Можно к тебе? Скорей ответь.

Только я осталась жить. Умерли Ака и мама. Я очень ослабла.

Умерли от истощения Ака и мама. Жить очень трудно. Я ослабла. Женя! Можно к тебе.

Ака и мама умерли. Женюша, можно к тебе?

Сердце разрывается, когда начинаю вспоминать о маме. Мне все кажется, что мама только ненадолго уехала по своим делам и скоро вернется. Как хочется кушать. Неужели не прибавят хлеба? Как надоело влачить это полуголодное существование, а работать, работу мне сейчас не вынести, очень ослабла. К Жене, только к Жене, там спасение.

Мамочка, мамуся, ты не выдержала, ты погибла. Мамуля, мамончик, милый дружок мой. Боже, как жестока судьба, ты так хотела жить. Ты умерла мужественно. У тебя был очень сильный дух, но, к сожалению, очень слабое тело. Мамуля, ты умерла, слабела с каждым днем, но ни одной слезинки, ни жалоб, ни стонов, ты старалась ободрить меня, даже шутила. Вспоминаю, что 5-ого февраля ты еще встала. Пока я бегала по очередям, ты наготовила дров. После обеда ты спокойно сказала, что теперь приляжешь отдохнуть. Ты легла, попросила себя прикрыть своим пальто, и... и больше ты уже не вставала.

7-ого ты уже не вставала на горшок, а главное, вот что обидно: эти последние дни, 5, 6, 7 февраля, мама почти совсем со мной не разговаривала. Она лежала, закрывшись с головой, очень строгая и требователь-

ная. Когда я бросилась со слезами к ней на грудь, она отталкивала меня: «Дура, что ревешь. Или думаешь, что я умираю». - «Нет, мамочка, нет, мы с тобой еще на Волгу поедем». - «И на Волгу поедем, и блины печь будем. Вот давай-ка мы лучше на горшок с тобой сходим. Ну-ка, сними одеяло. Так, теперь сними левую ногу, теперь правую, прекрасно». И я снимала с кровати на пол ноги, когда я дотрагивалась только до них, это ужасно. Я понимала, что маме осталось недолго жить. Ноги - это были как у куклы, кости, а вместо мышц какие-то тряпки.

- Опля, - говорила весело она, слясь сама подняться. - Опля, а ну-ка, подними меня так.

Да, мама, ты была человеком с сильным духом. Конечно, ты знала, что умрешь, но не считала нужным об этом говорить.

Только помню, 7-ого вечером. Я попросила маму: «Поцелуй меня, мамуся. Мы так давно не целовались». Ее строгое лицо смягчилось, мы прижались друг к другу. Обе плакали.

- Мамочка, дорогая!

- Лешенька, несчастные мы с тобой!

Потом мы легли спать, т. е. я легла. Спустя немного времени слышу, мама меня зовет:

- Алеша, ты спишь?

- Нет, а что.

- Знаешь, мне сейчас так хорошо, так легко, завтра мне, наверно, будет лучше. Никогда я еще не чувствовала себя такой счастливой, как сейчас.

- Мама, что ты говоришь. Ты меня пугаешь. Почему тебе хорошо стало?

- Не знаю. Ну ладно, спи спокойно.

И я заснула. Я знала, что мама умрет, но я думала, что еще дней 5, 6 она проживет, но я никак не могла предполагать, что смерть наступит завтра. (...)

13/III. «Мороз и солнце; день чудесный...» Все сильнее и сильнее чувствуется приближение весны. Уже по-весеннему греет солнышко, от снега идет пар и плачут сосульки, хотя в тени еще мороз безжалостно щиплет за нос.

Я живу пока у Гали, ухаживаю за ее больным папой, помогаю, что могу, по хозяйству. Сегодня папе лучше, чем вчера, и мы с Галей не теряем надежды, что он поправится. У него на нервной почве расстройство

желудка, и он очень ослаб. Галя с Аликом уходит в 8 часов утра, а приходит в 6 часов вечера. Целый день я одна с ее папой. Он больше спит все. Я предоставлена сама себе, что хочу, то и делаю. (...)

18/III. Сегодня ночью скончался Галин папа. Такой хороший, такой добрый... (...)

10/IV-42. Как давно я не писала! С 4-го апреля. За это время произошло многое. Скажу только коротко, что я за это время, можно сказать, совсем было уехала к Жене, да опоздала всего лишь на 1 день. Сейчас эвакуация прекращена и возобновится вновь только после освобождения Ладожского озера ото льда. Все эти дни, до 6-го включительно, можно было свободно уехать, записавшись в тот же день. Об этом я узнала 6-го. В этот день я впервые пришла в эвакуопункт и встала на запись. Была очень небольшая очередь. Я решила, что запишусь на 7-е и завтра уеду. Но когда я узнала, что записывают только на этот же день, а на завтра будут записывать завтра, я ушла из очереди, так как ехать 6-го я не могла, у меня ничего еще не было собрано. Но я решила ни на один день не откладывать своего отъезда и завтра же уехать. Я решила за сегодняшний день продать, что смогу, за ночь уложиться и завтра пойти и записаться на 5-тичасовой поезд. (...)

Ночь я не спала, к утру вещи мои были собраны. И я решила так, завтра к самому открытию пойти в столовую и те крупяные талончики, какие можно будет.

И вот из-за этого-то я и не уехала. (...) Я встала в очередь в 5 часов и была 78. Если бы в этот день была бы запись, я, конечно, записалась бы и уехала, но записи опять не было. Мы простояли в очереди целый день, и нам объявили, что записи сегодня не будет и неизвестно, когда будет. Но мы, самые отчаянные, те, которые, как и я, уже все, все распродали, вещи сложили, расчет получили, даже некоторые уже и карточки сдали, мы решили, будь что будет, сидеть уж до вечера, а вдруг на какой-нибудь эшелон останется несколько свободных мест. Но потом нам громогласно объявили, что эвакуация вообще временно прекращена в связи с наступлением весенних теплых дней и большой перегрузки последних эшелонов. Нам ничего не оставалось делать, как разойтись.

Я вышла на улицу, шатаюсь, едва добрела до дома. Был теплый солнечный весенний день. На солнышке было +13 градусов тепла. По улицам журчали бурные полноводные ручьи. Весело чирикали воробьи, а в ясном, голубом небе гудели краснокрылые птицы. Но меня не радовало

все это, а, наоборот, только злило. Если бы хоть немного подморозило, может, еще удалось бы уехать. Какая обида, все продала, всю комнату перевернула вверх дном, а главное - получила из Горького долгожданную телеграмму: «Выезжай. Женя. Ньюра». Совсем уж распростилась было с Ленинградом и вот, нате, пожалуйста, приехали! И теперь сижу опять на 300 гр. хлеба, крупа-то у меня вырезана.

Ну что ж делать. Такова уж моя судьба. Будем ждать мая. (...)

13 апреля. (...) Ведь подумать только! Сегодня уже 13-е апреля. Апрель, весна. Природа вся просыпается. А я и природы-то не вижу. Вот погоди, уеду в Горький, там еще теплее, там тоже и голубое небо, и то же, что и здесь, солнышко. Я, подумать только, увижу настоящую Волгу. Я смогу бродить по берегу Волги. Волга, Волга! Новые впечатления, новые люди, новые встречи, новая жизнь. Ой, скорей бы уехать из этого проклятого Ленинграда. Правда, это прекрасный, красивый город и я к нему сильно привыкла. Но не могу его больше видеть, а тем более любить. Город, где мне пришлось пережить столько горя, где я потеряла все, что имела. Город, где я осталась круглой сиротой. Город, где я познала весь ужас одиночества. Нет, этот город, его имя я буду всю жизнь вспоминать с содроганием в сердце. Скоро, скоро я уеду отсюда, и, надеюсь, навсегда. (...)

Я сегодня сложила свои вещи. Укладывала, перекладывала 100 раз, в конце концов получилось то, что я хотела. Две вещи: чемодан и сверток, причем сверток можно вложить в чемодан, и тогда у меня будет одна только вещь. Туда же, в чемодан, я уложила все приспособления для еды, и в чемодане еще есть свободное место. Но я его не буду заполнять, мало ли что придется положить. Хлеб, колбасу или какие другие продукты. Ведь подумать только, как обернулось все, даже сразу и не веришь. Осталась одна, уезжаю в другой город, 17 лет. И страшно, и сладко. Сладко, потому что я чувствую сейчас то, что никогда раньше не чувствовала. Чувствую полную свободу, свободу мыслей, действий. Я ничем ни с кем не связана. Что захочу, то и сделаю. Сейчас я переживаю очень ответственный момент в своей жизни. Я должна сама выбрать, как мне поступить, по какой жизненной дороге идти, выбрать раз и навсегда. Я могу остаться здесь, поступить работать, жить одной в своей собственной комнате. Это очень соблазнительно. Но я не могу вынести этого одиночества, быть окруженной чужими, равнодушными к тебе людьми. Нет, нет. Если бы я была немного старше, может быть, я и вы-

брала бы именно этот путь. Но я чувствую себя еще не совсем взрослой, но, конечно, и не ребенком. Нет, я чувствую, что мне еще рано жить совершенно самостоятельно, мне необходима пока еще помощь со стороны. И потом я хочу прижаться к кому-нибудь. Я хочу, чтоб хоть на немножко мне заменили бы заботу и любовь того любимого человека, которого у меня так безжалостно отняла судьба.

Я знаю, в семье у Нюры и Жени я не буду чужая. Я не должна ничем их стеснять, не предъявлять каких-либо требований. Это я прекрасно понимаю. Только временно я войду в их семью, буду сама зарабатывать деньги и вносить их в общий котел.

А со временем я должна буду постараться обзавестись своей собственной комнатой и жить самостоятельно, не мешая никому. Какое это будет хорошее время! Я должна во что бы то ни стало дожить до него! (...)

20 апреля. Сегодня поистине замечательный день. Не апрель, а настоящее лето. На солнце жарко, в тени 15 градусов тепла. И ветерок теплый. После 11-ти пошла я в чайную, купила там хлеба и выпила 2 стакана крепкого горячего чаю с хлебом и остатками джема. Потом пошла в столовую. Там такая молоденькая девушка Катя, которая талончики вырезает, поистине душа-человек, по-настоящему мои талоны еще не подходят, слишком дальние, но она дает, очень уж добрая она, зато ее все очень любят. В столовой я съела тарелку супа и мясное взяла. Уж очень мне понравилась эта печенка. Такая вкусная, кусочек порядочный, стоит 1 руб., и вырезают за нее 50 гр. мяса и 5 гр. масла, и не зря вырезают, потому что дают к порции печенки столовую ложку настоящего мясного соуса.

Из столовой я пошла домой, оставила дома кусочек печенки и оставшийся хлеб и пошла гулять, дошла до «Колосса», купила билет, и наконец-то я увидела картину «Шампанский вальс». Замечательная картина. Так вдруг захотелось так же, как и герои этой картины, пожить в роскоши, окружить себя таким же блеском и уютом. Так же как и они, развлекаться музыкой, танцами, различными гуляниями, разнообразными аттракционами. Ведь вот жизнь-то, роскошь, красивые женщины, разодетые по последнему крику моды женщины, обтянутые, прилизанные мужчины, рестораны, развлечения, джаз, танцы, блеск, вино, вино и любовь, любовь, бесконечные поцелуи и вино. Шумные, кричащие улицы, роскошные блестящие магазины, блестящие автомо-

били, рекламы, рекламы без конца. Рекламы везде, рекламы всюду, рекламы сверкающие, крутящиеся, кричащие. Грохот, шум, визг, просто какой-то вихрь, и во всем этом свой ритм.

Эта война надолго оторвала всех нас от всяких развлечений. А ведь если сказать правду, самое последнее время до войны мы стали во многом подражать американцам. Очень во многом. Нам, советским людям, очень нравится все заграничное. Ведь, по правде сказать, у нас нет ничего своего советского, все мы заимствовали у иностранцев. Мы любим шум и блеск, мы одеваемся по последнему слову моды, главным образом американской. Атракционы и различные развлечения также в большинстве своем американские. А джаз. Какие любители джаза наша молодежь. Разные эти фокстроты, танго, песенки о любви на все лады. Реклама, особенно в последнее время, стала и у нас занимать значительное место. Реклама по радио под музыку в виде маленьких стишков. А на улицах у нас тоже было совсем как за границей. Чистота, порядок, на каждом шагу милиционеры, бесчисленный поток легких, сверкающих автомашин. Троллейбусы. Блестящие, сверкающие магазины с изобилием разнообразных товаров. Эта война надолго выбила нас из колеи. Но я твердо уверена, кончится война, все понемногу снова войдет в старое русло и мы снова примемся усовершенствовать свою жизнь на манер заграничной, в особенности американской. (...)

Завтра буду сидеть без хлеба. Ну что ж, как-нибудь обойдусь. Сегодня вечером все что-то грохочут зенитки, а по временам такая трескотня начинается, что просто ужас.

Что-то будет завтра! (...)

22 апреля. Сегодня у меня на душе так тяжело, так тяжело. Сама не знаю почему, тоска меня грызет и гложет. Господи, кругом все чужие люди, чужие, все чужие и нет ни одного близкого. Все равнодушно проходят мимо, никто и знать меня не хочет. Никому нет до меня никакого дела. Вот весна наступила, вчера была первая гроза, и все идет своим чередом, и никто, кроме меня, не замечает, что мамы моей нет. Ее унесла с собой эта ужасная зима. Зима прошла, она вернется теперь не скоро, но мама не вернется ко мне никогда. Милая, дорогая, любимая Женя, пойми, как мне тяжело. (...)

Когда я увижу своих родных? Когда я смогу, наконец, сесть за обеденный стол с чувством, что ты тоже своя, не чужая, и кушать вместе с другими, а не только смотреть, как они кушают?! Боженька! Ниспошли

мне такую милость. Дай мне доехать до Жени, увидеть Лиду, Сережу, Даню, Нюру. Господи. Сделай это! Я молю Тебя!! (...)

30 апреля. (...) Я решила теперь писать свой дневник в новой форме. От 3-го лица. В виде повести. Такой дневник можно будет читать как книгу.

1 мая 1942 года. (...) Лена вспомнила Первое мая прошлого года. Со школой они дошли до Бородинской и тут застряли. Потом пошел снег, и такой густой, что моментально на улице стало ужасно мокро, грязь, слякоть. Понемногу улица опустела. Многие тогда удрали домой. Еще бы, люди оделись по-весеннему, женщины и девушки в легких пальто, мужчины и парни в пиджаках. Лена тоже была в осеннем пальто, без галош, но она сбегала домой и одела шубу и галоши. Лена вспомнила, что, когда она пришла домой, мама сидела, что-то шила, а Ака пекла в кухне пышки с изюмом. Лена очень торопилась, но мама все же уговорила ее подождать немного, и Лена поела первые горячие пышки. А на дорогу Ака дала ей немного изюма. Да, какое это было хорошее время. И тогда Лена не ценила его. Ей казалось, что такая жизнь - обыкновенное дело и ничего иначе быть не может. Ей казалось, что ничего особенного нет в том, что она имеет Аку и маму, что они в ней обе души не чают. Все для Аленушки, так называли они Лену. Кому лучший кусок, в чью тарелку наливали первой? Аленушке. А Аленушка это не чувствовала.

И вот только теперь, когда она потеряла и Аку, и маму, она действительно оценила всю свою прошлую жизнь. Что бы она ни отдала теперь, чтобы вернуть то время. Но его не вернуть, Аку и маму она никогда больше не увидит, разве только во сне.

Теперь, если ей удастся добраться до Жени, она будет как величайшую драгоценность ценить все то, что напоминает о семейной жизни. Один тот факт, что она будет иметь право сесть за стол вместе с Женой и Сережей и придвинуть к себе тарелку, даже один этот факт будет для нее величайшим счастьем.

Да, судьба по заслугам проучила ее, хотя уж очень сурово. И теперь, размышляя обо всем этом, Лена говорила себе: «Вперед тебе наука, будешь ценить каждую крошку, всему будешь знать цену, и легче будет тебе жить на свете». (...)

7 мая. (...) Лена села штопать чулки, как вдруг к ней в дверь постучали. Открыла, входит девушка, тоненькая, среднего роста, в очках, в коричневой меховой ушанке, в сапогах, одета в ватник и ватные штаны.

«Ты узнаешь меня» - а сама улыбается. Лена взглянула, да ведь это Верочка, Вера Милютина, товарищ и друг моей мамы.

Лена впустила ее в комнату, усадила на сундук, сама села рядом. Вера пробыла у Лены недолго, но за это время как много они успели рассказать друг другу. Лена вкратце рассказала обо всем. О том, как они жили этой зимой, сперва втроем, потом без Аки. Потом умерла мама. Вера хорошо поняла Лену.

- Бедная девочка. Как много тебе пришлось пережить. Но ничего, теперь осталось помучиться совсем немного, скоро ты уедешь, в дороге, дай Бог, все будет благополучно, приедешь к Жене, для тебя начнется новая жизнь.

Лене было так приятно, что во всем Ленинграде нашелся хоть один близкий человек, друг ее мамы.

Веру беспокоило, едет ли Лена одна или с кем-нибудь, но, когда Лена сообщила, что едет не одна, а со своей подружкой-одноклассницей и с ее мамой, она успокоилась. Она спросила: «А как на вид Нинина мама, крепкая, не какая-нибудь слабенькая? Тебе нужно выбрать таких спутников, на которых ты могла бы положиться». Вообще, Вера очень подробно и заботливо расспросила Лену обо всем. Много ли она берет с собой вещей. Есть ли у ней пока деньги. Есть ли у ней друзья, помогает ли кто-нибудь ей. Очень просила первые два дня остерегаться много есть, не губить себя из-за какой-то каши.

Оказывается, в дороге многие люди заболевают и даже умирают только из-за того, что набрасываются на пищу и сразу очень наедаются, что оказывает губительное действие на организм, истощенный длительным недоеданием.

«Делай над собой нечеловеческие усилия, но воздержись, особенно хлеб. Ведь на вокзале тебе дадут кило хлеба, и некоторые в тот же день его съедают. Не делай этого. У меня один знакомый погиб в дороге, только из-за того, что объелся, объелся пшенной каши и съел много хлеба. Воздержись и других хватай за руки. Ведь прямо обидно, ничего не может быть глупее такой смерти. Спасись от бомбы, от снаряда, от 1000 смертей и погибнуть от лишней порции каши».

Верины слова глубоко запали в Ленину душу. Нет, она не хотела погибать так глупо, и она дала себе слово следовать ее совету и воздержаться первые два дня от соблазнительного обилия пищи. Нет, ей не хотелось умирать из-за каши. Лена чувствовала, что это будет му-

чительно трудно, но надо будет как-нибудь преодолеть и это препятствие. (...)

16/V-42 г. (От 15 мая.) Наступила прекрасная погода, солнышко, тепло, в тени 16 градусов тепла. Зеленеет травка, набухли почки. Весна в разгаре. Но немец не дремлет. Каждый день артиллерийские обстрелы, воздушные налеты по несколько раз в день.

Вот и сейчас страшный артиллерийский обстрел. Лена шла по Невскому. Она хотела променять на крупу купленные ею за 90 рублей 200 гр. хлеба. Как только начался обстрел, Лена перешла дорогу и укрылась в щели-траншее в Екатерининском сквере. Над ее головой беспрерывно, один за другим проносились с певичим свистом снаряды. Беспрерывно грохотали разрывы. Было даже немного страшно. Даже щебетавшие все время птички приумолкли. В минуту затишья Лена выглянула из своего укрытия и поразилась картиной, представшей перед ней. Удивительно, до чего люди привыкли к тому, что их жизнь каждую минуту в опасности. Как будто никто и не заметил никакого обстрела. Ходили трамваи, мчались автомобили, люди шли, люди сидели спокойно на скамейках. Каждый был занят своим делом, и Лене даже стало как-то стыдно. Подумают еще, вот ненормальная-то, в траншею забралась, и она пошла домой. Кстати, и обстрел стал уже ослабевать и наконец совсем прекратился. (...)

25 мая. На днях я уеду. Сегодня идет первый эшелон. Киса сказала, что не исключена возможность, что я уеду завтра или послезавтра. Но я настолько уже ослабла, что мне все безразлично. Мозг мой уже ни на что не реагирует, я живу как в полусне. С каждым днем я слабею все больше и больше, остатки моих сил с каждым часом иссякают. Полное отсутствие энергии. Даже весть о скором отъезде не производит на меня никакого впечатления.

Честное слово, прямо смешно, ведь я не какой-нибудь инвалид, не старик или старуха, ведь я молодая девушка, у которой все впереди. Ведь я счастливая, ведь я скоро уеду. А между тем посмотрю на себя, на что я стала похожа. Безразличный, тоскливый взгляд, походка как у инвалида 3-ей степени, едва ковыляю, трудно на 3 ступеньки подняться. Из-за лишнего куска хлеба там еще чего-нибудь съестного я готова была идти хоть на край света, а сейчас я почти не чувствую голода, я вообще ничего не чувствую. Я уже привыкла, но почему я с каждым днем все слабею и слабею. Неужели же человек не может жить на одном хлебе. Странно. (...)

ДНЕВНИК
ЮРЫ
УТЕХИНА

Записную книжку, помещающуюся даже на детской ладони, Юрий Утехин передал нам в редакцию сам. Сначала показалось, что перед нами записи осиротевшего мальчишки: большая часть блокнота - описание того, что давали на завтрак, обед и ужин в детском доме. Однако выяснилось, что вместе с младшим братом Аликсом 11-летний Юра оказался в детском доме лишь потому, что родители, врачи, работали практически круглосуточно. Папа в полевом госпитале - хирургом, мама - участковым терапевтом, ходила по квартирам, оказывая помощь истощённым жителям Ленинграда.

А в воображении их старшего сына мучивший его день и ночь голод рисовал изводящие своей несбыточностью картины праздничного стола, который Утехины накроют после войны. Окорока, куски сыра, бутылки лимонада, булочки, халва, галеты - он всё это рисовал в дневнике. Рядом цены и количество, которое будет куплено в этот счастливый день, когда наконец можно будет наесться досыта...

Семья Утехиных уцелела в войну. После снятия блокады мама эвакуировалась с детским домом в Новосибирскую область, где работала врачом. И отец вернулся с фронта после Победы живым и невредимым.

Юрий Александрович Утехин, которому ныне 85 лет, живёт в Москве и до сих пор работает! Он стал доктором технических наук, автором уникальных методик исправления косоглазия и близорукости без операций, с помощью уникальных очков. Его брат Алик, упоминаемый в дневнике и ставший известнейшим в городе хирургом, живёт в Санкт-Петербурге.

23 декабря 1941 г. Больше месяца дают 125 г в день хлеба.

25 декабря 1941 г. Сегодня проснувшись утром я узнал, что прибавили хлеба, дают 200 г в 1 день. Большая радость. 15-го умер дядя Саша.

20 января 1942. Скоро месяца дают 200 г хлеба, никаких продуктов, мы живем в детдоме, мама и тетя Таня живут вместе, на выходные дни берут нас домой. Ждем прибавки хлеба, надеемся.

20 января. 12 ч. дня. По детским домам прибавили хлеба 50 г, теперь в обед дадут полтора куска хлеба, в 1 день дадут 250 г хлеба. Скорее бы прибавили хлеба в городе маме и родным.

24 января. Большая радость, проснувшись утром, я узнал, что прибавили хлеба. Теперь мама получает 400 г в 1 день, а тетя Таня получает 300 г в 1 день. У нас в детдоме дают 250 г хлеба, как и в городе детям.

29 января. Второй день на завтрак дают кусок хлеба и подслащенный чай, хлеб без всего. Очень плохо с водой. Приходится ездить на санках на Неву. За хлебом большие очереди. Сегодня мама стояла 5 с половиной часов, чтобы получить на себя 400 г и на тетю Таню 300 г. Алик болеет поносом 6 день, ходит 10 раз в день.

Дневник жителя в детдоме с 20 января 1942 года

20 января. Сегодня ровно 2 месяца как мы живем в детдоме. Больше 3-х недель на завтрак дают хлеб с повидлой и несладкий чай. (...)

21 января 1942 г. Завтрак - кусок хлеба (можно разрезать на 2 куска) с маслом (10 г), полторы конфетки, кружка несладкого чая.

Обед - кусок хлеба (в 2 раза меньше, чем в завтрак), тарелка пшенной похлебки (одна вода), пшенная каша (как в прошлый раз).

Ужин - как вчера, только кусок меньше. Пшенная каша здорово отдает керосином и дают очень мало.

22 января. Завтрак - как вчера, масло (5 г).

Обед - кусок хлеба, суп с лапшой (7 лапшинок), каша пленная (2 столовых ложки). Ужин - как вчера, попалась горбушка.

22 января - похороны дяди Саши. (...)

24 января. Завтрак - кусок хлеба, кусочек масла (5 г), полторы конфетки, несладкий чай.

Обед - кусок хлеба, суп с лапшой (2 ложки лапши), два блинчика из черной муки и ложка сахарного песка.

Ужин - кусок хлеба, «амлет» (блинчик из черной муки), шоколадная конфетка, кружка чая.

Сегодня 24 января в городе прибавили хлеба, мама получает 400 г в 1 день, а тетя Таня 300 г. Сегодня у нас в детдоме был инспектор. (...)

26 января. Завтрак - кусок хлеба, кусочек масла (5 г), сладкий чай.

Обед - кусок хлеба, суп с лапшой (мне не попало ни одной лапшинки), 2 блинчика.

Ужин - кусок хлеба, яичко, шоколадная конфетка (со сжатым маслом), несладкий чай. С базы доставили кур. В обед на суп на 90 человек выдается 2 куры.

27 января. Завтрак - кусок хлеба, кусочек масла, нешоколадная конфетка (как мыло, противно), несладкий чай.

Обед - кусок хлеба, суп с лапшой, два блинчика (из белой муки).

Ужин - кусок хлеба, «амлет», блинчик как в обед, нешоколадная конфетка, кружка несладкого чая. Сегодня в завтрак дали противные конфеты (шоколадом не покрыты, вкус как у мыла).

28 января. Завтрак - кусок хлеба без масла и сладкий чай. Обед - кусок хлеба, суп с лапшой и ершами, лапша. Ужин - кусок хлеба, полтора блинчика, шоколадная конфетка, кружка чая.

29 января. Завтрак - кусок хлеба без масла, кружка подслащенного чая. Обед - кусок хлеба, суп с лапшой, лапша полторы столовых ложки.

Ужин - кусок хлеба, кислый кисель (толщиной с палец). При нас умерло уже 9 человек. (...)

31 января. Завтрак - кусок хлеба, сладкий чай.

Обед - кусок хлеба, мучная похлебка, мучная каша (как вчера).

Ужин - кусок хлеба, кисель кислый. Завтра выходной день, мы идем домой до ужина. (...)

5 февраля. Сегодня на завтрак дали хлеб кирпичиком, кислый. Завтрак - кусок хлеба, кружка подслащенного чая.

Обед - кусок хлеба, бульон от гороха (одна вода абсолютно), ячневая с перловкой.

Ужин - кусок хлеба, кружка кофе. Суп сегодня был даже без осадка от гороха.

6 февраля. Завтрак - кусок хлеба, кружка подслащенного чая.

Обед - кусок хлеба, гороховый бульон, гречневая каша (очень мало).

Ужин - кусок хлеба, кружка кофе.

7 февраля. Завтрак - кусок хлеба, сладкий чай.

Обед - кусок хлеба, гороховый бульон, каша.

Ужин - кусок хлеба.

Вместе с братом Юра жил в детском доме, потому что мама и папа сутками работали в блокадном городе и не могли присмотреть за мальчиками.

В своём дневнике Юра живописал лелеемые в больном, блокадном воображении блюда. Как будто недостижимая еда могла ожить на альбомных страницах и хотя бы на секунду избавить от мук...

Фото на странице - из архива Ю. Уткина.

Детский сад № 237 на прогулке.
Внутри блокадного кольца
оказались как минимум
400 000 детей разного возраста.

Фотохроника ТАСС.

В первую блокадную зиму город был засыпан снегом так, что не ходили трамваи - основной городской транспорт. Для обессиленных людей это часто означало смерть - идти километры до булочных или на работу было невозможно. Поэтому весной 1942 года ленинградцы вышли на улицы города, чтобы убрать его.

Фото Д. Трактенберга.

ДНЕВНИК
МАЙИ
БУБНОВОЙ

О Майе, комсорге 221-й ленинградской школы, в патетическом дневнике которой громкие слова о Родине, долге и коммунистической молодёжи перебиваются краткими и ужасающими на этом вдохновенном фоне бытовыми записями, как, например, 25 января 1942 года: «Вода не идёт. Радио молчит. Телефон не работает. Топлива в Ленинграде нет. Мороз -39°», известно крайне мало: училась в 8-м классе средней школы Куйбышевского района, отец работал на железной дороге. Это всё, что смогли нам сообщить в Центральном архиве историко-политических документов, где уже много десятилетий хранится этот дневник.

Мы знаем, что Майя пережила войну. О взрослой Майе Александровне доходили известия, что «занялась наукой, командирована из Ленинграда». Последние ниточки к ней ведут в начало 2000-х, когда она проживала в городе Пушкине, на улице Магазиной. Затем след обрывается.

1 октября 1941 года. Сейчас октябрь. Уже три месяца моя родина, мои родные и друзья борются с наглыми фашистскими захватчиками, посягнувшими на наше счастье, на нашу свободу. (...)

Я работаю сейчас на заводе, в частности, являюсь кадровым ночным дежурным. Наша команда по охране завода состоит почти вся из молодежи; девчата хорошие, я с ними на окопах вместе была, и нас поэтому зовут обстрелянными. (...)

Вернулись мы с окопов в тревожное для Ленинграда время, в момент, когда началась бомбардировка города, а в его пригородах были высажены немецкие десанты, 12-15 числа сентября 1941 года.

И вот тогда-то, работая в цеху, я часто слышала со стороны тетушек такие разговоры: «Меня немец не тронет, я не еврейка, а муж мой не коммунист. А то, что он в армии, - так ведь всех мобилизовали (сам-то ясно бы - не пошел, кому охота?)» (...)

А дрожат за свою шкуру, за свою «драгоценную» жизнь, оставив в тяжелый момент свою родину, - предатели, трусливые остатки мелочных буржуа, прятавшихся в своих норах. Эти людишки сами говорили, что имели они раньше квартиры и что женщины раньше работы и не знали, жили, дескать, всей семьей в довольстве на один заработок (мужа). Я-то прекрасно понимаю, каким это образом получалось. Но находятся и такие, правда, редко, которые слушают этих тетушек, называющих себя рабочими и разводящими следующую ерунду, когда начинаешь им возражать: «Нечего за коммунистов заступаться, продали они нас; если немцы придут, то увидишь, что почти все перейдут к ним (по их расчетам, это должно было случиться в ближайшие два-три дня). Перейдут потому, что рабочему все равно, какая власть: что при советской власти работать, то и при немце. При немце даже лучше, т. к. можно будет заработать да и купить что захочешь, без всякой очереди». Нажраться да напялить на себя всякое барахло - вот за что продают они родину и свое человеческое достоинство; вот что идеал их жизни, хоть подхалим, слуга - да сыт. Сволочи! Работать устали, немецких благодетелей захотели! (...) Я им, чертям, противопоставляла своих родителей. Папу, который до революции был мальчишкой-подмастерьем, а при советской власти, за которую боролся всю жизнь, окончил промышленную академию им. Сталина; маму, с семи лет работавшую по людям нянькой, батрачкой и только при советской власти получившую среднее образование. А они пищат, что женщина работы не знала. Им,

обывателям проклятым, пожрать бы как следует да языки почесать, а остальное их не интересует. (...)

22 ноября 1941 года. Вчера вечером сидела у меня Нана, и мы делали уроки. Тревога... А мы с Нанкой пыхтим над образом Собакевича (он заворачивает вовсю бараньи бока с кашей, щи и пр., а у нас аппетит расходуется, прямо учить невозможно, но мы не сдаемся!).

Вдруг трах... та-ра-рах. Садануло так, что мы с Нанчиком подскочили со стульями... и погас свет.

Адольф раскопал где-то бомбу и бросил. Именно раскопал, потому что у него с ними заело. Позавчера, например, не было тревоги, как видно, бомб нет, да и наши не пускают его. Он со злости, что ему на передовых жару дали, днем и ночью ведет артиллерийские обстрелы города, в частности нашего района. Пошли мы с Нанчиком с бомбоубежище, сходили, но там надоело сидеть, и мы пошли в жакт. В эту тревогу наше санзвено перевязывало раненого. После тревоги пошли провожать Нанку домой, но, так как бомба упала на углу канала Грибоедова и Невского, нас дальше улицы Бродского не пустили и Нанчик осталась у нас.

Ноябрь 1941 года. Пятый месяц боремся мы с фашизмом, коварным и сильным врагом. Как резко изменилась обстановка в сравнении с первыми днями войны и как многое пришлось мне перевоспринять, на многое взглянуть по-новому. Смешно вспомнить, вернее, странно, что совсем недавно мы с Зойкой мечтали увидеть войну, торопились подрасти, чтобы нас хоть подносить патроны взяли бы на фронт. Собственно, и вся война-то представлялась нам в романтическом свете, без тех практических неизбежностей, которые сейчас существуют.

Смелая атака наших красноармейцев вместе с тысячами танков и закрывающими небо, тучами самолетов, единый могучий удар и... фашисты бесславно удирают, в пух и прах разбитые нашим всесокрушающим натиском. Причем все это должно происходить на границе.

Да и совсем недавно, в 20-х числах июня 1941 года, я боялась, что война пройдет мимо меня, т. е. что она кончится в несколько дней и я ничего не увижу, что мне не придется столкнуться со всеми ее трудностями, которые я очень смутно себе представляла, поэтому-то и было интересно, и хоть на минуту стать похожей на участников гражданской войны, которым я искренно завидовала; хоть чем-нибудь помочь моей стране, почувствовать и доказать, что и ты не зря землю топчешь, что и твоя пара рук пригодилась.

Я очень сердилась, что мама не разбудила меня в воздушную тревогу в ночь с 23/VI на 24/VI-41 г. Мне очень хотелось услышать хоть выстрелы зениток. О бандитском налете фашистских бомбардировщиков на Киев, Севастополь, Житомир и др. города я узнала, находясь в больнице. Я не верила этому до тех пор, пока собственными ушами не услышала по радио сообщение т. Молотова. (...)

На другой день 23/VI-41 г. мы с Зойкой думали, что же делать должны мы? Мы помчались в райком комсомола, где нас направили проверять вручение повесток по мобилизации, а также явку военнообязанных на пункты. Поэтому мы целый день носились по жактам и воевали с управхозами.

Потом мы лазили по чердакам нашего дома, стаскивали оттуда заброшенную мебель и, приведя ее в настоящий вид, оформили медпункт и газоубежище. Придя домой, мы узнали, что нужно ехать грузить песок, и мы, не только я и Зоя, но и другие ребята, решили поехать.

Так несколько дней работали мы по заданиям жилуправления и домохозяйства. Меня вызвали в школу. Было комсомольское собрание. Мы решили, что девочки нашей комсомольской организации должны стать дружинницами, а мальчишки идти добровольцами в Красную Армию и ополчение. К выполнению этого решения мы немедленно и приступили. (...)

Нас же ожидала неудача, нас, девочек. На другой день мы с Таней Браудэ рано утром были уже у дверей Куйбышевского РОККа. Но... увы, нам безжалостно заявили, что и без нас на фронте хватит людей, а нам надо еще подрасти. Хорошенькое дело! - «Надо подрасти!» Нам по 16-17 лет, а нам советуют подрасти!!! И сколько мы с Танькой ни бузили там, все равно ничего не помогло.

Одна добрая душа посоветовала сходить в военкомат, сказав, что оттуда хоть в госпиталь работать пошлют. Но и эта наша надежда не оправдалась. Тогда мы с Таней решили идти непосредственно к начальнику госпиталя. Нас направили в завком. Председатель завкома встретила нас приветливо, так, что у нас затеплилась надежда. Нам не пришлось много ей объяснять, зачем мы пришли, так как не мы первые к ней пришли, а уже много ребят работало в госпитале (когда только они успели!). Нам она сказала, что прием закончился два дня тому назад. Мы с Танькой чуть не разревелись от обиды. Мы ее умоляли, хоть нас двоих принять; она говорила, что понимает нас и что ей очень хочется

помочь нам... Но что же сделать, если таких, как мы с Танькой, тысячи. Наконец, мы получили маленькую надежду, - она велела нам зайти дней через пять.

За эти дни у нас было еще несколько проектов, которые нам тоже не удалось осуществить. Мы решили не терять зря время, если ничего не выйдет с работой в госпитале, то попытаться организовать поездку в колхоз, где рабочие руки были нужны. И мы снова летим в райком, нас посылают в Обком комсомола. Но увы... и тут мы опоздали! Черт знает что такое!!! Мы возмущены. Несколько часов назад отправили последнюю партию, а с сегодняшнего дня вышел приказ - учащих не посылать. Мы со злости съели по эскимо и поехали домой. Любка с нами еще путешествовала по этим мукам. Мы решили все же не сидеть дома, когда все работают.

И вот я и Зоя на заводе. Совсем как взрослые. Завод выполняет военный заказ, и мы довольны, что хоть чем-нибудь помогаем фронту. Таня тоже работает на заводе «Связи» (номерной завод).

4 декабря 1941 года. Дежурила в школе в ночь со среды. Во время тревоги меня послали в бомбоубежище; проверила сансумку. Встретила там Наташу Дементьеву. Она мне сказала, что, если бы ей в руки дали Гитлера, то она прежде всего заставила бы его выучить историю партии на древнееврейском языке.

14 декабря 1941 года. Ура! Наконец-то гоним немцев почти по всему фронту! Ростов - наш. Елец - наш. Тихвин - наш. Сорвали план блокады Москвы и гоним немцев. Наши войска заняли Солнечногорск, Михайлов, Клин, Ясную Поляну, Богородск. Продолжается наступление по всему Западному и Северо-Западному фронту. Наша Красная Армия занимает в день по сотням населенных пунктов. (...)

16 декабря 1941 года. В школе холодина жуткая, мерзнут руки. У нас свет пока есть, а у многих ребят нет. Да и мы тоже со свечкой часто сидим. Придешь домой - холодина, жрать охота, ну и ждешь, пока мама плиту затопит, прямо не плита, а спасенье какое-то. Зима-союзница шпарит такими морозами да завалами снега, что лучше не надо. Из-за снега не ходят трамваи, так что пришлось ввести трудовую повинность по уборке снега.

Мама моя целый день бегает, все организует и в домохозяйстве и дома. Прямо пучок энергии. Где она - там радость, тепло, спокойствие, выдержка, уверенность, желание работать.

19 декабря 1941 года. Приходил папа. От Кировского завода пешком шел, так как трамваи не ходили. Пришел радостный, говорит, что они начали готовиться к пуску завода. А в среду, позавчера, пришел и сказал, что позавтракал жареными воробушками. С сегодняшнего дня у них снято казарменное положение. 24/ХП-41 г. должен пойти завод; правда, хлеб будут смешивать с какою-то древесиной, древесной массой, но все же имеется перспектива. (...)

20 декабря 1941 года. Как ни старается Ленинград скрывать свои раны, подчас приходится признавать неумолимую силу голода. Люди борются с ним настойчиво, со слезами горькой обиды, со злобой и упорством, стараясь заглушить его, мешающего жить, работать, бороться. И жутко то, что нечем помочь друг другу. Слабые гибнут, гибнут и гибнут, а остающиеся в живых отчаянно хватаются за малейшую возможность выдержать борьбу и не превратиться в жертву, напрягают последние усилия. (...)

25 декабря 1941 года. Какое счастье! Прибавили хлеба. Вместо 125 г в день теперь получаем 200 г. Как поднялось настроение, прямо люди воспрянули. А то жутко становилось: кругом один за другим умирали, а рядом кандидаты туда же.

Последние силы напрягаешь, чтобы не скапуться. И вот радость! Радость! Теперь хоть понемножку будут вливать в нас жизнь. Говорят, что к новому году дадут шоколад, а вино и ржаную муку уже дают. А это значит, что скоро блокаде будет конец.

Милые, дорогие бойцы!!! Они гонят немецкую сволочь из-под Ленинграда, гонят, гонят и гонят. Скорее бы, скорее бы вон их с нашей земли.

В самые трудные, тяжелые минуты думаю о бойцах, им-то ведь не легче, чем нам, а ведь не складывают они оружия. Им тоже и холодно и голодно, да и находятся они постоянно в боях. Но ведь хватило же у них силы защищать Ленинград. Ни одного фашиста не было, нет и никогда не будет в Ленинграде. (...)

12 января 1941 года. Мороз -30°! На фронте под Ленинградом что-то совершается. Немцы настроили бетонированных ДЗОТов, их трудно оттуда выбивать. Но все же выбивают, окружают и уничтожают. Не сегодня - завтра должно все резко измениться, кольцо вокруг немцев здорово стянулось. Еще удар, уничтожающий удар по их логовам, - и им каюк, никуда не удерут. А то уже слишком они нахальны. Удират-

ют в дамских юбках, чепцах и тащат с собою железную дорогу (рельсы, шпалы) и вместе с нею дверные крючки да ручки. Но уж землю-то им не утащить, да и сворованное-то все равно все по дороге побросают. (...)

А Ленинград, милый Ленинград...

Мороз жуткий, в квартирах холодина, вода замерзает, света нет. Электричество экономят для заводов и фабрик. Лимит на комнату по 1/2 гектоватта, да хорошо, если свет дают. Трамваи не ходят. Потому ли, что нет тока, потому ли, что занесло снегом рельсы, и все замерзло, а может быть, и потому и по-другому. Редко встретишь машину. Все сковано морозом. Ленинградцы расчищают пути, а мороз снова их сковывает. Люди ходят на работу пешком, ходят по несколько десятков километров, закусив предварительно кусочком хлеба в 75 г да чашкой кипятку (счастье, если он есть), конечно, без сахара, которого не дают уже целую декаду.

Сегодня 12 января, вторая декада, но еще и за первую декаду не только не дали продуктов, кроме мяса, но даже не установили норм выдачи. За третью декаду декабря не дали масла, а вина немножко дали и все, почти ни у кого не выкуплено, не хватило. На базах продуктов нет. Во всех столовых кормят болтушкой из ржаной муки, редко где есть лапша. Значит, общее положение - продовольствия нет. Дают суп из дуранды, который ко многому привыкшие желудки ленинградцев переваривают трудно, да иногда появляются конные котлеты или из кишок.

В магазинах пусто. (...) Только булочные оживают утром, когда ленинградцы, вступая в свой трудовой день, спешат получить зарядку на целый день, свою дневную норму - 200 г или 350 г хлеба. Хлеб - единственный их спаситель, если не считать тарелку мучной болтушки. Да, трудно переносить такие вещи. Голод валит людей, на улицах валяются их коченеющие трупы, машины подбирают их и сваливают в братские могилы. В каждом доме, что ни день, умирают люди. Например, у нас в доме за время голодовки умерло больше 20 человек. Умирают больше больные, но и от истощения тоже немало. Жутко... И трудно помочь. Чувствуешь, что и сам скапутишься, если так будет продолжаться, но этого не может быть. (...)

Папка и Вовка заболели. Папа по 14 км в день ходил, да еще отравился дурандовым супом, так мы его еле-еле отходили, мама дает ему аллисаат какой-то. Он бледный, тощий, как скелет, сначала не вставал, а теперь хоть с нами вместе чай пьет. А у Вовки грипп, да ухо вдобавок

заболело, высокая температура. Мамуся тоже тоненькая-тоненькая, у нее часто очень голова кружится от усталости и недоедания, но она все равно все работает, работает и работает.

Врача вызывать Папке ходила в поликлинику 9/1-42 года, 8-го не могли дозвониться, но его до сих пор нет. Вообще черт знает что такое! Протянуть бы несколько денечков, а там... что-то будет?

Утром мы пьем чай, едим по кусочку хлеба с солью и горчицей, сухарики, сейчас же подсушенные. К 11 часам иду в школу, получаю суп мучной, 2 порции, мама разбавляет его водой и кладет туда гренки (сегодня истратила на них для жарки последнее, перетопленное с горчицей, кокосовое масло). Вечером опять пьем чай с хлебом и сухарями, подсушенными из хлеба нашей дневной нормы, которая забрана на день вперед.

Чтобы достать Папе лапшички, т. к. он ничего не мог есть (тошнило), я ходила к Вале в столовую на Петроградскую сторону в жуткий мороз и обстрел. (...)

Скорей бы прорвали блокаду. Ленинград напрягает свои последние силы и держится мыслью о фронте. (...)

14 января 1942 года. Мороз -32° . С утра целый день горит Гостиный двор. Еле-еле достала хлеба (очень белый). Сейчас пятый час. Пошла в магазин - пусто, в булочной - ни кусочка хлеба. Заболела мама, но ее ничем не удержать дома, работает с повышенной температурой. Завтра в школу. У меня ни одних уроков не сделано, и делать неохота. В школе холодно, замерзаешь, пока обед получаешь. Не то что 6 уроков отсидеть, а и час просидеть жутко. Фаня Абрамовна позвала меня и говорит: надо развертывать работу учкома совместно с комитетом комсомола. Разве возможно что-нибудь делать при таком холоде? Я уже много раз пыталась, но мало что возможно осуществить. А она - план да план, уяснить задачи. Все давно ясно. Дело за школой. Если с 15 января 1942 года будем учиться, то немедленно нужна теплая комната для подготовки домашних заданий и проведения необходимых мероприятий. Комнаты такой на сегодняшний день в школе нет, а следовательно, отпадает и всякий вопрос о внешкольной работе. Эх холод, холод, мешает работать. Настроение - дрянь.

23 января 1942 года. Таня Браудэ тоже ходит в школу. И, честное слово, смотришь на нее - и хочется работать; она такая же дурочка, как и я. Ей хочется, несмотря ни на что, ни на какие трудности, жить, работать,

хочется чем-то помочь нашей родине, закончить отлично учебный год и потом... О мечты, мечты! Мы обязательно поедem с нею в колхоз работать, и еще ребят сагитируем, главным образом, на комсомольцев будем нажимать. Если нам не удастся добиться, то мы перевернем все райкомы и обкомы, а своего добьемся. Ведь мы же комсомольцы. Мы должны, можем и будем работать. А работать мы должны начать немедленно, сейчас, в школе. Мы не имеем права терять учебного года, а наоборот, должны и другим помочь закончить его успешно. Это наша первейшая задача, и мы должны ее выполнить. (...)

Теперь немножко о Ленинграде.

Он все тот же, спокойный, суровый, но веселее и радостнее стало от выпавшего пушистого снега и сверкающих солнечных лучей, от разъезжающих по городу машин, приятнее заглянуть в магазины, где на прилавках появилось масло, которого выдали всем по 50 г, сахара, которого выдали по 100 г и что, между прочим, мы уже съели. Ждут ленинградцы со дня на день прибавки хлеба, который пекут на славу, только бы побольше. Ждут, когда дадут еще крупы, масла и много еще других замечательных вещей. Везут, говорят, нам всего. Я очень обрадовалась, когда увидела свежие яйца, хотя и не для меня предназначенные.

Немцев бьют, бьют и бьют, скоро, наверное, всех добьют, что засели у нас под Ленинградом.

24 января 1942 года. Сегодня Ленинград просиял. Все радостные, улыбаются. Сводка! Хлеба прибавили, муку, сахар выдают! Проснулись золотые надежды. Но в Ленинграде жуткий мороз -40° . Люди замерзают, стоит им только присесть отдохнуть или остановиться. Сегодня Августа Ивановна чуть ли не на себе принесла полузамерзшую сотрудницу, которую мы еле-еле отогрели и выходили. Она собралась к матери идти, в гавань - это от Московского-то райсовета. Бедная девушка. У нее уже спазмы горла были, она промерзла насквозь и сильно волновалась. Мама все время отогревала ее утюгами и горячим кофе. Валерьянка ее успокоила немного, и она уснула. А утром она была совсем другой человек, возвращенный к жизни и работе ленинградец. (...)

26 января 1942 года. Водопровод не работает, току нет, радио молчит. Мороз -39° . Чтобы добыть воды, целый день, как папанинцы на льдине, таем снег, причем вода пахнет гарью и какого-то дымного цвета (видимо, от того, что, когда Гостиный двор горел, снег и напитался дымом). Другие ходят за водой на Неву, на Фонтанку. В школьной столовой супа

не было, т. к. нет воды. В булочных хлеба нет, а если есть, то тысячные очереди. Еле-еле достала хлеба.

27 января 1942 года. Все прелести к вашим услугам! За водой ходим к дыре на мостовой против Пассажа. Там, видимо, пожарный колодец, что ли, - и черпаешь ковшиком, да еще сначала в очереди постоишь, а потом еле отдерешь вмерзшие ноги. Пока несешь воду домой, она и замерзнет. На хлебозаводы подачи воды нет и хлеб полностью не выпекают. Воду хлебозаводы достают с большим трудом. В результате мы сегодня будем без куска хлеба, а другие со вчерашнего дня. В нашей булочной вторые сутки хлеба нет. Мы доварили последнюю муку. Выпили кофе и спать.

28 января 1942 года. Какое счастье! Радость, спасение - хлеб! Я его получила сегодня. С половины четвертого утра я встала в очередь и пришла домой без двадцати минут час дня. Стояла без всякой надежды, но иначе мы бы погибли. Только наши требования, наша настойчивость, упорство и инициатива (сами граждане вместе с директором ходили на хлебозавод, в управление и на базу, думали, что хоть бы мукой выдали), дали нам жизнь в полном смысле слова - хлеб. Но это удалось сегодня достать хлеба, а что будет завтра и дальше, если Ленинград не получит воды? Да, все двадцать четыре удовольствия! Мы уже три дня не знаем, что делается на свете. Радио молчит, и газет нет. (...)

11 июня 1942 года. Июнь! Весна и лето пришли. Жизнь расцветает, берет свое. Она лишь на время как будто замиравшая, засыпавшая, в отчаянных усилиях терявшая последнее, не замерла! Не уснула! Жизнь победила!

Борьба жизни и смерти решилась в те жуткие февральские дни. Она достигла своего кульминационного пункта и жизнь! - Честь и слава ей! - Победила! Победила и медленно, но упорно, уверенно и настойчиво начала крепнуть, уничтожать все мешающие ей завоевывать свое право торжества и господства в природе, людях и их бытие.

Что же это за сила, которая спасла нас, поддержала в тяжелую минуту трудной борьбы? Это ты, моя Родина! Это вы, дорогие бойцы, советские люди, это ты, «Ледовая дорога», это ты, всеобъемлющая вера в свою правоту, моральная поддержка товарищей, замечательный пример большевистской воли в сталинском всепобеждающем движении вперед! К поставленной цели, к победе! Вперед, вперед и только вперед! (...)

Ты не забудешь, Ленинград, когда нам на помощь шли люди, шли и прокладывали «Ледовую дорогу», дорогу жизни, чтобы не дать врагу задушить нас кольцом блокады, кольцом голода. Для тебя, Ленинград, прокладывали они дорогу через Ладожское озеро, через стужу, метели и шквалы вражеского огня. И они проложили ее, они пришли к тебе тогда, когда ты мрачный, холодный город с твоими коченеющими, напрягающими последние усилия жителями, падавшими от голода и холода, но все же шедшими работать для фронта, для Родины, - вот тогда, когда казалось, что враг уже дошел до цели - умертвить тебя, тогда они пришли к тебе; они шли к тебе по грудь в снегу, через пять шагов сменяя друг друга, шли к тебе через озеро и проложили «Ледовую дорогу», спасли тебя, вдохнули жизненную силу в твои замиравшие члены. (...)

7 февраля 1943 года. Работаю секретарем комсомольской организации нашей школы.

Вот уже и сорок третий год. Какими же бурями событий промчится он в нашей жизни? - так говорили мы в новогоднюю ночь.

И вот она, первая долгожданная желанная весна - прорыв блокады Ленинграда, 18 января, ворвалась в наши сердца, в нашу жизнь. И началось! Началось снова наше стремительное, безостановочное наступление на фронтах, начался разгром окончательный, полный разгром врага. Пядь за пядью, метр за метром наша земля сбрасывает с себя в кровопролитных жестоких битвах гитлеровскую звериную свору.

6 июля 1943 года. Давно не писала я в дневник. А многое и очень многое узнала я за это время, за эти несколько месяцев. (...)

Я не понимаю, как можно школьнику, подростку, молодому человеку быть в наше время не комсомольцем. Неужели «Как закалялась сталь» и сотни других замечательных живых учебников молодости не дошли еще до всех? Почему еще не всем понятно, что нам с момента нашего рождения историей нашей родины, нашим (ее) прошедшим, настоящим и будущим указано место в жизни, нам, подрастающему поколению, нам, бойцам и строителям новой жизни?

Я считаю своим первейшим долгом и большой честью, которую я должна оправдать, быть в рядах Ленинского комсомола. Это вот у меня в сердце сидит, и об этом я стараюсь как можно проще, лучше и доходчивей рассказывать ребятам.

Я не выношу шаблонной агитации и вербовки в комсомол, я считаю это позорным, к сожалению, еще существующим почти официальным

фактом. Я с болью в сердце принимала в комсомол некоторых ребят, буквально, под давлением райкома комсомола. (...)

28 августа 1943 года. Сегодня получила письмо от Виктора. Как я рада! Рада и всему письму в целом и нескольким строчкам в конце письма особенно, тем золотым словам, где он говорит, что встреча со мной для него не просто обыкновенное знакомство, а что-то родное, и чувства, пробужденные у него, не как у парня, к девушке, а братские. Да, именно братские, товарищеские чувства, да так и нужно было сказать, потому что это правда. И другим бы словам я не поверила, не поверила бы и разочаровалась бы еще в одном человеке. И теперь я его еще больше ценю, его цельность и простоту, совмещающуюся с гордостью, и правдивое вечное стремление расти умственно, политически и духовно. В нем есть что-то отличающее волжских жителей; по-моему, это романтичность и практика, любовь к природе, широта характера и прямота, честность, неторопливость и уважение к другим, а также не боязнь сознаться в ошибке, умение не скрывать, а ликвидировать свои недостатки, выдержка. Что же, Виктор, учись, дорогой, спасибо, что не заставил ошибиться в тебе. Посмотрю, что будет дальше. Понравилось мне в тебе и то, что не спрашиваешь у меня, переписываюсь ли я еще с кем-нибудь или нет. Будем, Виктор, как и были, до встречи хорошими друзьями, даже больше теперь, потому что мы поняли друг друга и быть может наша дружба будет:

«...Сильнее страсти
И горячее, чем любовь».

А то, что она крепка, так в этом порукой наша честность и доверие друг к другу.

9 сентября 1943 года. Какая радость! Город за городом, область за областью каждый день возвращаются в семью советских городов и областей. Каждый день, каждый час наша родная Красная Армия освобождает тысячи советских граждан от ига кровавых маньяков и десятки - сотни километров нашей родной русской земли, наши центральные области, нашу золотую Украину, наш юг! (...) На Запад! К Днепру, к Березине! Ничто, ничто не может, не могло и никогда не сможет сломить нашу волю к победе, нашу волю к счастью свободного созидательного труда, творчества и отдыха, нашу волю к беспощадной мести и борьбе за Родину-мать. Мы сильны своим единством, своей великой целью освобождения человека, а прежде всего своей Родины.

10 сентября 1943 года. Сегодня 10 сентября 1943 года, сегодня испол-

нилось два года с тех страшных, грозных и напряженных дней, когда зарево горящего Гатчино и бушующие языки пламени от первых фугасок, сброшенных на Ленинград, ворвались в нашу жизнь неумолимой правдой надвигающейся опасности. (...)

Вот в это время 10/IX-41 г. около 11 часов утра я стояла с лопатой у противотанкового рва под Вороньей горой и смотрела в голубое с легкими и редкими перистыми облачками утреннее осеннее небо. (...)

Я вспомнила, что вчера в озере разорвались 2 снаряда, что дня три назад у меня на глазах раскололся напополам, вспыхнул и кувыркаясь пошел книзу немецкий лихач, что разобрали узкоколейку и завезли в Красное село 2 орудия для того, чтобы проверить построенные нами дзоты. Все это все же было чем-то лишь напоминающим, что нас окружает война, но не было заставившим мгновенно осознать действительность положения. Я, как и тысячи ленинградцев, рыла окопы, строила дзоты, но не верила, что они пригодятся, что они станут одним из препятствий на подступах к городу, не верила, что война станет буднями нашей жизни, что она вырастит меня. В том, что будут бомбить Ленинград, я не сомневалась, но что в 12 километрах от города будут немцы, я не верила тогда в то обыкновенное утро, ставшее через час первым моим боевым крещением. Да, именно через час над нами загудели 36 немецких бомбардировщиков, методично пикировавших на сады и дома Красного Села, на людей с лопатами в руках, рывших рубеж ползущей гадине. На Вороньей горе загорелись палисаднички, запылала неубранная рожь, застонала красносельская земля и вздыбилась, готовая встретить по-русски, врага.

Мы уходили в Ленинград, к городу, и мы знали, что дальше этой земли немец не пройдет, она станет смертельным рубежом для него. И если он вступил на нее, то смерть, смерть и смерть найдет для себя он на ней. Но в город, в город нашей свободы, гордости и счастья ему не прийти никогда, от городских застав мы не уйдем ни на шаг, ни на полшага не отступим. Так было прежде, будет сейчас и будет всегда.

ДНЕВНИК
ВАЛИ
ПЕТЕРСОН

Валя была ученицей 7-го класса 239-й средней школы Ленинграда. В этой же школе работала учительница Ксения Ползикова-Рубец, чей блокадный дневник был издан и включал в себя и переписанный от руки дневник её ученицы Вали... Дальше - одни загадки. Петербургский архив, из которого мы получили текст семиклассницы, сообщает, что Валя умерла в шоне 1942 года, оговариваясь при этом, что эта информация не из надёжного источника. А в самой школе № 239, работавшей и в войну, где хранится память о блокадных учениках, «ЛиФ» рассказали, что из Валиных одноклассниц в живых осталась одна, не помнящая уже ни Вало, ни школу, ни блокаду, а сама Валентина последние лет 30 уже не приходит на встречу выпускников... Значит, до этого приходила? Где правда и где мы ошиблись?.. Наверное, нет уже на свете Валентины Карловны Петерсон. Её дневник жив. И обжигает строчками из блокадного Ленинграда.

9 октября 41 года. Итак, начинаю описание протекающей жизни и событий. Возможно, завтра начнутся занятия в школе. Я с нетерпением жду этого желанного дня, когда приступим к занятиям.

Скучно. Одно развлечение - ирландский сеттер Сильва. Собираются в Клуб связи смотреть кино, но... напрасно, идти не могу, много там «народа», нежелательного мне пошиба.

15 октября 41 года. За протекшее время я многое пережила. Сильву решили убить - и как. Александр Петрович Куклин решил покончить с ней так: сперва оглушить молотком, а потом зарезать, но получилось не то, что предполагали, а именно: Сильва сильно завизжала и во избежание сильного шума А. П. бить ее не стал.

Убить мы ее хотели, с одной стороны, ради мяса. А с другой, что кормить ее нечем. Когда мы ее убивали, я вся переволновалась. Сердце так сильно билось, будто желало выпрыгнуть. Потом мы уже придумали способ: решили убивать кошек и кормить ее их мясом.

А. П. одну убил, я содрала шкурку, выпотрошила ее и разрезала на куски. А другие кошки с таким удовольствием разрывали мясо своего сородича на куски, что было удивительно смотреть.

Я тоже решила попробовать вкус кошачьего мяса, поджарила с перцем и чесноком, а потом стала жевать... и что же, мясо оказалось довольно вкусным, что, пожалуй, не уступит и мясу говяжьему, а вкус такой, будто ешь курицу.

20 октября 41 года. Я теперь отлично понимаю, что такое голод. Раньше я себе точно не представляла этого ощущения. Правда, меня немного тошнит, когда я ем мясо кошки, но так как я хочу есть, то и противное кажется вкусным. Да я ли одна так голодна? Кто же в этом виноват? Это проклятые германские изверги. Я никогда не была злой. Я всем старалась сделать что-нибудь хорошее. А теперь я ненавижу этих сволочей за то, что они исковеркали нашу жизнь, изуродовали город. Город пустеет. Все эвакуируются, а я уговариваю маму остаться. Она очень боится бомбежек, а я нисколько, и не потому, что смелая, а просто верю, что меня не могут убить. Сегодня осколками от бомб разорвало на куски мою подругу Аню М. Жаль ее, она так хотела увидеть конец войны. Мы с нею часто дежурили ночью в школе на чердаке. Хорошая была девочка. 15-го немцы заняли Мелитополь, открылось новое направление: Калининское. Я в Калининской области была недавно. Там много друзей. Сволочи немцы зверствуют везде, где они

хозяйева. Как-то в Турчинове - неужели не успели эвакуироваться? От них писем нет давно.

3 ноября 41 года. Сегодня мы пошли учиться. Как я рада. Обещали кормить обедом и давать 50 гр. хлеба в день без карточек. Учителя все новые. По русскому языку, очевидно, хорошая, добрая. По алгебре строгая, но хорошо объясняет, по физике - то же самое, у нее какие-то странные губы, такие пухлые. А по истории - как кукла на ниточках, их дергают, и она дергается.

Я все перезабыла. Но надо взять себя в руки и «учиться, учиться и учиться», как сказал Ленин.

Бедную мою Сильву хотят усыпить. Жалко.

Я поймала две кошки, а Кондратьич ругался и за нее, и за кошек. «Гадят». Я не знаю, что делать. Молчу, а есть хочется.

8 ноября 41 года. Вчера был праздник. 24-я годовщина Октября. Немцы не бомбили, против ожидания.

Пока учусь. По геометрии получила оценку «хор.», а по русскому учительница все время нас ободряет. Она говорит, что к Новому году война кончится. А правда ли? Сейчас очень тяжело.

А. П. Куклин очень злится, что нечего есть. А при чем тут я и мама? Где же мы возьмем? Одна надежда, придется засолить Сильву. Ее надолго хватит. А мне ее жалко.

Что делать?

12 ноября 41 года. Обед в школе давать прекратили. Все по карточкам. Положение тяжелое. Хлеба, наверное, завтра убавят, получим по 150 гр. У мамы тоже почти ничего не достанешь. Учителя советуют «подтянуть кушаки». Город в окружении. Засолили кошку. Сильва еще живет. Вероятно, скоро и ее засолим. От Алика совсем нет писем. Сейчас иду обедать к маме. Покормит или нет? Не знаю. (...)

13 декабря 41 года. Наконец-то я выбрала свободное время, чтобы изложить свои мысли и желания.

Сколько перемен произошло за этот период времени. Сколько бед стряслось. Сколько перенесено тяжких минут.

Мою бедную Сильву украли и съели. О кошках сейчас говорят как о лакомстве (но, увы, их нет). Александр Петрович оказался гадким человеком: несознательным, вымогающим из всех все, заботящимся лишь о себе, лодырем, лицемером, подлипалой и сплетником (в общем, со всеми отрицательными качествами). Я его поняла, поняла его

и мама. Но как от него избавиться? Он очень зол и может убить ни за что, ни про что (как говорят).

Мы собираемся бежать из города (не из боязни бомбежек, а от него, чтобы избавиться). Мама болеет, стала как тень. Она все старается для нас с отчимом, сама не съедает, иногда потихоньку плачет. Я знаю, она беспокоится об Алике, от него нет ни одного письма. Я стараюсь ее поддержать. Неужели она не выживет? Я боюсь об этом думать. Наша милая и дорогая соседка Пелагея Лукинична уехала. Я рада за нее и желаю ей от души счастья за ее доброту. Ведь это исключительный человек. Она обещала похлопотать и о нашем отъезде. Хочу бросить все. Уехать на юг и там зажить тихой и мирной жизнью, как отшельник.

18 декабря 41 года. Недавно мне хотелось уехать из города. Уехать и жить, как отшельник. Ну, не глупо ли это? А как же учеба? Ведь полгода проучилась. Права ли я, ненавидя отчима? Не могу отдать себе отчета. Почему я забочусь о всех, а он только о себе? Это мне противно. А может быть, голод его сделал таким. Ведь до войны он был другим. Он хотел заменить мне отца. О, если бы я могла, то придумала бы Гитлеру жуткую смерть. Он вина всему. Он виновник войны, а война калечит людей.

25 декабря 41 года. Сегодня исключительный день. Прибавили хлеба на 75 гр. Мне полагается теперь 200 гр. и так же маме 200 гр. Какое счастье. Все так рады, что от счастья чуть не плачут. Отчим сегодня нестерпим. Мне стыдно ему грубить, но я не могу больше. Он съел весь хлеб свой, а потом мамин и мой. Сегодняшняя прибавка для нас не существует.

Ненавижу его. И не понимаю, как можно так подло делать. И я хочу есть. Скоро кончится четверть. Боюсь за «Конституцию». Как бы не было за нее оценки «плохо». Я хожу в школу, а меня спрашивают: «Как ты еще можешь?» Да что я поделаю? Как дома, так и в школе - сидишь с коптилкой. В школе хоть суп дают. Сегодня и в коптилках керосину не было. Жгли лучины. Очень холодно, мерзнут чернила. Занимаемся по три, по два человека в классе. Мешают очереди за хлебом, приходится стоять и пропускать школу.

29 декабря 41 года. Говорят, что счастье не всегда сопутствует человеку. Да, отчасти это верно, но сегодня для меня день счастья. Я так рада. А чему? Рада смерти моего отчима. «Куклина». Я так ждала этой минуты. Я его страшно ненавидела. Голод раскрыл его грязную душу, и я его узнала. О, это жуткий подлец, каких мало. И вот сегодня он умер. Умер

он вечером, я была в другой комнате. Бабушка пришла и сказала: «Он умер». А я сперва не поверила, потом мое лицо исказилось в ужасной улыбке. Я была рада. Да. Рада его смерти, смерти мучителя и предателя. О, если бы кто видел выражение моего лица в эту минуту. То сказал бы, что я умею жестоко ненавидеть. Он умер, а я смеялась. Я готова была прыгать от счастья, но силы у меня были слабы. Голод сделал свое дело. Я не могла даже хорошо двигаться. Так вот, о чем я мечтала, чего хотела, то и сбылось.

6 января 42 года. Сегодня была елка. И какая шикарная. Я даже не ожидала. Правда, холод был такой, что пока мы сидели и смотрели постановку «Овод», ноги совершенно окоченели и пальцев совершенно не чувствовалось. После постановки должен был быть обед. Мы почти не смотрели пьесы, а каждый думал о предстоящем обеде. Лица у всех одутловатые, под глазами белые, налитые водой мешки, глаза голодно поблескивают. Ноги стучат друг о друга от холода. Наконец, постановка окончена. Артисты, вероятно, сильно замерзли. Они играли в летних платьях, а мороз в театре - минус 20. Занавес опустился, и все хлынули к выходу, к столовой. Обед получили не сразу, пришлось долго ждать на лестнице. Там было еще холоднее от сильного сквозняка. Мы все стояли, тесно прижавшись друг к другу, и думали только об одном: скорее бы на обед. Стояли и мерзли долго. Наконец, двери открылись, и нас пустили. Столы накрыты белыми скатертями, везде чисто, но холодно. Обед был замечательный: мы получили тарелку супа лапши, 150 гр. пшенной каши с соусом, и 50 гр. хлеба, и соевого желе 50 гр. Мы забыли все: и стужу, и боль в ногах от долгого стояния. Все жадно поглощали пищу, усердно облизывая тарелки. Домой пришли в 6 часов. Настроение сразу упало. Дома холодно, дров нет, вода везде замерзла. Придется брать в проруби из Мойки. Брезговать не приходится. Мама лежит больная и, вероятно, хочет кушать. Я ей принесла 25 гр. хлеба и 25 гр. желе. Она очень рада. И я рада, а все равно голодная, как волк...

ДНЕВНИК
САШИ
МОРОЗОВА

Об авторе дневника ничего не известно.

Мамочка!

Сейчас 4 часа, я уйду в столовую. В своей комнате убрать ничего не успел, потому что когда посмотрел на часы, было около четырех. Во время обстрела находился в коридоре.

Крепко целую. Шурик

31/8 41 г. Приезжал Игорь. К рождению готовим постановку «Чехи будут свободными». Она обещает быть очень захватывающей и интересной. Игорь автор, я постановщик. Мама узнала, что на все карточки дают шоколад, прибавили сахар и конфеты. Скорей бы наступило 1-е. Около 12 ч. завывла сирена, пошли вниз в бомбоубежище. Выстрелов мало. Отбой. Лег спать с пустым желудком.

1/XI 41 г. Разбудила мама, дала мне хлеб, 2 яйца, шоколад. Она уже успела достать все кроме крупы, масла и сахара. Наконец-то я сыт. Сейчас я выпил какао и жду масло. Надо почитать дон-Карлос инфант испанский. По радио передавали, что 2-го утром в театре им. Ленинского комсомола будет идти Сирано де Бержерак. Хорошо бы было его посмотреть, да наверное мама не поедет или не достанет билеты. Около 7 ч. в. возд. трев. Пошли вниз. Отбой примерно был через 1 ½ часа.

2/XI 41 г. (...) В театр конечно не пойду. Может быть, приедет Игорь. А оказывается, вести дневник не такое уж скучное дело, как я думал. Наоборот, даже интересно. Повязку для капитана фон Гинсберга я сделал. Хорошо, если приедет Игорь и привезет готовую постановку. Как быть с костюмами не знаю, надо высокие сапоги и брюки - а где их взять? (...)

12/XI Игорь уехал утром, я лежал, сегодня узнал печальную новость - хлеб сбавят. Нам грозит голод.

15-ое. Очень долго не писал. Упали бомбы в дом 55 и 51, но они не разорвались. Нам пришлось уйти на два дня. Сегодня думаем остаться, бомбы как говорится лопнули. Руки замерзли, так что трудно писать. Нам пришло известие: Ленинградский отдел кадров послал запрос о судьбе папы (нам прислали копию). Мне очень скучно.

20-ое. Сегодня был в театре, в филиале Большого Оперного театра им. Кирова. Слушал «Евгений Онегин». Оперу я вообще слушаю в первый раз, мне очень понравилось, хотя и играли без декораций. (...)

30-ое. Мама дала кровь. В донорском пункте теперь такой порядок: тот, кто давал кровь, до этого порядка тому надо пройти осмотр, дать кровь один раз (берут больше «нулёвку»), и этот человек получит деньги, обед (перед взятием крови), а самое главное ему дадут рабочую кар-

точку. Тот же, который дает первый раз за время войны, тому надо дать три раза кровь. Впоследствии можно каждый месяц приезжать и сдавать кровь и каждый месяц донор будет получать рабочую карточку. Если же он в течение двух-трех месяцев будет приезжать на пункт и кровь у него брать будет нельзя, то карточку ему все равно дадут. Кроме всего этого там можно достать так называемый «скользящий пропуск», который даёт право обедать во всех столовых.

С декабря стали прикреплять карточки (все кроме хлебных - что очень удобно), раньше все было трудно достать - стояли очереди. Электричество дали первый день, три дня сидели в темноте, свечей нигде нету, дедушка с трудом достал в церкви три свечи. Сегодня днем мы нашли 2 куска воска и несколько кусков какого-то состава, в которых, как я определил, есть стеарин - сделали с дедушкой вдвоем светильню, но она пока что не понадобилась. Спички кончились, завтра наверное мы получим 6 коробков (на весь месяц). Выдают пиво по карточкам, на рабочего - 4 больших кружки, иждивенцам - 2, служащим - тоже, а детям - фигу. У нас одна карточка рабочая, другая иждивенческая, а третья детская, мы должны получить 6 кружек пива, но пиво трудно достать - мама попросила одну тетку с тем что даст ей две кружки, следовательно у нас будут 4 кр. (еще не поздно: карточки продлили на несколько дней). Тревоги бывают каждый день. Недавно немцы взяли Ростов-на-Дону. Никто ничего не знал, как вдруг по радио 28 числа объявили. «Несколько дней назад немцы взяли город Ростов-Дон, сегодня наши части неожиданно для немцев переправились через Дон, повели бой на улицах города и выбили противника из Ростова». (...)

6-ое. Хлеба на этот месяц не сбавили. А зато всего остального дают меньше. Мясо рабочим - 400 грамм (в декаду), иждивенцам и детям 100 грамм. Мы вместо мяса взяли студень (его дают в три раза больше) и получилось 1800 гр. Хотели сварить из студня суп, да так и съели. Соль по карточкам. Вчера рано утром повестка, в которой предлагалось явиться к 2-м часам в Райвоенкомат. Это могли быть три вещи, а именно: первое - насчет папы, второе - насчет денег, и наконец третье - эвакуация. Оказалось: третье (эвакуация). Можно проехать в Новосибирск, 250 км на машине, а остальное на поезде. В военкомате сказали, что с дедушкой ехать опасно (с машиной может что-нибудь случиться и придется идти, бежать) самое меньшее ехать до Новосибирска придется полтора месяца, а денег самое меньшее надо на троих 2000 р. Что-то будет!

ДНЕВНИК
КОЛИ
ВАСИЛЬЕВА

Хроника смерти, почти что дневник Тани Савичевой, только мальчишеской рукой... В отличие от хрупкой Тани Коля выдержал и голод, и холод, и смерть, и «оставшись в 12 лет сиротой, стал сыном полка и был направлен в Нахимовское училище, а затем стал артистом театра» - такая справка хранится в Музее обороны и блокады Ленинграда.

Мы Колю Васильева искали - среди мёртвых и живых. Не нашли.

Мало надежды на то, что успевший за 70 лет постареть Коля сейчас узнает свои записи в нашей книге. И всё-таки она, надежда, умирает последней. Так же, как это было в замерзающем городе, откуда доносится до нас его голос...

27 января 1942 г. Я пошел за хлебом в город, так как у нас в Лесном не пекли хлеба. Не было дров и воды. Дошел до Выборгской стороны. Идя обратно, я несколько раз падал и медленно замерзал. Дошел до рынка, встретил Альку - товарища своего. Он помог мне встать и довел до завода «Светлана». В будке я разогрелся и пошел дальше домой. В канаве я упал и чуть не замерз, но тут шла мама и меня донесла домой. И в тот же день в 14 час. умер папа сидя на кровати.

28 января 1942 г. Умерла мать Гусева Сергея и Гусевой Тони и их соседа Коли умер отец. В марте месяце Тонька ушла в детдом. Сергей остался дома. Он подделывал карточки, и этим он жил. А у соседки умер отец.

29 января 1942 г. Умер Леша (мой брат) в 16 лет. Рано утром в 5 часов 30 мин. Он болел и работал и много изведal от этого и скончался.

17 марта. Умер Кулашкин Шура от голода. Мальчишка был здоровый и хороший. Но голод все убил. 22 человека умерло в нашем доме от голода.

22 марта. Приходил летчик за нами, но не взял.

27 марта. Мамино здоровье все хуже и хуже.

31 марта. Мама лежит не может встать с постели.

3 апреля. 4 часа 30 минут мама начинает хрипеть, она умирает. Все кончено, я остался один, иду к Егоровым. Пошел в город за посылкой, чуть дошел до дому. Спал у Егоровых.

Здесь и сейчас Колины черты едва различимы - так же как и события тех страшных восьми дней из его дневника... Это наш долг - сделать так, чтобы они не стёрлись окончательно и бесследно. Где бы ты сейчас, Коля, ни был.

Фото из фондов Музея обороны и блокады Ленинграда.

ДНЕВНИК
АЛЛЫ
КИСЕЛЁВОЙ

Об авторе дневника ничего не известно.

Было это 2 месяца тому назад, поехали мы с мамочкой и с Мишенькой в бомбоубежище, еле втиснулись в трамвай. Когда вошли туда, мне показалось, что там как в больнице, долго оставаться я там не думала и даже из дома взяла книжку, чтобы не было скучно. Но пришлось там пробыть 2,5 месяца.

Жизнь была довольно скучная и голодная. Первое время почти всю пищу я отдавала Мише, но потом не могла отдавать её. (...)

Я совсем забыла описать где находилось бомбоубежище. Нева, здание Эрмитажа. (...) Находились мы в маленьком уголке. Раньше я никогда не могла бы подумать, что мы могли 4 человека жить в таком маленьком уголке. Целый день мы с Мишенькой были вдвоем. Свет там был электрический, дневного света совсем не было, окна были заколочены и засыпаны песком. Мишенька болел воспалением легких. Так что на улицу с ним выходить не могла и мы сидели совсем без дневного света, а болел Миша 2 недели. У нас в бомбоубежище началась эпидемия кори и скарлатины, детям до трех лет делали прививку против кори. Мише сделали то же самое, прививка была не очень болезненная для него. Почти все время у Миши был понос, видимо от студня. Студень был из свиных шкур и там попадались жесткие шкурки, которые он не мог пережевать. (...) Так как у Мишеньки был сильный понос, хлеба ему было давать нельзя, так как хлеб был плохого качества, и хлеба давали 125 грамм, печенья вместо хлеба давали 75 гр. Это 3 печенья, и Мишенька у нас очень сильно голодал, у него выработалась привычка кричать «кушать дай» или «мама дай». Я, когда у Миши не было поноса, попробовала накормить его, дала скушать его порцию и свою порцию на целый день, скормила ему за один раз, но он очень быстро скушал и говорил «еще кушать». После этого я не старалась досыта накормить его. Последнее время я сама начала очень голодать, но потом постепенно я привыкла к голоду. (...)

10-го декабря в 3 часа дня мамочка приехала в бомбоубежище, в нем было холодно, мы ходили в пальто, и сказав, чтобы мы быстро одевались, начала собираться. Мишу мы очень тепло закутали, завернули в плед и одеяло, привязали стул маленький к саночкам, на стул посадили закутанного Мишу, а на санки положили сетки с необходимыми для Миши вещами: штанишками, чулочками, рубашками, костюмчиками. Трамвай не шли, мы шли пешком, а Мишу везли на санках, совсем у дома на нас чуть не наехал автомобиль. (...)

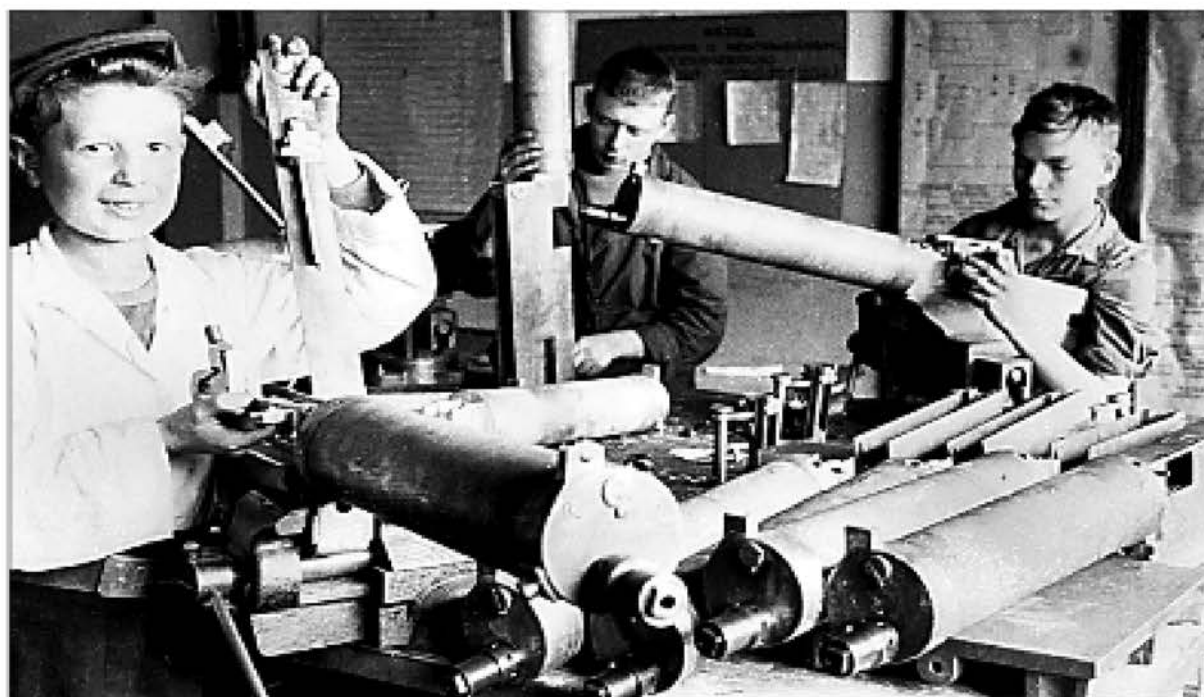
Конечно, когда мы пришли домой, нам все очень обрадовались, но дома было тоже холодно. (...)

18 декабря мое день рождения, его мы справили очень хорошо, открыли банку шпрот, хлеба я съела грамм 300!!! Мы с мамочкой пошли на рынок и обменяли 200 грамм хлеба на 400 грамм дуранды, мамочка добавила ложки три маисовой муки, ложки три сахарного песку и овсянки, получились очень хорошие сладкие лепешки.

19 декабря мама достала на детские карточки белых пряничков, это очень большая редкость, на 2 хлебные карточки 8 пряников и один пряник разделила на три части и дала всем попробовать, так же и мне. Этот вечер мне очень захотелось кушать, так как я долго засиделась, я взяла из шкафа один пряник, но не накушалась и попросила у мамы немного хлеба с горчичным маслом, мама мне позволила, и я незаметно для себя чуть не съела порцию хлеба, на следующий день остался очень маленький кусочек хлеба. Мамочка очень была недовольна тем, что я съела почти всю порцию хлеба на следующий день. (...)

Сегодня нам очень повезло, Люба достала кота, из которого Малаша сделал очень вкусное жаркое, но как назло в то время, когда мы уже хотели кушать, погас свет, и нам пришлось кушать такое вкусное жаркое при маленьком огоньке коптилки. Но когда мы кончили кушать жаркое, тогда свет зажегся. Жалко, что в мой день рождения не было кролика (так мы условились называть кота). Но к сожалению кроликов очень мало. Раньше мы никогда не могли бы догадаться, что можно есть котов. Сейчас что ни день все больше и больше мрёт народу от голода. Мы еще пока держимся. Миша все так же кушать просит, но дома мы с Мишей, говорят, поправились.

20-е декабря, у нас нет сладкого к чаю, у мамочки в магазине появились конфеты, мамочка очень обрадовалась и взяла по всем карточкам конфеты, называются соевыми, на фантиках написано «Мурзилка», цена 10 р. 60 коп., такая же как и раньше, какая была у хороших соевых конфет. Но конфеты оказались почти несъедобными и от них очень жгло горло. (...) Конечно в другое время я бы эти конфеты есть не стала, оказывается, эти конфеты из горькой дуранды, в дуранду подбавлено сахару, и эти конфеты такой же формы, как и соевые. Мамочка купила мне картинки «Сказки о царе Салтане», я эти картинки наклеила себе в альбом, который подарил мне Кирочка на день рождения. Кира нарисовал мне в альбом рисунок на рубашку. Он выдумал сам.

«Заменим у станков отцов!» - этот призыв прозвучал уже в первые дни блокады. И тысячи ленинградских детей встали к станкам. Эти пацаны собирали пулемёты.
 Фотохроника ТАСС.

В первую эвакуацию июня - августа 1941 года, пока город ещё не был в кольце, многие ленинградские дети были эвакуированы в соседние районы области. 175 000 из них были возвращены обратно - в бомбёжки и голод. Здесь - раненые малыши, которых лечили в госпиталях.

Фотохроника ТАСС.

25 декабря, сегодня счастье - прибавили хлеба рабочим 550, служащим, иждивенцам и детям 200 гр. Говорят, с 1 января прибавят хлеба еще больше. Хлеба вовсе не прибавили, мы прикопили немножко к новому году продуктов, сварили чечевичную похлебку, но я так устала к вечеру, что мне стало худо, и у нас было по 1 шпротинке и по 2 краба, пили глинтвейн. Что-то положение совсем не улучшается, а наоборот теперь стало хуже, в магазине продукты совсем не выдают, а нормы объявлены, вот уже второй месяц продукты не выдают, сидим на одном эрзаце и на 20 гр. хлеба. У Мишеньки ручки пухнут от голода. (...) Очень давно не был у меня папа, сегодня пришел весь опухший отекший, шел от Моховой до нас 1 час 30.

Мы собираемся эвакуироваться, мама уже продала свою шубу за 1500 рублей, за 2 кг сахарного песка и за 6 плиток шоколада. Мамочкин песок и шоколад продала за 2 с половиной тысячи. (...) Я очень расстроена, боюсь, что уеду и не увижу папу. (...)

Кирочка большой сегодня отправлял Митю, эвакуировал. Наш отъезд откладывается, заболела я, температура 39. Кирочка с Зоечкой уехали, было 10 ч. утра. А я простудилась, стояла в очереди в столовой за супом (...), суп получила правда очень жидкий. Сегодня вечером совсем неожиданно пришла Надежда Павловна с Тосенькой и сказала, что в 11 ч. вечера сегодня едут, документы на выезд уже оформлены, очень жалко расставаться, но им будет там лучше, у них там есть родные, к которым они могут приехать.

Новость, сегодня по радио объявили норму: крупу, крупы выдали мало, но это хороший признак. Теперь каждый день выдают какие-нибудь продукты, то масло, то сахар. Но нормы маленькие. (...) Сегодня вымыли Мишеньку и вымоемся мы с мамочкой. Мы наверно не мылись месяц, очень приятно помыться. Кирочка большой устроился в социанар, но говорит что голодноовато да крошечные порции. Мамочка устроилась в социанар. Отъезд откладывается, пока мамочка с Кирочкой немножко подкрепятся. (...) Конечно никуда не поедем, здесь опять бомбежки и обстрелы. Но с продуктами наладилось, вот уже второй месяц выдают все продукты, к 1 маю выдают много продуктов даже дали чай, о сколько время не пили чая, какое наслаждение. Мишенька заболел цингой, болят ножки, не дотронуться. С 3-го мая открываются школы.

ДНЕВНИК
ЛЮДЫ
ОТС

О комсомолке, ученице 11-й школы Свердловского района Люде Отс мы знаем лишь обстоятельства её смерти, приписанные неизвестно кем от руки в конце толстой тетради её дневника, который передал «ЛиФ» петербургский архив.

Люда поднималась по парадной лестнице - успела пройти 3 ступеньки, когда снаряд разбил стену дома: 5 осколков попали ей в живот, шестой - в грудную клетку. «Сначала отнесли её в контору ЖАКТа, и только потом сообщили матери». И всё.

16 ноября 1941 г. Почти год, как я не брала дневника в руки. А этот год... проклятый год. Ничего, кроме несчастий, он не принес нам. Но не буду забегать вперед и постараюсь вспомнить, что было в этот год. (...)

21 июня мы уехали на дачу. В ту же самую Карташевку, к той же хозяйке, но уже в другую, лучшую комнату, и к тому же не одна, а с девочкой с нашего дома, Тamarой С. Комнатка славная, устроились хорошо. А на другой день мы были потрясены: Германия напала на нас! Боже, как это подло, низко! Заключив договор, так вероломно обмануть! Но мы, конечно, не уехали обратно, а остались. И жили мы до 14 июля. За этот срок мы увидели много интересного. Начать с того, что наша деревня стоит вдоль шоссе. И вскоре после объявления войны потянулись по шоссе нескончаемой вереницей танки, орудия, войска... Мы встречали их, кидали им сирень, зеленые ветки. Бойцы радостно махали нам, ловили цветы, улыбались. Как приятно было гулять вдоль шоссе, по которому все ехали и ехали войска. А иногда обозы машин в 40-50 останавливались в деревне. И начиналась суетня. Кому молока, кому хлеба, кому просто воды.

Но это все было недолго. Скоро стали приходить неутешительные вести, а затем стали проезжать беженцы из-под Луги, Пскова и др. местечек. А вскоре добрались и до нас. (...) И пришлось нам уехать. Жалко было, но и надо. Приехали мы в город. Несколько недель болтались без дела, а потом Клара поступила на курсы медсестер, а я ходила в школу, помогала там. Потом я перешла в райком ВЛКСМ. (...)

В первых числах августа приехал Витя. Он произведен в лейтенанты. Уехал он в Москву, где получил назначение в Волоколамск, а оттуда в Старую Рузу. Писал он нам все время. А теперь, больше м-ца, как нет от него известий. От Коли не получали ничего с мая м-ца. Когда приехал Витя, я несколько дней не ходила в райком. Потом стала ходить все реже, потом совсем перестала. Через несколько дней я стала ходить в школу, где главным образом дежурила. Во время этих дежурств я очень много разговаривала с Женей Баскаковым из восьмого класса. Очень славный мальчишка и единственный (из тех, кого я знаю), который любит театр. Часами, сидя на чердаке школы, мы болтали о книгах, о театре. О себе. Если бы здесь еще была Нэля! А она 8-го августа уехала с семьей в Казань. Перед отъездом я 2 дня провела у нее. Жалко ей было уезжать из любимого Ленинграда. Но мы думали, что все будет в порядке.

Но ровно через м-ц после ее отъезда, 8 сентября, мы получили «кон-

фетки на первую декаду». (Вначале многое было по карточкам, но были коммерческие магазины, где можно все купить. Нормы большие. Больше, чем достаточно.) Так вот, в этот день нас впервые бомбили. Я как раз дежурила в школе. Вдвоем с Леной И. Мы болтали, а потом услышали, как здорово стреляют из зениток. Мы подошли к окну. Было часа четыре-пять, стоял ясный солнечный день. Снаряды так и сверкали на солнце. Вдруг мы заметили какой-то странный дым, желтый. Мы поднялись на чердак, на крышу. Оттуда мы ясно увидели этот странный дым (это была, как я узнала после, дымовая завеса). А на фоне этого дыма поднималось несколько больших клубов дыма. Сомневаться больше не приходилось: явно это был пожар от бомбежки. С этого началось: частые бомбежки, налеты, жертвы, разрушенные дома. Мало того, враг плотно окружил нас кольцом блокады. Нормы начали снижать и сейчас мы получаем совсем немного. Но ведь чем меньше мы будем получать, тем дольше протянем. Будем надеяться на хороший конец.

Через несколько дней после этого «подарка» я и Клара устроились в госпиталь общественницами, где работаем и сейчас. Школы начали работать 3 ноября. Но мы с Кларой проучились только неделю. Невозможно совмещать учебу с работой в госпитале. А бросить госпиталь, значит остаться без обеда, а это худо. На пустой желудок не много выучишь. И мы с Кларой решили работать, а после войны продолжать учиться. (...)

1 декабря. За эти полмесяца произошло много нового. С 25/XI мы с Кларой работаем в б-ке им. Коминтерна. Получаем с сегодняшнего дня служащие карточки и по 120 руб. жалованья. В эту неделю немец все время обстреливает город из дальнобойных. В дом 19а рядом с нами упал снаряд. У нас вылетели верхние стекла. А вчера мы сидели на работе, и вдруг, как ухнет! Стекла так и посыпались! Попало в здание Кр. Креста, через двор от нашей библиотеки. Жизнь стала тяжелая. Каждый день только хуже и хуже. Правда, наши отобрали Ростов-на-Дону. Молодцы! Но ведь нам от этого не легче. Ленинград в весьма опасном положении. Что-то будет дальше? Неужели придут немцы? (...)

Проклятая война перевернула все вверх дном. Все наши планы и мечты разбились о твердое и жесткое слово: война! Черт возьми, неужели это конец?.. А жить хочется! Нет, мы победим, победим наперекор всем и всему. Мы не погибнем. Мы не можем не победить, потому что... Не все ли равно почему? Победим и точка! Ленинград падет, Москва устоит!

С 20 ноября по 25 декабря 1941 года размер суточного пайка на ребёнка до 12 лет составлял 125 г хлеба, с 25 декабря норма увеличилась до 200 г. Но зачастую хлеб состоял не из муки, иногда на 50% из целлюлозы. Дистрофию назвали «ленинградской болезнью».

Фотохроника ТАСС.

Несмотря на чудовищную обстановку, взрослые пытались как-то раскрасить жизнь голодных детей: в каждой детской больнице Новый, 1942 год встретили ёлкой и дополнительным пайком. Фото РИА Новости.

УЗНИКИ: ГЕТТО И КОНЦЛАГЕРЯ

«Не надо меня в печку!»

Во Второй мировой войне примерно 20% погибших мирных жителей составляли дети. Точной цифры умерщвлённых детей не знает никто. Если взрослые узники нацистских концлагерей и гетто ещё как-то учитывались, поскольку их выводили на работы и пусть крайне скудно, но кормили, то по отношению к детям строгой статистики не велось. В большинстве своём дети, попавшие в концлагеря, становились своего рода подопытными кроликами. Так что малышкой убивали почти сразу.

«Фирма «Топф и сыновья» поставила в наш лагерь экспериментальные костедробилки производительностью до 3 кубометров лёгкой жжёной кости в час!» – с восторгом писал охранник Яновского лагеря смерти во Львове эс-эсовец Бенке. Потом «лёгкая жжёная кость» поставлялась фирме «Штрём» для переработки в удобрение. Ведущие специалисты этой фирмы посылали в лагерь рекламации: «Продукция низкого качества. Советуем для производства полуфабриката использовать детское сырьё, т. к. кости взрослых содержат мало полезных для растений питательных веществ».

Когда читаешь подобные документы, становится дурно. Физически дурно – до тошноты. Но и это ещё не всё! Комендант одного из лагерей, оберштурмфюрер Вильгауз ради спорта и удовольствия жены и дочери систематически стрелял из автомата с балкона канцелярии лагеря в заключённых, потом стреляла жена. Иногда, чтобы доставить удовольствие своей 9-летней дочери, Вильгауз заставлял подбрасывать в воздух 2–4-летних детей и стрелял в них. Дочь аплодировала и кричала: «Папа, ещё, папа, ещё!»

Яновский, Саласпилс, Равенсбрюк, Аушвиц, Дахау, Бухенвальд, Майдапек – эти названия на слуху. Но кроме них существовали ещё 14 тысяч лагерей уничтожения. Каждый со своей специализацией. Где-то детей перерабатывали в «лёгкую жжёную кость». Где-то, согласно директиве Гимmlера, данной в Житомире: «На Востоке вы найдёте ценную кровь. Изымите её либо уничтожьте», изымали. Дети, зная, что их ждёт, плакали: «Дяденька, не надо меня в печку, у меня ещё кровь есть!» Тогда кровь выкачивали целиком. И при этом, вопреки собственной же людоедской идеологии, не делили детишек по национальному признаку. Вампирам из СС годилась кровь всех – и русских, и цыган, и евреев. Но только на евреев они охотились с особым извращённым удовольствием, сначала сгоня их в гетто и обещая там спокойную жизнь, а потом отправляя в печь, от которой всё равно не было спасения...

ДНЕВНИК
ТАМАРЫ
ЛАЗЕРСОН

«...Где взять в гетто толстую тетрадь? Увы, несчастье помогло. Наши друзья, семья Румшиссских, пытались убежать из гетто. Но Румшиссских схватило гестапо, откуда они живыми уже не вышли. Узнав о случившемся, мы пошли к ним на квартиру - там всё было уже перевернуто вверх дном. На полу валялась толстая тетрадь, и в ней - записи по авиамоделированию их сына Цезаря. В тетради оставалось много пустых страниц, чем я и воспользовалась. Я дала тетради вторую жизнь, превратив её в свой дневник. Тетрадь очень старая, порвалась обложка, пожелтели страницы. Я очень берегу её, ведь она - единственная моя реликвия, сохранившаяся с тех ужасных дней» - это строки из предисловия Тамары Лазерсон к своему дневнику, который она вела в Каунасском гетто. Он издан на разных языках и побывал экспонатом выставки в Вашингтонском музее холокоста.

Дневник Тамары, до 13 лет счастливо жившей в Каунасе с родителями (отец - известный профессор психологии, завкафедрой в Вильнюсском университете, практикующий врач) и двумя старшими братьями, обрывается 7 апреля 1944 года единственным словом - «Побег». Тамара бежит из гетто и следующие месяцы проводит в укрытии, у людей, не побоявшихся приютить еврейского ребёнка. Вернувшись в город, встречает брата Виктора, который закопал дневник сестры в жестяной коробке под окнами дома и чудом смог потом найти его среди руин сожжённого гетто...

В декабре 1944 года отец Тамары погиб в концлагере Дахау. Позже умерла мама от тифа в лагере смерти Штуттгоф. О своей дальнейшей судьбе нам написала по электронной почте из Хайфы (Израиль) сама Тамара Владимировна: «После гетто и ужасающей резни, в которой погибли 96% еврейского населения Каунаса, я осталась жива благодаря самоотверженным усилиям моих спасительниц. Я окончила 6-й класс и поступила учиться на рабфак при Каунасском университете. Переехала в Вильнюс и продолжила учёбу в тамошнем университете. В 1952 году окончила университет, вышла замуж за своего однокурсника Михаила Ростовского и отправилась вместе с мужем по направлению работать на военный завод в г. Йошкар-Ола. Там родилась наша старшая дочь. Мы вернулись в Вильнюс, где родилась наша вторая дочь. В 1971 году выехали в Израиль и поселились в Хайфе. В Израиле я отработала ещё 17 лет, муж умер, я живу на пенсии. Имею семерых внуков и двух правнуков». При отъезде в Израиль Тамаре удалось переправить рукопись через границу дипломатической почтой, возможно, благодаря тому, что в посольстве она сказала, что вела дневник, как и Анна Франк...

1942

Сентябрь 13 (воскресенье). Погода плохая. Каждый день льет и льет дождь. Осень началась слишком рано. Настроение плохое. Положение с каждым днем ухудшается. Дома ничего нет: ни муки, ни картофеля. Основная наша пища сейчас - морковь и помидоры, которые пока еще растут на огороде. На рынке гетто продаются лучшие яблоки, сливы и груши, но, к сожалению, все это не для нас.

Сентябрь 14 (понедельник). Случайно попала в бригаду. Была недалеко от рыбного рынка. К моему большому удивлению, речи и мысли евреев только и вращаются вокруг пакета. Хотя нам запрещено что-либо пронести в гетто или вообще что-нибудь покупать, наши люди рискуют и покупают. Спрятав продукты в разных местах одежды, пытаются пронести через ворота. Даже имея при себе 5 килограммов, ухитряются «чисто» пройти проверку. (...)

Сентябрь 15 (вторник). Скучно. Голод ощущается все больше и больше. Нет новостей, которых мы так жаждем. Я благодарю Бога, что у меня есть книги. Когда кругом свирепствует осень, я сижу, съевшись, в комнате и читаю свое богатство - Детскую энциклопедию. Стоит только углубиться в эту книгу, и ты забываешь об осени, голоде и холоде. Ты забываешь обо всем. Перед тобой открывается все то, что пережили и выстрадали люди, изобретая разные новшества: машины, книги и др. И как из-за своих изобретений, приносящих пользу человечеству, они подвергались страшным мучениям, сжигались на кострах. (...)

Сентябрь 21 (понедельник). Открылась старая рана - начался учебный год. Больно мне, очень больно, что еще один год пропадает. Но ничего не поделаешь. Утешаю себя чем только могу. (...)

Сентябрь 22 (вторник). У ворот проверяет еврейская полиция. Литовцы все пропускают, только евреи сами отбирают. Люди очень возмущаются таким поведением. По ночам через забор идет торговля. Часовые подкупаются, поэтому они «ничего не видят». Наше положение понемногу улучшается. Продаем последние вещи. Что будет дальше - не знаю. На фронте бои идут все еще у Сталинграда. Бои идут уже на улицах, но немцы пока еще не могут взять город. (...)

Сентябрь 24 (четверг). Осенняя погода. Солнце борется с дождем, желтые листья шелестят от порывов ветра, а люди копают картошку. Всё это так привычно, так мило. Сегодня в гетто был один инцидент:

когда ввозили дрова - под ними нашли муку. Это так не пройдет. Пока арестовано пять человек. Думают, что их расстреляют. (...)

Сентябрь 26 (суббота). Надо потесниться. Каждому человеку теперь дается 2,4 метра. Мы принимаем к себе еще двух людей. Я опять буду спать в спальне. Будет очень неудобно. Сегодня целый день занимались перестановками, поэтому нет времени писать. (...)

Октябрь 8 (четверг). Папа недомогает, я этим озабочена. Сегодня нас обрадовало известие о гибели нескольких кровопийц из NSKK. Среди них и заклятый наш враг Иордан, наконец, свернул себе шею. Его труп привезли в Каунас. *(Фриц Иордан - гауптштурмфюрер СС, референт немецкого комиссара в Каунасе «по еврейскому вопросу» и фактический комендант Каунасского гетто. - Прим.)* (...)

Октябрь 13 (вторник). Ходят слухи, будто понадобится 300 человек отправить в Ригу. Думаем, что найдется много добровольцев, потому что от ранее высланных были письма, что они там прекрасно живут. Но все-таки в гетто очень беспокойно. (...)

Октябрь 16 (пятница). Вот и грянул гром: официально объявлено, что требуется 150 мужчин и 150 женщин для отправки в Ригу. Началась большая паника. Добровольцев нет. Будет плохо, если начнут брать насильно. У ворот проверка стала строже, ничего больше не пропускают нести - ни в сетках, ни в торбах. Но люди ухитрились сделать двойные подкладки, двойные подошвы, в шапки ухитряются складывать яйца и таким образом еще кое-что приносят в гетто. Но разве много спрячешь? (...)

Октябрь 18 (воскресенье). Тревожные дни. Опять оханье, плач. Опять разделяют семьи, отделяют мужчин от женщин. Прямо страшно, что здесь творится. Мы живем недалеко от кутузки, откуда раздаются душераздирающие крики младенцев. Никто из отправляемых в Ригу не надеется возвратиться, так же как и мы не надеемся когда-либо их увидеть. Однако нужного числа людей (300) все еще нет. Дело в том, что многих освобождают по протекции, а на их место ищут других. *(Сказка без конца.)* (...)

Октябрь 28 (среда). Годовщина. *(28 октября 1941 года в Каунасском гетто была проведена так называемая «Большая акция». Во время этой «акции» угнали из гетто почти 10 000 узников и 29 октября 1941 года расстреляли их на IX форте, расположенном недалеко от гетто. - Прим.)* Нет! Не верится, что так скоро, словно в мгновение ока, может промчаться год. Печальная годовщина. Но нельзя жаловаться. Я почти рада, что все это

1935 год. Спустя всего несколько лет именно Витя (слева) после побега Тамары из гетто спрячет её дневник в жестяную коробку и закопает под окнами дома... А пока - пока мирная жизнь!

1946 год. После войны от большой семьи Лазерсон остались только брат и сестра...

Спасённую из руин сожжённого гетто рукопись Тамаре удастся вывезти в эмиграцию и издать.

Фото на странице - из книги «Записки из Каунасского гетто» В. Лазерсона, Т. Лазерсон-Ростовской.

было в прошлом году, что уже произошло то, что должно было произойти. Правда, мы не можем знать, что ждет нас в будущем, но об этом лучше не думать, братцы. Пусть свершится то, что неизбежно, а пока мы довольны куском сухого хлеба и теплой кроватью. (...)

Ноябрь 2 (понедельник). Неприятный день. Меня «отрезали» от бригады и послали на аэродром. Впервые я попала на аэродром. Но это еще ничего - главное, что по возвращении в гетто нас, 8 женщин, без всякой вины посадили в кутузку. Это уже была беда: холодной ночью спать в не-топленном помещении, лежа на голых нарах. Лежала, прислушиваясь к урчанию в животе. Камера была битком набита. В углу стояла параша. Ужасная вонь не позволяла сомкнуть глаз. Эту ночь я никогда не забуду. Лежу за двойной решеткой и думаю: за что? Ничего дурного мы не совершили. Вот настали времена! Мало того, что немцы нас судят и убивают, как им заблагорассудится, так еще и своя полиция своевольничает. Мне еще повезло: с утра папа меня освободил при помощи витамина «П» (*так называли протекцию.* - Прим.). Других отправили прямо из кутузки на работы. Вернулась домой измученная, но веселая. Вот, говорю, двух зайцев одним махом убила. На всякий случай спросила папу, останется ли сейчас пятно на всю мою жизнь - ведь я уже теперь и в тюрьме побывала... (...)

Ноябрь 9 (понедельник). Сильно похолодало. Я по возможности стараюсь реже выходить на улицу. Думаю много. Иногда сердце вырывается из грудной клетки, воспоминания волнуют и мучают. Тяжело бывает в такие минуты. Но я научилась заглушать сердечную боль. Воспоминания заставляю умолкнуть и черпаю настоящую жизнь полной мерой. Часто болит сердце при воспоминании о подруге Изольде. Но и ее вместе с другими пытаюсь вытеснить из сердца и не могу, ибо эта рана слишком глубокая. (...)

Ноябрь 13 (пятница). Случаются еще разные инциденты между нами и не совсем нормальными немцами, но намного реже, чем в прошлом году. Например: в одной бригаде недавно нашим на обед сварили кошек. Конечно, никто их не ел. Пожаловались начальству, которое поддержало нас. Ну мало ли попадается ненормальных людей.

Ноябрь 14 (суббота). Немцы уже устали стоять у Сталинграда. Гетто призывает жертвовать стулья, чтобы они могли там посидеть (один из новейших анекдотов). Много смешного придумывают наши люди по поводу Сталинграда. Однако русские показали большое упорство, отстаивая матушку-Волгу. (...)

Ноябрь 16 (пон.). Ну, говорили люди и накликали беду. Вчера вечером один не совсем нормальный спекулянт стрелял в коменданта. Была страшная ночь, все приготовились умереть. Стрелявшего арестовали, также арестовали трех ответственных людей из комитета и взяли еще 20 заложников. Ночью в гетто никто не спал. Все были уверены, что за такое дело нас ожидает смерть. Но, слава Богу, ночь прошла спокойно, а с утра поползли утешительные слухи, будто он выстрелил только в воздух и поэтому гетто не угрожает никакая опасность.

Ноябрь 17 (втор.). Заложников освободили. Сегодня вывешено объявление от имени СД, что никакой акции в гетто не будет. Предупреждают, чтобы не смели поднимать панику, а кто посмеет поднимать панику - будет повешен. И второе объявление, требующее сдать имеющееся в гетто оружие, так как у стрелявшего были найдены два пистолета, полный портфель золотых часов и колоссальная сумма денег. После того как вывесили объявление, люди успокоились.

Ноябрь 18 (среда). Несчастный преступник после страшных мучений был сегодня публично повешен. Виселицу соорудили возле комитета. Сам комендант выгонял из домов людей, чтобы посмотрели на это жуткое зрелище. Я, эта взбалмошная девчонка, не смогла преодолеть любопытство и тоже пошла посмотреть виселицу. Картина вовсе не такая жуткая. Только жалость охватывает, глядя на человека, столь много выстрадавшего. Хотя другие говорят, что не надо его жалеть, ибо своим глупым поступком он мог погубить все гетто. (...)

Ноябрь 24 (вторник). Давно не читала книг. Сейчас их дьявольски трудно достать. Кроме того, вечерами темно, потому что выключают электричество. В темной и нетопленной комнате ничего другого не остается делать, как только лечь в кровать, поэтому в семь, а часто и в шесть часов я уже лежу. Это самое плохое время, ибо, когда лежишь в темноте, мучают неумолимые воспоминания о прошлом и никак нельзя от них избавиться. Сон проходит, и я так мучаюсь до полуночи. (...)

Декабрь 6 (воскресенье). Сегодня, читая газету, увидела соболезнование семье Доминас. Что случилось? Оказывается, погиб Генрикас. Что и как - не написано. Я остолбенела. Погиб Доминас, погибла Изольдина и моя любовь. Дальше газету не смогла читать. В голове роились печальные мысли. Так друг за другом гибнут, умирают друзья детства. Когда же мой черед? Смерть, о, всемогущая смерть! Что значит вся жизнь перед одним мгновением смерти?! (...)

Декабрь 11 (пятница). Чтобы немного забыться, в гетто стали устраивать концерты. Вот, к примеру, завтра будет ужин для врачей. Приготавливают несколько бутербродов, стакан чая и программу, состоящую из творчества гетто. Есть очень красивые песенки и стихи. Итак, люди забываются на один вечер и чувствуют себя вроде бы в другом мире. (...)

Декабрь 17 (четверг). Говорят, что все союзные государства объявили протест: в течение двух минут было остановлено движение и люди склонили голову, сочувствуя нам. Очень приятно, что нас вспоминают. Но что из этого?

Декабрь 18 (пятница). В гетто настроение подавленное. Дело в том, что немцы уже отреагировали на вчерашний протест. Идут слухи о манифестациях в Германии и что каждую минуту по радио передают: «Евреев надо уничтожить. Евреев надо уничтожить!» В гетто началась паника. (...)

Декабрь 31 (четверг). Мрачная новогодняя ночь. Решается наша судьба. Суждено ли нам в 1943 году увидеть солнце? Стараемся быть веселыми, но это нам не удастся. Не желая нарушать традицию, сделали сегодня хотя бы ужин получше. Не думайте, даже с кислой капустой. В двенадцать часов раздаются выстрелы - это встречают в городе Новый год. Но мы молчим, не слышим. Мы давно, не дождавшись двенадцати, заснули.

1943

1943 год. УРА!!!

Январь 2 (суббота). В связи с Новым годом у наших рабочих несколько свободных дней. Работы на аэродроме уже почти закончены - там теперь работают только женщины. Для мужчин есть еще худшая каторга - строительство Зеленого моста. Работа там очень тяжелая. Поэтому, точно как в прошлом году ловили людей для работы на аэродроме, так сейчас ловят для работы на Зеленом мосту. (...)

Январь 22 (пятница). Завершился последний акт трагедии с Гайстами. Его расстреляли на IX форте, а она, бедняжка, отравилась. Жаль. Траур в сердце из-за этой несчастной пары.

Январь 24 (воскресенье). Получила «службу». Каждый день приношу соседке (наши соседи пожилые люди. Зубной врач Тверье и его жена. Им не дойти до обледенелого колодца за водой) три ведра воды и зарабатываю одну марку. Тоже заработок! Ах, все это ерунда. Я соскучилась по

друзьям, по любви. Бешусь, злюсь, горит во мне огонь, сама не пойму, что со мной творится. (...)

Март 8 (понедельник). Самое большое мое желание наконец исполнилось. Меня приняли в ремесленную школу на курс огородников. Сегодня была на комиссии. Все в порядке. Как только закончит занятие первая группа, начнем заниматься мы. Кроме того, открылись еще курсы шитья, но я туда записываться не хочу.

Апрель 4 (воскресенье). Почти целый месяц не писала. Сейчас я уже работаю в ремесленной школе. Я очень довольна. Лекции весьма интересные. Мы записываем, потом учим. Меня сейчас совсем нельзя узнать, ибо я работаю и учусь на благо нашей Родины - Эрец-Исраэль (*Израиль*. - Прим.). Сегодня отдала довольно большую статью в стенную газету. Статью кончила девизом: «Вперед, за работу, друзья! Нас ждет Эрец-Исраэль». Весело...

Апрель 7 (среда). Радость! Ликуй, ликуй, сердце, целуйте, уста, этот маленький листочек от Казиса. Думала, что он забыл меня, но нет, вот и прислал привет. Не могу прийти в себя от радости. Это великолепнейший, интереснейший роман, роман моей жизни и любви. Помешавшись от счастья, любви и радости, сочинила стишок, в котором прекрасно отражается мое помешательство. (...)

Май 13 (четверг). Здравствуй, мой дорогой дневник. Я опять устремляюсь к тебе. Только прости, что так долго не писала. Зато много, много тебе сегодня расскажу. Ну, начинаю. От Казиса получила всего два письма. Уже начинала воспламеняться любовь в моем сердце, но он ее погасил. Ну, к черту! Продолжаю работать в оранжерее три раза в неделю. Блоком «С» я очень довольна: отличная компания, весело. Я учусь хорошо. Мой огород замечательный. Сегодня уже ела первую редиску. Посадила помидоры. Красота! На днях в гетто было плохое настроение, но сегодня отличное, кажется, еще месяц - и мы свободны. Об этом я уже мечтаю. Политические новости тоже хорошие. Немцы изгнаны из Африки, им предложен мир. Геринг и Геббельс отправились в Рим. Ждем, ждем свободы, сердце бьется сильнее в груди. Может быть, через неделю отворят, откроют ворота тюрьмы. Жди меня, Родина дорогая, я скоро буду. Еще немного, и тогда я твоя, о Эрец-Исраэль!

Май 20 (четверг). Неделя промчалась как дым, а я все еще с желтой звездой «почета». Сейчас регистрируют детей от 13 до 16 лет. Надо обязательно явиться. Наверное, организуют детскую бригаду. (...)

Май 25 (вторник). О боже! С болью в сердце возвращаюсь к тебе, милый дневник. Я не могу стерпеть и надеюсь на твоих страницах излить всю боль, что давит меня. О, была ночь! Восхитительная и страшная ночь! Эту ночь я не так скоро забуду. Она многое мне открыла. Только сейчас я увидела, насколько была слепой. Как испорчена, как развращена молодежь гетто! Вместо того, чтобы отдаться священному чувству любви к Родине, к своему ближнему, они предаются разврату. Они свили себе гнездо в блоке «С». Несколько опасных ребят-первокурсников испортили всех остальных детей. На блок «С» сейчас смотрят как на гнездо разврата. Мне противно, я не могу этого понять. Я одна, слабенькая, должна выстоять против всего этого. (...)

Август 2 (понедельник). Настроение плохое. Вывезли людей в Кедайнай. Жуткий плач, рыдания, словно перед смертью. (...) Ах, надоела уже война! Погода чудесная. Солнышко жарко греет. Небо синее. Лежу себе в тени и размышляю. Меня целует легкий ветерок. Размышляю о юности, смерти, о жизни. Размышляю об уходящих днях, о прошлом, а может быть, и о Казисе. Но он разочаровал меня. С ним связывала большие надежды и большую любовь. Сейчас не люблю его больше. Его место занял Вовик. Уччу древнееврейский, грудный, но красивый язык. (...)

Август 10 (вторник). Вчера приезжала в «веркштаты» экскурсия - гитлерюгенд. Они приехали посмотреть на работающих евреев, как будто в зоологический сад. Для них это развлечение.

Сентябрь 3 (пятница). Дождь. Небо пасмурное, настроение мрачное. Ужасные, ужасные дела творятся. Как я вчера узнала, немцы, отступая, забирают с собой малолетних детей от 2 до 10 лет. Эшелоны с этими детьми прибывают в Литву. Тут часть детей уничтожается, а остальные продаются по 2-3 марки за ребенка. Ужасно! Волосы становятся дыбом, когда слышишь о такой жуткой действительности. Ах, вот до чего докатилась культура Западной Европы! Так всё, вся культура движется не вперед, а назад. Не хватает только того, чтобы немцы стали жрать живых детей. Вот к чему приводит война! Вот к чему приводит утверждение, что войны ведутся ради будущего других поколений, а следующие поколения заявляют опять то же самое - что тоже воюют ради следующих поколений. И так от века к веку человечество опускается, культура приходит в упадок, и... мир катится вниз. (...)

Сентябрь 10 (пятница). Несколько дней тому назад было похоронное настроение - страшные слухи «казернирунг» (*буквально «перевод на ка-*

По разным данным, фашисты создали от 7000 до 42 000 лагерей и гетто для европейских евреев во время Второй мировой войны. Почти все узники еврейских гетто были уничтожены во время холокоста. Нюрнбергский процесс признал жертвами Шоа (катастрофы европейского еврейства) 6 000 000 евреев Европы.
На фото - Минское гетто.

Фото с сайта holocaustresearchproject.org

зарменное положение», а по сути превращение гетто в концлагерь и важный шаг на пути к ликвидации гетто. - Прим.). Это пугающее слово передается из уст в уста, все дрожат. (...)

Сентябрь 18 (суббота). Настроение плохое. «Казернирунг» состоится на все 100%. Сегодня было последнее заседание. Огромное несчастье неизбежно. Увы... Страшная неизвестность, что сейчас будет? Расстреляют? Останемся жить? Страшно. Лучше уж смерть, чем неизвестность. Болит сердце. Не знаю, что теперь делать. Виктор принес плохое известие, будто бы Рудик расстрелян. Он встретил человека, который был вместе с Рудиком на VI форте. Нет! Нет! Не хочу! Я не верю. Нет! Не может этого быть. Сердце говорит - нет, губы твердят - нет. Мало ли смуглых людей? О Боже, как страшно. Братик, ты жив еще, я знаю. В ответ тишина, жуткая тишина. Что же вы молчите, стены? Кричите, говорите, успокаивайте мою душу, прошу только одно словечко, самое дорогое - **НЕТ!**

Сентябрь 20 (понедельник). Туман покрывает небо, грусть - сердце. Настроение подавленное. Лагерь, «казернирунг» - эти страшные слова передаются из уст в уста. Перед глазами вижу мрачную картину смерти. Гетто переживает последний и самый опасный этап. Фронт приближается. Беспокойно бьется сердце. Настроение у меня плохое. Смерть кажется страшной, жизнь привлекательной. Сегодня должно окончательно проясниться положение - два начала борются: кто победит, жизнь или смерть? Надейся, надейся, только в надежде твоя жизнь. Надейся и жди. Вечный Жид. Позавчера откровенно побеседовала с Рашей, открыла ей свою душу, рассказала о своих желаниях, о своих делах. Она, кажется, осталась мною довольна. Я ее горячо люблю. Раша - вот это человек, - твердит мое сердце, - ты по сравнению с ней червяк, упрекаю сама себя. (...)

Тестамент (завещание)! После моей смерти передать Раше эту половину моей души (дневник). (...)

Октябрь 1 (пятница). Новый год! Праздник. Наш Новый год. Волнения. Застрелили Савицкаса. Очень жаль его. Опять всплыл «казернирунг». Настроение страшное, напоминающее первые дни в гетто. Этот новый комендант, этот Гекке - паршивый тип. Так ничего. (...)

Октябрь 6 (среда). Самочувствие плохое. Слабость дает о себе знать. Начала бояться. Говорила с Цилей: жизнь так интересна! Виктор что-то готовит. Я начала шпионить за ним. Вроде хочет убежать или связался с какой-то организацией, а может, прячет оружие, кто его знает? (*Виктор*

принадлежал к сионистской группе «Бейтар», входившей в подпольную сионистскую организацию МАЦОК. - Прим.) (...)

Октябрь 23 (суббота). Чудесная осенняя погода. Многие люди убегают из лагеря. Большинство присоединяется к русским партизанам. Опасаемся несчастья. СД заняли блоки и уже построили вокруг них забор. Говорят, что ликвидируют ремесленную школу. Я ко всему равнодушна. Надоело сидеть в лагере, всем сердцем тянет в город, хочется идти в бригаду.

Октябрь 26 (вторник). Жутко. В половине шестого утра нас разбудили страшные крики: «Гетто окружено, на улице Варню находятся 50 грузовиков!»

Все поднялись, началась паника. То тут, то там виднелись испуганные лица женщин и детей. «Акция!» - мелькнула первая мысль. Но нет! Через короткий промежуток времени выяснилось, что берут на работу. Со списком в руках от дома к дому шли немец и два еврея. Приказано: собраться и отправляться. Увезли Розу, Иру, Люсю, Баронов, боюсь за Рашу. Мы уложили вещи и ждем своей судьбы. Я смелая. Люди утомлены, равнодушны: «Если не сегодня, так завтра»... Бог знает, где лучше. А смерть только одна. Утешением служит то, что вчера вывезли 1800 литовцев. Сажу и жду, что будет. Смотрю через окно - не идут ли за нами...

Ноябрь 3 (среда). И на сей раз буря прошла стороной, не затронув нас. Вывезли на работы 4000 человек. Отделили мужчин от женщин и разделили всех на три группы. Одна партия прибыла в Ригу, другая - в Запишкис. Но точных сведений нет. (...)

Ноябрь 13 (суббота). Опять 300 человек оторвали из гетто и отправили в Марьямполье на работы по прокладке кабеля. Так понемногу отрывают и отрывают людей - пока никого не останется. На этой неделе будто должно начаться «казернирунг», но пока тихо. Фронт приближается, русские уже в 15 км от латвийской границы. В гетто настроение неважное, говорят, что в Шяуляй вывезли всех из гетто. (...)

Ноябрь 28 (воскресенье). Пробил час - «казернирунг» приблизился. Во вторник начинают казернировать аэродром. Большое волнение. Имеются уже списки, кого и где будут казернировать. Люди получают извещения. Настроение плохое. Наша работа (в организации) продолжается. Я чувствую в себе большую силу - она побуждает меня работать без оглядки. Вперед, на смертный бой, друзья! До последней капли крови смогу бороться. Вперед, только вперед!

Ноябрь 29 (понедельник). Необыкновенный день! Руль моей жизни, кренившийся вправо, теперь совершенно выровнялся. Впереди только прямая дорога. Смело смотрю направо и налево. Нет никаких перекрестков, мой путь ведет прямо и прямо, вперед, все вперед. Дороги назад нет. Первая ступень, самая тяжелая ступень, преодолена. Сейчас я буду подниматься все выше и выше, ступень за ступенью на высоту моего народа, на пик победы. Клятва произнесена. Устами вещало само сердце. В комнате царила торжественная тишина. Сейчас я уже истинная дочь моего народа. Буду бороться до последней капли крови ради спасения моих братьев. Хватит мучений! (...)

Ноябрь 30 (вторник). Сегодня бригады не ушли в город. Первый «поезд» уехал. Я была на «станции». Страшная картина: вся ул. Крикшчюкайчэ полна людей, тюков, малых детей. Люди держались - на их лицах застыло ледяное выражение. Нет более слез! Подъезжает грузовик за грузовиком. Евреи садятся, втаскивают вещи, оглядывают последний раз гетто, и грузовик трогается. Тогда начинают махать шапками, носовыми платками, что у кого есть. На глазах выступают слезы, у некоторых прорываются рыдания, и это все... Так уезжают люди из жизни и, как овечки, все еще с надеждой, въезжают в ворота смерти...

Декабрь 5 (воскресенье). Декабрь. Лежит глубокий снег. На дворе холодновато. Виктор был у Казиса, принес мне привет. К. ищет для меня укрытие. Я тоже не хочу быть наивной овечкой. Вчера работала ночью. Наша работа продвигается вперед. Хоть это меня радует. Я полна энергии. Что касается переселения, то первый район еще не переселяется, но ходят слухи, что придется нашему району переселяться. С «казернирунг» тоже есть время, по крайней мере, до Нового года. Я колеблюсь. Передо мной четыре перекрестка. Куда мне свернуть? Посоветуй мне хотя бы ты, Иисус, когда-то я так тебя любила! Казис в шестом классе. Еще два года, и он кончает. Словно ножом уколело в сердце. А что будет со мной? Кем я стану? Открылась старая рана - учеба, учеба... Три потерянных года. О боже! Вспомнилось прошлое. Класс за классом я поднималась все выше и выше, но вдруг стоп, препятствие, и уже три года я не учусь. Трудно утешить себя. Но только не убивайте, не губите меня. Я еще достигну своего! (...)

1944

Январь 1 (шабат). Первое января - новая страница в нашей жизни. Рассвело новогоднее утро. Завершилась летопись старого года, запол-

ненная страданиями и слезами. Перевернута последняя страница, полная горя. Все жестокие события, вся пролитая кровь невинно загубленных жертв - все в ней отмечено, и Тебе, 1943-й год, придется ответить перед судом Божиим и выдать виновных. На страницах истории будешь Ты, 1943-й, отмечен как самый кровавый и жестокий год для еврейского народа. Что хорошего принес Ты? Ничего, ничего! Зато плохого так много! Уже с самого начала Твоей власти, еще при царствовании молоденького января, какие акции совершал в Вильнюсе? А? Признайся! Что с Гайстами сделал? А когда вывозили людей в Кедайняй? Скажи! Когда продавали русских детей? Когда отправляли в Кайшиядорис, разрывая семьи пополам? А страшная черная туча «казернирунг», которая - то приближаясь, то удаляясь - только издевалась над бедными страдающими людьми. Когда погиб Савицкас? Вспомни, 26 октября - самый страшный день изо всех дней, за этот один день будь Ты проклят! Три тысячи людей были вырваны из гетто и отправлены куда-то в холод и грязь в чужой Эстонский край. Сироты! (...)

Что? Ты молчишь? Молчишь, у Тебя нет слов для оправдания! Виновен Ты, проклятый год, к суду призываю Тебя - будь проклят, будь проклят! За все кровавые жертвы придется ответить Тебе, кровавый 1943 год! (...)

Январь 23 (воскресенье). (...) Уже вечер. Кончится это счастливое воскресенье, и завтра опять на работу. Ежедневно в бригаде та же картина: женщины, как стадо скота, подгоняемые пастухом с ружьем в руках. Так бегут дни, недели, месяцы, и все одно и то же. И каждый день идешь в бригаду, считаешь часы - уже 12, уже обед, еще через пару часов уже пять, шесть и, наконец, благословен будь час, идем домой. Эта дорога: шлепанье по грязи, по лужам и ругань, оханье измученных существ. Наконец - ворота, гетто. Уже дом! Кажется, счастье, но нет, ведь завтра опять то же самое. Точечка в точечку повторяется день. День чернорабочего, день бедолаги.

И этот постоянный зов - хлеба и света! Вокруг лишь голод и мрак. Нет ничего для души, нет пищи для ума. Человек-машина недолго тянет. Его здоровье пожирает фабрика - мрачная убийца. Она вбирает в себя здорового, мускулистого юношу с красивыми мечтами и ясным умом. А выбрасывает почерневших, преждевременно постаревших, никуда не пригодных людей-инвалидов. Да, жизнь так мрачна. Необразованный человек ничего лучшего не видел: он не знает, что такое зна-

ние, его дни пробегают впустую, он отдает свою физическую силу, он заменяет собой машину. Но ненасытная машина высасывает его силы и отбрасывает прочь. Человек умирает. На его место становится другой юноша и кончает тем же. Все кончат так же. Но я, я на это не согласна, я хочу учиться, я хочу столь недостижимого. Я хочу быть образованным человеком и просвещать мир. И вот, когда в моей голове такие мечты, такие стремления, я должна сидеть сложа руки в неволе и смотреть, как проходят лучшие дни моей жизни! Впустую, без надежд на будущее, без чего-нибудь реального в настоящем, лишь с пустыми фантазиями в голове. Страшно. Промчалось жутких три года, и никто мне их не возвратит... (...)

Март 7 (вторник). Сегодня я дома. Всю неделю работала. Вчера был мой день рождения. Исполнилось 15 лет. (...)

Март 27 (понедельник). Акция. 1500 малых детей и старых людей вывезены на форты. Сорок еврейских полицейских кончили свою жизнь на IX форте. Других продержали несколько дней и за сообщенные сведения освободили. Многие убежища обнаружены. Погибло молодое поколение - дети до 12 лет, погибли старики, погибнем и мы. (...) Были и героические матери, которые собственными руками душили своих детей, которые настаивали, чтобы сперва убили их и только потом забрали детей. А дети? Молодые родители отдали все, что было для них самым дорогим. Муж нес на руках до грузовика стариков родителей-инвалидов, жена несла малюток. Жутко! А солнце какое было! И оно улыбалось...

Март 28 (вторник) (продолжение). Думала, что уже конец. Всем. Кровавая трагедия. Не хватает слов писать. Я оба дня была на работе. О, бедные, бедные матери, вернувшиеся с работы домой и не нашедшие своих детей. И к кому, к кому осталось обращаться? Бога нет - он посылает солнце смеяться, люди предатели, один хуже другого. Они выдают детей, которых удалось спрятать. Богу, братству, идеалу Ч всему пришел один конец. Над всеми властвует инстинкт жизни и смерти...

Апрель 4 (вторник). На первый взгляд, кажется, все успокоилось. Кого не коснулась беда, тот остался спокоен. У кого вырвано сердце, рана от сострадания не заживет, ой не заживет. Сытый голодного не разумеет. И все же гетто нам ничего хорошего не обещает. Кто может, убегает. Ясно, вначале старых, потом молодых...

Апрель 7. Побег.

ДНЕВНИК
МАШИ
РОЛЬНИКАЙТЕ

Она не писала этот страшный дневник - в 14 лет она учила его наизусть. В камерке гетто, на нарах концентрационного лагеря, бок о бок со смертью. «Что будет с тобой - то будет с этими записками», - говорила Маше мама. И Маша твердила, слово за словом. Смерть прошла мимо неё. Но унесла с собой маму и младших брата и сестру, сгоревших - предположительно, даже место их смерти точно ей неизвестно! - в печах Освенцима. Унесла и ещё многих героев её записок, которые приходилось прятать от фашистов в самом надёжном месте - собственной памяти.

После освобождения из концлагеря Штуттгоф Маша, с выбитыми надсмотрщиками зубами, выдранными волосами, пройдя через проверки уже советских властей, вернулась в Вильнюс, нашла отца, к тому времени женатого на другой, и записала всё, что вытвердила от буквы до буквы, в три толстые тетради и спрятала их в ящик стола.

Но прошло немного времени, после того как евреев загоняли в ограждённые высокими заборами клетушки в городах, а потом - в газовые камеры, как «снова началось: новая волна антисемитизма, убийство Михоэlsa, развал Антифашистского комитета, «дело врачей»... Как будто не было б замученных миллионов людей!» - рассказывала сама Маша, Мария Григорьевна, в шутервью «ЛиФ». И она достала три тетрадки. «Что будет с тобой, то будет с этими записками...» Их напечатали под названием «Я должна рассказать». Перевели на 18 (!) языков мира. И кажется, что не сделали выводов... «Ведь сколько ни утекло воды со времён, о которых я рассказываю, а люди не стали друг друга больше любить. Возьмите отношение к гастарбайтерам, возьмите братские народы русских и украинцев! Везде, то вспыхивая, то стихая, бушует вражда. И для меня это большое место - то, что люди продолжают ненавидеть друг друга. Я не знаю, откуда берётся эта желчь. Но я должна рассказать!»

Она живёт в Санкт-Петербурге, куда переехала после окончания Литературного института к мужу-инженеру, живёт уже одна. Работает: пишет от руки, потом долго набирает тексты на старом компьютере... Писательница Рольникайте пишет всегда на одну тему - даже когда отходит от документалистики, вся её художественная проза, все её герои - оттуда, из застенков. «Мне как-то сказали: «Ну почему вы всё пишете о грустном, Мария Григорьевна? Пишите о любви!» У меня ком встал в горле». Потому что она вся - о любви. Несбывшейся, затоптанной, расстрелянной, убитой. Полной надежды - что когда-нибудь люди станут другими.

Осень 1943 г.

(...) Из гетто тянется нескончаемый поток. Надоедливый дождь не прекращается ни на минуту. Мы уже совсем промокли. Течет с волос, с носа, с рукавов. Мама велит детям выше поднять ноги, чтобы не промокли. Рядом с нами другая мать устраивает для своих детей тент: воткнула в землю несколько веток и накрыла пальто. Как странно в такое время бояться насморка...

Мама плачет. Упрашиваю, хотя бы ради детей, успокоиться. Но она не может. Только взглянет на нас и еще горше плачет.

А люди все идут и идут... В гетто мы думали, что нас меньше. Скоро стемнеет. В овраге уже стало тесно. Одни сидят на месте, другие почему-то ходят, бродят, перешагивая через людей и узлы. Очевидно, потеряли своих.

Темнеет. Пока еще видно, буду смотреть на деревья, птичьи гнездышки, ветви, на далекие дома, на каждое их окно. Ведь, наверно, всего этого больше не увижу. Все живет: каждый листочек, капелька дождя, даже малюсенькая мушка. Она и завтра будет жить, а нас уже не будет... Нет! Я не пойду в Понары! Я останусь здесь! Зароюсь в землю, но никуда не пойду! Я не хочу умирать!

Но ведь и те, ранее расстрелянные, тоже не хотели...

Стемнело. Все еще идет дождь. Охранники время от времени освещают нас ракетами. Стерегут, чтобы мы не убежали. А как убежать, если их так много?

Рувик вздрагивает во сне. Он задремал, уткнувшись в мое плечо. Его теплое дыхание щекочет мне шею. Последний сон. И я ничего не могу сделать, чтобы это теплое, дышащее тельце завтра не лежало бы в тесной и скользкой от крови яме. На него навалятся другие. Может, это даже буду я сама...

Опять выпустили ракету. Она разбудила Рувика. Широко раскрыв глазки, он испуганно огляделся. Глубоко, совсем не по-детски, вздохнул.

Раечка не спит. Она уже совсем замучила маму вопросами: погонят ли в Понары? А как - пешком или повезут на машинах? Может, все-таки повезут в лагерь? Куда мама хотела бы лучше - в Шяуляй или в Эстонию? А когда расстреливают - больно? Мама что-то отвечает сквозь слезы. Раечка гладит ее, успокаивает и, подумав, снова о чем-то спрашивает. (...)

Охранники велят нам вставать и подниматься наверх, во двор. Вещи промокли, облеплены грязью. Но они и не нужны. Чемоданчик я все-таки взяла, а узел так и оставила торчащим в грязи. Во дворе толкотня. Еле-еле продвигаемся к противоположным воротам. Чем ближе к ним, тем больше давка. Неужели не выпускают? Из оврага приходят все новые и новые. Разве удержишь такую массу? Нас уже совсем сдавили. (...)

Оказывается, ворота закрыты. Пропускают только через калитку. Приближаемся и мы. Выпускают по одному. Мама беспокоится, чтобы мы не потерялись, и велит мне идти первой. За мной пойдет Рувик, за ним Раечка, а последней - мама. Так она будет видеть всех нас.

Выхожу. Солдат хватает меня и толкает в сторону. Машин там не видно. Поворачиваюсь сказать об этом маме, но ее нет. Поперек улицы - цепочка солдат. За нею - еще одна, а дальше большая толпа. И мама там. Подбегаю к солдату и прошу пустить меня туда. Объясняю, что произошло недоразумение, меня разлучили с мамой. Вон она там стоит. Там моя мама, я хочу быть с нею. Говорю, прошу, а солдат меня даже не слушает. Смотрит на выходящих из калитки женщин и время от времени толкает то одну, то другую в нашу сторону. Остальных гонит туда, к толпе.

Вдруг я услышала мамин голос. Она кричит, чтобы я не шла к ней! И солдата просит меня не пускать, потому что я еще молодая и умею хорошо работать...

Еще боясь понять правду, я кричу изо всех сил: «Тогда вы идите ко мне! Иди сюда, мама!» Но она мотает головой и странно охрипшим голосом кричит: «Живи, мое дитя! Хоть ты одна живи! Отомсти за детей!» Она нагибается к ним, что-то говорит и тяжело, по одному, поднимает, чтоб я их увидела. Рувик так странно смотрит... Машет ручкой...

Их оттолкнули. Я их больше не вижу. Влезаю на камень у стены и оглядываюсь, но мамы нигде нет. Где мама? В глазах рябит. Очевидно, от напряжения. В ушах звенит, гудит... Откуда на улице река? Это не река, это кровь. Ее много, она пенится. А Рувик машет ручкой и просится ко мне. Но я никак не могу протянуть ему свою руку... Почему-то качаюсь. Наверно, островок, на котором стою, тонет... Я тону...

Почему я лежу? Куда исчезла река?

Никакой реки нет. Лежу на тротуаре. Надо мной наклонились несколько женщин. Одна держит мою голову, другая считает пульс. Где мама? Я должна увидеть маму! Но женщины не разрешают вставать: у меня был обморок. А ведь раньше никогда не бывало. (...)

1940 год. Всего через год, оказавшись в Вильнюсском гетто, 14-летняя Маша начнёт вести дневник и учить его наизусть.

Маша и папа стоят справа. Разлучённые, они встретились уже после войны - осколки дружной семьи. Похоронить маму и маленьких брата и сестру они не смогли - тех сожгли в Освенциме.

Фото на странице - из архива М. Ролыняйтис.

Лагерь! Бараки. Они длинные, деревянные, одноэтажные. Окна слабо освещены. Кругом спуют люди. Все почему-то в полосатых пижамах. У одного барака происходит что-то странное: такие полосатые прыгают из окон. Выпрыгнут и бегут обратно в барак, снова появляются в окнах и опять прыгают. А гитлеровцы их бьют, торопят. Люди падают, но, поднятые новыми ударами, опять спешат прыгать. Что это? Сумасшедшие, над которыми фашисты так подло глумятся?

Нам велели все вещи сложить в одну кучу на площадке перед баракком. В бараки с вещами не пустят.

Площадку охраняют два солдата. Здесь же несмело вертятся несколько одетых в полосатую одежду мужчин. Они тихонько спрашивают, откуда мы. Мы тоже хотим узнать, куда попали. Оказывается, мы находимся недалеко от Риги, в концентрационном лагере «Кайзервальде». Если у нас есть курево или продукты - лучше поделиться с ними, потому что гитлеровцы у нас все равно отберут. Прыгающие через окна не сумасшедшие, а самые нормальные люди, наказанные за какую-то ерунду. Здесь за все наказывают, да еще не так. Одеты они вовсе не в пижамы, а в полосатую арестантскую одежду. Убежать нет надежды, потому что через проволоку пропущен ток высокого напряжения. Еды дают очень мало - двести пятьдесят граммов хлеба и три четверти литра так называемого супа. Часто в наказание оставляют на несколько суток совсем без еды. Они голодают. Если мы им ничего не можем дать - они побегут назад, потому что за разговор с женщиной наказывают двадцатью пятью ударами плети.

Наспех вытаскиваю из чемодана свои записки, сую за пазуху. Но все забрать не успеваю: постовой прогоняет.

Нас выстраивает немка, одетая в эсэсовскую форму. Неужели тоже эсэсовка? Наверно, да, потому что она орет и избивает нас... Сосчитав, дает команду бежать в барак и снова начинает бить, чтобы мы поторопились. У дверей давка. Каждая спешит шмыгнуть в барак, чтобы избежать плети. Другая эсэсовка стоит у дверей и проверяет, все ли мы отдали. Заметив в руках хоть малюсенький узелок или даже сумочку, гонит назад положить и это. При этом, конечно, тоже бьет.

Барак совершенно пустой - потолок, стены и пол. На полу сеники, а в углу - метла. Все. Надзирательница кричит, чтобы мы легли. Кто не успевает в то же мгновение опуститься, того укладывает метла. Бьет по голове, плечам, рукам - куда попало. Когда мы все уже лежим, она

приказывает не двигаться с места. При малейшем движении стоящие за окнами часовые будут стрелять. Выйти из барака нельзя. Разговаривать тоже запрещается.

Поставив метлу на место, злая эсэсовка уходит. Женщины называют ее Эльзой. Может, услышали, что кто-то ее так называл, а может, сами прозвали.

Значит, я в концентрационном лагере. Арестантская одежда, прыганье через окно и какие-то еще более страшные наказания. Эльза с метлой, голод. Как здесь страшно! А я одна... Если бы мама была здесь... Где она теперь? Может быть, именно сейчас, в эту минуту стоит в лесу у ямы? И тот же ветер, который здесь завывает под окнами, ломает в лесу ветви и пугает детей! Страшно! Невыносимо страшно!.. (...)

Мама... Раечка, Рувик. Еще совсем недавно мы были вместе. Рувик хотел взять свои книжки. «На свободе будешь читать...»

Свисток! Длинный, протяжный. Смотрю - в дверях опять злая Эльза. Она кричит: «Appell!» «Проверка!» А мы не понимаем, чего она хочет, и сидим. Эльза опять хватается за метлу. Бежим из барака.

Во дворе темно, холодно. Из других бараков тоже бегут люди. Они выстраиваются. Избивая, ругаясь, Эльза и нас выстраивает. Ей помогает еще один эсэсовец. Вдруг он вытягивается перед подошедшим офицером. Рапортует, сколько нас, и сопровождает офицера, который нас сам пересчитывает. Пересчитав, офицер идет к другим баракам. (...)

Нас загнали назад в барак и снова приказали сесть на сеники, не разговаривать и не шевелиться. Сидим. Вдруг я нащупала в кармане папину фотографию (как она сюда попала?). Посмотрела на папу, и стало так грустно, что я разрыдалась. Его нет, мамы тоже нет, а я тут должна одна мучиться в этом страшном лагере. Я здесь никогда не привыкну. И не смогу жить.

Сидевшая рядом женщина спросила, почему плачу. Я ей показала фотографию. А она только вздохнула: «Слезы не помогут...»

В дверях снова выросли эсэсовцы. Приказали строиться. Объявили, что мы обязаны отдать все деньги, часы, кольца - словом, все, что еще имеем. За попытку спрятать, зарыть или даже выбросить - смертная казнь! Офицер с коробкой в руках ходит между рядами. Сбор, конечно, очень жалкий. (...)

В дверях снова Эльза. Ее очень рассмешило, что мы все еще стоим. Поиздевавшись, она велела строиться по двое. Отсчитала десятерых и

увела. Стоявшие ближе к дверям сообщили, что женщин ввели в находящийся на том конце площади барак.

Вскоре Эльза вернулась, отсчитала еще десятерых и опять увела. А первые не вышли... Неужели там крематорий? Значит, нас сюда привезли специально для того, чтобы уничтожить без следа. Несколько женщин, стоявших ближе к дверям, убежали в конец строя. Разве это поможет?

Я - в седьмом десятке. Передние ряды тают, их все меньше. Скоро будет и моя очередь...

Уже ведут... Эльза открывает дверь страшного барака. Никакого запаха. Может, этот газ без запаха? Темноватые сени. У стен набросано много одежды. Рядом стоят надзирательницы. Нам тоже велят раздеться. Одежду держать в руках и по двое подходить к этим надзирательницам.

Руки трясутся, трудно раздеться. А что делать с записками? Сую подмышки и прижимаю к себе. Подхожу. Эсэсовка проверяет мою одежду. Забирает шерстяное платье, которое мама велела надеть на летнее. Прошу оставить теплое платье, а взять летнее. Но получаю пощечину и умолкаю. Теперь эсэсовка проверяет рукава и карманы - не спрятала ли я чего-нибудь. Находит папину фотографию. Протягиваю руку, чтобы надзирательница мне вернула, но она разрывает фотографию на мелкие куски и бросает на пол. На одном обрывке белеют волосы, с другого смотрит глаз. Отворачиваюсь...

Нам приказывают быстро надеть оставленную нам одежду и выйти через заднюю дверь. Оказывается, там стоят все ранее уведенные. А те в бараках еще терзаются, думая, что ведут в крематорий. (...)

Наконец впускают в барак. К большущей нашей радости и удивлению, там стоит котел супа и стопка мисочек. Велят построиться в один ряд. На ходу надо взять мисочку, в которую Эльза нальет суп. Его надо быстро выхлебать, а миску поставить на место. В те же, даже неполоснутые, наливают суп следующим. Ложек вообще нет. (...) Дождалась и я своей очереди. Увы, суп удивительно жидкий. Просто черноватая горячая водичка, в которой величественно плавают и никак не хотят попасть в рот шесть крупинки. Но все равно очень вкусно. Главное - горячо. Только жаль, что еда так безжалостно убывает. Уже ничего не остается. А есть так хочется, даже больше чем до этого супа.

Несу миску на место. Смотрю - гитлеровец подзывает пальцем. Не-

ужели меня? Да, кажется, меня. Несмело подхожу и жду, что он скажет. А он ударяет меня по щеке, по другой, снова по той же. Бьет кулаками. Норовит по голове. Пытаюсь закрыться мисочкой, но он вырывает ее из моих рук и швыряет в угол. И снова бьет, колотит. Не удержавшись на ногах, падаю. Хочу встать, но не могу - он пинает ногами. Как ни отворачиваюсь - все перед глазами блеск его сапог. Попал в рот!.. Еле перевожу дух. Губы сразу одеревенели, язык стал большим и тяжелым. А гитлеровец бьет, лягает, но теперь уже, кажется, не так больно. Только на пол капает кровь. Наверно, моя...

Наконец гитлеровцы ушли. Женщины подняли меня и помогли добраться до сеника. Они советуют закинуть голову, чтобы из носа перестала идти кровь. Они так добры, заботливы, что хочется плакать. Одна вздыхает: что он со мной, невинным ребенком, сделал! Другая проклинает его, а какая-то все старается угадать, за что он меня так избил... Может, неся на место мисочку, я слишком близко подошла к очереди, и он подумал, что хочу вторично получить суп?

Почему они так громко разговаривают? Ведь мне больно, все невыносимо болит! Хоть бы погасили свет! Не рассечена ли бровь? Она тоже болит. А передние зубы он выбил... (...)

На этот раз путь был недолгий. Мы въехали в какой-то большой двор. Он окружен высокой каменной стеной, над нею - несколько рядов колючей проволоки и лампы. Бараков нет. Есть только один большущий дом. В конце двора - навес с болтающимися по углам лампами. Оттуда доносятся очень приятные запахи. Неужели это кухня и нам дадут суп? Нас выстраивает немец в штатском. Темный полувоенный костюм и шапочка, очень похожая на арестантскую. Сосчитал нас и велел не трогаться с места, а сам ушел. Боязливо оглядываясь, к нам приблизились несколько мужчин. От них мы узнали, что лагерь называется Штрасденгоф и находится в предместье Риги Югле. Лагерь новый. Пока что здесь только сто шестьдесят мужчин из Рижского гетто. Женщин еще нет, мы первые. Будем жить в этом большом доме. Это бывшая фабрика. Мужской блок на первом этаже, наш будет на четвертом. Где нам придется работать - они не знают. Сами они работают на стройке. Работа очень тяжелая, тем более что работают голодные. Считавший нас немец, Ганс, - старший лагеря. Он тоже заключенный, уже восемь лет сидит в разных лагерях. За что - неизвестно. У него есть помощник - маленький Ганс. Комендант лагеря - эсэсовец, унтершарфюрер, ужасный садист. (...)

Мне велели носить камни. Мужчины мостят дорогу между строящимися бараками. Другие женщины привозят камни из оврага в вагонетках, а мы должны подносить их каменщикам. Конвоиры и надзиратели ни на минуту не спускают с нас глаз. Вагонетки должны быть полные, толкать их надо бегом и только вчетвером; разносить камни мы должны тоже бегом; мужчины обязаны быстро их укладывать. Все нужно делать быстро и хорошо, иначе нас расстреляют.

Камни ужасно тяжелые. Нести один камень вдвоем не разрешается. Катать тоже нельзя. Разговаривать во время работы запрещается. По своим нуждам можно отпроситься только один раз в день, при этом надо ждать, пока соберется несколько человек. По одной конвоир не водит. (...)

Пальцы я разодрала до крови. Они посинели, опухли, страшно смотреть.

Наконец раздался свисток на обед. Нас быстро выстроили и повели в лагерь. Стоявшие первыми сразу получали суп, а мы должны были ждать, пока они его выпьют и освободят мисочки. Мы их торопили: боялись, что не успеем.

Так и вышло. Я только отпила несколько глотков, а конвоиры уже погнались строиться. Выбили у меня из рук мисочку, суп вылился, а я, еще более голодная, должна была стать в строй.

Опять таскаю камни. Теперь они кажутся еще более тяжелыми. И дождь более надоедлив. Один камень выскользнул из рук - прямо на ногу.

Я еле дождалась вечера. Вернувшись в лагерь, мы получили по кусочку хлеба и мутной водички - «кофе». Я все это проглотила тут же, во дворе, - не было терпения ждать, пока поднимусь на четвертый этаж.

Я уже наловчилась носить камни, так теперь велели их дробить. Я, конечно, не умею. Стукну молотком - а камень целехонек. Ударю сильнее - но отскакивает только осколочек, и тот - прямо в лицо. Оно уже окровавлено, болит, я боюсь поранить глаза. А конвоир кричит, торопит. Один мужчина предложил научить меня, но конвоир не разрешил: я должна сама научиться. Закрываю глаза, плачу от боли и обиды и стучу... (...)

Уже ноябрь. (...) Привезли машину деревянных башмаков. Когда их стругали, я осмелилась подойти к Гансу. Он велел показать ботинки. Потом приказал заведующей камерой одежды выдать мне пару башма-

ков, а ботинки забрать. Жаль было расставаться - последняя вещь из дому, но что поделаешь, если они так порвались.

В камере одежды даже не спросили, какой мне нужен размер. Схватили из груды первую попавшуюся пару и бросили мне. Эти башмаки очень большие, но просить другие бессмысленно - стукнут за «наглость». Засуну туда бумаги, чтобы нога не скользила, и буду носить. Это «богатство» - тяжелые куски дерева, обтянутые клеенкой, - тоже записывают, что, мол, «Hftling 5007» получила одну пару деревянных башмаков. «Заключенная 5007» - это я. Фамилий и имен здесь не существует, есть только номер. Я уже привыкла и отзываюсь. На фабрике им же отмечаю сотканый материал. (Я уже работаю самостоятельно.) На каждых пятидесяти метрах пряжи появляется синее пятно. На этом месте сотканый материал надо перерезать, с обоих концов написать свой номер и сдать. Сдавая, я, как и все, мысленно желаю, чтобы фашисты этот материал использовали на бинты.

Вначале, только научившись самостоятельно работать, я очень старалась и почти каждый день сдавала по пятьдесят метров. Теперь меня научили саботировать - отвинтить немножко какой-нибудь винтик или надрезать ремень, и станок портится. Зову мастера, он копается, чинит, а потом вписывает в карточку, сколько часов станок стоял.

Каждый день у кого-нибудь «портится» станок, и все по-разному. (...)

Я говорила с одной рижанкой, которая знала тетю и дядю, до войны живших в Риге. К сожалению, оба уже в земле. Дядю расстреляли в первые дни, а тетя с двумя детьми была в Рижском гетто. Очень голодала, потому что не могла выходить на работу: негде было оставить детей. Так с обоими мальчиками и увели на расстрел.

Вчерашний ужас и вспомнить страшно, и забыть не могу. Вечером, когда работающие на стройке возвращались с работы, их у входа тщательно обыскивали: конвоир сообщил, что видел, как прохожий сунул кому-то хлеб. Его нашли у двух мужчин - у каждого по ломтю. Во время вечерней проверки об этом доложили унтершарфюреру.

И вот проверка окончена. Вместо команды разойтись унтершарфюрер велит обоим «преступникам» выйти вперед, встать перед строем и раздеться. Они медлят - снег, холодно. Но удары плетью заставляют подчиниться. Нам не разрешают отвернуться. Мы должны смотреть, чтобы извлечь урок на будущее.

Из кухни приносят два ведра теплой воды и выливают им на головы. Бедняги дрожат, стучат зубами, трут на себе белье, от которого идет пар, но напрасно - солдаты несут еще два ведра теплой воды. Их снова выливают несчастным на головы. Они начинают прыгать, а солдат и унтершарфюрера это только смешит.

Экзекуция повторяется каждые двадцать минут. Оба еле держатся на ногах. Они уже не похожи на людей - лысая голова старшего покрылась тоненькой коркой льда, а у младшего волосы, которые он, страдая, рвет и ерошит, торчат смерзшимися сосульками. Белье совсем заледнело, а ноги мертвенно белы. Охранники катаются со смеху. Радуются этому рождественскому «развлечению». Каждый советует, как лить воду. «В штаны!» - кричит один. «Голову окуни!» - орет другой.

Истязаемые пытаются отвернуться, отскочить, но их ловят, словно затравленных зверей, и возвращают на место. А если хоть немного воды проливается мимо, вместо вылитых «зря» нескольких капель приносят целое ведро. Несчастные только поднимают ноги, чтобы не примерзли к снегу.

Не выдержу! С ума сойду! Что они вытворяют!

Наконец гитлеровцам надоело. Велели разойтись. Гансу приказали завтра этих двух от работы не освобождать, даже если будет температура сорок градусов.

Старший сегодня умер. Упал возле вагонетки и больше не встал. Второй работал, хотя еле держался на ногах, бредил от жара. Когда конвоиры не видели, товарищи старались помочь ему как-нибудь продержаться до конца работы. Иначе ему не избежать расстрела. (...)

Эсэсовцы придумали новое наказание.

Может, это даже не наказание, а просто издевка, «развлечение». Скоро весна, и держать нас на морозе уже не так интересно.

После проверки Ганс велел перестроиться, чтобы между рядами оставался метровый промежуток. Затем приказал присесть на корточки и прыгать. Сначала мы не поняли, чего он от нас хочет, но Ганс так заорал, что, даже не поняв его, мы стали прыгать. Не удерживаюсь на ногах. Еле дышу. А Ганс носится между рядами, стегает плеткой и кричит, чтобы мы не симулировали. Только приседать нельзя, надо прыгать, прыгать, как лягушки.

Сердце колотится, задыхаюсь! Хоть бы на минуточку отдышаться. Колет бок! Везде болит, больше не могу! А Ганс не спускает глаз.

Одна девушка упала в обморок. Скоро и со мной, наверно, будет то же самое. Подойти к лежащей в обмороке Ганс не разрешает. Все должны прыгать. Упала еще одна. Она просит о помощи, показывает, что не может говорить. Кто-то в ужасе крикнул: «Она онемела!»

Наконец Ганс тоже устал. Отпустил. Лежащих без чувств не решил поднимать - «симулируют, сами встанут». А если на самом деле в обмороке, значит, они слабые и не могут работать, надо записать их номера. Женщины хватают несчастных и волокут подальше от Ганса. Сами не в состоянии выпрямиться, почти на четвереньках, мы тащим все еще не пришедших в сознание своих подруг. Но только до лестницы. По лестнице не можем подняться. Сидим на каменном полу и ртом хватаем воздух. Некоторые пытаются ползти, но, с трудом поднявшись на несколько ступенек, остаются сидеть. Я все еще задыхаюсь, не могу начать нормально дышать. Прошу одну женщину, чтобы помогла мне опереться о перила - может, придерживаясь, немного поднимусь. Но что это? Еле выдавливаю слово. Чем больше стараюсь, тем труднее что-нибудь сказать. (...)

Вдруг в дверях вырос Ганс. Осмотрел нас, покрутился и как ни в чем не бывало спросил, почему здесь так тихо. Ведь сегодня воскресенье, праздник - надо петь. Молчим. «Песню! - заорал он со злостью. - Или будете прыгать!» Одна затянула дрожащим голосом, другая запищала. Их несмело поддержало еще несколько хрипящих голосов. Пытаюсь и я. Рот раскрывается, а в него текут соленые слезы... (...)

Опять убежали! На этот раз из шелковой фабрики, и уже не трое, а девять человек - семь мужчин и две девушки.

В лагере паника. Снова должен приехать тот же главный шеф. Унтершарфюрер носится как бешеный. Орет на Ганса, что тот не умеет выстраивать «этих свиней». Нам грозит, что всех до одного расстреляет. Охранников пугает, что завтра же отправит их на фронт. Маленького Гансика ругает за то, что здесь много грязи. Увидев въезжающую машину шефа, умолкает. Бежит навстречу, вытягивается и рьяно кричит: «Хайль Гитлер!» Но шеф только зло выбрасывает вперед руку.

На этот раз, даже не считая, отбирает заложников: бежит вдоль строя и тыкает плеткой. Приближается к нам... Идет. Смотрит на меня... Поднимает руку... Плетка скользнула мимо самого лица. Ткнула Машу. Она сделала три шага вперед... Ее заберут!.. Расстреляют!..

Шеф подошел к мужчинам. Работающим на шелковой фабрике при-

казал выстроиться в один ряд. Двух отсчитывает, третьему велит выйти вперед, двух отсчитывает, третьему - вперед. И так весь ряд..

Отобранных выстроили перед нами. Маша тоже стоит среди них. Шеф произносит речь. Мол, виноваты мы сами. Он нас предупреждал: здесь все отвечают за одного. Нам вообще не следовало бы убежать. Ведь работой, крышей и едой мы обеспечены. Надо только хорошо работать, и мы могли бы жить. А за попытку бежать - смертная казнь. Не только тем, которых все равно поймают, но и нам. Черные машины въехали во двор.. (...)

В лагере нас встретила мертвая тишина. Раньше мы на проверку выстраивались вдоль всего здания, а сегодня нас хватило только до дверей...

После проверки снова дали работу. Мужчины носили воду, а мы мыли полы, лестницу, даже крышу - смывали пятна крови.

Оказывается, когда обреченных гнали к машинам, мужчины пытались бежать. Одни полезли через забор, другие бросились в блоки, котельную, туалеты. Конвоиры, стреляя, побежали за ними. В блоках и на лестнице убивали прямо на месте. Двое повисли мертвыми на заборе. Найденного в котельной хотели бросить живым в огонь вместе с прятавшими его истопниками. Но больше всего пришлось возиться с одним рижанином, спрятавшимся в трубе. Его никак не могли оттуда извлечь. Выстрелили разрывными пулями, раздробили голову. Тело потом сволокли по лестнице. Бросили в машину вместе с живыми. На лестнице в лужице застывшей крови остался комочек его мозга. Мы завернули его в бумажку и зарыли во дворе у стены. Вместо надгробья положили белые камушки...

Поздно вечером нас впустили в блок. Непривычно пусто. Разговариваем вполголоса, как будто здесь покойник. Спать ложимся все вместе, в одном углу. (...)

Получен приказ срочно эвакуировать лагерь. (...)

У ворот стоят офицеры. Они нас пересчитывают и впускают внутрь. У входа постовой монотонно предупреждает, что подходить к ограде запрещается - она под током.

Мы входим в первую клетку. Ворота за нами закрывают. Открывают следующие, в другую такую же клетку. Снова закрывают. Пропускают в третью клетку. И так все дальше, все глубже в лагерь. Когда проходим мимо бараков, заключенные с нами заговаривают, спрашивают,

откуда мы. Хотя за разговоры охранники нас бьют, мы не удерживаемся и отвечаем. Из барачков к нам обращаются по-русски, по-польски, по-еврейски. У одного барака стоят ужасно худые женщины, очевидно больные. Они ни о чем не спрашивают, только советуют остерегаться какого-то Макса. (...)

Нас провели в самые последние - девятнадцатый и двадцатый бараки. Здесь уже стояло несколько эсэсовцев и один штатский, но с номером заключенного. Крикнув, чтобы мы выстроились для проверки, этот штатский сразу же начал нас бить и пинать. За что? Ведь мы равняемся, а он ничего другого не велел.

Я вытянулась, замерла. Но этот штатский подлетел, и я, даже не успев сообразить, в кого он метит, скрючилась от страшной боли. А эсэсовцы стояли в стороне и гоготали.

Этот изверг избил всех - от одного конца строя до другого, причесался, поправил вылезшую рубашку и начал считать. Но тут один офицер заметил, что уже пора обедать, и они ушли, оставив нас стоять.

На другом конце строя стоят несколько десятков женщин. Они рассказывают о здешней жизни, и каждое их слово шепотом передается из уст в уста. Они из Польши. В этих блоках еще только неделю, раньше были в других. Здесь хуже, потому что старший этих блоков - Макс, тот самый, который сейчас избивал. Это дьявол в облике человека. Несколько он уже забил насмерть. Сам он тоже заключенный, сидит одиннадцатый год за убийство своей жены и детей. Эсэсовцы его любят за неслыханную жестокость.

Так вот что значит настоящий концентрационный лагерь! Выходит, в Штраасденгофе еще было сравнительно терпимо... (...)

Пришли одетые в черное эсэсовцы, велели выстроиться и по одной проходить мимо них, показывая ноги. У кого на ногах очень много нарывов, тех сразу прогоняли, а у кого нарывов относительно немного, у тех проверяли еще и мышцы рук.

Я попала в число более крепких. Нас выстроили, сосчитали. Двух крайних погнали назад, чтобы осталось равное число - триста. Охранник открыл ворота и вывел нас в соседнее отделение. Мы вздохнули с облегчением: будем хотя бы подальше от страшного Макса. Теперь мы и от остальных своих отгорожены проволокой. Они, бедные, стоят у ограды и с завистью смотрят на нас: мы поедем на работу, а они останутся здесь.

Кто-то пустил слух, что нас пошлют в деревню, к крестьянам. Офицеры об этом говорили между собой. Хуже, очевидно, не будет. Слух, кажется, подтвердился.

Приходил охранник. Взял десять женщин, спросил, умеют ли они доить коров. Все, конечно, поспешили заверить, что умеют. А если меня спросят?.. Скажу правду - не возьмут. Совру, что умею, - это скоро выяснится, и меня вернут в лагерь. Что делать? Спрашиваю у других, что скажут они. Но женщины только смеются над моими сомнениями.

Охранник вывел тридцать шесть женщин, в том числе и меня. Каждой выдали по рваному солдатскому одеялу. У ворот ожидали какие-то люди. Они начали нас выбирать. Осматривают, щупают мышцы, спрашивают, не лентяйки ли. (...) На меня никто не обращает внимания, все проходят мимо. Наверно, не возьмут и придется вернуться в этот ад. Может, самой напроситься? Другие так делают. Говорю: «Ich bin stark» - «Я сильная». Но никто не слышит. «Ich bin stark», - повторяю уже громче. «Was, was?» - спрашивает какой-то старик. Начинаю быстро объяснять, что хочу работать, что я не ленива. «Ja, gut!» - отвечает он и проходит... Но, очевидно, передумав, возвращается. Отводит меня в сторону, где уже стоят три отобранные им женщины.

Подходит конвоир, записывает наши номера и ведет вслед за хозяином. Идем той же дорогой, которой пришли сюда. Домики так же уютно отдыхают под лучами солнца. Садимся в вагончик узкоколейки. Конвоир не спускает с нас глаз. У самого моего лица грозно блестит его штык.

Наш хозяин - невысокий, кривоногий, лысый старик; глаза - еле прорезанные щелочки, а голос - хриплый и злой. Нами он, очевидно, недоволен. Жалуется конвоиру, что от такой падали не будет никакой пользы. У него уже было четверо таких, как мы, те были из Венгрии, но скоро ослабели, и пришлось увезти их прямо в крематорий. Ну и попались! А я, дура, еще сама напросилась.

Поезд остановился, и мы слезли. Оказывается, за вокзалом хозяин оставил свою двуколку. Конвоир связал нам руки и еще привязал нас друг к другу. Сам уселся рядом с хозяином, и мы двинулись. Отдохнувшая лошадь трусила рысцей. Мы должны были бежать, иначе веревки врезались бы в тело. Мы задыхались, еле дышали, но боялись это показать: хозяин скажет, что мы слабые, и сразу пошлет назад, в крематорий. (...)

Наконец свернули на узкую дорожку, проехали мимо пруда и оказались на большом дворе. Величественно красуется дом, зеленеет сад; поодаль стоят хлев, сарай, конюшни. Видно, крепкое хозяйство. Хозяин еще раз проверил наши номера и расписался, что принял нас от конвоира. Развязывая руки, прочел проповедь: мы обязаны хорошо и добросовестно работать, не саботировать и не пытаться бежать. За саботаж он пошлет нас прямо в крематорий, а при попытке бежать - застрелит на месте. Так напугав, повел в предназначенную для нас каморку. Она в самом конце хлева, полутемная, потому что свет проникает через малюсенькое, засиженное мухами оконце. За стеной хрюкают свиньи... Сенников и подушек нет, только в углу набросано сено. Это будет наше ложе. Просить сенники бессмысленно - все равно не даст. Я осмелилась сказать, что мы очень голодны: сегодня еще ничего не ели. Хозяин скривился и велел следовать за ним. В сенях приказал снять башмаки: в кухню можно входить только босиком. В комнаты входить нам вообще запрещается. Это я должна передать и своим подругам. (...)

Если б не рижанка Рая, мы бы хоть в эту минуту могли забыться, не терзать сердце. Но она ни на минуту не умолкает. Уже в третий раз за эти несколько дней она все с новыми подробностями рассказывает о том, как потеряла своего ребенка. В Рижском гетто она еще была с мужем и ребенком. Узнав, что детей заберут, они решили покончить с собой. Муж сделал укол ребенку, затем ей и себе... К сожалению, они проснулись. Ребенка не было. Они даже не слышали, когда его забрали. Теперь ее мучает страх, что ребенок, может быть, проснулся раньше их и плакал в испуге, будил их, а они не слышали... Может, палачи его били, выкручивали ручки. Ведь он, наверно, вырывался от них... Муж почти лишился рассудка. Он никак не мог понять, почему яд не подействовал... (...)

Нас возвращают в лагерь. (...)

Нас повели в баню, велели раздеться и впустили в большой предбанник. Войдя туда, мы обомлели: прямо на каменном полу сидели и даже лежали страшно изможденные и высохшие женщины, почти скелеты с безумными от страха глазами. Увидев за нашими спинами надзирательниц, женщины стали испуганно лепетать, что они здоровые, могут работать и просят их пожалеть. Тянули к нам руки, чтобы мы помогли им встать, тогда надзирательницы сами убедятся, что они еще могут работать...

Я шагнула, чтобы помочь сидящей вблизи женщине, но надзирательница отшвырнула меня назад. Властно чеканя слова, она велит не поднимать паники - всех помогут и вернут в лагерь. Когда поправятся - смогут вернуться на работу. Мыться должны все без исключения: грязных в лагерь не пустят.

Нам она приказывает этих женщин раздеть и вести в соседнее помещение, под душ. От страшного запаха меня мутит. Хочу снять с одной женщины платье, но она не может встать: ноги не держат. Пытаюсь поднять, но она так вскрикивает от боли, что я замираю. Что делать? Поглядываю на других. Оказывается, они мучаются не меньше меня. Надзирательницы дают нам ножницы: если нельзя снять одежду, надо разрезать.

Ножницы переходят из рук в руки. Получаю и я. Разрезаю платье. Под ним такая худоба, что даже страшно дотронуться. Кости прикрывает только высохшая морщинистая кожа. Снять башмаки женщина вообще не позволяет - будет больно. Я обещаю верх разрезать, но она не дает дотронуться. Уже две недели не снимает башмаков, потому что отмороженные, гноящиеся ступни приклеились к материалу.

Что делать? Другие уже раздели нескольких, а я все еще не могу справиться с одной. Надзирательница это, видно, заметила. Подбежала, стукнула меня по голове и схватила несчастную за ноги. Та душевраздирающе закричала. Смотрю, в руке надзирательницы башмаки с прилипшими к материалу кусками гниющего мяса. Меня затошнило. Надзирательница раскричалась, но я плохо понимала ее. (...)

Когда надзирательница отвернулась, я спросила у одной женщины, откуда она. Из Чехословакии. Врач. Привезли в «Штуттгоф», а затем, как и нас, увезли на работу. Они рыли окопы. Работали, стоя по пояс в воде. Спали на земле. Когда отмороженные руки и ноги начали гноиться, вернули в лагерь. (...)

Эпидемия! Она охватит всех, невзирая ни на возраст, ни на вид. Тиф не разбирает... К тому же нас, конечно, не будут лечить. Может, даже нарочно заразили, чтобы мы вымерли. Не заболевают ли от этого страшного супа? Может, он такой острый не от перца?

Как уберечься? Как найти в себе силы не есть этот суп, нашу единственную пищу? Как научиться совсем-совсем ничего не есть, даже не сосать этот грязный снег? Кажется, я заболеваю. Голова тяжелая и гудит. Во время проверок меня поддерживают под руки, чтобы я не упала. Неужели это тиф?!

Я болела... Женщины рассказывают, что в бреду я напевала какие-то песенки и страшно ругала гитлеровцев. Они даже не подозревали, что я знаю столько ругательных слов. Хорошо, что голос слабенький, да и гитлеровцы сюда больше не заходят - боятся заразиться. За такие слова пристрелили бы на месте.

А мне неловко, что я ругалась. Объясняю, что у нас в семье никто никогда... Папа адвокат. Женщины улыбаются моим объяснениям...

Говорят, что я выкарабкалась. Переболела. А мне кажется, что они ошибаются. Это, наверно, было что-нибудь другое, еще не тиф. Ведь тиф - страшная болезнь! Я бы так просто, без лекарств, не выздоровела, ведь умирают более крепкие, чем я. Но женщины объясняют, что тиф как раз сокрушает крепкие, никогда не болевшие и поэтому не привыкшие бороться с болезнью организмы. Знала бы мама, как спасли ее мучения со скарлатинами, желтухами и плевритами моего детства!..

Во двор умыться снегом ползу на четвереньках. Встать не могу - перед глазами расплываются зеленые круги.

Здесь настоящий лагерь смерти. Гитлеровцы уже не следят за порядком. Проверок нет: они боятся войти. Есть не дают. Даже так называемый суп получаем раз в два-три дня. Иногда вместо него приносят по две мерзлые картофелинки. Хлеба мы уже давно не видели. А есть ужасно хочется: я начинаю выздоравливать. Донимают вши. Уже не стесняюсь, давим. Но, к сожалению, их не становится меньше.

Умерла красавица Рут. Начали гноиться ноги, потом руки. И вот она умерла... В последнее время уже не вставала. А ведь еще в Штрасденгофе она была такая красивая! Всегда бодрая, не поддающаяся плохому настроению. Как она верила, что мы дождемся свободы и что она встретится с мужем! Теперь ее, страшно распухшую, сунут в печь крематория. Все. Молодость, красота, жизнелюбие превратятся в пепел...

Кто-то уверяет, что уже Новый год. Слышал, как один постовой поздравлял с Новым годом надзирателя.

Значит, уже 1945-й... В этом году война наверняка кончится. Ведь гитлеровцев уже добивают. Но... Не зря говорят, что смертельно раненный зверь страшен вдвойне. Неужели мы будем его предсмертными жертвами? Не может быть! Зачем думать, что, отступая, обязательно уничтожат нас? А может, не успеют? И тогда мы будем свободны! Может, и мама с детьми в каком-нибудь лагере? Их тоже освободят. И папа вернется. (...)

Рая, с которой мы вместе работали у помещика, рассказывает, что слышала от разносчика супа, будто ночью в крематории был пожар. Сгорела газовая камера. Предполагают, что кто-то поджег. Нас это все равно не спасет.

Жуть! Я спала, уткнувшись в труп. Ночью я этого, конечно, не чувствовала. Было очень холодно, и я уткнулась в спину соседки. Руки подсунула ей под мышки. Кажется, она зашевелилась, прижимая их. А утром оказалось, что она мертва...

Пришла надзирательница. Велела всем, кто уже переболел, выстроиться. Думая, что будут отправлять на работу, пытались встать и больные. Но она сразу заметила обман. Нас очень немного. Надзирательница отобрала восьмерых (в том числе и меня) и заявила, что мы будем «похоронной командой». До сих пор был большой беспорядок, умершие по нескольку дней лежали в бараках. Теперь мы обязаны умерших сразу раздеть, вырвать золотые зубы, вчетвером вынести и положить у дверей барака. По утрам и вечерам мимо будет проезжать лагерная похоронная команда и увозить трупы. (...)

Подходим к одной женщине, которая умерла сегодня утром. Беру ее холодную ногу, но поднять не могу, хотя тело умершей совершенно высохшее; остальные три уже поднимают, а я не в состоянии. Надзирательница дает мне пощечину и сует в руки ножницы и плоскогубцы: я должна буду раздевать и вырывать золотые зубы. Но если осмелюсь хоть один присвоить - отправлюсь вместе со своими пациентками к праотцам. (...)

Словно насмехаясь надо мной, покойница сверкает золотыми зубами. Что делать? Не могу же я их вырвать! Оглянувшись, не видит ли надзирательница, быстро зажимаю плоскогубцами рот. Не станет же она проверять. Но надзирательница все-таки заметила. Она так ударяет меня, что я падаю на труп. Вскакиваю. А она только этого и ждала - начинает колотить какой-то очень тяжелой палкой. И все метит в голову. Кажется, что голова треснет пополам, а надзирательница не перестает. На полу кровь...

Она избивала долго, пока сама не задохнулась. (...)

Мы уже целую неделю в Стрелентине. Это бывшее поместье. (...) Нас держат запертыми в хлевах. (...)

Страшно загремело. Один за другим послышались глухие взрывы. Сидевшая рядом с нами собака конвоира насторожилась. И видневши-

еся у сарая гитлеровцы засуетились. Одни смотрят в небо, другие спорят между собой. (...) Что это? Конвоиры подкатывают к сараю бочки! Подождут! Мы будем живыми гореть!..

Нас впускают в сарай. Там много женщин, не только из нашего лагеря. Тут же, прямо на земле, в смеси отрубей, сена и навоза, лежат умирающие и умершие. Им уже все равно... Сказать или нет? Промолчу. Пусть не знают, будут спокойнее. Нет, скажу. Хоть одной. Шепчу эту страшную весть соседке слева. Но она меня, кажется, не поняла. Или не слышала - кругом гремят взрывы. Говорю другой. Та с криком бросается к щелке, смотрит. (...) Ужас охватывает и многих других. Все начинают стучать, метаться. Но никто ничего не видит. Охранников нет.

Гудит... Приближается! Самолеты? Меня трясут за плечи. Кто? Снова эта венгерка. Спрашивает, понимаю ли я по-польски. Что он кричит? Он кричит, что в деревне уже Красная Армия, а гитлеровцы удрали. (...) Почему такой шум? Почему все плачут? Куда они бегут? Ведь растопчут меня! Помогите встать, не оставляйте меня одну!

Никто не обращает на меня внимания. Хватаясь за голову, протягивая вперед руки, женщины бегут, что-то крича. Спотыкаются об умерших, падают, но тут же встают и бегут из сарая. А я не могу встать.

За сараем слышны мужские голоса. Красноармейцы?! Неужели они?! Я хочу туда! К ним! Как встать?

В сарай вбегают красноармейцы. Они спешат к нам, ищут живых, помогают встать. Перед теми, кому их помощь уже не нужна, снимают шапки. «Помочь, сестрица?»

Меня поднимают, ставят, но я не могу двинуться, ноги дрожат. Два красноармейца сплетают руки, делают «стульчик» и, усадив меня, несут.

Из деревни к сараю мчатся санитарные машины, бегут красноармейцы. Один предлагает помочь нести, другой протягивает мне хлеб, третий отдает свои перчатки. А мне от их доброты так хорошо, что сами собой льются слезы. Бойцы утешают, успокаивают, а один вытаскивает носовой платок и, словно маленькой, утирает слезы.

- Не плачь, сестрица, мы тебя больше в обиду не дадим!

А на шапке блестит красная звездочка. Как давно я ее не видела!..

от
 да я на
 ти
 ми
 ми
 д
 на
 в 930

письмом
 то на ка
 летна

Но горько мне оставить город,
 я жила, где я росла,
 так любима все,
 работы где дружба крепка и ты
 Ты куда же я тебе? Жизнь
 Об этом думаю так часто
 Но никогда я не забуду.

16 сеп
 14/VIII - Близ
 18 апреля е 8
 1 1/2

В этот год с профес
 14 и га
 3 1/2 и га
 на 14, 15, 16, 17 и 18
 бке, но 2
 на 1
 5

15/VIII - Железо
 2 мр
 2 мр

с баче
 на и
 с
 2
 е 17
 18
 10
 30
 1
 23
 1

16/VIII
 10
 30
 1
 23
 1

В ТРЕТЬЕМ
РЕЙХЕ:
**ДНЕВНИКИ
УГНАННЫХ**

Грамотные «рабы»

Согласно данным, опубликованным на Нюрнбергском процессе, из СССР в Германию во время войны было принудительно перемещено 4 млн 979 тыс. человек гражданского населения. Точное количество детей, вывезенных в качестве дармовой рабочей силы, а точнее, в качестве рабов, неизвестно. Но принято считать, что их было никак не менее 30%.

«Эти русские подростки - сущие бестии, - писала немка, хозяйка приличной фермы, мужу на Восточный фронт. - Их прислали к нам недавно, и я определила их ходить за свиньями. Один мальчик умудрился украсть снятое молоко, приготовленное мною для поросят, и съесть его, за что был наказан палками. Другой мальчик выкапывал и ел дождевых червей. Тот, что украл молоко, пытался также зачехлить карандаш и бумагу...»

Сухие данные без эмоций иной раз пугают хлеще, чем самые красочные описания. Вот пример из немецкого циркуляра: «Взрослый остарбайтер или узник концлагеря, продолжительность жизни которого составляет 1 год, приносит 1650 рейхсмарок чистой прибыли. В статью дохода кроме собственно работы включена также утилизация костей, волос и подкожного жира. Ребёнок приносит около 1200 рейхсмарок, поскольку подкожного жира и волос имеет меньше, а на тяжёлых работах живёт не более полугода».

Подтверждением тому строки из чудом сохранившегося письма Кати Сусаниной отцу: «Когда вернёшься, маму не ищи, её расстреляли немцы. Когда допытывались о тебе, офицер бил её плёткой по лицу. Потом выстрелил маме в рот. Мне сегодня исполнилось 15 лет. Если бы сейчас встретил меня, то не узнал бы свою дочь. Я стала очень худенькой. Когда я кашляю, изо рта идёт кровь. Мне отбили лёгкие. Я рабыня у немца Ширлина. Работы много, а кушать два раза в день, в корыте с Розой и Кларой. Так хозяйка зовёт свиней. Так приказал барон. Я боюсь Клары, это большая жадная свинья. Она мне один раз чуть палец не откусила. Живу в сарае. Два раза я убежала. Тогда сам барон срывал с меня платье и бил ногами. Когда теряла сознание, на меня выливали ведро воды и бросали в подвал...»

Те, кто выжил в этих условиях, воровали у своих хозяев не только продукты питания, но и письменные принадлежности. Потому что есть одно мужество - сражаться. И другое - донести до своих правду. Пусть даже самую страшную.

ДНЕВНИК
ВАСИ
БАРАНОВА

Свой дневник - стопку прошнурованных верёвкой и перелицованных бланков расписания грузовых поездов - остарбайтер Вася Баранов из деревни Мереновка Стародубского района тогда Орловской, а ныне Брянской области начал вести через два дня после прибытия в немецкий Дрезден. В Белостоке, куда доехали в соседних товарных вагонах, его разлучили с любимой девушкой Олей, семиклассницей из соседней деревни. Временами казалось, что разлучили навсегда: жизнь висела на волоске...

«Сколько ещё месяцев могу я выжить в такой неволе?» - писал Вася. Пытался бежать - неудачно. «Шли снова в завод, я изнемог, чувствуя, что не выживу, ноги мои подкашиваются, в голове стучит. До чего же я не хочу умереть голодной смертью... Вчера умер Гай, его куда-то отправили на машине. Неужели и я умру так?» Записи Васе приходилось прятать: на дне чемодана под подкладкой, в щели у нар... «Да, рисковал я, и не за счёт смелости, а, скорее всего, по беспечности. Но дневник я ценил. Он мне был талисманом. За ним я бросался в горящий барак», - рассказывал Василий Максимович потом в книге П. Поляна и Н. Побоя «Нам запретили белый свет...», где дневник впервые был опубликован.

Оле в нём посвящены такие строки: «Давно душа просится на волю, И сердце пылкое давно хочет любить, Я полюбил одну девчонку Олю, Да и теперь приходится забыть». А дальше никак не могу связать в рифму, не варит голова, да и любил я её, но неудачно кончил. Она меня сочла за неудачника и глупца. Да, она права. Она во многом права... Неужели она тоже так же страдает?.. Воспоминания ещё хуже давят сердце». В Германии Вася Баранов смог найти следы своей Оли, до седьмого пота трудившейся на авиазаводе: она получила от него 2 письма, которые хранит до сих пор.

Они пронесли свою любовь сквозь два с половиной года разлуки, бессильного бытия на чужой земле. Поженились спустя год после возвращения в Стародуб. Родили сына и дочь. Василий Максимович выучился играть на кларнете и преподавал всю жизнь в музыкальной школе города Брянска, Ольга Тимофеевна учила русскому языку и литературе. «Жизнь прожили хорошую, любили друг друга...» - рассказывает сейчас, уже оставшись в одиночестве, она. Свой дневник её муж берёт и перечитывал до самой смерти. «Откроет, читает его - и плачет... Ведь это настоящая жизнь!»

1943

Утром, часов в 9, наш вагон телятник со всех сторон был открыт. И я проснулся от сильного солнечного луча, погода была настояще замечательная. Сразу мы узнали, что уже прибыли в г. Дрезден. После долгой канители нас построили всех с вещами, и три конвоира повели по улицам большого Дрездена. (...) Через час после обеда нас построили и разбили на 3 части, затем отобрали специалистов, которых оказалось совсем мало. Немцы бегали, кричали, устанавливая порядок, и наконец к нашей 3 части подошел немец и перевел, что мы поедем совсем в другой город по имени Лейпциг. Таким образом мы в количестве 91 человек электровозом, вечером были уже на главной станции, купол которой напоминает купола нашей Мериновской церкви. Вокзал показался мне непроходимым, так как снизу и верху шли бесконечные люди (немцы). Здесь можно было не идя в цирк или музей насмотреться все новыми и новыми отдельными видами, например: виды скульптуры, рисунками, обаяниями люстр, самими немцами, их одежда и пр. и т. п. А между тем какое-то отвращение появилось к ним, что я не мог, чтобы хорошо сосредоточить свой внимательный взгляд на их физиономии лица то потому, что я уже их понял и они показали себя. Вдруг под нас подошли какой-то большущий трактор на резиновых больших катках с большим прицепом, куда все погрузили вещи и половина нас села на вещи и уехала. И возле одного угольного 2-х этажного дома выгрузилась. Было уже часов 11 вечера, когда нас разместили на 2 этаже дав каждому койку, матрац, одеяло, спать ужасно хотелось.

Наконец, нас проверили всех 91 человек и один солидный мужчина по национальности украинец со Львова нам объявил спать. До этого тщательно проверяли, чтобы каждый побыл под краном и раздевшись до белья, все были грязные, оборванные, разутые, словно стадо овец, вырвавшееся из-под волчьей пасти. 2-м из нас попало по мордам, и я уснул, сжав зубы до боли.

После обеда ходили в баню под дигазацию.

6 сентября, понедельник. Рано утром все отдавали вчера написанные пост-карточки, на которых большим шрифтом написано: «Кто видел Германию, тот должен ее любить». Как это было противно и неправда. Смогу ли я ее полюбить? Нет, никогда. Среди нас начались заболевания. Против моего стола работал один высокий белый парень по фамилии Стрельский. Он абсолютно ничего не делал, а облокотясь на стол плакал от головной боли. Немцы мастера не верили ему, водили его в [мед.

часть], узнавали температуру, давали пилюли, но ничего не помогало, его били по лицу. Мне было так жалко, что кажется вот-вот решусь бросить в идиота напильником. Тоже было и с остальными больными. Теперь я понял, что мы русские настоящие рабы для немцев. (...)

8, 9, 10 сентября. (...) Сколько еще месяцев могу я выжить в такой неволе? Ноги уже подкашиваются от ежедневного стояния так как сестры не разрешают, за что бьют по лицу. Нет, надо убежать, решил я. И я решил подговорить Комиссара, так как он паренек смелый и притом говорит по-немецки. На мое приглашение он согласился и мы решили в воскресенье уйти на станцию узнать эшелон отправляющийся в Польшу, забраться в уголь и ехать до тех пор, сколько хватит терпения.

11 сентября, суббота. Сегодня как-то лучше на душе так как завтра воскресенье, может быть пустят за город, и при всякой возможности буду стараться убежать. Ведь чего бояться, тем более, что Комиссар может разговаривать по-немецки. Но только плохо, что у нас нет уже продуктов, но это не важно, так как поездом мы долго ехать не будем, нам бы проехать Польшу, так как поляки если обнаружат русского, то сразу выдают. Но я думаю мы будем терпеть до тех пор пока не приедем на Украину, а ведь человек может быть не жравши около 2 недель, а нам лишь бы полуживым добраться.

Кончив работу в 1 ч. шли в лагерь, там мыли шкафы, стирали, готовились к завтраму. Я наготовил все хорошее одеть и взял сумку. Вечером дали 15 сигарет. (...)

17, 18, 19 сентября, воскресенье. Ходили настояще голодные. Кражи совершаются каждый день, воров не обнаруживают. Паек с каждым днем хужает. Выдали за неделю по 15 сигарет и 60 пфеннигов. Воскресенья день проходит очень быстро. Тогда появляются два чувства. Первое чувство радости, что выходной день, могу встретить кое-кого из русских старых ребят, а в особенности девчат. Другое чувство - это раздражение, особенно поговоришь с недалеким земляком км 300-500, то расстраиваешься до душевной боли, мне кажется, что я заболел чахоткой или что-нибудь получится с сердцем. Лучше всего поговорить с девушкой - особенно русской, ведь у женщины не такой выносливый организм потому что, как пишут в романах, что женщин больше умирало и травилось от любви, чем мужчин. Но все равно как те, так и другие которые живут здесь год или полтора отвечают одним и тем же, что ж поживешь привыкнешь, жить хочешь - надо жить, умереть раз

Нашивка на груди, номер вместо имени в немецких циркулярах - 2,5 года Вася Баранов из русской деревни Мереновка был немецким рабом, недочеловеком, «хрусиш швайн», как называли его и тысячи таких, как он, немецкие бюргеры...

А после возвращения из Германии домой выучился играть на кларнете и всю жизнь посвятил искусству.

И любимой девочке Оле, прошедшей тот же немецкий ад.

Фото на странице - из личного архива П. Поляна.

плюнуть, а жизнь дорога. Сегодня выходной день, все ушли в город за исключением штрафников. Я продал 10 сигарет за 1 марку и печеной картошки одному днепропетровскому, который работает уже 1 год на станции рабочим-железнодорожником. Найдя Комиссара пошли на одну небольшую товарную станцию. Я одел 2-е брюк, две рубашки, пиджак, сапоги, взял сумку. На листке отправления вагона было написано - на Львов и мы залезли между ящиками и ждали пока не пойдет поезд. И наконец вечером поезд тронул, мы были сильно обрадованы, но вдруг по закату солнца мы определили, что едем на запад. Может быть он делает разворот, подумали мы и так мы проехали с полчаса. Мы с отчаянием выпрыгнули на одной маленькой станции, где не было близко немцев. Железнодорожники пробирались мимо вагонов, нас заметил один железнодорожник. Деваться было некуда. Так как сзади нас везде были немцы, он нас повел в железнодорожную будку и приказал одному старичку посмотреть нас. В это время зазвонил телефон, старик пошел слушать, а мы как воробьи - кто куда. Идя через местечко, мы встретили западного украинца, который ехал на лошадях баурских. Он нам сказал, что до Лейпцига 17 км. Было уже часов 10 вечера. Мы решили во что бы то ни стало добраться до своего лагеря. (...)

23 сентября, четверг. Дожди льют бесконечно, хотя на тротуаре не мокро, но до чего тяжелые эти проклятые кандалы. Скоро будет месяц как я их одел, но все еще никак не могу привыкнуть да и не привыкну. Не приучат меня эти идиоты к такому варварскому режиму. Они стараются ввести между нами рознь отчего получаются целые истории. Драки за гнилую капусту и гнилой с червями салат. Я часто успокаиваю ребят и немало мене сочувствует. В обед стали лезть за добавком. Полька со всего размаха бахнула одного белоруса по голове половником. Тот облитый кровью повис на лезущих. Немцы и поляки видя такую картину злобно смеялись называя нас свиньями, потом стали разгонять на работу. Один русский получил 4 картошины на поддельный талон, его избili до полусмерти. Работать он не мог, его бесконечно били по лицу, словно хотели оживить или совсем прибить. (...)

24, пятница, 25, суббота. Все собираются бежать с Германии, много рассказывали о прошлом, о настоящем, и что нас ожидает будущее, многие плакали на постели. Сердце мое разрывается на 5 частей. Читали газеты, откуда узнали что наша местность снова забрана русскими, что немцы начинают бежать от самого Сталинграда. Как приятно

вдруг стало на душе. Ребята! если бы мы сейчас попали на родину, и притом на фронт, мы бы этих варваров душами перегрызли, а не только оружием. (...)

26, воскресенье. С утра был дождь, завтрак принесли в лагерь, обедать ходили в завод, в 6 часов пустили в город, виделся с земляком Понудовского р-на Иванцовым Петром. Беседовали с ним на тему побега, он уверял что удрать абсолютно нельзя! Что он удирает 2 раза и все напрасно, а только подорвал свое здоровье, правда он человек на мой взгляд не глупый, кое в чем разбирается, знает хорошо немецкий обычай так как живет уже 1 1/2 года. Одет он прилично. Говорит, что живет очень плохо, но почему же он духом такой сильный. Вот это меня еще больше убивало. И вообще все старые сильны духом. Моя же душа протухла семь раз, прокисла от бесконечных волнений и мыслей. До чего же дорог мне этот земляк - никого в жизни я так не ценил, ни отца, ни мать как в настоящий день этого дружка. И так, снова я за замком в лагере. (...)

3 октября, воскресенье. Давно душа просится на волю
И сердце пылкое давно хочет любить
Я полюбил одну девчонку Олю
Да и теперь приходится забыть.

А дальше никак не могу связать в рифму, не варит голова, да и любил я ее, но неудачно кончил. Она меня сочла за неудачника и глупца. Да, она права. Она во многом права. Во-первых я неудачник, в том что страдаю вот здесь, 2 - может быть даже и врежу, хотя я пользы Германии еще не сделал ни на копейку. Потому, что я еще в школе слесарил. Но во всяком случае мелкая помощь и то что-то стоит, например, погрузка балок лома железа, да я неудачник, а отсюда вытекает, что я глупец. Неужели она тоже также страдает? Она уехала с Белостока поперед меня и наверняка с Мериновскими девушками. Воспоминания еще хуже давят сердце. (...)

16 октября, суббота. Почти вся смена сорвалась в город и бродили часов до 10 утра. В пол 12 ч. надо было идти на завод. Как всегда по старому приказу Карбота (поляка) мы должны были по-собачьи бежать вниз и строиться. Кто не успел уложиться в 1 минуту, снова всех заставляли взбираться на второй этаж и бежать. Сегодня он особенно злой за то, что удирали в город и издевался так что многие уже не могли бежать совсем, им же и попадало от него. Это просто издевательство явное, ему

самому это интересно. Этот человек дошел до настоящего зверя. Обедали шпинатом. Мне удалось купить у одного токаря 1 кг хлеба за 8 марок, но правда хлеб не немецкий, хороший, а с какой-то примесью. Поэтому я сегодня чувствую веселей в желудке. Соли поел с пол кг. Почему-то все стали по многу употреблять соли, хорошо что соли у этих идиотов полно везде. Хотя говорят, что ее употреблять очень вредно. (...)

21 октября, четверг. (...) Жутко и печально на сердце. Я ругаю себя, что я такой сонный, не энергичный. Клянусь свое поведение и свой характер. За это время как будто бы я заболел ленивой болезнью. За день от меня не услышишь ни одного слова. Да и слова мои были не связны и неуклюжи. Все для меня холодно и неупросимы. Жить становятся невыносимо, но умирать без всякого всего не хотелось. Нет. Выжду момент и умру с треском. (...)

27 октября, среда. (...) Ребята поговаривали об общем побеге из лагеря. Говорили о том, что вчера удрали Куликов и Масленников. Мастера о них уже спрашивали, но поляк еще точно не знает о их побеге. Я тоже был за то, чтобы совершить общий побег. Хотя и большую часть поймают, зато единицам будет легче удрать. (...)

30 октября, суббота. Хотя первая смена сегодня работает до 1 часа, но на кухне придется до 3 часов. Ходили за бураками. Работая на кухне, мне еще лучше пришлось увидеть лица этих ненавистных поляков. Отдельные русские тоже были настоящие идиотики. Они ради своего существования готовы продать человека. Один белорус могилевский за то что ему улыбнется облизать котел, предал своего же белоруса Вавилова, которому попало по заслугам от поляка. Вечером он первой смене не давал ничего варить, требуя за это сигареты, хотя ему дали 3 штуки, но его это не устраивало. Там стоит на весь барак, кто жалуется на то, что сперли бурак, кто ругается, очисток на столах целых вагон, в саду, в спальне ноют больные, внизу у котла едят и спорят. Ну и жизнь, трудно представить тому, кто умер раньше меня.

31 октября, воскресенье. (...) Идя в лагерь видел Иванцова, который искал ту девушку, которая в воскресенье давала ему книгу «Анна Каренина». Вечером с Гуртовцом ходил в соседний лагерь, там играла гармошка. Войдя, увидел танцующих девушек. Танцевали вальс. Сердце мое сжалось. Кругом были стулья, на одной половине были полки и столы. Это помещение давало знать, что живет здесь много нашего брата. Посреди играл гармонист. Рядом маленький барабан на стуле и

большой с тарелками, по которым кое-когда бил один угрюмый парень. После вальса он запел песню о Москве и еще кое-какие о Сов. Союзе. В моих глазах открылся новый мир. Мне казалось, что это ангельская жизнь, я окунулся в новый мир, до чего же есть счастливицы на земле! Я сыграл 2 танца - краковяк и тустеп. (...)

7 ноября, воскресенье. Да здравствует Россия. Смерть фашистам и полякам. Проснулся рано и долго лежал на койке. Погода мгlistая. С самого утра в бараке было тихо, кое-где поговаривали между собой, а больше молча лежали и каждый думал о чем-то, но о чем догадаться не трудно... После «сбюрки» пошли на обед. Идя иногда тихо запевали советские песни, но все равно чувствовалось мертво. Словно и не праздник, никто не мог радоваться, все впали в уныние. Но что же делать? Никто не мог ответить. И я думаю ни один бы гений будучи вот сейчас на моем или на ряде ребят месте не ответил бы. Все надежды рухнули. Остается только сдаться судьбе, хотя еще все-таки держишься. Поев несоленой капусты вернулись в лагерь под замок. Печаль перегрызла жилы. Долго царило молчание, только слышно как коросливые белорусы дерут свое тело. Ужас царит во всем моем существе. Я несколько раз принимался писать, но ничего не клеится, начинал читать, тоже не идет. Я пошел к Голушко Петру. С ним я решил поделиться, он все-таки парень неглупый и мы решили отделаться от мыслей песней. Первая была песня «Утро красит нежным светом...». Нас подхватил весь барак, гаркнули все 90 голосов. Третью же песню пел я и еще полторы калекки. Снова все замерли. Многие храпели. Уже начинало темнеть. Можно ли еще другому человеку живущему в самых тяжелых условиях, но в другой части света представить вот настоящее мое душевное состояние. (...)

11 ноября, четверг. Шел дождь весь день. Сидели в лагере взаперти. Идут слухи, что было совещание воинствующих государств, на котором заставляли Германию сдать оккупированные страны. Всякая малейшая новость заставляет радоваться, тем более такая. От нее все в восторге. Ведь если бы мы вернулись в Россию, ведь о наших мучениях небось там уже знают. На нас бы смотрели как на чудо-людей. Но без мести к палачам обойтись нельзя. В пол 4 часа пришли в завод, а в 4 ч. загудела сирена. Прибежали в лагерьный подвал, за время бега я так устал, что еле жив остался, кандалы мои стали мне не под силу. Минут через 10 тревога кончилась. Шли снова в завод, я изнемог, чувствуя, что не выживу, ноги мои подкашиваются, в голове стучит. До чего же я не хочу умирать

голодной смертью, хотя бы укусить хорошо поляка. Вчера умер Гай, его куда-то отправили на машине. Неужели и я умру так? (...)

13 ноября, суббота. Бесконечный дождь. Лагерь до 3 ч. был на замке. Короста или чесотка охватила большую половину лагеря. Редко у кого нет ее. Шмавганец так ею изуродован, что непохож на человека, рядом с ним Кругликов и Васильев, а также и другие белорусы. Они так воняют, что к ихнему углу страшно подходить. Их отгораживают от умывальника, стола и прочих вещей. Васильев сегодня весь день бредит, очень больной. Придя в завод работали по-прежнему, ворота завода были закрыты, но ребята вылезли в пробонну за электросваркой. Один из них зашухарился, за что получил трепку от очкастого немца. Двенадцати-часовой рабочий день надоедает, спать ужасно хочется. Собирались в уборной и разговаривали. Я рассказал Горького «Мои университеты». Но вот нас хватилась Карбот и как воробьев разогнал.

14 ноября, воскресенье. До обеда шел сильный дождь. После обеда метель. К лагерю приходил один земляк, который сказал, что по всем русским лагерям паек сократили, так как часть Украины немцы уже сдали нашим, а своего хлеба у них не хватает и на полгода самим. Немцы уже пишут, что отбивают натиск противника на Дону, Волге и особенно в Сталинграде. Япония заключила мир с Китаем. Перед вечером встретил ту же украинку. Она была очень плохо одета, вернее легко, ей было холодно. Я сбегал в барак и выбросил в окно ей свое женское пальто, она была так рада, что не знала как меня благодарить и обещалась меня отблагодарить чем либо. Я ничего с ней не хотел, потому что она живет не лучше. Пальто ей шло, как будто шито на нее. Кое кто из ребят догадались, что пальто мое, но я делал вид, что не мое. Придя в барак я лег на койку и долго читал «Петра I». Ночью видел во сне Сталина, который сказал, что скоро кончится война, он был в красноармейской шинели и с ружьем в руке, когда я сказал, что и я пойду с тобой, то он мне запретил, а когда он ушел, то я переживал за то, что не ушел за ним. (...)

16 ноября, вторник. Сегодня особенно чувствую слабость. Кандалы мне показались настолько тяжелы, что я их тянул не поднимая ног. Если еще хороших пару ударов, то я уже не выживу. Вспоминаю Пушкина «На большой мне знать дороге умереть Господь сулил». Когда я посмотрел в зеркало, то я так был непохож сам на себя, что удивительно стало. Белый как снег, голова клином, глаза дикие где-то далеко запрятаны, нос чудовищный сухой, зубы желтые, волос нет, лицо заросшее. На вид

лет 45-50 мужчина, который замучен неволей. Вот как вырабатывают человека за какихнибудь 2 1/2 месяца. Эх! мамочка родная, посмотрела бы ты на меня сейчас. До чего довели фашисты и их приспешники-исполнители звери-поляки. (...)

19 ноября, пятница. Настал тот день, когда нам сказали приготовиться. Из стародубцев остается Дрозд, Голушко и Хотеев. В заводе поздавали все казенные вещи, только одни лишь кандалы закреплялись навечно. Дали всем по 1 м. 44 пф., отобрали аусвайсы. Потом шли в лагерь и производили уборку. После ждали особого распоряжения. Часа в 3 пришли два господина. Поляк сказал, что это будущие наши каты - комендант лагеря и переводчик. С ними мы шли км два. Сели в особый трамвай и прибыли на место назначения. Перед собой я увидел чудную картину. Вокруг не было ни города, ни построек, ни домов. Правда, уже было темно. Сквозь темноту виднелись голые бараки, напоминающие Белостоковские. Вокруг поле и только. Движение трамвая заставило поверить, что здесь есть люди. Впотымах мы подошли к ограде - большущей проволоке в несколько рядов, полицей с ружьем в руке пропустил нас, мне стало жутко, мне казалось, что я уже отсюда не ходок. Всех нас 76 человек ввели в длинный коридор барака по обе стороны которого расположение комнат. По разговору определил, что здесь и русские и украинцы. Они на нас смотрели с презрением и бросали укор, что мол «еще все с котомками тягаются, вот поживете так узнаете!..» Еще когда мы подходили к лагерю то свист и топот напоминал чертей в аду, как я когда-то представлял от бабушкиных сказок, но теперь он еще усилился, словно стрелка реастата находилась на самом полюсе предела. При распределении мест мы, стародубцы, держались вместе. 12 мест не хватило, поэтому пришлось спать по двое на койке. (...) По рассказам я узнал, что здесь очень воруют и лагерь этот называется штрафной, сюда ссылают всех провинившихся города Лейпцига. От города мы находимся в 4 км. В лагере находится около 3000 человек. Следуя за девушкой, я получил суп. Люди, как муравьи, бегали туда и обратно с мисками и то и дело кричали «держитесь правой стороны», ругаются самым жестоким матом. «Держитесь правой стороной е... м... - а то миску вылью на голову...» Все здешние люди были озверелые и вовсе не похожи на тех русских людей, которых я знал в России. (...)

23 ноября, вторник. (...) Сегодня дали мне номер на шею 25795. (...)

25 ноября, четверг. В лагерь пригнали из завода в седьмом часу. Лагерь

находился близко, метров 300. Между лагерем и заводом бомбоубежища земляные. Рядом с русским лагерем на другой стороне бельгийский лагерь, дальше французский, а там бесконечное поле и только далеко виднелся Лейпциг. Получив суп-брюкву я уснул. Меня разбудил дружок, чтобы идти воровать брюкву. Я спер 2 маленьких, полицей сильно ударил 2 раза по щеке. Вечером пошли на завод, мастера не было, поляк дал оттачивать мне бляхи, а потом надувал котки, поляк все время подгонял, потом подсчитал котки, ругался, говоря, что он мне морду разобьет. Я ему сообщил, что мне жизнь не мила и в таком случае я его могу убить, он немного испугался меня. Он сказал, что скажет мастеру, что я не работаю, я же почти 2 часа сидел пока не согнал меня какой-то немец. Поляк ему пожаловался. От немца получил по лицу, но поляк долго не подходил ко мне боясь смерти.

Разгружали брюкву и мне удалось стащить одну. За последнее время мне везет в воровстве. Я очень научился искусно воровать. (...)

28 ноября 43 г., воскресенье. Воровство было для меня главной заботой. Чтобы то ни было, но надо стащить. Ибо смерть уже ходит по пятам. Во 2-й комнате умер вчера парень, Володькин земляк. Случаи голодной смерти здесь уже не новости. Зато есть ребята которые живут хорошо, но их из 3-х тысяч меньше десяти человек. Они как бандиты в ночное время ходят на промыслы. Хотя опасно, зато денежно. Я же не таков. Труднодоступные вещи я не могу их никак сбыть, хотя это вполне возможно. Сегодня ребята открыли парикмахерскую. Я тоже подстригся. Стащил брюквину. Большинство ребят удирали в город через бельгийские бараки. Я не удирал, ибо я ничего не достану, так как я не способен, а попасться могу. Я удрал с лагеря и пошел на поле собирать бураки. Вдруг полицей заметил нас, нам пришлось сидеть до тех пор пока не шли ребята штрафники с работы, в полутьме мы втроем пристроились так ловко, что сопливый полицей и не допер. Весь вечер и ночь сидели ребята у печки и варили бураки. Люди стали хорошими ворами, все были злые и отчаянные. (...)

11 декабря, суббота. (...) Мишка пришел ко мне, много с ним разговаривали, пекли с ним бураки и ели. Перед вечером делал стирку белья (первую стирку в этом лагере.) Вши очень распространились, часто их просто вытаскиваешь сразу по несколько штук, особенно из-под ремня. У Партизана они снуют по одеялке туда и сюда, как муравьи на муравейнике. Над ним шутили. Он чудаком казался. Высокий, костлявый,

длинный нос, точный Челкаш. Ходил в длинном, рваном военном плаще который прикрывал несколько штук банок, которые он цеплял за ремень. В них он наливал всякую баланду, которую недоедали французы там где он работал (в городе). 2 полиция и комендант ходили по комнатам, искали полосатика (нашли). (...)

16 декабря, четверг. (...) Прошел слух, что вчера удрало 3 полосатика на самолетах. Они ровняли аэродром и когда полицией куда-то отвернулся, они вскочили в только что направленный самолет и улетели. По ним даже где-то за городом стреляли. Вот это молодчики и я понимаю. Я думаю, они уже в России. (...)

19 декабря, воскресенье. Сегодня старинный праздник «Николай». У нас он назывался престольным. Как обычно в этот день завтракали очень поздно. Сегодня я отмечаю в тюрьме. Привели нас 5 человек и разместили по камерам. Первый раз в жизни глотаю тюремный воздух, напоминающий что-то заgrabное. Камера была очень высокая, но узкая. Выше решетки вставлен вентилятор, против выхода тоже. Это сделано для замерзания нашего брата. Было так холодно, что через полчаса приблизительно, я уже не чувствовал ни рук, ни ног, ни спины. Слышно, как в соседней камере кто-то бьется головой о стенку и я тоже по его примеру стал проделывать гимнастику, иногда просто со злом бился, словно думая убиться, чтобы не жить. Впотымах я спотыкался о какую-то доску, которая лежала на цементном полу. (Это была единственная доска по всем камерам.) Я лег на нее. Сколько я лежал не помню, знаю, что я бредил, одновременно вздрагивая от холода. Мне бредилося, что наша семья уже пообедала и мне оставили блинчики с салом и я быстро их съел.

Ноги окоченели совсем. Я встал и снова за гимнастику. Снимал кандал и разогревал ногу теплым воздухом изо рта. Но и это не помогало. Во рту было холодно. Вентиляторы работали правильно. Мне кажется, что если бы я не был светлый волосами, то они уже бы засветлели. Когда стало совсем видно, я под своей кроватью нашел чьи-то документы и фото. Нашел портсигар итальянский. День прошел мучительно, холодно, так идет и ночь. Вот уже проходит и ночь и полутора суток ничего не было в желудке и холод. Сильное изнеможение, еще одни сутки и настанет смерть. Мне кажется, я и так уже одной ногой стою. Когда-то я слышал, не то читал, что человек вполне может прожить неделю без пищи, для меня, в моих условиях довольно будет еще одних суток, это я

ручаюсь с гарантией. В моих условиях ни один бы революционер в прошлом не объявил бы голодовки (о которых когда-то я читал.) (...)

29 декабря, среда. (...) Во что только может человек превратиться и мне самому кажется, что я не тот Баранов Василий Максимович, которым был много времени назад, а я только теперь «русская свинья» за номером 25795. На груди у меня OST, на фуражке рабочий номер, а собственный номер в кармане, хотя заставляют носить на шее. Весь изнумерован. Что такое OST говорят, это «осел советской территории», а свежее будет «остерегайтесь советской твари». Мы еще им докажем, кто мы. Вечером была сирена, хотели бежать к железнодорожному мосту, но заблудились и сидели под дубом по которому шлепали осколки от зениток. (...)

1944

3 января, понедельник. Тревоги ежедневно, но город не бомбят, зато другим городам попадает хорошо. Кто-то принес листовку, которую бросили американцы для немецких рабочих. Все очень довольны, что так часто тревоги. Пусть бомбят все и наш завод. Погода слезная, угрюмая, дует сильный ветер. Сыро, зябко. Продал свою домашнюю фуфайку, с которой жалко расставаться, она у меня отвечала за все и выручала в холоде и постели. Но лучше и мне холод пережить чем голод. За нее я взял 8 марок, т.е. 400 гр. хлеба. Только хлеб не хороший, а наш, лагерный. Работаю снова в ночную смену у того же зверя-мастера. Ночью давали суп у кого есть талон, обычно немцам, французам и бельгийцам, итальянцам давали добавок, но русским ничего и прогонял шеф из кантины. Перед утром пошел в уборную, залез в немецкий кабинет и решил дрыхнуть. Вдруг слышу на меня холодная вода, я испугался, оказывается шеф проверял бездельников русских и итальянцев и выживал водой. Когда я вышел, он меня ударил два раза по шее. Если бы у меня было что-либо в руках я бы дал сдачи, но я был комар по отношению к нему. (...)

7 января, пятница. (...) Сегодня решил на работу не идти. Жрать ужасно хотелось и я пошел в помойную яму и насобирал там брюквенных очисток, а полицай заметил и хотел меня поймать, потому что не разрешают лазать в помойной яме. Я удрал, прихожу в комнату, ребята просят, я им дал, а Грише сказал, что в яме их много, но только смотри полицай. Он побежал и не заметил полицай, который уже следил за уборной, и только Гриша приложился собирать, как полицай ударил

сзади прикладом и убил насмерть. Я целый день не мог найти себя, ведь через меня его убили, если бы я не пошел, он бы и не знал. Вечером, когда комендант приходил в комнату, мы протестовали, что с нами обращаются хуже чем со скотом. Он что-то бормотал, идиот. Вечером труп куда-то увезли. Я так плакал, что по всему телу пошли синие жилы. В случае скорой победы и я останусь еще жив, то сегодняшний случай послужит еще большей мести этим фашистским извергам. Вечная ненависть им. Этот случай никто не сможет выбить из моей головы, пока она будет цела. (...)

12, 13, 14, 15, 16, 17 января. Трудно описать, что произошло со мной за это время. Дело в том, что я был замешен в саботаже. Поэтому чуть не поплатился жизнью.

Пришлось отлежаться в кранксбараке. Помню, когда я острым концом детали пробил воздушный шланг, кто-то сильно ударил по голове. Бельгиец мне сказал, что благодаря ему меня не судили, что он заступился, сказал, что я нечаянно упал на шланг, хотя фашист определенно знал, что это не случайность. Бельгиец на меня показывает, что если я не переменю своего отношения к работе, то они тебя расстреляют. Об этом они уже поговаривали и перевели меня в красильный цех для последней проверки. Здесь работать очень скверно, еще потому что краски настолько ядовиты, что совсем отравляют ослабший организм. Очевидно здесь я завершаю свой жизненный путь. Картошка оставленная ребятами была взята. Поэтому они помогают мне кто чем. Даже Бутроменко дал грамм 100 хлеба. Но все это плохо способствовало моему выздоровлению. В голове, по-прежнему, шумело, рана гноится, волосы необрезанные, прилипают. Синяки под глазами не проходят. Сегодня 17 января перед обедом я проходил мимо бывшего мастера-фашиста, он затрясся от злости и очевидно от страха я было хотел вцепиться в него, но благоразумная мысль отвела меня, он очевидно понял и сделал быстрый рывок в сторону. Новый мой мастер без конца укоряет меня в неаккуратности, сегодня два раза гонял мыть руки, дескать, детали грязнятся от твоих рук и сказал, что я партизан а также коммунист. (...)

19 января 44 г., среда. Сегодня вместо супа дали пареной картошки с устрицами. Устрицы были сильно соленые, поэтому кое-кто не доедал, мне отдали Партизан и дед. Но усталость, слабость, по-прежнему, даже в животе ничего здорового нет, пить ужасно хочется, в голове туман и сон. Ноги совсем не хотят ходить и сильно болят. Вестей с фронта ника-

ких нет. От русских я как-то оторван, а итальянцы политикой не занимаются. Все это создает еще большее огорчение. Возили тележку в цех к полосатикам, разговаривал с одним ленинградским парнем, он просил меня достать документы любого иностранца и расспросил как найти меня в случае, если очутится он на моей стороне. Мы условились. Все время нахожусь под впечатлением встречи с полосатиком. Конец работы в 7 ч. утра. (...)

21 января 44 г., пятница. Сегодня работали втроем, так как одного макаронника не было. Мастер справлялся, но ему ответили, что он арестован. Очевидно за то, что он ходил к одной немке, об этом якобы узнали немцы соседи и поэтому итальянца теперь повесят. Вообще итальянцы живут почти на положении русских, только им Красный крест помогает свой и американский. Мы же русские, как отверженцы, никому не нужны, хотя нас здесь миллионы. Русских в Германии больше чем другой нации. Вот наш лагерь считается штрафной, 3 тысячи человек. Когда как других 200 человек бельгийцев и французов. Мы огорожены проволокой в 100 рядов, а они ходят себе без «проводжатога». Но зато и русских мрет каждый день десятки и все от голода.

Русские выносливый народ, это не отвергнет никто. Но вынести такую кару надо чем-то питаться. По картошку не пойдешь, бурты забрали да и караул усилили. Вчера и сегодня совсем нечего есть. Новостей с фронта нет.

ДНЕВНИК
ЛИЗЫ
ВЕЙДЕ

«Мой отец, Георгий Иванович Вейде, происходил из старинного шведского рода. По всей видимости, его предки служили в русских войсках ещё с петровского времени. По семейной легенде, наш предок Вейде был в начале XVIII века контр-адмиралом и обучал моряков Петра I. Отец был парикмахером. Моя мама, Елизавета Федоровна Фогельгезанг, была мажорантой в парикмахерской - работала вместе с отцом». Эти строки Елизавета Георгиевна Вейде надиктовала в начале этого века петербургскому журналисту и исследователю Сергею Глезерову, который и опубликовал впервые её дневник в книге «Блокада глазами очевидцев». Записи 14-летия Лиза начала вести после эвакуации из Ленинграда на Кавказ, продолжала, будучи угнанной в Германию, а последние строки написаны накануне освобождения и возвращения домой.

Правда, попасть в Ленинград Вейде сразу не удалось как «политически неблагонадёжным». Пять лет Лиза с мамой и сестрой работали в мехлесопункте, валили лес. В город вернулись в 1949 году, Лиза поступила в артель «Автотранс», затем в Главленинградстрое трудилась диспетчером и нормировщиком.

«Елизавета Георгиевна жила одна, практически в нищете, в маленькой однокомнатной квартире в хрущёвке, - рассказывает Сергей Глезеров. - Последняя её работа - уборщица в общественном туалете. Когда она мне говорила об этом, то плакала, поскольку для неё такая работа была унижением. Но жить было не на что, приходилось выкручиваться. Ещё она была очень сердобальной и отзывчивой. В своей крошечной квартире приютила двоих гастарбайтеров с ближайшего рынка - мужа с женой. Они были бездомные, как она когда-то, и она их пожалела и приютила у себя. О дневнике она говорила так: «Когда я умру, я хочу, чтобы этот дневник передали в Музей блокады Ленинграда. Это самое дорогое, что у меня есть и что должно сберечь обо мне память».

Когда мы готовили к печати этот сборник, телефон Елизаветы Георгиевны уже не отзывался. Судьба её дневника также неизвестна. В Музее блокады его нет...

Есть - в этой книге.

Это было ровно в 11 часов ночи в **43 году 11 сентября**, когда мы отъезжаем от Мюнстерберга. Был хороший звездный вечер, когда мы выехали со двора. Песок, лошади с трудом тянут брички, полные вещами. Все мертво кругом, только невдалеке видно, как что-то горит. Фронт от нас в 20 км. Нас всего шесть деревень. Сперва выезжает первая и так дальше, наша третья по счету. Мы ждем всех около нашей мельницы - это конец нашей деревни. Но погода изменчива, и в 12 часов пошел сильный дождик. Тут стоишь около домов и не имеешь право зайти. Пока все в порядке было, но наступило уже утро, стало все светлее и светлее. Дождь перестал, но мы все мокрые и не спавши. На наше счастье день выпал хороший, солнечный, и мы можем выспаться за всю ночь. Вот уже едем пятый день, и мы переезжаем Днепр. Сейчас я сижу на подводке и записываю. Передо мной Днепр широкий. Солнце уже на закате (ночуем уже на улице около подвод), его золотистое отражение легло на голубые воды Днепра. Все кругом шумит, как в цыганском таборе. Везде, как только хватит моего глаза, виднеются только белые паруса лодок и широкие украинские степи. (...)

Вечер 16 сентября в 43 году. Пишу дальше и не хочу еще раз описывать утреннюю красоту Днепра. Мы выехали из города Борисослав - шикарный город, он лежит на одной из вершин, совсем на берегу Днепра. Есть о чем вспомнить, когда домой вернемся. Мы находимся в одной из украинских деревень - Юрьевка. Запущенное село находится в балке (балка - яма). Далеко от города. Нам говорят, что мы здесь останемся, но мы не довольны. Какие-то маленькие землянки, но зато много фруктов и хлеба. Один день, и едем дальше. Нам скучно и тяжело и куда ни кинься, везде не хватает папы, был бы он жив и были бы мы в других условиях. Сколько слез пролила я за это короткое время. Но ничего не сделаешь, значит, судьба моя такая, ведь не я одна сиротой осталась. А их миллионы. Мне было хоть уже 14 лет, а есть и маленькие дети, которые уже совсем круглые сироты. (...)

26/IX-43. На работу еще не ходим, хотелось бы поспать, но нужно лошадей кормить, на улице грязь, был дождь, но мне не страшно, я еду верхом на лошади, а другую веду под уздцы. Да кто бы видел из наших, что получилось из маленькой ленинградской девчонки. Настоящий разбойник. Знал бы это папа, что есть его дочь.

1 октября. Итак, еще не работаем, староста дает нам другую квартиру, потому что эта развалится скоро. Сегодня у немцев Покров, для нас

дают тоже праздник, но нам некогда и негде его справлять. Мы чистили сарай. А после обеда было что-то так грустно, что я осталась дома. А девочки ушли гулять. Сижу одна за партой и вспоминаю то одну, то другую историю в жизни. И это все нагоняет еще больше скуки. (...)

Наступило **21 января в 44 году**. Обед. Мы едем на станцию Закупное. Нам садиться на поезд, а лошадей забирают мужчины и едут назад. А мы одни за границу, прощай, несчастная Россия и наш любимый Ленинград. Вот переехали границу, едем по Польше. Сейчас стоим на какой-то из станций Кахонова и больше ни одной не знаю, потому что выходить не приходится, стоим по полчаса на станции.

Лезнау. Здесь нас встречали с музыкой и речью с песнями. Это было **ночью 29 января**, когда мы ночью в 11 часов подъехали к ст. Лезнау, и никогда не забуду, как я дремала, и вдруг сильные лучи электрического света осветили меня, и музыка, игравшая марш. Эшелон движется медленно, двери вагонов открыты настежь, мы все стоим и слезы текут по нашим загорелым лицам - мы плакали. Никто из нас не знает, почему мы плачем - слезы катятся сами. От пережитого горя и бог знает, что будет с нами дальше. И так с музыкой встречали нас здесь, но тяжело досталось нам потом. Медленно подъезжая, слышим мы речи, песни и музыку. Но у нас на душе тяжело и печально. Сотни рук протягиваются к нам, расспрашивая, откуда, как нам жилось, говоря и обещая бабушкины сказки в жизни здесь. Мы едем дальше, некоторые и там остались, но нас везут дальше. В четыре часа ночи прибыли мы на станцию Эйхенбрюк. Где нас тоже ждала до часу музыка, но мы опоздали. Мы подъезжаем, нас подхватывают сотни рук. Станция небольшая, но чистая, все блестит, электричество освещает все как днем. Нас везут в лагерь, где встречают нас сестры в белых халатах - столы накрыты и где только садимся за еду. Солома, но она чисто подобрана, совсем новые одеяла - каждому по два. И мы, уставшие после долгого путешествия, ложимся на солому.

Там были мы всего четыре дня, а потом повезли нас опять в другой лагерь - Зеегрунд. Когда мы туда прибыли, я думала, хоть конец нашему мучению, но это была неправда, опять приходится на соломе сидеть, холодно, маленькая печка, дышим, что даже глазам больно. (...)

Сегодня **воскресенье, 21 февраля**. Обед уже у нас готов, мы справились и вошли в комнату, женщины поют церковные песни, слушаем их, и наворачиваются у всех слезы. Зал плачет тихо, только видим, как у

Бантики, чулочки, кудри - она ещё не знает, что ей предстоит через несколько лет, когда с её образа сотрутся едва ли не все приметы человеческого бытия, а от неё самой останутся лишь страх, боль и пот. Русская рабыня - девочка Лиза с немецкой фамилией Вейде...

Она переживёт и это - и вернётся в Россию, домой. Но такой счастливой, какой была в детстве и до угона в Германию, не будет уже никогда... (Лиза Вейде на послевоенном фото - справа в верхнем ряду.)

Фото на странице - на книги «Блокада глазами очевидцев».

каждого скатываются слезы с глаз. Мы ведь все так далеко от родины, больше всего одиночки и на чужой земле.

Уже первое марта, но мы еще в лагере, завтра месяц как мы здесь. Сижу на соломе и записываю эти строки. И сидя думаешь только и мечтаешь, что будет дальше. Счастлив человек, который имеет отца. Он живет и любит, но мы живем и мучаемся уже третий год. (...)

Скоро опять 2 мая, уже будет два года, как нет у нас папы, как мы одни. Он никогда больше не придет и не пожалеет нас и не скажет, как всегда говорил: «Татуня, положи папирос», - его нет. Сижу одна в комнате, скучно, но ничего, нужно привыкать. Сегодня хочу идти к Эмили, она живет недалеко от нас. Я не знала, где она находится, но несчастный случай помог нам найти друг друга. Нина пошла в школу и встретила ее сестру. Случай помог, и я не одна, опять есть с кем поговорить.

Уже прошло три месяца, как мы здесь, но ничего новенького, домой ехать еще и не думаем. Один раз не успела я встать, как слышу - плачут люди и кричат мужчины. Я иду к окну - вот вам картина. Подводы, наваленные с вещами, и люди наверху. Куда они едут? Этот вопрос нас поразил. Но недолго нам пришлось думать - это были бедные поляки, которых под стражей отправляли на вокзал. Тяжелая картина лежит перед нами, и нам еще тяжелее становится на душе. «Зачем? За что?» - кричали они всю дорогу. (...)

11/VIII-44. Moorsand. На улице солнце, лето, хорошо, но на сердце моей тяжелый оттенок от жизни здесь. Все болит у меня, и так плохо на душе. Когда на работе в поле, то ничего не лезет в мою голову, а так всякая ерунда идет в голову. И каждый день одно и то же, только и слышишь, что тот убит, тот ранен. Позавчера встала я только с постели, недели две лежала я в кровати, думала, что больше не встать, но бог помог, я встала. Но от слабости хожу как медленно, голова кружится. Две недели я ничего не ела, кроме немного козьего молока. Не раз я вспоминала наши ленинградские больницы.

Moorsand. Солнце уже опять скоро сядет, опять прошел день незаметно, и так летят годы без перемен. Вот скоро пройдет лето, но войне еще не конец. И даже не видно впереди. Так мы сейчас живем: день отжил, и слава богу. Живешь без газет и радио, ничего не знаешь. Скука и мрачность окружает нас кругом. Только другой раз в выходной я сижу в саду одна и вспоминаю, что было раньше. Тяжело жить на чужбине. (...)

В январе 1942 года фашистским руководством была поставлена задача - вывезти с оккупированных территорий СССР на принудительные работы 1,5 млн рабочих. В результате облав было вывезено порядка 5 млн человек, из них 2,4 млн - из Украины, более 400 000 - из Белоруссии.

Фотохроника ТАСС.

1/XI-44 г. Не раз я, читая книги, спрашивала у родных, что такое значит жизнь в людях. Но здесь я сама испытала. И только горько заплачешь, глядя на папин портрет. Такая жизнь была в этом году, что будет дальше - никто не знает.

Песня

Ой, ты жизнь моя

Жизнь тяжелая

И большим камнем

Ты на сердце легла.

Но ничего не скажешь

Только подушке

Выплачешь свою тоску.

Но это не поможет,

И все же не поможет.

Нужно же идти, идти. Конец.

Сочинила, когда работала у крестьян, пасла коров. Это было летом в 44 году. Сентябрь месяц. А в день моего рождения лежала я дома больная. (...)

18/II-45, воскресенье. Уже пролетела неделя, как мы здесь. Люди говорят, что русские подходят все ближе и ближе, и нам веселее становится, что, может быть, скоро попадем домой. Идет вторая неделя, как мы находимся под крышей этого большого замка, когда лежишь на полу как свинья. Точно как в лагере год назад. Но разница одна, что мы не кормим вшей и можно сварить чаю. На дворе все ближе и ближе слышны выстрелы орудий. Из этого ничего хорошего не предвидится. С каждым днем ждем новой власти. Что будет дальше-то, мы еще увидим. (...)

ДНЕВНИК
БОРИ
АНДРЕЕВА

Свои юношеские записи, сделанные огрызком химического карандаша на угольных шахтах Германии, куда был угнан из псковской деревни, где проводил каникулы, Борис Александрович Андреев держал в специальном шкафчике под «секретным замочком», вместе с немецкими трофеями - биноклем, компасом и фонариком, вспоминает сын Андреева Юрий. И если трофей отец, ленинградец с Васильевского острова, чья семья пережила блокаду, с лёгким сердцем давал поиграть сыну, то на чтение дневника был наложен строжайший запрет.

«7.05.43. Сегодня умер один из нашей (ленинградской) партии - № 432». Смерти товарищей - лишь номеров в немецких гроссбухах, - чужие побегы, скудные марки, получаемые за рабский труд, унижения надсмотрщиков - он пишет об этом остраённо. Кажется, будто ведёт протокол, пишет не о себе - боится до конца поверить в то, что всё это происходит именно с ним, боится примерить собственную судьбу на себя...

«Отец даже ни разу не рассказывал о том, что пережил, когда был оstarбайтером и затем, после освобождения, на лесоповале в Приуралье, куда был отправлен уже советскими властями: слишком тягостны были эти воспоминания». Страницы дневника - истлевшего и заново переписанного Борисом Александровичем от руки уже в мирное время - сын прочитал только после смерти отца в 2000-м...

После того как Борю Андреева отпустили в отпуск в Ленинград - на этом обрывается дневник, - на лесоповал он уже не вернулся: заботами и хлопотами тётки-блокадницы удалось остаться в городе. Поступил в школу рабочей молодёжи, затем - в электромеханический техникум и всю жизнь проработал инженером-конструктором в «почтовом ящике» в Ленинграде. Дневник впервые увидел свет в 2006 году в книге П. Поляна и Н. Поболя. Сын дал разрешение на публикацию и «Аргументам и фактам»: «Эти страшные события начали сейчас забываться, и относиться к ним стали как-то... - он долго подбирал слова, - неярливо, походя. А об этих страницах знать нужно не только родственникам тех, кто нёс бремя войны. Нужно знать всем».

27.4.42. Нас 9 человек, которые должны ехать в Германию: 5 ребят - Николай Тимофеев, Николай Семенов, Иван Парамонов, Сергей Ястребов, я и 4 девушки - Нюра и Нина Муркины, Лена Кильк и Вера Тимофеева (сестра Николая Тимофеева).

Вышли в 9 ч. утра. Вещи положили на телегу. Фотограф, который появился у нас в деревне во время войны, сфотографировал нас вместе с провожающими - почти всей деревней. На Плоссу пришли около 4 часов. Немцы, проверив нас, велели идти к вагонам. Ребят и девушек разделили по разным вагонам. Вагоны товарные. В каждом вагоне по 30-35 человек. Расстелили солому, которая была в вагонах, и расположились. Но поезд не трогался. Так мы переночевали в вагонах, а провожающие нас родные ночевали где-то на станции. (...)

30.4.42. Продолжаем ехать. На одной из остановок на вокзале купил 5 шт. яиц по 30 р. за десяток. Вечером поезд остановился. Ночью нас повели в баню, а одежду дезинфицировали. После бани нас отвели в барак.

1.5.42. Утром дали супу и кофе. Затем нам обменяли советские деньги на немецкие. Вечером нас опять повели в баню. Дав супу, нас посадили в вагоны. Теперь вагоны пассажирские. Ночью переехали Германскую границу. (...)

5.5.42. Переночевав в вагонах, повели в баню. Мылись по 10 человек. Заставляли мыться очень тщательно. Сперва мылись женщины, потом мы.

Днем дали супу, хлеба и колбасы. Затем нас построили и по очереди проставляли на выданных вербовочных листках номера. Мне, как и всем ребятам с нашей деревни, поставили № 1, говорят, что с этим номером возьмут для работы на сельском хозяйстве. (...)

8.5.42. Утром дали баланды. Очень хочется есть. Домашние сухари давно кончились. Пообедав баландой с хлебом, нас повели к поезду. На одной станции сказали, что кто имеет красные бирки - выходить. Нас, 41 человек с красными бирками, пересадили на другой поезд.

Проехав км 20, нас высадили и привели в лагерь. Здесь мы узнали от украинцев, которые были привезены сюда около 3 месяцев назад, что они здесь работают в угольных шахтах. Мы сказали переводчику, что сюда нас привезли ошибочно, что нам, с красными бирками, сказали, что будем работать на сельском хозяйстве, а переводчик сказал, что это всегда так говорят, а привозят на шахты или заводы, так что нас привезли сюда не ошибочно.

Украинцы рассказали нам, что кормят плохо: утром чай, хлеба 300 г, масла 15 г, колбасы 15 г. В обед - баланда, вечером - баланда и 75 г хлеба. Вечером дали баланды и 75 г хлеба.

Лагерь кругом огорожен высокими столбами, обвитыми колючей проволокой. (...)

10.5.42. Часов в 7 утра нас подняли. Позавтракав, построили, пересчитали. Посадили в грузовик. Привезли на шахту. Выдали каждому шахтерскую лампу (аккумуляторную) и по несколько человек в лифте спустили в шахту. Пока мы шли до лифта, на каждом повороте нас останавливали и пересчитывали - боялись, что кто-нибудь убежит.

Опустились на 300 метров (так я слышал). Километра 3 проехали в вагонетках. Потом шли пешком с километр. Наконец пришли на место. Вкарабкались в низкий, узкий, наклонный длинный коридор, где и добывается каменный уголь. Здесь нас распределили по немцам. К каждому немецкому шахтеру прикрепили русского.

Наша работа заключалась в том, что лопатой откидывали уголь на решетки (конвейер). Немец работал отбойным молотком. (...)

11.5.42. Утром подняли в 3 часа. С сегодняшнего дня порция хлеба увеличена. Утром 500 г хлеба, 30 г масла, 30 г колбасы. В обед - баланда и вечером 100 г хлеба и баланда. Работали там же.

Наш лагерь находится недалеко от г. Саарбрюкен. Работаем на шахтах Готельборн и Виктория. (...)

31.5.42, воскресенье. Больным приказали собирать свои вещи. В 11 часов 27 человек, больные и пожилые, были отправлены из лагеря, поедут домой, как сказали. (...)

16.6.42. Сегодня я работал с другим немцем. Немец оказался очень вредным: орет на меня, заставляет свой и мой инструмент нести меня.

19.6.42. Работаю все с тем же немцем. Не знаю, как от него избавиться. Сегодня решил пойти к доктору, пожаловаться на зрение, чтобы он перевел меня работать на поверхность, но он сказал, что глазного врача нет, и оставил меня работать в шахте. (...)

18.7.42. Сегодня мне досталось как следует плеткой. Приехав ночью с шахты в лагерь, я прилег на койку в ожидании ужина и нечаянно заснул. В это время в комнату зашел полицай-немец и разбудил меня плеткой. (...)

21.8.42. Вчера один умер. Он работал на поверхности. Нужно было нагрузить 50 вагонеток угля. Из-за слабости он не мог работать. Немцы стали его бить, и в лагерь его принесли на руках, здесь он и умер.

Время, проведённое на принудительных работах в Германии, для Бори было, пожалуй, самым драматическим периодом в жизни. О нём он рассказал только своему дневнику и никогда ни словом не обмолвился об этом со своими родными и близкими.

Фото на лимного армяне П. Полина.

Сегодня убежало 5 человек.

Давали получку за июль. Я получил 26 марок.

Вечером удалось закосить (получить) 2-ю порцию супу. (...)

2.9.42. Ночью, когда мы приехали в шахты, налетели американские самолеты. Нас подняли с коек и повели в бомбоубежище. Народу было человек 700, и через некоторое время стало душно, не хватать воздуха. Некоторые не могли стоять и падали. После тревоги часа через 2-2,5 нас пустили в бараки. (...)

30.9.42. На работе немец дал мне горбушку хлеба и 2 груши. Я показал ему фотографии отца, матери и сестры. (...)

25.10.42, воскресенье. Сегодня всем выдали печатные письма, которые мы должны послать родным с запросом зимней одежды. Выдавали письма от родных. Написал письмо тете Поле. (...)

12.12.42. Несколько дней назад одному украинцу пришло письмо от товарища, убежавшего из лагеря. Он пишет, что благополучно добрался и живет дома. Шел только 4 дня, а потом сел на поезд и доехал до своей станции. Получивший это письмо через 2 дня убежал, но его сразу же поймали. (...)

23.12.42. Сегодня в лазарете умер один парень, из нашей - ленинградской партии. (...)

30.1.43. Вчера в шахте один немец мне рассказал, что в Сталинграде очень много окружено немцев. Сильно бомбят наши самолеты. Вообще на всех фронтах немец отступает. Сегодня утром по радио говорил Гитлер.

2.2.43. Сегодня в обед все отказались есть баланду. Комендант лагеря через переводчика спросил, почему мы не едим. Мы сказали, что такую баланду не дают даже свиньям, а вы людям даете. Комендант сказал, что через дня 2-3 привезут картошку.

В шахте одному парню сломало ногу.

3.2.43. Сегодня дали обед из трех блюд: вареная брюква, вареная трава какая-то и жидкая подливка - все отдельно. Никто не ел. Тогда полицейские стали ходить по рядам столов и плеткой заставляли есть эти «блюда». (...)

19.2.43. Немец продолжает отступать. Наши отвоевали большую часть территории. Взяты города Ростов, Орел, Харьков, Воронеж, наши приближаются к Киеву. Немцы понесли большие потери под Сталинградом. Гитлер и его помощники призывают рабочих напрячь все силы,

чтобы помочь армии. Работать по 10-15-18 часов в сутки. В лагере убрали радио в полицейской комнате. (...)

3.3.43. Сегодня я получил открытку из дома (деревни). Пишут, что живут по-старому. О девочках, с которыми мы уехали в Германию и с которыми мы расстались в Меце, ничего не известно. Просят меня поискать их, но как я могу искать. (...)

19.3.43. Из лагеря убежали 5 человек.

22.3.43. 4 человека вернулись в лагерь сами. (...)

4.7.43. Взвешивали. Я вешу 56 кг (мой рост 175 см). (...)

6.8.43. Получил посылку от тети Поли - сухари, письма. (...)

10.8.43. Получил вторую посылку от тети Поли. В посылке брюки, шапка, шерстяные носки, перчатки. (...)

25.10.43. Работаю на ленте (на очистке угля от породы). Дал немцу, который работает со мной, 10 сигарет. Он мне дал граммов 200 хлеба. Приехало 150 человек новеньких.

30.10.43. В уборной повесился один из новеньких. (...)

23.1.44. Не работали. Дезинфекции опять не было, а вши так и кишат. Получил от наших девчат письмо. Пишут - живут хорошо. (...)

10.2.44. Сегодня в шахте немцы убили пигелем (киркой) одного русского за то, что он ослаб и не мог как следует работать лопатой. (...)

На шахте Готельборн было собрание русских рабочих шахты. На нем объявили, что кто будет лениво работать или вести себя недисциплинированно, тот будет отправлен в штрафное отделение. Уже несколько человек попало в это отделение. Оно находится в отдельном бараке при лагере. Люди работают на тяжелом участке. В нерабочее время их заставляют производить уборку помещений, мыть полы и т. п. Отдыхать не дают.

Приставлено 2 новых полицая. В остальных бараках стало тоже очень строго. За неправильно заправленную постель направляют на 8 суток в штрафное отделение.

Баланду продолжают варить из одной сушеной капусты. (...)

23.4.44. Воскресенье. Работали. Наступает весеннее время. Тянет на волю. Из лагеря убегают почти каждый день. В субботу из нашей комнаты убежал один пожилой уже мужик. Его поймали. Ночь отсидел в карцере, а днем опять убежал. (...)

7.6.44. Сегодня объявили, что выход из лагеря воспрещен. Ходят слухи, что англичане высадили десант в Германии. (...)

6.9.44. В 2 часа утра нам сделали подъем. Сказали собрать свои вещи, выдали хлеб и машиной увезли на станцию. В 10 часов нас погрузили в эшелон и повезли. В пять часов вечера высадили и повели. Человек 200 отделили и поместили в находящийся там лагерь, а нас повели дальше. Наконец привели в какой-то лагерь. Никого там не было. Пока затопили котлы и сварили еду, прошло еще часа 2. Есть нам дали только в 11 ч. вечера. (...)

11.9.44. Подъем в 5 ч. утра. Выдали хлеба и повели на станцию. Привезли в город Форбах. Затем нас привели в загороженный в два ряда колючей проволокой лагерь. В нем живут поляки. Раньше они работали у бауэров (хозяев) - на сельском хозяйстве, а сейчас здесь работают на окопах.

Коек здесь на всех не хватает. Спим на полу. Полно у всех вшей. В деревянных койках полно клопов, спать невозможно. (...)

2.12.44. Выдали по буханке хлеба и повели колонной по шоссе в направлении г. Цвайбрюкен. Шли весь день и ночь. Я сильно истер ногу, отстал от колонны и устроился на остаток ночи под крыльцом одного дома. Утром пошел дальше один. До Цвайбрюкена оставалось 12 км. Я зашел в один дом, попросил спичек и в лесу сварил картошки. За 2 км от Цвайбрюкена переночевал. (...)

8.12.44. Пришел в Пирмазенс. Здесь встретил двух ребят, тоже отбившихся от колонны. Зашли в одно село (Кетришхоф), где работают русские на окопах, и стали там жить.

18.12.44. Перевели из Кетришхофа в Петербург. Работаем также на окопах. Спим в одном здании на полу. Заедают вши. Вшей так много, что я снял нижнюю рубашку, вышел во двор и стал их сбрасывать на снег. Снег стал серым от них. (...)

19.3.45. Утром часов в 5 нас повели дальше. Когда рассвело, над нами стали летать английские самолеты. Нас продолжали вести колонной. Асфальтовая дорога вся изрыта пулями. В придорожной канаве видели сидящего на корточках человека с рюкзаком на спине и без головы. Видно, разрывная авиационная пуля попала ему в голову. Мы продолжали идти. Дорога шла через лес. Я шел в начале колонны. Вдруг сзади застрочил пулемет. Все бросились в стороны, в лес. Я перепрыгнул через канаву, забежал в кусты и лег там. Самолеты поочередно заходили в пики и стреляли из пулеметов. Я лежал и каждую секунду ждал смерти. Вокруг дымились сухие листья от пуль. Наконец самолеты улетели.

Многие из остарбайтеров [восточные рабочие, так их называли немцы] не вернулись домой. Указание сверху было такое: «Все рабочие должны получать такую пищу и такое жильё и подвергаться такому обращению, которые бы давали возможность эксплуатировать их в самой большой степени при самых минимальных затратах». Тысячи умирали.
Фото РИА Новости.

Стало тихо. На свисток конвоира стали собираться. Несколько человек было убито, некоторые ранены.

Мы, четверо с одной шахты, решили колонной не идти и остались в лесу. Самолеты летали до самого вечера. Когда стемнело и перестали летать самолеты, мы пошли дальше. Шли всю ночь. Когда стало рассветать, мы двое, я и один паренек Вася, зашли в лес и целый день спали. Но самолеты не давали покоя. Около нас, метров в 100, разорвалась бомба. Мы лежали под валуном, и поэтому нас осколки не заделали, только небольшой камень ударил мне по ноге. (...)

23.3.45. Утром одна хозяйка дала нам поесть: кофе и хлеб с вареньем. Вечером пошли в другое село. Набредли на лагерь с русскими военнопленными. (...)

30.3.45. Утром ходили в село. В магазине купили хлеба без карточек и пошли обратно в свой подвал. Била сильно артиллерия. Недалеко от нашего пристанища сел американский вертолет. Группа французов и мы с Васькой пошли к нему приветствовать американцев. Но летчики нас близко не подпустили. Сперва они спрятались за вертолет и направили на нас оружие. Один француз вынул свой платок и стал им махать. Тогда летчики стали махать рукой, чтобы мы уходили. Мы ушли. Вечером появились американские танки.

31.3.45. По шоссе двигаются танки, бронемашины и автомашины с американскими солдатами. (...)

3.4.45. Решили отправиться обратно за Рейн, но по дороге нас задержали американские патрули и на машине привезли в г. Мангайм в русский лагерь. Ребята здесь не работают. Ходят по разбитым домам, достают себе шмотки и разную еду. Ожидают отправки на родину. (...)

5.5.45. Ходят слухи об окончании войны. (...)

11.5.45. Сегодня в соседнем лагере расстреляли одну русскую женщину. Она при немцах служила в Гестапо, допрашивала и била русских. Судили ее и расстреливали русские. (...)

5.6.45. Сегодня нам сообщили об отправке на сборный пункт г. Мангайм. Собрав вещи, мы пошли к школе, откуда на машинах нас привезли в лагерь Мангайм-Кафертиль.

7.6.45. Был концерт и американский кинофильм. Объявили, что завтра утром отправка на Родину. (...)

10.6.45. Ночью с нашего вагона пропал один парень. Утром нам сказали, что его «убрали» за то, что он при немцах был в их армии и рас-

стреливал партизан. На станции Гримма поезд остановился. На автомашинах нас привезли к мосту реки Эльба. По мосту мы перешли на другую сторону реки, где нас встретили наши.

Здесь же я расстался со своим другом Васькой (фамилия Куватов, кажется, башкир), с которым вместе жили около полугода. Расстались из-за того, что он был, оказывается, военнопленным, а военнопленных здесь отделили от нас. *(Фильтрацией (политической проверкой) гражданских лиц занимался НКВД, а фильтрацией военнопленных - военная контрразведка СМЕРШ. - Прим.)*

Отсюда нас привезли в город Ризу, а отсюда пешком направили в лагерь за 6 км от города. В лагере нас зарегистрировали, разбили по 100 человек и направили в бараки, где ночевали. (...)

29.6.45. Встали в 5 ч. Сделали км 18, позавтракали и отдохнули. В 4 часа капитан сделал нам информацию о присвоении т. Сталину И.В. звания Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда». Присвоение звания «Генералиссимус» с вручением второго ордена «Победа».

После политинформации пошли дальше. Шли до 9 ч. вечера. (...)

21.7.45. Вышли в 4 часа. Шли до 11 часов, сделав км 30. Проходя по деревням, женщины и старики встречали нас, некоторые плакали. В 18 часов после отдыха прошли еще 7 км и остановились у Государственной границы СССР на ночлег. (...)

2.9.45. Воскресенье. До обеда отдыхали. После обеда по тревоге пошли в расположение батальона. Помылись в бане. После бани раздавали письма. Я получил сразу 2 письма: из дома и от тети Поли. Большая радость. Мама пишет, что они все живы и здоровы. Тетя Поля пишет, что деревня сожжена, Николай Семенов приехал домой. Неделю жил дома, потом взяли в армию. (...)

21.11.45. К нам на участок приехали из Особого отдела. Всех будут опрашивать. (...)

28.11.45. Прошел Особый отдел. Записали все подробно с выезда из Ленинграда до освобождения американцами. Подписался раз семь и приложил отпечаток указательного пальца правой руки. (...)

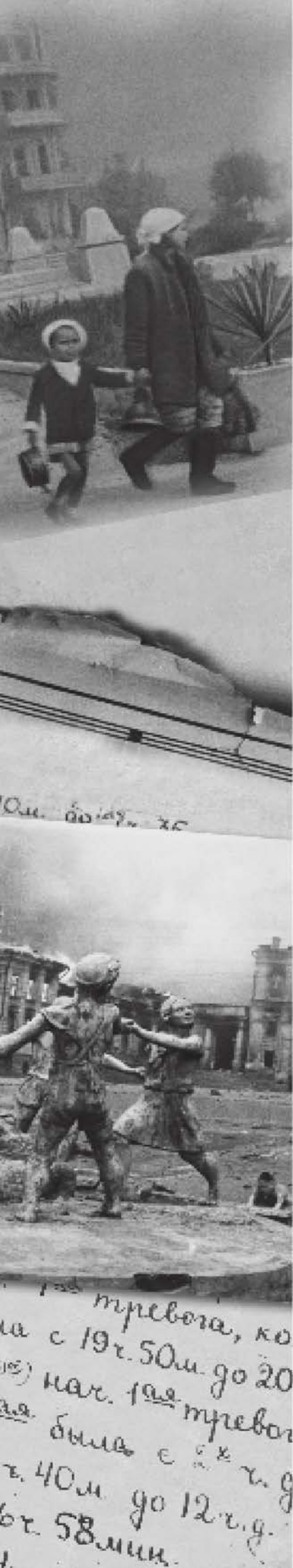
23.8.46. Сходил в Чермоз за костюмом. Завтра уезжаю домой - в Ленинград.

... так же по территории
 ... Яришан на
 ... краях, елки, шез, мору,
 на горе, а под ^{полюс} муз.
 как на ладони. Все здание,
 как обломки, только обуги
 более 1/2 города, и, при этом,
 и совсем не раск. Утром,
 и еще поре. Видимые трубы
 и обломки, где была ^{длина} ^{длина}
 ... Квартал на камне не
 ... значительная ^{длина} ^{длина}
 ... и целая ^{длина} ^{длина}
 ... только ^{длина} ^{длина}
 1/2 метра и меньше над зем.
 Нам дом каменный. То здание
 ... значительная ^{длина} ^{длина}
 ... и несколько
 ... дом, а нам дом
 на углу, все провози
 ... были обуги
 ... ^{длина} ^{длина}

... но
 ... и она

... 50 ми, 2
 ... 3 в - е
 ... с 1 в. 02 м. до
 ... что на
 ...

ЛИЦОМ К ВРАГУ: ФРОНТ И ОККУПАЦИЯ

тревога, ко
на с 19ч.50м до 20
нач. 19ч. тревога
была с 5ч. и д
ч. 40м до 12ч. д.
вс. 58мин.

Победа павших и радость обречённых

Согласно статистическим данным, за годы Великой Отечественной войны в результате немецко-фашистской оккупации погибли почти 14 млн мирных советских граждан. Из них более миллиона детей, точно - 1 005 285 человек. Это всего лишь цифры. Но, если понимать их смысл, могут открыться такие бездны отчаяния и гнева, что станет понятным обращение Ильи Эренбурга к советским бойцам от 1942 г.: «Убей немца!»

То, что творилось на территориях, оккупированных гитлеровцами, даже адом не назовёшь. Потому что нечеловеческим мучениям подвергались невинные. Прежде всего дети. Так, едва заняв Львов, немцы устроили чудовищную резню. Погибли тысячи людей, главным образом женщины и дети. На следующий день в витринах пассажа были выставлены трупы. Беременные со вскрытыми грязным ножом животами. Рядом изувеченные нерождённые младенцы и тело женщины с вырезанной на лбу пятиконечной звездой и отрезанными грудями. К животу её был пригвозждён штыком трёхлетний ребёнок - мать и сына убили одним ударом.

В последнее время находятс яруды, которые уверяют, что уничтожение мирного советского населения было вынужденной мерой гитлеровцев - те помогали партизанам. Это гнусная ложь. «Добрые» немцы начинали зверствовать сразу же, едва заняв населённый пункт. Так, в райцентре Волово Курской обл. фашисты находились всего 4 часа, после чего части РККА их оттуда вышибли. За эти часы погибли несколько десятков детей.

В некоторых деревнях и городках, которые были освобождены всего через несколько дней оккупации, погибли и были изувечены более 2000 детей. Среди них 14-летний Ваня Громов из д. Новинки. Гитлеровцы привязали его ремнями к стулу и ради развлечения отпилили правую руку пилкой. У 12-летнего Вани Крюкова из д. Крюково отрубили кисти обеих рук и погнали автоматными очередями в сторону расположения наших войск. Детей растаптали на воротах, вешали вниз головой, девочек подвергали зверскому групповому изнасилованию.

После этого даже самые маленькие дети не просто задумывались о мести. Те, кому выпало учиться ещё в советской школе, помнят имена пионеров-героев Вали Котика, Зины Портновой, Лёни Голикова... Всего же за годы войны орденами и медалями были награждены более 35 тысяч пионеров, защитников Родины.

ДНЕВНИК
РОМЫ
КРАВЧЕНКО-
БЕРЕЖНОГО

В оккупированном немцами западноукраинском Кременце, пряча блокнот на чердаке, скрывая его даже от родителей, Рома писал дневник, куда попадали подслушанные по уцелевшему приёмнику радиосводки с фронта и в котором велась хроника убийств: в городе организовывалось еврейское гетто. Роме в его 15 лет хотелось зарегистрировать все события, он чувствовал важность момента, дневник должен был быть не о личном. Но война не оставляла выбора. Фрида, еврейская девочка, школьная подруга... Её имя появляется всего в нескольких записях и потом исчезает, так же как исчезает с лица земли его первая любовь. Но её пепел всегда будет стучать в его сердце...

Дневник Романа Кравченко-Бережного был закончен за несколько месяцев до освобождения города. Рома ушёл в Красную армию. Чувствуя, что может погибнуть, сообщил домой, где спрятал дневник. Отец, бывший офицер царской армии, перелистав блокнот, найденный на чердаке, передал его Чрезвычайной комиссии по расследованию преступлений нацистов. В 1946 году его прислали родителям со следующим сопроводительным письмом: «Задержка с возвращением Вам дневника вызвана обстоятельствами, связанными с Нюрнбергским процессом. С благодарностью возвращаем дневник Вашего сына. Ответственный Секретарь Чрезвычайной Государственной Комиссии (П. Богоявленский)». Сам Роман Кравченко-Бережной в это время работал в Германии переводчиком, в том числе командировался в концлагерь Заксенхаузен, где собирал показания бывших заключённых и описывал вещественные доказательства: плошки с жиром из человеческих тел, аккуратно заполненные мешки с мукой из костей...

После возвращения домой Роман Александрович закончил физфак Львовского университета с красным дипломом и 33 года руководил лабораторией по исследованию физических свойств минералов в Кольском филиале Академии наук.

Пятьдесят лет, до смерти в 2011 году, прожил с женой Людмилой, которая помогала ему работать над дневниковыми записями, когда он решил положить их в основу собственной книги. Назвал её «Между белым и красным: стоп-кадры моего XX века».

11 июля 1941 г. Меня волнует много мыслей. Часто, лежа в постели, я подолгу не могу заснуть, все думаю. Да. Я имею счастье или несчастье жить в такое время, когда события не идут, а наступают одно за другим с молниеносной скоростью. Мы переживаем эпоху Наполеона, в гораздо большем масштабе. (...)

12 июля 1941 г. В течение двух дней Красная Армия сдерживала напор германских войск. Происходили упорные бои. Довольно долго войска держались на южном участке фронта, включая Кременец. По-видимому, тут был умный командир. Немцев несколько раз отбрасывали. Мы переживали хорошие деньки! Потом, окружаемые с севера, войска вынуждены были отступить. В ночь на 2 июля ушли предпоследние части, взорвав за собой шоссе. Последние части, для того чтобы пройти, должны были засыпать ров. Немцам взрыв ничуть не помешал. 1 июля мы простились с Советской властью.

Дальше буду писать завтра. Сейчас еще немного впечатлений от сегодняшнего дня. Утром пошел в город. По дороге видел, как воздвигали арку: «ES LEBE DIE UNBESIEGBARE DEUTSCHE ARMEE!» («Да здравствует непобедимая германская армия!»). Такую же арку возводили и для встречи большевиков и, возможно, те же энергичные «встречиватели». В воззваниях призывают помогать «фюреру» в его борьбе с «московскою навалюю». *Poczta pantoflowa* доносит о занятии Киева, чему я, впрочем, не верю. Будущее покажет. В городе реквизированы все приемники, так что нельзя узнать никаких новостей, кроме базарных.

Вечером по улице гнали советских пленных. С ними обращаются хуже, чем со скотом. Избивают палками на глазах у населения. Вот тебе и «германская культура», «die Kultur!».

Кажется, все. Постскрипtum. Дневник приходится запрягивать поглубже. Теперь за этикие «вольнодумные мысли» грозит, чуть ли, не расстрел. Я его прячу под ящик, который приходится поднимать каждый раз с усилием. Если дневник найдут и прочтут эти строчки, то узнают, куда я его прятал. Философия!

13 июля 1941. Пошел утром в город. Зашел к Ф., вместе пошли к Лембергам. У них еще царит переполох после недавних погромов. Ф. пошла со мной к нам. Взяла несколько роз, но не осталась посидеть, потому что у них тоже переполох, и ее не хотят выпускать из дому. Ко мне она ходила «нелегально». Надо мной смеются мои «товарищи», что я хожу по улице с еврейкой. Теперь я, действительно, узнаю, кто мой товарищ, а

кто «товарищ». Пускай смеются, это свидетельствует только о них. Есть хорошая поговорка: «Тот смеется хорошо, кто смеется последний». Недавно у меня был следующий разговор:

- Там твою симпатию, кажется, пристукнули.

- Нет.

- Нет? - с разочарованием. - Но ты уже не будешь с ней ходить?

- Буду. Почему мне с ней не ходить?

- А!

И «товарищ» ушел, не попрощавшись. (...)

17 июля 1941. Утром ходил к Ф. В городе висит распоряжение: всем евреям носить на рукаве белую повязку с шестиконечной звездой. Они превращаются в рабов Германии. Бедная Ф., что с ней будет?

...Страшно тяжело на душе. Это состояние не покидает меня ни на минуту. А что будет дальше? Националисты ведут себя скверно, похамски. Стоял в очереди за хлебом. «Милиция» (мне стыдно называть ее милицией - этих бандитов, у которых из-под куртки выглядывают ножи), не стесняясь, дает волю рукам. Когда смотришь на все это, подымается такая злоба, что вешал бы их всех своими руками. Очень тяжелое время. Переживем ли мы его? А как должны чувствовать себя евреи, Ф.? Она говорит, что хотела бы, чтобы ее убили. (...)

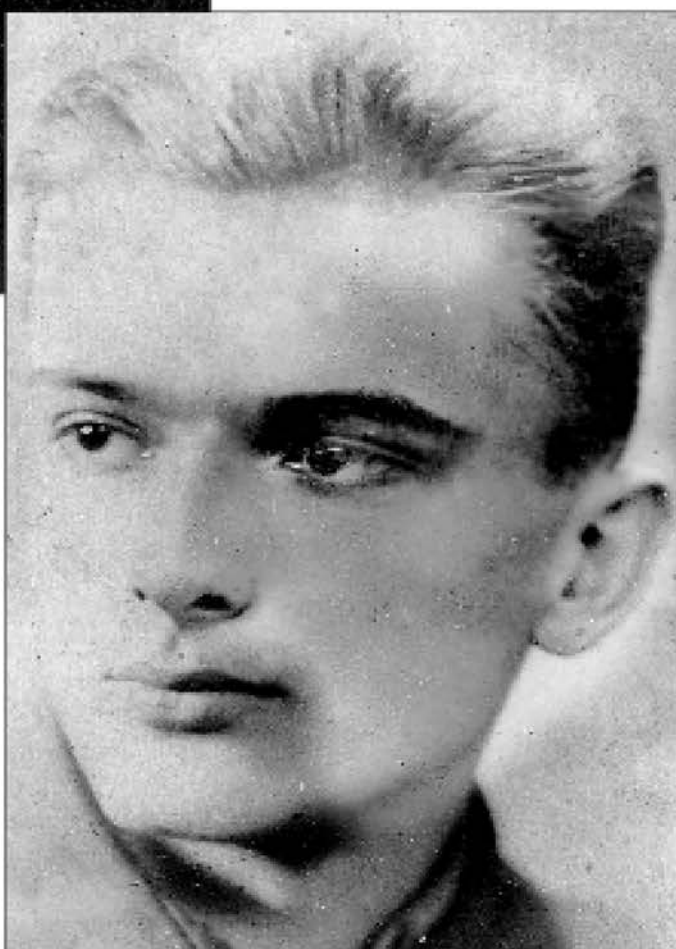
18 июля. Был в городе, видел Ф. Она стояла в очереди за хлебом. Она в последнее время очень плохо выглядит. Сказываются бессонные ночи, когда с минуты на минуту ждешь, что ворвутся националисты или немцы и начнут бесчинствовать. Бывали случаи, когда они ночью врываются в дом и требовали девушек. (...)

13-15 июля. 23-го была созвана в гестапо вся еврейская интеллигенция, их всех там задержали. Теперь часть выпущена, часть расстреляна. В общем, уже арестованы в Кременце более 600 человек. (...) Еще одно. Глава «украинского правительства» - знаменитый Бандера, убийца, арестован за выпущенный им «манифест», в котором имя Гитлера стояло после его, Бандеры... Вот вам и «вильна Украина». (...)

2 августа. Вчера вышел номер новой газеты. Она называется «Крем'янецький вісник», но кременецких вестей в ней как кот наплакал. Вообще, все, что написано там, можно было предугадать, даже не дотрагиваясь до нее: вся газета занята описанием «більшовицьких мордів», похвалами Гитлеру в компании. С фронта - ни одного слова. Это неудивительно: нельзя же писать об отступлении или неудачах.

На этом фото Роме Кравченко 9 лет. На шапочке - любимая его отцом георгиевская лента.

А на этом - 16. И будто пропасть между ними. Родной город занят фашистами, любимая девочка заключена в гетто, оттуда увезена на расстрел. На его, Ромкиных, глазах...

Фото на странице - из книги «Менду батын и красные: стоп-кадры нового 20 века».

Сейчас, когда пишу, слышен отдаленный гул канонады...

Морди - расстрелы в первые дни войны. Когда увели отца и Ростислава. (...)

Весь день сижу дома, читаю Твена. У него есть очень хорошие сатирические рассказы. Так зачитываюсь, что болят глаза.

3 августа. Бои идут, по-видимому, в районе Шумска, стрельба доносится оттуда. Кроме того, оттуда привезли нескольких крестьян, раненных снарядами. Но против этого говорит совершенно спокойствие в городе. Немцы устраиваются здесь надолго. Свозят мебель с баз, реквизируют нужные им вещи у населения. (...)

Прочел внимательно распоряжение о нормировке выдачи продуктов. Сначала продукты будут получать христиане, потом евреи. Судя по распоряжению, они будут получать достаточно, однако есть оговорка, а именно: в случае нехватки продуктов за распоряжающимися остается право изменить нормы. Ясно, что не хватать будет евреям, так как они будут получать последними. Им нечего надеяться на 300 гр. хлеба в день. (...)

4-6 августа. Свершилось великое событие: сегодня, во втором номере «Крем'янецького вісника» опубликована сводка германского командования. Она датирована 28 и 29 июля. Судя по ней, «більшовики дожидаюсь своєї заглади». Так-таки стоят и «дожидаются своей гибели». Буду вырезать сводки, касающиеся положения на фронте, и вклеивать их сюда. Когда-нибудь разберемся, а пока надо копить материал... (...)

17 августа. Никаких новостей, это меня опять вгоняет в отчаяние. Достал газету за девятое. (...) Зато второе сообщение курьезно. Оно озаглавлено: «Син Сталіна у полоні». Суть статьи видна из заглавия, нет надобности ее переводить. (...)

21 августа. Теперь самая важная новость: мероприятие № 2 против евреев. Вывешено объявление на еврейском и немецком языках, следующего содержания: с 20 августа евреям запрещается ходить по тротуарам, по причине большого движения. Для них достаточно мостовой. Дальше. Если еврей встречает на своем пути немца, он должен его обходить на расстоянии 4-х метров. Если это распоряжение будет нарушено, то при первом случае еврейская община обязана будет уплатить 10000 рублей. При повторном нарушении все евреи подвергнутся выселению из города. Не будем это наказание комментировать, и так все ясно. (...)

25 августа. Тревожные дни настали. Позавчера ночью в Шумске

высадились 240 парашютистов. Объявлено угрожаемое положение. 14 схватили, будут вешать. Остальные натворят дел. Но это еще не все. Вчера парашютисты высадились рядом, в Смыге, а сегодня двух парашютистов арестовали в Кременце...

Вчера появился новый «эдикт» против евреев. Сдать все ценности: золото и вообще. Можно только оставить обручальные кольца (не уверен, носят ли евреи обручальные кольца?). В общем, кременецкие евреи должны сдать 8 кг золота. Пополнить золотой фонд Германии.

Еще одна новость: нам возвратили радиоприемник. Не наш, конечно, и такой дрянной, что не ловит даже Москву и Киев. Ну, пока все. Что день грядущий нам готовит? (...)

1 сентября. (...) Поймал Москву, слушал передачу для школьников. Там сегодня, несмотря на продвигающегося врага, начался новый учебный год: все течет нормально. Слушал последние известия. Армия отступает, но как дорого это стоит немцам! За 29.8 сбито 125 немецких самолетов, большевики потеряли 24. Народ сопротивляется героически. Много сотен тысяч положит там Гитлер своих солдат, и еще далеко не известно, каков будет конец войны. О, нет! Уверен, мы еще проживем. Потому что положение, в каком мы находимся сейчас, нельзя назвать жизнью. (...)

4 сентября. Еще о радио: его забирают. Сегодня вывешен приказ - сдать все радиоаппараты. В случае неисполнения - смертная казнь. Срок - до 10 числа. Хорошо и то, денька два еще послушаем, а потом придется сдать. И второй приказ. Сдать до 10-го все оружие и военные материалы. В случае неисполнения - смерть. Это, по-видимому, на них действуют партизаны. Их развелось до гибели по всем лесам. Вооружены пулеметами, гранатами, мешают немцам спать. Они и сердятся. А у меня в погребе пулемет и два противотанковых орудия! Придется отвезти. А на карандаше - наконечник из винтовочной гильзы. Придется закопать, не то расстреляют невинную душу. (...)

20 сентября. Немцы заняли Киев и Полтаву - такие объявления висят сегодня в городе. По этому случаю в соборе будут служить молебны. Черт бы их всех побрал. Передушил бы их всех, попов и остальных, с сердечным наслаждением. Сволочи! (...)

29 сентября. (...) 27-го введены новые «знаки отличия» для евреев: желтые круги диаметром в 10 см на груди и спине. Вид препротивный. Что будет дальше, и чем это все кончится? (...)

30 сентября. Сегодня видел картинку, которая теперь - обыденное событие. На базар во время торговли нахлынули бандиты из «милиции». Христианам приказали разойтись, евреев хватали, искали у них масло, яйца, запрещенные продукты. Удирающих ловили и зверски избивали. Дикая беготня по Широкой, крики, улюлюканье. Это называется «ревизия». (...)

7 октября. (...) К школе понемногу привыкаю. Нашел в классе пару бывших русских, теперь они украинцы. Русскими они были при Советской власти, когда ко всем национальностям было одинаковое отношение. С этими русскими-украинцами надо быть осторожным: если было легко переменить национальность, нетрудно будет сбегать в случае чего и в гестапо. (...)

12 октября. Позавчера «заболел» и пошел в кино, на первые места, за 5 рублей. Потом горько раскаивался. Фильм - непобедимая германская армия и так далее. Больше в кино ходить не намерен, но болеть почаше - да. (...) Достал газету. Интересны новые «прогрессивные» распоряжения комиссара. Запрещается продажа картошки. Кто бы подумал, что дойдет до такой нищеты. Вторым распоряжением приказывается до 14-го удалить со стен домов, заборов и т. д. все объявления, изданные не комиссаром. Также запрещается и впредь писать какие бы то ни было объявления без разрешения комиссара. Новая пощечина господам националистам.

16 октября. Хотя, если надеяться на зиму и на бесконечные русские просторы, дело представляется в несколько ином свете. Но... Везде это «но». Если предположить, что немцы дойдут до Урала и война этим или еще до этого - с занятием Москвы - не закончится, немцы не рискнут сунуться в Сибирь зимой. Может произойти то, что лежит в планах Германии, а именно: Германия до Урала и Россия за Уралом. Но в планах Японии - Япония до Урала. А где же Россия? Все это, если предположить, что война закончится победой Германии. Пока зима далеко, погода стоит сухая, а мне охота застрелиться. Жаль, нет ничего вроде револьвера.

Это я пишу так, сам не знаю зачем. Но если бы пришлось умирать и я знал, что в Европе, по крайней мере пару десятков лет, будет «национал-социализм», я бы своей жизни не пожалел ни капельки.

Я видел германские открытки с картой Европы, на которой Германия располагается до Урала; знаю немецкую песню» Дойчланд, Дойч-

ланд юбер аллес!» и знаю, что Гитлер никогда не отказывается от своих намерений. И не знаю, чего ждут от Гитлера господа местные националисты. Среди них нет, кажется, ни одного человека с мозгами. Они верят Гитлеру как богу. Не знают, дураки, что у него язык без костей и то, что он произносит в своих речах, принимают за чистую монету.

Хотя то же самое и господа российские националисты. Вот как они представляют себе будущее: война кончается, немцы воздвигают на трон Российской империи какого-нибудь Романова (из немцев) и великодушно оставляют Россию. Начинается «возрождение»: культурная и церковная жизнь бьет ключом, «мчится тройка удалая» и т. д. Идиоты...

10 ноября. Иду в школу. Навстречу - вооруженная группа, впереди - четверо из гестапо, за ними - наши гайдамаки. Это удивило: подобные шествия мне до сих пор не встречались. Высидел в школе положенное время, возвращаюсь домой, в животе - похоронный марш: 250 гр. хлеба и прочее. И вот, на Широкое - обилие гайдамаков, а перед домами, где звезда, кроме гайдамака еще и воз стоит. С добром: перины, подушки, чемоданы, всякое барахло. Ничего не понимаю.

Прихожу домой, и тут меня, или мою шинель и сапоги, встречают как вставших из гроба. Оказывается, в городе «чистят» евреев, чтобы они не очень обживались. Роль гайдамаков - лакействовать, присматривать, чтобы германское государственное добро (еврейское добро) не пропадало. Войдя в азарт, они сняли на улице с нескольких человек сапоги, какие получше. Вот почему меня так радостно встречали целым и невредимым. (...)

18 ноября. (...) Один наш знакомый явился вчера из Киева. Рассказывает, что Киев, в общем, пострадал мало, но страдает теперь. На четвертый день после вступления немцев стал рваться Крещатик, дом за домом. Погибла масса немцев... Чтобы тушить горящие дома, проложили трубу к Днепру, водопровод не работает. Неизвестные перерезали трубу в четырех местах. В ответ немцы перебили 170 000 - сто семьдесят тысяч - евреев... взрывы и пожары продолжают по сей день.

Наш знакомый рассказывал, что немцы подошли уже к минным полям, окружающим Москву. По их словам, Москва защищена такими укреплениями, каких им еще не приходилось видеть...

Еще, с его же слов, о событиях в Ровно. Там уничтожили семь тысяч евреев. Приказав взять все ценное, их всех погнали за город, велели раздеваться догола и, отводя к приготовленным уже ямам, бросали вниз,

забрасывая гранатами и расстреливая из пулеметов. Земля, которой засыпали ямы, долго еще шевелилась.

22 ноября. А нашу школу прихлопнули. Распоряжение комиссара мотивируется тем, что распространяются тиф и другие болезни. Обещают открыть школы весной. Посмотрим. А пока что я - безработный элемент. В местных «кругах» царит гробовое настроение... Больше писать не могу, тут на чердаке чертовски холодно. (...)

5 декабря. Позавчера было опубликовано воззвание гебитскокомиссара, в котором он объявляет, что «вынужден был издать в Почаевском районе строгий, но справедливый приговор», в результате чего 80 человек расстреляны за коммунистическую деятельность. Сегодня в городе висят огромные объявления приблизительно такого содержания: «Кто выдаст врага или вредителя германского народного хозяйства, врага Украины (при чем тут Украина, не знаю), тот будет награжден премией в 1000 рублей; премия может быть по желанию выдана натурой. Фамилия осведомителя будет сохранена в глубочайшей тайне». Знают, как обращаться с местным гадом. Такой готов за килограмм сахара родного отца выдать. (...)

22 декабря. Положение изменилось. Которые паникеры, те меняют марки на рубли. Немцев опять колотит на фронте. Даже наша газетка, до чего паршивая, и то поместила сообщение, что, мол, по причине сильных морозов командованию пришлось изменить тактику ведения войны и в некоторых местах **ВЫРОВНЯТЬ ФРОНТ**. По слухам, отбиты Харьков, Орел, Курск и многие другие города, но я этому не особенно верю. Идут сильные бои под Севастополем... (...)

12 января, 1942. Вчера в газете были новые распоряжения самого рейхкомиссара Коха. Ходить можно только до восьми, на час меньше. Распоряжения о диверсантах, спрятанном оружии, о советских военнопленных - выдавать, если совершают побег.

После «сбора теплых вещей» кременецкие немцы ходят в валенках Советских. Меня холера берет при виде этого... (...)

21 января. Улицы, которые с приходом немцев получили названия Мазепы, Петлюры, Богуна и пр., с сегодняшнего дня все переименованы в немецкие - Риттерштрассе и т. д. Представляю себе настроение господ «патриотов» и прихожу в умиление. (...)

По-моему, теперь 80% населения - за Советскую власть. Удивительно быстро у него меняются убеждения. (...)

31 января. У нашего комиссара - гости из центра. По этому поводу он вчера устраивал бал. А вообще - ГЕТТО. Евреям отдан приказ очистить 10 улиц, на которых живут немцы. Это - до 14-го. А в течение следующих 6 недель в городе будет организовано закрытое гетто. В город противно выйти. Картины, какие не повторяются. Люди молча оставляют свое добро. Для них выделены самые грязные, густо заселенные улицы. В городе 10 тысяч евреев. Если всех их упаковать в эти улочки, то одно можно сказать наверное: тиф. В городе запрещены всякие торги по причине тифа. А где он - черт его знает. Это, по-видимому, удобная для немцев штука, на нее можно все сваливать. (...)

13 февраля. В связи с гетто все евреи должны побрить головы, а женщины - постричь по мужски. Представляю, какво расставаться с бородой ветхозаветному раввину... Вчера наблюдал у парикмахера тяжелую картину: туда пришла очень интеллигентного вида еврейка с чудной густой косой. Когда парикмахер отрезал ее, с женщиной произошла истерика. И еще. Еврейские девушки «на гвалт» выходят замуж: комиссар потребовал от еврейской общины поставить для немецкого публичного дома 60 девушек. Пока есть двадцать, остальные повыходили замуж. (...)

22 февраля. Пишу в кровати, ночью, другого подходящего времени нет: с 16-го числа работаю на фабрике гребешков. Работа очень противная, пыль такая, что, выйдя оттуда, я похож на пекарского помощника. Кроме того, ужасный визг и шум. Впрочем, ничего, выдержу. (...)

Наша бывшая Широкая, потом Мазепы и теперь Риттерштрассе принимает необычный вид, одна ее сторона отходит к гетто, там огораживают все улицы и переулки заборами, забивают досками все окна и двери... Одна сторона улицы живая, рестораны, милиция пьяная шумит, другая - забитая, мертвая, отвратительная. И есть люди, которые радуются этому новому облику города. Гетто огораживают со всех сторон, вход будет, кажется, только со стороны сгоревшей синагоги.

И еще о публичном доме: так и открутились, это обошлось в 60 000 рублей, по тысяче за каждую. (...)

12 марта. (...) «Милиция» облегла все комиссионные, которых за последнее время развелось без счету, от всего товара, частично - от стекол и прочего.

Все переулки, ведущие к Риттерштрассе, перегорожены рогатками. У въездов в город тоже поставлены рогатки. Скоро, по-видимому, станут возводить вокруг города стену, что-то вроде укрепленной линии,

снабженной дотами, для защиты мирного населения от... жизни. Они, видите ли, заботятся, чтобы мы могли спокойно сдохнуть с голоду. (...)

28 апреля. Такие дела у нас тут, боюсь нос из дому высунуть. Наш директор ходил в «арбайтсамт» узнать относительно школьников. Ему, конечно, ответили, что школьников брать на работы не будут, можно не беспокоиться и т. д. Это была правда, на тот день.

В село приходит приказ (пример Куликов, сведения из надежного источника) представить 45 добровольцев на выезд на работы в Германию. Собирают сход, назначают 45 человек, в селе подымается невообразимый вой: «избранных» готовят к отъезду. Это - в селе. В городе ходили в тот день только слухи. Но вот картина, свидетелем которой я был вчера. Большая партия евреев под эскортом «архангелов» возвращается с работы, человек четыреста. У входа в гетто их задерживает «милиция» во главе с жандармом в каске. Жандарм с проклятиями выволакивает из толпы десять жертв. Крики, шум. Жертв окружает «милиция» и уводит. Вот и все. Они не вернутся. Вчерашней ночью из гетто забрали триста человек, их тоже вывезли. Эти события вызвали такую панику, что остальные, отработав свое время, остались на предприятиях ночевать, боясь возвращаться домой.

Но это не все. Известно, что немцы, испытав какое-нибудь новшество на евреях, немедленно переходят и на «свободное» население. Это началось сегодня. В Кременце была ремесленная школа, там учились щенки, не окончившие 5 классов. Так вот сегодня всю школу в полном составе погрузили в машины и увезли. Моторизация. Жду нашей очереди. (...)

5 мая. Город постепенно успокаивается после пережитых страхов, набор переходит в более спокойную и организованную форму, на улице людей не трогают. Результаты «добровольного выезда»: вывезены все шоферы, каменщики, столяры, вообще ремесленники. Большое число евреев...

На нашу компанию в школе, по-видимому, имеется серьезный донос, чуть ли не в организации антигосударственных кружков. Узнал об этом от моего учителя, поляка Бопре. Обещал держать в строжайшей тайне, но думаю, что в дневник записать можно. Ведь если он попадет в нежелательные руки, в нем и так материала достаточно, чтобы отправиться в стратосферу. (...)

26 мая. (...) Из Кременца несколько дней назад ушел еще один, са-

мый большой эшелон с рабочими. Вот что рассказывают некоторые из мобилизованных, которым удалось улизнуть раньше. В первый день их кормили сносно: выдали хлеба и колбасы, но так было только в первый день. Но вот эшелон останавливается на какой-нибудь захолустной станции в Германии, на перроне стоят крестьянки, они выбирают себе рабочих. Их выводят из вагона, выстраивают, и начинается осмотр: их щупают, месят, заглядывают им в зубы. Если скотина (рабочий) отвечает требованиям, ее (его) уводят. Это смахивает на торги невольниками в древние века. Да и вообще вся эта воспетая немецкая культура, на которой теперь строится «Новая Европа», сильно смахивает на Средневековье. Нет Святейшей инквизиции, но есть гестапо, СС и прочие учреждения. (...)

5 июня 1942 года. Вчера мне стукнуло 16. Не нашел нужным отмечать этот факт, настолько сереньким он мне показался на этот раз. Вот в прошлом году он действительно был радостным: я надеялся, мечтал... А теперь? О чем я могу мечтать теперь? О 200 гр. хлеба вместо 150, выше мои мечты залететь не могут, их назовут сумасшествием. Тогда было светло, ясно на душе: вот окончены испытания, а впереди еще длинное лето со всеми его удовольствиями и радостями. Мечты залетали высоко: закончу десятилетку, поступлю в высшую школу, буду работать во имя какого-то идеала. Все это рухнуло с треском в течение нескольких дней, да еще с каким треском! (...)

2 июля. Сегодня годовщина со дня вступления немцев в Кременец. Самый тяжелый год моей недолгой жизни.

Помню как сейчас. Жаркий, душный день. После взрыва фугаса на Широкой, наступившего в полночь, необычайная тишина. Часов в одиннадцать утра с улицы доносится треск мотоциклов, потом опять тишина. Но все уже ясно, и так тяжело становится на душе, невыносимо тяжело: ведь все потеряно, кончена жизнь.

На улице - стук тяжелых сапог, а потом - шум приближающегося обоза. Подымаюсь на пригорок: по улице в два ряда едут повозки. Огромные кони, белобрысые люди в незнакомых серых мундирах. Стоит говор, чужой, непонятный. Солдаты смотрят исподлобья, недоверчиво.

Непрерывное движение в два ряда продолжалось еще много дней. Становится ясно, почему они победили: движение советских войск продолжалось день-два, потом улица вымерла. Ясно, что в начале войны

на стороне немцев был не только качественный, но и количественный перевес. Ну, хватит.

В обращение введены новые деньги - 10, 20, 50 и 100 «карбованців». Деньги напечатаны на немецком и украинском языках. (...)

Сегодня над городом на большой высоте, за тучами, шел самолет. Он блеснул только раз на солнце, и мое сердце подпрыгнуло: он блеснул серебром! Немецкие самолеты все окрашены в темные цвета, этот был серебряный, значит - советский, свой! Да и с какой стати немецкий прятался бы за тучи, значит ясно - свой. (Может, и не был свой, но я себя уверил, и мне радостно.) (...)

20 июля. Опять начинается нажим на евреев. Им приказали выдать из своей среды 300 коммунистов. Кажется, все это кончится так, как в Ровно, где в настоящее время евреев нет совершенно, если не считать нескольких десятков специалистов, которых до поры до времени пощадили.

27 июля. (...) Местные события концентрируются в последние дни вокруг еврейского вопроса. Евреев преследуют все больше, в гетто паника, ожидают погрома. Сегодня ночью застрелили двух евреев, которые пытались пробраться в гетто, они пропадали где-то в поисках продуктов. Невозможно описать все злодеяния, которые немцы совершают в отношении евреев.

Вчера было воскресенье, отправился на речку. Там собралось блестящее общество: офицеры, сам заместитель гебитскомиссара с любовницей, пивом и патефоном. Тошно было смотреть, как они себя вели. Дамочка переодевается в купальный костюм. Не подумайте, что она с этой целью пошла хотя бы в кусты. Она переодевается при всех. «Муж» прикрывает ее накидкой, оставив щелочку для себя, да такую изрядную, что половина пляжа имела возможность насладиться созерцанием. Но когда раздевался сам, его никто не прикрывал. Сняв все, он еще понежился слегка на солнышке. В этом - вся их «культура». (...)

30 июля. Теперь - источники неофициальные: опять о партизанах и парашютистах, сообщение из Луцка. Как результат хлебной политики, которую проводят немцы, масса крестьян, особенно - молодежи, уходит в леса и начинает борьбу с немцами. Совершают нападения на мельницы, на обозы с хлебом. Опять усилилась деятельность парашютистов. (...)

6 августа. С сегодняшнего дня закрываются магазины, в которых

выдавали хлеб, теперь им делать нечего. Будут выдавать муку, только работающим.

Несколько дней назад в городе гостило проездом гестапо. Посещение ознаменовалось тем, что вывели в расход в тюрьме 150 человек. Думать ни о чем не хочется. Записываю факты, и все. Если начнешь думать, можно свихнуться, а я еще хочу жить. (...)

8 августа. В городе ожидается еврейский погром. Все данные говорят за то, что он должен произойти в ближайшее время. В городе имеется 6 грузовиков, принадлежащих гебитскомиссару. На них устроили высокие загородки из досок. В городе опять появилось гестапо; они одолжили на предприятиях около сотни заступов и лопат. Ясно?

Вечером. Объявлено что-то вроде осадного положения. Ходить можно только до шести.

Днем был в городе. По нашей главной улице Широкой - Риттерштрассе ходить нельзя, там масса милиции. Они стреляют, если в гетто кто-нибудь выглянет в окно или появится на улице... По некоторым сведениям, утром вывезли около тысячи пятисот человек - врачей, инженеров, ремесленников. По-видимому, вывезли тех, кого не будут расстреливать. Говорят, в гетто есть оружие, оттуда отстреливались, даже будто бы убили жандарма. Жаль, что только одного.

Стрельба, замолкшая днем, сейчас опять усилилась. Что будет ночью?

Эта сволочь имеет наглость называть себя христианами, у них даже на поясной пряжке надпись «Gott mit uns» - «С нами Бог». Если он есть, то хорош же бог, который смотрит на все это спокойно.

Слышен пулемет. Что должны чувствовать люди, обреченные на смерть, забившиеся по углам своих домов? Жуткая тишина. Ясно доносятся пощелкивание револьверов, короткие пулеметные очереди и тяжелые удары шуцмановских винтовок. Предстоит тяжелая ночь. Если они решили защищаться, это может продолжаться и целую неделю! попробуй повытаскивай их из всех погребов в этом грязном, в закоулках, квартале.

Тетрадь кладу под подушку, буду писать ночью, не хочу пропускать ничего. Может быть, когда-нибудь и мои записки послужат уликой на суде над этими извергами и над их вождем Гитлером - «освободителем».

11 августа. Последний акт трагедии в нашем городе подходит к концу. Пишу о вчерашних событиях. Вчера не мог, не был в силах.

За вчерашний день расстреляны около пяти тысяч человек. У нас за городом - старый окоп, длиной около километра. Окоп Якутского полка, стоявшего в нашем городке при царе. Там производят экзекуцию. Вывоз из гетто начался приблизительно в три часа утра и продолжался до поздней ночи.

Ужасное зрелище! Ворота гетто широко открыты, и за ними - очередь обреченных, по двое в ряд. Подъезжает автомобиль, очередь в молчании подвигается, первые пары укладываются на дно грузовика, следующие - на них, так - в несколько слоев. Полное молчание - ни говора, ни крика, ни плача. Пьяные в стельку шуцманы подгоняют отстающих прикладами, ими же утрамбовывают лежащих в грузовике. Грузовик отъезжает, дает газ и мчится за город.

Навстречу едут такие же грузовики с высокими дощатыми бортами, наполненные одеждой. На ней сидит «милиционер», с довольным видом играет дамским зонтиком. Вид у него довольный не даром: полные карманы часов, пять вечных перьев, несколько костюмов и каракулевое пальто он оставил по дороге в верном месте. Кроме того, он выпил уже по крайней мере литр.

Грузовик мчится за город. Четыре шуцмана, стоящие по углам, то и дело матерятся и опускают приклады на спины лежащих.

И вот место назначения. Грузовик останавливается, обреченные сходят, раздеваются тут же, мужчины и женщины, и по одному движутся ко рву. Ров наполнен телами людей, пересыпанными хлорной известью. На валу сидят два раздетых по пояс гестаповца, в руках пистолеты. Люди спускаются в ров, укладываются на трупы. Раздаются выстрелы. Конечно. Следующие!

Не знаю, что может чувствовать человек в свою последнюю минуту, не хочу думать, можно сойти с ума.

Были такие, кто пробовал сопротивляться, не хотел раздеваться, не хотел входить в ров. С ними кончали на месте и сбрасывали в яму.

Видели человека, который, направляясь к яме, жевал хлеб.

Милиционеры, единственные непосредственные свидетели всего этого, после нескольких минут пребывания там трезвеют. Их заряжают новой порцией алкоголя. Гестаповцам заряжаться не надо. Им это не впервой.

Они забрасывали еще живых людей гранатами в ямах в Ровно и наблюдали потом, как земля двигалась под напором шевелящихся тел, это

на них не действовало. Они расстреливали бесконечные ряды людей, выстроенных над дорожными рвами в Киеве. Они перед погромом в Дубно отделили всех специалистов, предложили им выбрать по одному ребенку из своих детей и возмущались, впадали в бешенство, когда эти несчастные отказывались работать, прося, чтобы их расстреляли вместе с семьями.

Один за другим едут автомобили. Уже вечер, они не так наполнены - на дне сидят женщины, девушки, дети. Одна бессмысленно улыбается. Другая поправляет платочек на голове. Да вы же через десять минут будете убиты, поймите это, сопротивляйтесь, наконец!!! Нет.

Люди в апатии, лишь бы скорее кончилось, лишь бы скорей. Так действуют голод, побои.

Вот едет Арек З., мой приятель. Сидит с края, голова опущена за борт машины, он смотрит на камни мостовой, мелькающие под колесами. Каждый камень - ближе к цели, ближе к концу жизни человека, не видевшего еще жизни. Я не забуду его лицо, лицо человека, который знает, что через несколько минут будет мертв, а через час его тело, разьедаемое хлоркой, будет покрыто еще несколькими слоями тел. Надо быть в положении этих людей, чтобы перечувствовать все то, что чувствовали они, по крайней мере те из них, кто мог еще думать и чувствовать. (...)

Кошмар подходит к концу. Еще нельзя ходить по Широкой, еще раздаются отдельные выстрелы и по улице за город мчатся отдельные машины. Вывозят и расстреливают последних, тех, кто прятался в подвалах, надеясь этим спасти жизнь. Они выиграют только в том, что их тела будут лежать сверху. Теперь в гетто идет самый разнузданный грабеж. Грабит «милиция», грабят под ее покровительством все, кому не лень. Пройдет несколько дней, приступят к разрушению гетто. Через несколько месяцев на месте, где жили и волновались семь тысяч человек, будет ровная площадь.

Вчера уничтожили евреев в Бережцах. Сегодня гестапо уехало в Почаев и Вишневец. Там сегодня происходит то же, что у нас - вчера.

14 августа. С 10-го числа по сегодняшний день расстрелов не было, потому что главные палачи - гестаповцы - ездили по району.

Вчера вечером они вернулись в город. Поэтому сегодняшний день ознаменовали расстрелом еще тысячи пятисот человек. Их за эти три дня понаходили, они прятались в погребах. Как только наступала темнота, подымалась стрельба: эти несчастные, пользуясь темнотой, пыта-

лись бежать. Всех их стреляют. В городе, напротив гетто, резкий трупный запах. Ужасно. Вчера и позавчера ночью стрельба продолжалась по два часа непрерывно, совсем как в июне прошлого года.

Рассказывают о происходящем в гетто. Вырыта яма. Над нею стоит жандарм и жрет булку. Подходят с носилками, в них раненый. Жандарм спокойно продолжает разговор с каким-то знакомым, вынимает револьвер, стреляет раненому в голову; его сбрасывают в яму, подносят другого, повторяется то же и т. д. Мирная картина! На земле валяются зажигалки, серебряные ложки, на них никто не обращает внимания. Милиция столько всего набрала, что при всем желании больше ничего никуда не засунешь. Поэтому теперь появилось объявление, что за грабеж в гетто будет смертная казнь.

Многие пытались бежать. Еще сегодня лежат на улице три трупа, никто их не убирает. Женщину, которая спряталась на еврейском кладбище, выдали дети... она спала. До чего могут дойти люди, видевшие кровь.

Сегодня, по-видимому, все кончится. (...)

19 августа. Сегодня везли Ф.

Не могу отдать себе отчета в моих чувствах. Очень тяжело, стыдно. За людей, которые смотрят на это с безразличием или злорадством. «Что, он жалеет жидов? Идиот!»

Чем Ф. хуже вас? Да она в десять раз превосходит тебя, одного с другим, во всех отношениях! Единственная девочка, с которой я был всегда искренен, а так отрадно иметь друга, который понимает тебя и соглашается с тобой. Она была хорошая девочка и храбрая. Она ехала стоя, с гордо поднятой головой.

Это было полчаса назад, в шесть часов тридцать пять минут 19 августа 1942 года - я уверен, она, и умирая, не опустит голову.

Ф., знай, я помню тебя и не забуду и когда-нибудь отомщу!

Моя «первая любовь», оставившая по себе самые чистые воспоминания. Она была моим идеалом. (...)

Когда пишу, из тюрьмы доносятся выстрелы. Вот опять! Может быть, он был предназначен Ф.? В таком случае, ей теперь лучше. Нет, ей теперь никак.

Не могу представить: Ф., раздетая, тело засыпано хлоркой. Раны. Привалена кучей таких же тел. Ужас, какой ужас. (...)

21 августа, 1942. Вчера расстреляли всех, кого накопили в тюрьме.

Судить о числе расстрелянных можно только по тому, что после окончания экзекуции из тюрьмы везли пятитонку обуви, машина была заполнена до краев. Значит, вчера погибла Ф. (...)

31 августа. Был у тех окопов, где зарыты большинство расстрелянных. Это место представляет собою теперь гладкую белую площадь, белую, потому что там мел. Стоят жаркие дни, трупы разлагаются, пухнут, на поверхности появляются ноги, руки, их растаскивают по окрестностям собаки. Запах ужасный...

2 сентября. Сегодня ночью подожгли гетто. К трем часам там сгорело около четырехсот домов, не осталось и четверти. (...) Поджог, совершенный, несомненно, жителями гетто, был точно обдуман, погода сегодня самая соответствующая. (...)

Ну и времена настали, не повторятся больше такие. Надо все записывать, не то еще, пожалуй, вспомнишь когда-нибудь - не поверишь. (...)

7 сентября. Опять стреляют. И где только их берут? Говорят, уже расстреляли на четыре тысячи человек больше, чем было зарегистрировано, т. е. около двенадцати тысяч. Их находят в огромных погребах, которые представляют целую систему и куда милиция боится спускаться. (...)

Бои в районе Сталинграда, в двадцати пяти километрах от города, в окрестностях, в предместьях! Неужели они возьмут Сталинград? Может быть, он уже в немецких руках? Горит степь. Но даже огонь не может их остановить. Да что это за сила? Неужели они действительно непобедимы? Героизм красноармейцев доходит до того, что они не перестают стрелять даже когда одежда уже горит на них. Борются патриоты, они знают, за что сгорают заживо. Куда до этого мне и мне подобным! (...)

21 сентября. Больше полутора месяцев продолжается избиение евреев. Сегодня опять с самого утра со стороны тюрьмы доносятся стук автомата и ружейные выстрелы. Говорят, в тюрьме осталось еще около двухсот человек, специалистов-ремесленников. (...)

Как известно, Беларусь является теперь центром партизанского движения. О нем ходят самые фантастические рассказы. Говорят, на днях по всем селам были расклеены объявления о мобилизации, подписанные... Совнаркомом СССР! Партизаны занимают там целые села, вооружены даже бронемашинами, к ним свободно прилетают самолеты с боеприпасами, в общем, все происходит вполне организованно. Там даже, наверно, есть соцсоревнование... (...)

12 октября. Недавно была объявлена мобилизация на работы в Германию. Проведена она преимущественно среди сельской молодежи, и вот каковы ее результаты и последствия: молодежь скрывается в лесах, присоединяется к партизанам. В Германию никто не едет. Но последствия трудно описать. В села, не доставившие назначенного числа людей, приезжают ландвирты (дословный перевод - хозяева земли (русской) с карательными отрядами. Придя в село и не найдя там никого, достойного внимания, они забирают все достойное внимания, а село поджигают. (...)

20 октября. (...) В последнее время резко сократилось число писем от высланных в Германию. Последние письма очень похожи по тексту: «больше писем от меня не ждите, увидите со мной тогда, когда с дедушкой и бабушкой». А дедушка и бабушка уже давно «в раю». Люди, возвращающиеся оттуда - убежавшие или отосланные по болезни (тем особенно повезло), - рассказывают ужасы: рабочие мрут от голода. Надо надеяться, что мир узнает когда-нибудь об этих злодеяниях и злодеи понесут заслуженное наказание.

22 октября. Работаю на фабрике, зарегистрирован в арбайтсамте, имею «аусвайс», казалось бы - все в порядке, но все равно трясусь. Узнал, что для всей нашей школы приготовлены карточки, их будут рассылать на днях. Так что настроение собачье. Такая карточка - все равно, что смертный приговор. (...)

26 октября. Сегодня открыли продажу «мануфактуры», т. е. одежды убитых евреев. И есть люди, которые могут это покупать! Даже много, в очереди стояли... (...)

20 февраля 1943 г. Сегодня в три часа ночи отряд хорошо вооруженных людей, приехавших верхом и на велосипедах, совершил нападение на тюрьму. Предварительно они перерезали провода, расставили патрули с пулеметами. По улице в это время ехали телеги с огромными бревнами, везли поставки на станции. Телеги остановили, бревна бросили поперек мостовой. Охрану у ворот моментально и без шума разоружили, часть людей вошла в тюрьму, ворота заперли, и все приняло внешне обыденный вид. Отдыхающую смену шуцманов захватили врасплох, всех их заперли в одной камере. Заключенных отводили к задней стене тюрьмы, где приставили лестницу. Оттуда спрыгивали на растянутый снаружи брезент. Вот и все.

Теперь об этих партизанах. По рассказам, люди были одеты в оди-

наковые шинели (ночью всякая одежда может показаться одинаковой) и говорили по-русски. Большинство считает, что это были советские партизаны. (...)

23 февраля. В городе аресты и в связи с этим - в высшей степени напряженное состояние. Люди, которых взяли сегодня, ничего общего между собой не имеют. Среди них совершенно разные по положению, поведению и убеждениям лица. Напряжение усиливается еще и известием, что вчера в тюрьме рыли ямы...

24 февраля. Все арестованные, их было до 60 человек, вчера вечером расстреляны. Казнь проводилась на тюремном дворе, операцию видели жители соседних домов. Арестованных заставили раздеться, как это было и при убийстве евреев. Среди обреченных было несколько женщин. Был доктор Р. с женой, она - тоже врач. Ее тоже заставили раздеться. Доктор кинулся на гестаповца, вырвал у него револьвер, ударил рукояткой по голове, но в это время другой гестаповец уложил его выстрелом в спину. Во время расстрела раздавались страшные крики.

Город удручен. На улице ни души, ни одна щель не просвечивает. Все ждут: вот - моя очередь... Все теперь, даже самые ярые враги, питаются единственной надеждой - дождаться прихода большевиков. Большевики - избавители. Но как дожить? Ведь с приближением фронта зверства будут усиливаться. Рассказывают, что там, откуда немцы отступают, не остается живой души. И мы не будем исключением. (...)

10 марта. На днях вывезли всех обитателей дома инвалидов, стариков и калек. Утром, еще до рассвета, приехали машины, всех погрузили и увезли. По слухам, все они убиты. С немецкой точки зрения вполне правильная мера: ведь они даром ели хлеб. (...)

Ну, и настроеньице, я вам скажу, уважаемые граждане! А ведь я уже, дурак, надеяться начал. Ведь к Днепру подходили. Плакать хочется. (...)

23 марта. 21 марта партизаны сожгли три лесопильных завода в районе, при этом убили нескольких немцев. Немедленно последовали репрессии, сотни людей отправлены в ямы. 19-го, по-видимому, по распоряжению какой-то националистической организации, разбежались шуцманы в Ровно, Дубно и у нас в Кременце. Ясно, что действует какая-то сильная организация.

Сегодня ночью произведено нападение на дом ландwirта в Бережцах. Сам ландwirt сожжен живьем в погребе, куда спрятался, убиты еще несколько немцев, «начальник» района. (...) Ой, что будет с нами, когда

нашего комиссара угробят? Неудивительно, что силы партизан растут, этому содействуют сами немцы своими постоянными расправами в селах. Ясно, что все уходит в леса. Но какой они при этом «окраски», совсем не ясно.

Увижу ли конец? Свой - скорее всего. Хотел бы только, чтобы мои записки послужили еще одним обвинительным документом против немцев. (...)

7 мая. Ночью убили какого-то заведующего именем за укрывательство еврейки, убили и женщину. Его оставили на улице, ее свезли на еврейское кладбище и бросили там, «чтобы в городе не портила воздух». Факт обыденный. Более необыденное произошло сегодня утром: по пути из Кременца в Луцк убит митрополит украинский Алексей... (...)

8 августа. УРА, ТОВАРИЩИ! Прорыв на Восточном фронте совершен! Я прыгаю от радости. Сообщения последних дней об ожесточенных боях на всем южном фронте выматывали последние нервы. Я понимал, что там прорывают немецкие позиции, где они сосредоточили свои лучшие дивизии СС, куда они бросили своих «тигров», где все вооружены автоматами. Каждый день я спрашивал себя - уже? Ответ был - нет. Сегодня ответ - да, уже! (...)

9 сентября. Через два месяца Красная армия была бы ЗДЕСЬ, и я, наконец, бросил бы вести этот дурацкий дневник. Он мне порядочно надоел. Я решил вести его «от ухода до прихода», и самым счастливым днем моей жизни будет день, когда я смогу написать последние строки: «КОНЕЦ». (...)

11 января 1944 года. Долго не писал, не до того было. Сегодня фронт ровно в ста пятидесяти километрах от нас. Тут проводится эвакуация. Готовлюсь удрать в лес, а дневник сейчас закопаю. Буду счастлив, если придется когда-нибудь его откапывать.

ПРИВЕТ, ТОВАРИЩИ! СМЕРТЬ НЕМЕЦКИМ ЗАХВАТЧИКАМ!

Я уже в течение многих месяцев регулярно изо дня в день слушаю Москву и точно информирован обо всем, происходящем на фронте.

Бейте этих гадов до последнего, хотевших уничтожить нашу Родину. Еще никогда за время своего существования Россия не стояла так высоко, как стоит она сейчас.

Но СССР после войны будет стоять еще выше! Дожить бы и увидеть.

ДНЕВНИК
АНИ
АРАЦКОЙ

Этот дневник вёлся под пулями, едва ли не на линии фронта...

Сталинград. В войну семья Арацких (отец - столяр, мама - домохозяйка), в которой было 9 детей, жили на поливаемой огнём улице у реки, по адресу: 3-я Набережная, дом 45, - недалеко от того места, где сейчас находится Панорама Сталинградской битвы. Текст дневника средней дочери начинается под обстрелами. И обрывается уже после того, как мать с детьми вступает в Красную армию, а брата Виктора Аня долго, слёзно провожает на фронт...

«Уволены из Красной армии были в связи с болезнью; выписали нам документ к родственникам в Красноярский край; к своим руинам в родной город вернулись после войны», - написала сестра Ани в справке, сопровождающей дневник, когда решила отдать его в Музей-заповедник «Сталинградская битва», сотрудники которого и передали «ЛиФ» эти записи.

«Немцы полностью уничтожены, и идут длинные вереницы пленных, - пишет Аня в феврале 1943 года. - Противно на них смотреть, идут обмороженные, полураздетые, сопливые. Гады проклятые, а кто вас сюда звал? Так бы и побить их всех. Хочется мстить за Папу, за раненую землю, за раздавленную свою молодость. Вчера был день моего рождения, а чем он был отмечен? Даже никто меня не поздравил с днём рождения. В огне пожара протекают мои юные годы, без радости и счастья. Мы голодные и холодные, разутые и раздетые».

Из сопроводительного документа ясно, что после войны Аня стала бухгалтером, проработала в Качинском высшем военном училище лётчиков более 30 лет, затем 10 лет - в тресте «Волгоградсельхозводстрой». Семья у неё не сложилась. Умерла в 1996 году - тогда-то сестра и принесла дневник в музей.

...А младший брат Виктор с войны не вернулся.

Сегодня **30 августа 1942 г.** Воскресенье, вот уже целая неделя с того момента, как сидим в окопе, с 23 августа бомбежка, от Сталинграда одни обгорелые камни да жертвы ни в чем не повинных людей.

Сегодня **4 сентября**, опять сидим в окопе, и не знаю, когда придет конец всему. Ведь столько слез пролито за эти 13 дней. Сегодня пятница, а в воскресенье 2 недели, бомбить все продолжает. Хотя бомбить уже нечего, а сегодня всю ночь бомбил и перед рассветом разбросал зажигательные бомбы на нашу улицу, одна упала к нашему забору от Кудрявцевых прямо в бак с галошами, но все затушили, упала к Богаровым, к Гореликовым, на улицу около Веденевых, Вигилянские сгорели, мы были в огненном кольце, но Бог спас нас, и слава Богу.

Ой, господи, неужели мы не выживем всего этого, страшно, кругом строят на улицах баррикады, кошмар, наверное, весь впереди. Сейчас пишу на ступеньке закрытого окопа на коленях. Милый дневник, когда же придет конец всему страданию? Теперь я вспоминаю новогодний сон. Большой белый крест - вот оно, мое терпение. И гадание на блюдечко: переживаниям нет конца. Эх, как не хочется умирать! - не видя жизни. Если я буду жива, наверное, никогда не забудешь 1942 год и этот окоп. Сейчас утро, время не знаю сколько, может, 11 ч. или около 12 часов.

Сегодня **20 сентября**, а мы все еще не вылезли из этого «проклятого» окопа, ровно месяц, как бомбит беспрестанно. Страху насмотрелись всякого, не знаю, мог ли раньше человек пережить все. Файку Цветкову убило миной. Сидим ни живы ни мертвы, о, если бы Бог дал счастье - жить.

14 ноября 1942 года. Думала, что в огне, слезах, бесконечном горе и голоде никогда не появится желания писать снова дневник. А сегодня случилось такое, что заставило меня писать.

Все это время совершенно не было никакой возможности писать, к тому же не было ни бумаги, ни места, ни чем писать.

А сегодня вдруг сразу нашлось все (тетрадочку мне подарил один боец, перо попросила в штабе, где я служу, ну а чернила легко сделала из карандаша, ручку из обыкновенной палки). Живем мы сейчас в доме-общежитии, пиши на здоровье.

Я настолько привыкла писать сюда, что все это время страшно переживала, что не было возможности делиться с тобой - мое немое создание! Начала писать еще с 5-го класса, но тот дневник теперь потерян для

меня навсегда. Я его брала с собой даже в окоп, возможно, его кто-то читал? Что ж, там мои школьные девичьи воспоминания, жаль, что он потерян. Да что дневник? Вот потерян навсегда самый дорогой человек - отец! Снова и снова наплывают воспоминания о Папе, каждый день, каждый час, каждую минуту. С Папой было хорошо, с ним мы были все вместе и в родном гнезде. Куда теперь нас разбросает судьба?

Так и сидели мы в окопе до тех пор, пока не погиб наш дорогой Папочка. Его убил немец-снайпер.

Помню, как полтора месяца тому назад, вечер 26 сентября был очень тихий, светила полная луна, ни ветерка, ни тучки, ни единственного выстрела. Пришел Папа и сказал: «А ну вылезайте все из окопа и подышите воздухом», а сам взял на руки свою любимицу Лиду, т. к. она меньше всех, ей 6 лет. Мы все расселись около него. В тот вечер Папа был почему-то такой задумчивый, казалось, что глаза его смотрели куда-то в одну точку, на Волгу, в них даже было видно отражение «золотой» лунной дорожки на воде. Папа говорил, что все мы уже большие (кроме Лиды), все ему станем помогать, что скоро погоним немцев и мы снова еще раз построим себе дом, выстроим его еще лучше и еще больше. Вспоминали, где кто побывал, Папа впервые улыбнулся за этот вечер и сказал, что я больше всех остальных уже побывала в других городах. Так приятно было сидеть рядом с Папой, с ним как-то не так страшна была война. Затем он проводил нас всех спать в окоп, а сам еще долго что-то делал сверху по устройству нашего окопа.

А 27 сентября рано утром Папа разбудил нас. На улице было так тихо, ярко светило сентябрьское солнце, вода блестела и, казалось, застыла на месте, как залитое стекло-зеркало, казалось, что все кончилось и нет больше войны.

Папа, как и всегда по утрам, готовился идти развести костер, чтобы сварить манной каши. В это время прибежали два Вити и впервые нарушили эту мертвую тишину, перекинувшись несколькими короткими фразами. Витя и «Пачик» ушли. А Папа в это время открыл крышку окопа и крикнул соседу: «Шура, выходи, вы жив...» - на этом недосказанном слове и оборвалась его жизнь. Раздался выстрел, а скорее какой-то щелчок - и Папа стал медленно оседать на ступеньки окопа. Все это произошло в какой-то миг и было как далекий сон, я все слышала сквозь утреннюю дрему, а когда раздался щелчок-выстрел, я открыла глаза, и первое, что я увидела, - оседающего, беспомощного и всего в

Кокетливые береты, губная помада... Уже первый военный ноябрь - а они ещё снимаются в фотоателье на память, по мирной привычке... Аня (вторая справа) ещё не начала вести дневник, а Сталинград ещё не стал пеклом, рубежом и подвигом. Всё только впереди.
Фото из фондов музея-заповедника «Сталинградская битва».

крови Папу. Мама стояла как замороженная в этот момент и смотрела на него, неспособная двинуться с места. Я подбежала к нему первая, т. к. сидела крайняя в окопе, рядом с Мамой. Но было уже поздно, Папа был мертв, хотя пульс и сердце еще бились, а кровь лилась «ключом» из его правого виска, я попробовала пальцем приостановить кровь, но мой палец легко прошел в это отверстие и кровь лилась, лилась, лилась...

Кричали мы все, и, видимо, на крик прибежал Витя, он стоял молча и смотрел широко открытыми глазами на Папу, по щекам его текли слезы, в это время его волосы чесали пули, видимо, того же снайпера, летели мимо ушей, плеча, а он все стоял и будто не замечал ничего вокруг себя. Я кричала ему: «Беги Витя, беги отсюда». Началась такая ужасная стрельба, но мы ее уже не слышали, крышка нашего окопа опустилась, оставив нам небольшое отверстие, и мы погрузились полностью в свое неутешное горе. Где был Витя? Что с ним, мы не знали, т. к. он остался там, наверху, а мы в окопе. Потом мы увидели, вернее, услышали голос «Пачика», он смотрел на Папу такими же удивленными глазами, как и Виктор, только спросил: «Что, разве убили дядю Мишу?», а сам ползал вокруг окопа, как кошка, и приговаривал: «Туже перевяжите его». Затем все смолкло и мы увидели опустившуюся к нам в окоп руку, с пальцев которой в окоп лилась алая кровь, были видны ноги, обутое в такие же ботинки, что и у Вити, и мы поняли, что на крышке лежит убитый - Виктор, горе наше удвоилось, и мы, кажется, потеряли рассудок.

Так мы и сидели, с мертвым Папой, без еды, воды и сна 2 дня. Много погибло людей в этот день, самый первый погиб наш Папа. Погибли наши соседи Вера и Евдокия Павловна Соснины. Здесь же, рядом с окопом, было много убитых бойцов.

Лишь поздно вечером второго дня с тихим плачем подошла к окопу тетя Маруся, и мы услышали голос нашего Виктора, не верилось, Витя был жив, а погиб, оказалось, «Пачик», верный друг Виктора, ведь он пришел, чтобы разделить с нами наше горе, и погиб сам, видимо, от той же руки снайпера.

Тетя Маруся плакала так тихо, что ее плача никто не слышал, ведь он был у нее единственный и любимый сын. Затем они с Виктором помогли нам вытащить труп Папы из окопа.

На следующий день, как стемнело, мы обернули трупы Папы и Виктора в простыни и схоронили их в подвале у Подлесновых. Взяли с со-

бой по сумке муки, что была в окопе, и пошли к Волге. Даже не оделись ни во что теплое и босые двинулись в далекий и страшный путь.

Дойдя до оврага, я увидела трупы Веры и ее матери, их никто не присыпал землей. Шла самая последняя, голова кружилась, сил совсем не было. Я скатилась как камень вниз оврага, идти больше не было сил, ноги распухли и ужасно болели. Меня подняли бойцы, но я снова падала и не стояла на ногах словно пьяная, помню не благодарила их и была в каком-то забвении. Нервы были напряжены до предела. Когда мы наконец добрались до берега, сразу же бросились к воде, во рту все высохло и нестерпимо хотелось пить. Пили очень жадно и много, здесь же, по берегу, было очень много убитых бойцов.

Идти было очень тяжело и далеко. Пока мы добрались до переправы, мы пережили страшную бомбежку и минометный обстрел. Шли всю ночь, ежеминутно падали навзничь, немцы без перерыва били и вешали светильники, становилось так светло, что, казалось, пролети муха - и ее заметят. Мы падали и, как только гасли светильники, поднимались и шли снова и снова...

Я все время вела Лиду, она всю дорогу плакала и боялась. Уговаривала как могла, но ведь идти по берегу, по обрыву было очень трудно и опасно, один неосторожный шаг - и можно было сорваться вниз.

Когда мы пришли на 62-ю переправу, которая находилась на Красном Октябре, было уже почти утро. На берегу было много носилок с тяжелоранеными. Стояло три пароходика. На пароход нас не брали, т. к. они все были переполненные, но когда начальник посмотрел на маму с Лидой, на нас всех, сердце его, видимо, не вытерпело, он тихо сказал раненым: «Потеснимся, товарищи, и возьмем эту семью». Мы «сели» (если можно так сказать, места было только встать почти одной ногой) на пароходик и отчалили от берега. Сразу же появились немецкие самолеты, сколько их было? Не знаю, но много, сразу посыпалось множество бомб. Ужасная бомбежка, бомбы падали и впереди, и сбоку, и сзади, наш маленький пароходик качало так, что каждую секунду мы могли перевернуться, каким-то нечеловеческим чудом, благодаря такому опытному капитану, он совершал прямо подвиги, чудом мы добрались до берега, еще не успел причалить пароходик, как сразу же последовала команда: «Не скапливаться и бежать всем, кто может, в лес». Легко сказать «бежать», но как? Сил бежать не было, ноги совсем не слушались, идти было очень трудно, мы спешили, нас гнал в лес наступивший

рассвет. Всем хотелось поскорее добраться до полосы спасения - леса, все спешили туда, все, кто мог идти, а идти могли немногие, большинство были тяжелоранеными, повсюду стояли носилки с ранеными, героизм проявляли санитары и персонал пароходика, кого несли, кому помогали идти, кто ковылял, еле передвигаясь, сам. А самолеты шли очень низко и стреляли по нас, хотя и видели, что идут раненые. Когда добрались до леса, а он был всего в нескольких метрах от берега, силы почти оставили нас, дальше идти сил совсем не было, ноги распухли...

Потом сели в машину и поехали, а куда? Не все ли равно. И опять бомбежка, мы то садились в машину, то вдруг сходили с нее и бежали прятаться или просто падали плашмя, распластавшись на дороге. Потом варили чай в лесу, отдыхали, кажется, по-настоящему - лежа, ведь такой возможности сидя в окопе не имели. А утром снова сели на машину и поехали дальше от пылающего, сожженного родного города, от Папы...

Так на попутных машинах мы добрались до Камышина. Осень началась в этом году рано, рано пошли холодные со снегом дожди, а надеть нам было нечего, все осталось в городе, дома, а его теперь не было, были одни развалины. Дом наш сгорел 21 сентября, все, что было в доме, все сгорело, теплые вещи были закопаны во дворе, а мы разуты, раздеты, и спрятаться нам негде. Переночевать нас никто не пускал, да и что мы могли дать за ночлег? Семья наша была большая, Мама и нас пятеро. Так мы дрожали и мокли под ледяным дождем, под открытым небом, голову и ту некуда было спрятать. Помню, нашли мы на окраине Камышина погребок для коз и залезли туда. О! Это было просто блаженство! Но «счастье» это длилось недолго, вышла хозяйка, раскричалась на нас и выгнала. И пошли мы с тяжелым камнем в сердце, не зная, куда же нам пойти, надвигалась ночь, было так холодно, лил дождь с мокрым снегом. Лида плакала. Шли по дороге до тех пор, пока не пришли к регулировке. Около регулировочной будки было немного народу, остановились и мы в надежде подъехать куда угодно на машине. Сидели долго, все до нитки промокли, а что было делать? Потом подошла машина, вышел из кабины какой-то начальник, подошел к нам и сказал: «Вы кто и куда едете?» Мы сказали, что ехать нам некуда и мы хотим поехать, а куда и сами еще не знаем. «А хотите, сказал он, пойти в Армию по вольному найму? Я возьму вас в полевой прачечный отряд, всех. Так как вижу, все вы работоспособные, обмундируем вас и кормить будем». Мы

К 23 августа 1942 года, когда город был почти стёрт с земли, из чуть более 400 000 жителей Сталинграда около 100 000 человек были эвакуированы. 24 августа попытались эвакуироваться те, кто выжил в той мисорубке.

Фотохроника ТАСС.

все обрадовались, а Мама колебалась, так как ей тяжело было отпустить нас всех и остаться с Лидой, ей 6 лет, но он сказал, что беру всех, а девочку зачислим воспитанницей. Что же нам лучшего желать?

Служба была нелегкая, мы долбили мерзлую землю, стирали в ледяной воде, натягивали палатки, пилили лес, ходили в наряд. Тяжело всем, главное, у нас была крыша над головой, жили в палатках, были обуты и кормили нас.

Больше всех приходится в наряд ходить Виктору. И за меня, и за Марию, и за Тоню. Хороший он у нас парень, все в отряде его уважают, всем он делает только хорошее. Очень любит Лидочку, и она его, приходит спать после наряда, уставший, ему бы сразу отдыхать лечь, а он еще находит время для своей младшей сестрички, занимается с ней, делает ей лодочки из бумаги, играет с ней, какой он у нас желанный. Ведь он у нас сейчас единственный мужчина, Папа погиб, Саша где-то на фронте, а где он, мы не знаем, может, он тоже погиб? Если бы он знал, где мы и что с нами сделал немец?

Витя один у нас остался, оберегает нас, жалеет и всю тяжесть нашей семьи берет на себя.

Единственное наше счастье сейчас, что мы все вместе пока, и не у немцев. О! Как я их ненавижу и презираю, изверги проклятые, что вы с нами сделали? Если мне удастся, я отомщу им и за Папу, и за дом, что разрушили, и за город наш! А Саша, где он и что с ним, ведь он моряк Черноморского флота, а на Черном море немцы. Жив ли Саша? Знает ли он, что с нами сделал немец, какое у нас неутешное горе, если он жив, он, конечно, знает, что к нам в Сталинград тоже пришли немцы, но только вряд ли немцы возьмут наш город. «Захотели Сталинград - получите стали град» - так было написано в нашей «Сталинградской правде». Только я думаю, что мы ни за что не сдадим наш город немцам. Мы ведь тоже в армии, все равно не отдадим город. Слышишь, проклятый Гитлер, будь ты проклят, грызи хоть зубами нашу землю, но не возьмешь наш Сталинград! Страшно подумать, как немцы разрушили город, нет теперь у нас в городе ни одного целого дома. Только подумать, весь город разрушили изверги проклятые. Как бы то ни было, как бы ни рвались немцы в город, к Волге, все равно «Не видать вам красавицы Волги, и не пить вам из Волги воды»...

Пишу, все спят, еле мигает моя коптилочка, гори милая, мне так хочется писать, поделиться бы с кем, но как? Тоня спит, даже с ней не

смогла поделиться тем, что так тревожит меня сегодня. Сегодняшний день я не забуду никогда и буду помнить его до конца своей жизни.

Вечером сегодня подошел ко мне Яша, лейтенант наш, и сказал мне, чтобы я к 9 часам явилась в штаб, меня вызывает какой-то начальник. (...)

Но кто он, этот начальник? В военных различиях я не разбираюсь, на петлицах у него продолговатые квадратики. Сколько ему лет? Что-то не определяю, взгляд серьезный, глаза такие живые и улыбающиеся, похожие на Папины.

Как только я вошла, он меня назвал Аней и пригласил садиться. Я села. Он знает о нас все, знает, что Папу убили немцы, что Папа наш был честный рабочий, хороший человек. Что мы все имеем среднее образование, что есть маленькая сестричка Лидочка и мы все ее любим. Что Маме с нами очень тяжело сейчас и она правильно сделала, что пошла с нами в армию по вольному найму добровольно. И откуда он все это знает? Кто рассказал ему? Интересно. И почему он вызвал именно меня, а не Марусю, не Тоню, не Виктора, ну почему? Беседовал он со мной много, даже предлагал мне чаю с конфетами, я, конечно, отказалась. А потом он мне сказал, что я должна быть бдительной, наблюдательной и смекалистой, что все это мне очень пригодится в дальнейшей работе. Я ему ответила, что болтлива, откровенна, словоохотливая и слабоумная. Он очень долго и сильно смеялся, потом похлопал меня по плечу и сказал, что его это устраивает. Сказал, что жить нам теперь будет немножко лучше, что прикрепят меня к какому-то военторгу, а зачем? Что я такого сделала и кто я такая? Потом он мне еще многое говорил, о чем я даже сюда не могу написать. Потом я подписывалась. И чтобы об этом никто ничего не знал, даже Мама. А она меня ждала, не спала, спросила, где я была, ругала меня сильно. А Тоня меня ждала и спрашивала, в чем дело, и ей я ничего не могла сказать, не скажу никому, ни Виктору, ни Марии, хоть всех я их люблю. (...)

24 декабря 1942 года. Давно я не писала сюда. Да и как писать, где? Все это время мы были в страшном огне. Уже миновали село «Иосиф Сталь», а все-таки там было хорошо, там нам было тепло, мы жили в домике, ходили натягивать палатки, было даже весело, работает вся молодежь, и начальник у нас хороший. Вечерами мы устраивали, прямо сказать, «посиделки», пели песни, грызли семечки. Их так много в поле, в снегу.

А потом мы снялись, погрузили все имущество на повозки, Мама и Лида ехали, а мы шли пешком, ночью, метель страшная, как мы все выжили и не замерзли в пути. Были в Лапшинки, жили в устроенных военных землянках, уехали оттуда поездом, ехали долго, нас бомбили. Затем опять шли пешком в лютые морозы и страшную метель, пришли на станцию Шишкино, станция одно название, разваленный до основания дом, где ни одной целой комнаты нет, а мы так питали надежду на обогрев там. Вся станция разбита, и негде приютиться даже на одну ночь. Начальник этой станции жил тоже почти под открытым небом, где-то в уголке разрушенной станции, у него было подобие комнаты, дыры которой забиты досками, стояла самодельная печь и топилась почти на улице, попробуй натопи ее, но все-таки он оказался человеком настоящим и взял Маму с Лидой под крышу, какая была страшная выюга, снег лепил так, что в двух шагах не было ничего видно. Все остальные пошли прямо в степь и стали натягивать палатки, ветер рвал все из рук, руки совсем окоченели и не слушались, но надо было во что бы то ни стало натянуть хотя бы одну палатку. С великим трудом палатку поставили, и все мы были рады. Спать устроились прямо на голом льду, мерзла страшно, и не знаю, каким чудом мы остались живы и не замерзли.

А потом все мы опять куда-то двинулись, долго ехали, шли пешком, и нас свалила тяжелая болезнь мышинный тиф - туляримия. Помню, что 29 ноября я заболела первая, а потом Тоня, Лида, Мария, Мама и Виктор. Болезнь эта очень тяжелая, температура очень высокая и бред, бред, бесконечный бред. 13 декабря наша часть двинулась в путь. Шли пешком, ехали... нас больных тоже взяли и везли на лошадях, была страшная пурга.

20 февраля 1943 года. Ура, ура, ура! 3 февраля освободили Сталинград! Немцы полностью уничтожены, и идут длинные вереницы пленных. Противно на них смотреть, идут обмороженные, полураздетые, сопливые. Гады проклятые, а кто вас сюда звал? Так бы и побить их всех. Хочется мстить за Папу, за раненую землю, за раздавленную свою молодость. Вчера был день моего рождения, а чем он был отмечен? Даже никто меня не поздравил с днем рождения. В огне пожара протекают мои юные годы, без радости и счастья. Мы голодные и холодные, разутые и раздетые.

Все это время не было ни малейшей возможности писать. 24 декабря

Это фото фонтана «Бармалей» в центре Сталинграда было сделано 23 августа 1942 года - после чудовищной бомбардировки города (за один день было совершено 2000 налётов), во время которой, по разным данным, погибло от 70 000 до 90 000 мирных жителей. Огненный вихрь (после фугасных бомб фашисты сбросили на город зажигательные) выжег весь центр Сталинграда со зданиями и людьми. Температура в некоторых районах доходила до 1000 градусов Цельсия.

Фотохроника ТАСС.

мы приехали на ст. Качалино, разместились в станице Качалинской, нашей области.

Итак, началась самая мучительная жизнь в палатках, а декабрь ой какой холодный, какая жуткая была очень и зима. Холод зверский, а надеть нам совершенно нечего. Болезнь нас свалила окончательно, мы не могли ходить. Чтобы выйти из палатки на улицу, мне нужно было ползти на четвереньках, так у меня болели ноги, и я совсем на них не могла наступить. Витя меня всегда сопровождал, он у нас единственный мужчина и тоже тяжело больной. В палатках на полу сплошной лед, ведь палатки натянули в декабре среди степи. Спать нам было не на чем, из одежды один ветхий красноармейский бушлат, да большие красноармейские ботинки с обмотками. Нам даже вместе всем спать не приходится, все мы рассыпались по палатке, где кто сможет. Постелишь бушлат - одеться нечем, оденешься - через 5 минут ноги коченеют, согнешься в три погибели, и не хватает пиджака, ни на подстилку, ни на одеяло. В палатке у нас две времянки-печи, но разве на такой холод они нагонят тепло, дрова сырые, не горят, на улице мороз под 40 градусов, а палатка из брезента. Кто-то из бойцов освободил мне место около печки на ящике, длина ящика 1 метр, сижу, сижу на нем, задремлю и сразу же просыпаюсь от холода и от падения.

Вот как мы встретили Новый 1943 год! Когда придет конец войне?..

23 февраля 1943 года. Сегодня праздник, день Красной Армии! Да, праздник, мы начали наступление по всем фронтам. Теперь, видимо, Гитлер не будет так нагло лезть напролом, ведь Сталинград для него урок немаловажный.

После освобождения Сталинграда 14 февраля Виктор с Марией ездили в Сталинград в надежде привезти теплые вещи, а приехали ни с чем, все у нас выкопали. Нет теперь у нас ничего совсем, ни Папы, ни дома, ничего. А какая была хорошая маскировка наших закопанных вещей, дом сгорел и вся груда пепла, глины и кирпича легла большим бугром на вещи. Но, оказывается, этого было мало, чтобы вещи наши уцелели, чтобы их не выкопали. А Папа так старался, когда их закапывал. Как обидно, больно, как нам сейчас тяжело. Мы голодаем, мы мерзнем, нас ест вошь, не во что ни перемениться, ни одеться. А есть люди, которые наживаются на наших слезах, на нашем горе, а ведь горе это не только наше. Горе это всей нашей страны. Кто же выкопал наши вещи? Конечно же, «Хохол и Шишига-Кудряшка». Идиоты бессовест-

ные, воры и грабители, знают же, что Папа погиб, знают, что теперь у нас ничего и никого нет. Отняли у нас последнюю надежду на тепло. Знают же, как тяжело теперь маме с нами без крова, отняли последнее, на что мы так надеялись.

Часть, где мы служили, нас рассчитала ввиду нашей болезни, особенно была больна Мама. Деться нам было некуда, видимо, придется нам ехать в Сибирь, в Минусинск, там живут наши двоюродные братья и сестры, они зовут нас к себе, у них большой дом, свое хозяйство. Деньги мы так ни разу с октября и до сегодня не получали, нам выписали документ на проезд и на 10 суток продукты. Мы их уже съели. Здесь в станции нет никакой власти, нигде не устроишься на работу, а как жить, что есть? Написала письмо 4/II М. И. Калинин, но никакого ответа еще не получила.

Тоня устроилась на работу куда-то в столовую, на кухню. Мама, Мария и Лида перешли жить в землянку. А мы - я, Витя и Тоня - продолжем жить в палатке. (...)

Дни шли. Наша часть уехала совсем, жить нам теперь было совсем негде, в землянке, где находились Мама, Мария, Лида и еще маленький мальчик Вова, нам места не было. И вот мы обнаружили маленький саманный домик-землянку, там были одни военные, без хозяев, хозяйева, видимо, уехали, эвакуировались. Мы перешли туда. Каждый день приходили и уходили «жильцы», переночевали и шли дальше. Потом нас стали считать хозяевами. Домик без потолка, печь развалена, но топить ее можно, стены прокопченные, двери не закрываются. Полная землянка винтовок, лопат, гранат, гильз и др. барахла. Кругом люди, люди и на печи, и на полу, и в коридоре, даже ступить ногой негде.

Но, как говорят, в тесноте, но не в обиде. Места все равно находилось всем. В доме есть стол из какой-то железной подставки, есть коптилка, большая, настоящая с большим пламенем. Ну прямо красота и есть возможность писать, все спят, и так тихо. Иногда наши «квартиранты» нас угощают хлебом и солью, это настоящие люди, это сибиряки-пехотинцы, как-то ночевали у нас несколько дней, и они нас так морально поддержали, вселили в душу большую надежду. Помогли нам чем только могли. Замечательные ребята, их просто не забыть. Вечерами мы играли в карты, много спорили, но все равно расставались хорошими друзьями. (...)

26 февраля 1943 года. Какое горе, опять у нас слезы. Вчера проводили

Витю в армию. Ему же 17 лет! Все и всех поглощает проклятая война. Сколько уже погибло людей?! Погиб Папа, может, и Саша погиб уже, мы ничего не знаем, где он и что с ним. (...) Неужели еще не скоро кончится война, неужели и Витя будет на фронте? Увидимся ли мы с ним?! Фактически он уже давно на передовой, сколько он тушил бомб еще в Сталинграде? Сколько раз под страшной бомбежкой и обстрелом тушил пожары? Какая нам выпала тяжелая доля. (...)

Его сборы были очень короткие, да и что собирать-то, одежда вся при нем. В дорогу мама ему испекла лепешек из затхлой муки, которую они с Марией привезли из Сталинграда, эти лепешки были прямо несъедобные, горькие, черные, как кофе, но все равно мы им были очень рады, мы же голодали. Стоит Витя такой задумчивый, с повесткой в руках, и грустно так смотрит на Маму и Лидочку. Ничего не сказал, и трудно было угадать, что он в этот момент думал. Только взял Лиду прямо как Папа, поднял ее и несколько раз поцеловал, а сам такой бледный, худой, ведь он еще не успел оправиться после болезни, заболел он самый последний, будучи сам больным, все время ухаживал за всеми нами. Почти всегда впроголодь, а ведь лет ему 17 - самый рост. (...)

Шли медленно. Нести нам было нечего. Свой вещмешок Витя повесил через левое плечо, а правую руку подал мне. Так мы и шли, держась за руки. Я ни разу не набрала в свои огромные ботинки снегу. Всю дорогу я плакала, а он уговаривал меня, как мог, утешал: «Вот когда теперь мне предоставляется возможность полностью рассчитаться с Гитлером. Отомщу за все. За смерть Папы, за наш родной Сталинград, за все наши муки и слезы. За то, что он мне не дал закончить 10-й класс. Но ты, Аня, не думай, я все равно, как окончится война, закончу 10-й класс, и ты тоже, и мы все вместе - ты, я и Тоня - пойдем учиться в институт. Правда, я постараюсь попасть потом в военное училище и буду военным комиссаром, это моя давнишняя мечта, может, в академию поступлю и всю свою жизнь отдам нашей армии, я люблю ее. А ты, Аниютка, не плачь, скоро войне конец. Вернусь домой с победой. Куплю всем вам хорошие костюмы и платья. Пусть «Кудряшка» пользуется временным благополучием, награбленным, все равно долго не проживет. Даром ей не пройдет. Если жив мой старший брат, мы с ним после войны с них взыщем». (...)

Я не спала всю ночь, вспоминала наш с тобой путь от землянки до грейдерной дороги. Машины все проходили мимо и не останавлива-

Несколько месяцев бои за Сталинград велись на улицах города. В подвалах и бомбоубежищах всё это время находились тысячи женщин, детей и стариков - те, кто не успел эвакуироваться на левый берег Волги.

Фотохроника ТАСС.

лись. Одна остановилась, в ней было много людей, ты поцеловал меня и прыгнул в машину. Стоял в рост, ветер трепал твои волосы, ты мне махал шапкой, а я стояла и плакала, не в силах сойти с места. Стояла, пока не скрылась машина за горизонт. Как мне было тяжело идти в обратный путь уже одной, без тебя. Всю дорогу плакала и ничего не видела вокруг, слезы застилали глаза. Опустела сразу наша жизнь, стало еще холоднее. Лидочка ждет тебя со вчерашнего дня и спрашивает, когда придет Витя. Я хочу с ним играть, он мне обещал сделать еще одну лодочку. Но ни сегодня, ни завтра ты, конечно, не придешь. Вернешься ли ты вообще? Ведь поехал на бойню, на войну. О! Боже! Когда же будет конец войне?!

7 марта 1943 года. После того как уехал Витя, мы с Тоней устроились работать в БАО (батальон авиационного обслуживания) прачками. Работа очень тяжелая. Да и когда нам приходилось так помногу стирать руками. Ведь в армии мы стирали машиной. Выстирать надо было одним куском 120 штук белья. Девочки, которые работают давно, все это делают свободно, им и мыла хватает, и руки они не растирают. А у нас все руки в сплошных ранах и мыла хватает только на несколько штук белья. Стираем медленно, отстаем ото всех, нет умения. Стираем в одном общем большом деревянном корыте. После стирки все купаемся. Устаем ужасно. Нас кормят, половину своей еды мы носим для Мамаы, Марии и Лиды. Ходим голодные, хлеба нет, чаще всего нам дают гороховый суп. Кусочек хлеба, чаще всего мы несем его Лидочке, ведь она маленькая. Часто кружится голова. После стирки «домой» идем усталые, дорога длинная - 5-6 км. Обычно мы идем трое, я, Тоня и Аня Жигимонт, одной идти страшно. По дороге очень много немецких трупов валяется. Иногда даже идем и поем песни, время быстрее проходит, дорога короче становится, усталость проходит, ведь мы молодые. И о чем только мы не говорим по дороге? Больше всего, конечно, о том, как хорошо жили до войны. По этой же самой дороге ходят летчики. Живут они где-то недалеко от нас. Догонят нас, говорят: «А вот и наши девочки». Сейчас они стали обгонять нас и, видимо, это они ставят мертвых немцев на ноги и дают им в руки винтовки. Проходить нам мимо такого зрелища очень страшно, и мы всегда не идем, а бежим мимо этого места. Они стоят и смеются, а нам не до смеха, страшно до смерти. Лица у всех перепашены и вообще страх невыносимый. Надо же додуматься до таких шуток. Возвращаясь домой, рассказываем все это своим «квартирантам»-пехотинцам и все вместе смеемся. (...)

23 марта 1943 года. От Вити все еще ничего нет. Не может быть, чтобы он ничего до сих пор нам не написал. Почти месяц как уехал. Что с ним? Как плохо без него. Он был нашей опорой, нашей защитой. Нет дня, нет часа, чтобы мы его не вспоминали. Вспоминаем Папу и плачем. (...)

Девочки ежедневно приглашают нас пойти с ними в клуб, но мы каждый раз отказываемся. В чем идти-то? Они вечером все надевают белые кофточки, и где только они их взяли, такие хорошие, какой-то шелк, у них есть и обувь, а мы в чем пойдём? Кроме бушлата да огромных кирзовых ботинок у нас ничего нет. Правда, у меня есть платье из дома, но на ноги-то надеть нечего. Голова моя наголо острижена, остригли, когда была в бреду во время болезни тифом-туляриемией. Я сделала из прядки волос кудряшки и пришила их нитками к кусочку плотной бумаги. Кладу на голову, надеваю синий берет, а поверх него черный кружевной шарфик, концы которого опускаю по бокам, издали можно подумать, что у меня по бокам свисают две косы. И не знаю, кто назвал меня «Дарико», другие называют «Карениной».

И вот 20 марта, мы впервые отважились, я, Мария и Тоня, пойти в клуб, там была художественная самодеятельность, после танцы. А Жигимонт дала мне надеть свои галоши. Ой, какие они красивые (после кирзовых ботинок 42-го размера), ну прямо как туфли лаковые. Художественная часть очень понравилась, да и как не понравиться, больше полгода не слышать музыки и песен. Я даже танцевала с Марией, а потом она с Федей ушла, мы остались с Тоней. Меня пригласил на танец один мальчик. Мы познакомились, он летчик, зовут его Валей. На следующий танец меня опять пригласили на танец. А потом танцевала с Валей, он спросил, кто я и откуда, я сказала. Когда танцы кончились, он немного проводил нас. Пришли домой, а в ушах еще долго звучали звуки вальса, фокстрота и танго. Мама сказала, есть нечего, а танцуете на голодуху-то. Протанцевались, а поесть нечего.

28 марта 1943 года. Из БАО нас рассчитали 25 марта, приглашали ехать с ними дальше, но я не согласилась. 25-го же мы с Тоней уехали в Сталинград. Ехали поездом без остановки до самого Воропоново. Сошли уже под вечер. Идти, но куда, где переночевать - до Сталинграда 30 км. Мы пошли, собственно, сами не зная куда, кругом степь, ни домика, ни огонька. Увидели вышку и направились к ней, но успели сделать несколько шагов, как услышали: «Стой, кто идет? Ни с места, а то стреляю». Мы остановились. Подошел боец и стал нас ругать: «Куда вас не-

сет, здесь мины». Перепугались до смерти и попросили его указать нам дорогу. Он показал дорогу и добавил: «Здесь недалеко есть землянка, там можно переночевать». Приходим. Вышла пожилая женщина и сразу спросила: хлеб есть? Мы отдали две лепешки, что Мама дала нам в дорогу. Поместились в уголке, не успели еще задремать, как в землянку повалило много мужчин - военных и невоенных. Все пили водку, пели песни, ругались. Потом началась драка. (...)

3 апреля 1943 года. Только что пришли с Тоней, были на танцах. Смешно даже, но мы ходили на танцы в клуб летчиков. Вот что значит молодость, весь день мы ничего не ели, голодные, а вечер наступил - пошли на танцы. Аня Жигимонт опять давала мне надеть свои галоши, вот бы мне такие, но где их взять? Еще не совсем стемнело. Явился Валя со своим другом и пригласил нас на танцы. Мы оделись, а когда вышли, ни Вали, ни его друга не было. Мы были удивлены, почему они нас не подождали. Тогда мы пошли одни без провожатых. Когда мы пришли, музыка играла и танцы начались. В дверях стояли парни, мы смутились и хотели уйти домой. Кто-то из них даже спросил: «А вы, девочки, пришли танцевать с кем?» В это же самое время какие-то другие ребята подхватили нас и втокнули в толпу танцующих. Мы танцевали с Тоней. Я видела Валью, он видел меня, но даже ни разу не подошел ко мне. Интересно, что у него за цель, пришел пригласил и, не дождавшись, ушел. Вел себя так, будто бы он не узнал меня вовсе. Интересно, в чем же дело? Думаю, что в том, что плохо одета, видимо.

Как только начинала играть музыка, мы, не дожидаясь никого, шли с Тоней танцевать. Стоять и ждать, когда тебя пригласят, было очень неудобно, ведь мы всего второй раз пришли на танцы. Нас несколько раз пытались разбить, но мы уже назло танцевали одни. В перерыве между танцами к нам подошел паренек и, обращаясь ко мне, попросил поводить его, ответила «водить не умею». Заиграли последний танец - фокстрот «Черные глаза», мы с Тоней пошли и почти без перерыва кружились в обе стороны, а потом слышали со всех сторон: «Ну и молодцы девчата, а говорили, что не умеют водить». Как только смолкла музыка, мы быстро оделись и почти бегом выбежали на улицу, так бегом до самого дома.

Только подумать, мы в таком одеянии ходили на танцы с Тоней. Мама говорит, и какая вам охота танцевать голодными.

ДНЕВНИК
ЗОИ
ХАБАРОВОЙ

Свой дневник Зоя начала вести ещё за два года до оккупации фашистами Крыма, когда ей было всего 12: «Я всегда была скрытная, даже в семье чувствовала себя одинокой, мне не хватало родительской ласки, дневник стал моим другом...» Отец работал в ялтинской поликлинике зубным врачом, мама - главным бухгалтером в санатории «Аэрофлот». Начальником санатория был Виктор Иванович Мальцев, часто упоминаемый в дневнике, - впоследствии он стал командующим авиацией у генерала Власова, в 1946 году казнён. На Зоиных страницах мы встречаем влучку Багратиона, вдову Айвазовского, которая жила в одном доме с Хабаровыми; видим, как буквально рекой льётся по тротуарам массандровское вино, вылитое из хранилищ, чтобы не досталось врагу...

Сама Зоя после драматических кратких записей на последней странице - арест родителей по надуманному обвинению, по 58-й статье, высылка бабушки с дедушкой - скитается по знакомым, работает в военном госпитале. С запиской от следователя по делу родителей: «Помоги этой девочке. Это самая большая ошибка в моей жизни», адресованной знаменитому московскому адвокату Фальку, берущему баснословные деньги за выступление, она едет в столицу. Фальк действительно помогает, бесплатно. Родители на свободе. Зоя идёт учиться на доктора. Дочери бывших заключённых это было невозможно, но дочери Александра Хабарова помогли те, кого он в годы оккупации спас из лагерей: под видом страдающих зубной болью заключённых приводили к врачу, в кабинете Хабарова они переодевались в гражданскую одежду и растворялись затем в толпе, а в лагерь под конвоем в их робах отправлялись красные комиссары. Восемь жизней спас отец Зои. Эти люди и помогли ей получить образование.

Вскоре Зоя переехала к мужу в Москву, родила двоих сыновей, проработала в стоматологии 55 лет, в лихие 90-е, уже на пенсии, принимая пациентов дома. Дневник, который тщательно прятала от родителей, часто потом порывалась уничтожить: «Я и не думала, что он представляет собой документ!» С помощью знакомых набрав текст на компьютере, Зоя Александровна ветхие странички однажды всё-таки выбросила... Уцелела одна: сейчас она в Керченском музее. Несколько страниц Зоя Александровна, ныне живущая в Новой Москве, печатать не разрешила: «Там про любовь, такую, которая меняет жизнь, такую, которой любит только душа, и более ничего... Напечатаете их, когда я умру».

1939 год

10 ноября. Папа решил окончательно нас увезти из Севастополя. Твердит одно - скоро война. Я не хочу уезжать.

17 ноября. Мама собирает вещи. Я прошу оставить меня хоть до каникул. Мама сердится. (...)

21 ноября. Вчера попрощалась с подругами и Верой Романовной. Завтра уезжаем. Кот Васька едет с нами. Как мне жаль расставаться с моим городом. Я ведь знаю здесь каждый дом. Аптека, где работала Александра Александровна. Там кроме лекарств есть кролики и морские свинки. Александра Александровна уехала в Ленинград раньше нас. Папа и ее уговорил уехать от войны. На углу у нас булочная. Там всегда горячий хлеб и вкусные слойки.

На углу нашей улицы и Карла Маркса стоят лошади. На голове летом у них шляпы, а под хвостом мешки, чтобы не пачкали улиц. Наш двор, где мы всегда играли в чурки-палки, жмурки. Почему надо куда-то ехать?

1 декабря. Позавчера приехали в Ялту на грузовике. Была уже ночь и очень тепло. Пахло чем-то приятным, какой-то свежестью, листьями. Слышен морской прибой, и нет ветра. Ночью только внесли вещи и тут же легли спать. Комната в полуподвале и кухня. А в Севастополе было 2 комнаты на 2-м этаже. Папа говорит, что никто не хотел меняться. Еле еле выменял на эту.

Сегодня уже ходила в школу, в 5-й Б. В классе все такие большие. Есть, кто сидит 2-й и 3-й год. Сзади сидит грек Афанасиади. Ему уже 18 лет. Я еще не всех знаю. (...)

20 декабря. Сегодня папа разбудил меня в 5 часов. Велел идти в очередь за хлебом. Я ему сказала, что тебе ведь принесут, если ты скажешь. А он все равно погнал меня, сказал, что надо приучаться к трудностям и самостоятельности, а не надеяться на папу и маму. Где-то идет война с какими-то финнами, а в Ялте очереди за хлебом.

В Севастополе было затемнение, мы ходили в школу с противогазами. Из школы я шла в темноте, а фонари были синие. Здесь нет затемнения, на улицах белые фонари. В школу ходим без противогазов.

Простояла за хлебом 2 часа, принесла 1 буханку.

И еще пропал Васька сразу, как мы приехали. Мама говорит, что коты любят не хозяев, а свой дом. Вот он и пошел искать свой дом. Я тоже, как Васька, хочу в свой дом.

1941 год

20 апреля. Наконец папа сменял наш подвал на квартиру на Набережной. Здесь совсем другая жизнь. На Набережной столько народу, рядом большой гастроном. Мои подруги Рита и Таня тоже живут рядом на Набережной. Папа доплатил при обмене 7000 р. Занял у своего техника.

А эти Жалондиевские не поехали в наш подвал, а тут же уехали в Ташкент.

Я теперь хожу гулять на Набережную, и в городской сад, и в летний театр. Билет можно не брать, а надо залезать на дерево. Красота какая. У нас 2 комнаты и балкон. Теперь каждый вечер я вижу море и звезды, вижу пальмы. Наш дом примыкает к санаторию им. XVII партийного съезда. Там музыка, шум, веселье.

30 апреля. Почему-то появилось много военных, особенно летчиков. У мамы в санатории поставили лишние кровати. Летчиков больше чем всегда. Папа опять заговорил о скорой войне. Приходил к нам Мальцев на новоселье, с ним еще военный. Они сидели, пили, говорили о какой-то опасности. Вечером я ходила в летний театр. Как здорово здесь жить. (...)

2 июня. Сегодня сдала сочинение. Теперь математика 8 июня.

Пошла вечером в летний кинотеатр. В городе началось затемнение. В кинотеатре тоже света нет, а фильм идет. К нам приехала бабушка.

10 июня. Сдала все экзамены. Получила похвальную грамоту. Никто не похвалил. Папа чем-то озабочен. Мама сказала, что это в порядке вещей.

У нас будет экскурсия через горы, через Роман-Кош пешком до Алушты на 5 дней. Мама меня не пускает.

16 июня. Наконец-то меня отпустили. Сегодня выходим пешком через Долоссы. Я с мамой поругалась. А она только и говорит: видишь, затемнение в городе, наверное, война будет. И чего они только и твердят о войне?

21 июня. Как же здорово мы прошли по горам.

В первый день поднялись на Красный камень. Моросил дождь. Мы вошли в облако. Это как туман внизу. Ноги скользят по сосновой хвое. Немного отдохнули и пошли дальше. Красота вокруг, хоть и дождь. Сосны шумят. Пришли в какую-то избушку. Поели и легли спать. Утром дождя не было. Солнце всюю. Мы в заповеднике. Видели издали оленя. Полно птиц. Пошли пешком дальше. Днем часа 3 отдохнули, потом дошли до каньона, но не спускались. Ночевали в какой-то татарской

Зоя начала вести дневник за несколько лет до войны. Он был её верным другом, отдушиной и советчиком. А стал хроникёром и свидетелем оккупации немцами Крыма.

Фото на армяне Э. Доброжаковой.

деревне. Нас накормили и положили спать в сакле: девочек на женской половине, мальчиков - на мужской. Утром нас опять накормили, и мы спустились в каньон. Там было сыро и прохладно.

Посмотрели старинный собор. Он не действует. Течет речка. Деревья покрыты мхом. Здесь нет сосен. Отдохнули и пошли в Алушту. Шли долго. Потом опять отдыхали, съели последние продукты. Потом пошли к морю, выкупались и автобусом вернулись в Ялту. Вместо 5 дней путешествовали всего три. Учитель почему-то не захотел идти из Алушты пешком. Вечером в темноте я добралась домой. Мама даже испугалась. Я ей только сказала: «Вот видишь, никакой войны нет», - и легла спать.

Как же здорово я путешествовала.

22 июня. Ночью мне приснился сон, что началась война. Я иду где-то в поле, там окопы. Вдруг из окопа вылезли 2 немца и идут на меня. Я проснулась и говорю маме: «Мне приснилась война, если будешь клеить окна, то клей белой бумагой». Она мне сказала, что я дура, и послала в санаторий за завтраком. Я пошла. На Набережной около «Интуриста» толпа людей, я слышу слово война. Побежала к Нэльке, потом в санаторий. Когда вернулась, мама уже заклеивала окна газетами. Мне здорово влетело. Отец уже побежал в военкомат. Его оставляют организовать военный госпиталь.

23 июня. Папа бежит, чтобы найти машину, отправить в Симферополь бабушку. Автобусы не ходят. Папа говорит, что даст огромные деньги, чтобы уехать из Ялты. На улицах толпы людей, которые хотят уехать. Сейчас отправляют только военных. Мама пошла на работу. Летчиков скоро увозят. Мальцев ходил в военкомат, его не взяли в армию. Значит, у мамы старый начальник. Он очень справедливый. Мама говорит, что с ним легко работать. Он не дает воровать и сам не ворует.

25 июня. У Нэльки забрали отца. Он комиссар. У Тани тоже. Папа уже работает в госпитале.

Бомбят Севастополь. Пляж опустел. Купаться не хочется. На Набережной пусто. Папа повесил на окна одеяла, чтоб даже полоска света не пробилась. По ночам надо дежурить на крыше. Ждут бомбежки. Говорят, немцы бросают зажигалки. Очень темно и очень скучно.

3 июля. Сегодня слушали выступление Сталина. Он обещает разбить немцев, а они все прут. Говорят, что там, где они прошли, уничтожают все подряд, людей расстреливают. Днем приходил Мальцев. Он такой величественный, гордый, а с папой говорит о чем-то тихо. Возму-

щается, что немцы уже далеко зашли, а наши уходят не сопротивляясь. Папа хочет на фронт. Он ведь 23 года отслужил на флоте.

Мама говорит, что надо запастись продукты, а их уже нет. В гастрономе только молоко и сметана. Мяса нет. У мамы в санатории отдыхают какие-то люди в штатском. Летчиков уже нет. Я подслушала, как Мальцев говорил, что разбиты все аэродромы и уничтожено много самолетов. Самолеты из фанеры, обтянутой материалом. Погибло много летчиков. Он ведь в гражданскую войну был летчиком. Бомбил белых. А после войны стал начальником. Мама говорит, что когда-то он в гражданскую войну уже был полковником. В 1937 г. всех сажали, и его посадили. В тюрьме его пытали и выбили зубы, а в 1939 г. отпустили, вернули ордена и прислали в Ялту начальником санатория. А он хочет опять воевать. (...)

15 августа. Ялта пустеет. Евреев пускают уехать. Мама написала в Москву, просит разрешения - уехать. Им с Мальцевым не разрешают, прислали ответ: «Будем судить за распространение паники и слухов». Они ведь начальство. А почему евреи уезжают? Те, что с нами менялись, давно уехали, сразу, как поменялись. В госпиталях появились раненые. Папа целые дни на работе. Мама тоже. У них в санатории раненых нет, просто какие-то военные.

Вчера сидели на балконе. На небе полно звезд, море плещется, тихо, и не верится, что идет война. В доме нас осталось двое. Внизу жили немцы. Их выслали на второй день войны. На нашем этаже врач Равинович уехал давно. Еще живут Зеленихины. Он русский, жена еврейка. Но они не уезжают. А парень у них противный, все ходит за мной. Мне нечего делать, вот и пишу. Если меня убьют, то мои подруги когда-нибудь узнают, как я жила. Ведь дневники всегда остаются.

1 сентября. Сегодня наконец-то я пошла в школу. Нам дали еще одно здание напротив. Там была гостиница. В классе стало меньше ребят. (...) На уроке было тоскливо. Нас быстро распустили.

Я забыла написать, как тонул огромный теплоход. Я шла по Набережной, когда увидела над морем самолеты. По морю со стороны Одессы шел пароход. Самолеты один за другим пикировали на пароход и сыпали бомбы. Потом был взрыв, чернота, пароход разломился пополам, и тут же задралась нос и корма и он ушел под воду. С берега стали спускать лодки, чтоб спасти людей. На одной лодке был сын наших знакомых по Севастополю. Папа их тоже уговорил уехать. Сашка не вернулся. Его мать страшно плачет и все надеется, что он вернется.

В городе очень много военных. В бывших санаториях - госпитали.

5 сентября. Вчера в первый раз я узнала, что такое бомбежка. Сколько было самолетов, я не видела. Только слышала взрывы. Я знала, что за санаторием «Аэрофлота» есть щели. Их выкопали еще в начале войны. Я бежала туда изо всех сил из папиного госпиталя. Когда прибежала, бомбежка кончилась. Я побежала смотреть развалины. Бомба попала в гостиницу «Крым». Там были какие-то организации, и люди были еще на работе. Начали выносить трупы. Они были желтые и обсыпаны штукатуркой. Как же страшно.

Приемники у нас отобрали. Мы теперь можем слушать только репродуктор. Целый день говорят об успехах на фронте и отступают. Говорят, что Кутузов тоже нарочно отступал, чтоб потом разбить Наполеона. В школе нас заставляют ходить по госпиталям, петь песни раненым. Я петь не умею и не хочу ходить, а папа заставляет. Говорит, что могут быть неприятности. А почему? Если я петь не умею. Почему папа и мама все чего-то боятся?

10 сентября. Напротив нашего дома - мол и маяк. Маяк больше не светит, а мол взрывают недалеко от морского вокзала. А зачем взрывать, если Крым не отдадут. По ночам страшно. Море шумит, стало какое-то серое и неприятное. Нас больше не бомбят. Говорят, что Севастополь сильно бомбят. Мои подруги мне не пишут. Интересно, где они. Мама опять обращалась в Москву, чтоб разрешили эвакуацию. Не разрешают. Приходил Виктор Иванович. Его не хотят брать в армию.

27 сентября. Я вместо мамы дежурила на чердаке. Говорят, что могут бросать зажигалки. И еще говорят, что какой-то парень сигналил из окна, когда над морем появился самолет. Его арестовали. Мы свет почти не зажигаем. Уже привыкли жить в темноте. Все делаем наощупь. Днем в доме не так страшно. Ночью в пустоте все гудит. Музыка я бросила.

Мол стали взрывать днем и ночью. А он не поддается, крепко строили когда-то. В городе военных еще больше. Неужели немцы придут? Говорят, в тех местах, где они захватили, идут расстрелы. Людей сажают в машины и пускают газ.

15 октября. Вчера немецкие самолеты летали, но не бомбили. Папа и мама в ужасе. Уехать нам нельзя. Мол еще не смогли взорвать. Ночью я встала, подошла к окну. Вижу, в порт входят корабли. Утром ни одного уже не было. Корабли серые в пятнах. Огней не было. А раньше в порт входили белые пароходы. (...)

29 октября. По радио кричат: «Солнечный Крым не отдадим врагу». И вдруг врывается немецкая речь, а потом музыка. В городе слухи, что немцы уже в Симферополе. Мальцев дал приказ зарезать всех коров и свиней в подсобном хозяйстве, а мясо раздать сотрудникам. Срочно пакуют вещи в тюки, готовятся к эвакуации.

31 октября. Сегодня видела, как отступают войска. Медленно идет колонна. Солдаты усталые, грязные, в обмотках, грязных ботинках. Жители дают им хлеб, продукты. Поздно вечером поехали машины. Грузовики с НКВД и их семьями. Везут мебель, цветы. Несколько машин приехали в санаторий. Мама просила взять в Севастополь. Они отказались, сказали: «Нет места». Значит, табуретки и фикусы дороже людей. Схватили несколько тюков с вещами и уехали.

Виктор Иванович дал приказ распороть тюки и все раздать сотрудникам. Все паникуют - боятся немцев. Мама со всех берет расписки за взятые вещи. Поздно пришли домой.

2 ноября. Мы уходим из своей квартиры. Вчера я бегала посмотреть, как течет река вина. Выпустили вино из Массандры. Вино текло, как вода после ливня по Массандровской улице, уходила за Морской вокзал. (...)

10 ноября. Мы ушли в санаторий. Писать было негде. Помещения были заняты НКВДшниками. Мы пошли к папиному знакомому врачу Троицкому, с которым он работал в госпитале. Там ночевали. 3-го начали взрывать Ялту. Ночью мы смотрели, как горит Набережная, большие дома, санатории. На том конце за Массандрой слышалась стрельба. Там оставили сражаться ополченцев. Мама в ужасе - у нас все сгорит.

Ночью к Троицкому прибежала медсестра. В госпитале осталось 60 раненых. Папа с Троицким побежали в госпиталь. Вынесли всех раненых, распределили их по жителям. Тут подскочил подонок из НКВД, хотел взрывать, но какой-то парень не дал. Он очень ругался, орал на папу и Троицкого из-за того, что они не имели права выносить раненых, чтоб не оставлять врагу. Орал, что так это не оставит. Но парень поддал ему как следует, и тот убежал. Когда папа с Троицким пришли домой, жена Троицкого сказала, чтоб мы немедленно убирались. Мы с мамой просидели до рассвета на кухне, потом ушли в санаторий. Никто не спал, НКВДшники уже уехали. Встретили Виктора Ивановича.

Он ночью хотел уйти в горы к партизанам, но его не пустили парни, которые охраняли дорогу в лес. Папа остался в санатории, а мы с мамой

пошли посмотреть, что с нашей квартирой. Мы пошли по Володарского, потом по Пушкинской и Виноградской. Везде были немцы. Они мылись прямо на улице голые до пояса. На Виноградской было много немцев на мотоциклах. У них интересные плащи: длинные, застегиваются на щиколотках, получается комбинезон.

На нас никто не обращал внимания. Так мы прошли по Морской на Набережную. На улице у входа во двор санатория лежал мертвый парень. Потом нам сказали, что он не дал взорвать санаторий им. XVII партсъезда. Прошли в наш дом. Холодно в подъезде, гулко. Страшно. Когда пришли в квартиру, нам навстречу выскочила наша кошка. У нее тряслась голова, и она страшно мяукала. Ведь кругом все горело и взрывалось. Мы взяли продукты и белье. И пошли на старую квартиру в подвале. Мурка молчала. Хотели идти по Набережной, но асфальт был раскаленный. Водолечебница Учан-Су догорала. Джалита была взорвана, гостиница «Интурист» взорвана наполовину. Мы прошли по Литкенса и дворами пробрались в наш подвал. Потом пошли за папой. Идет дождь, и очень холодно. Мы переночевали и утром с мамой пошли в санаторий. Немцы приказали собраться всем сотрудникам. Весь день убирали палаты. Мама считала то, что осталось из инвентаря. Виктор Иванович иногда выходил. Он страшно переживает. Ходит в военном плаще.

Немцы повесили приказ - собраться врачам и учителям в комендатуре. Папа пошел тоже.

3 дня мы жили в подвале, а потом вернулись на Набережную. Перед отходом наши взорвали электростанцию, водопровод не успели. Вода дома была. Натопили печку и, наконец, поели. Соседи тоже вернулись. Вчера мы с мамой шли из санатория, несли корзину с продуктами. Уже темнело. У моста через речку из кустов вышли 2 немца. Я испугалась так, что не могла сказать ни слова, хоть и понимала, что они говорят. Они проверили корзинку и дали нам бутылку вина из Массандры. Потом отпустили. Мы бегом помчались домой, в наш подвал.

15 ноября. Сегодня я вышла на балкон посмотреть, как на параде идут немецкие войска. Они шли, высоко поднимая ноги, чеканя шаг. Посмотрела направо на балкон санатория. Вдруг увидела, что парад принимает Гитлер, а рядом Муссолини. Я перепугалась и легла на балконе. Они меня не видели. Гитлер что-то кричал, потом говорил Муссолини. Какая-то женщина бросилась к немцам с горшком герани. У нее

взяли горшок, и она еще немного бежала рядом с колонной. Подхалимка! Я уползла с балкона и больше не выходила.

На улице противно, моросит дождь со снегом, холодно, волны заливают Набережную, разбиваются о железные перила. Папа ушел на работу. Открыли поликлинику. Половина здания для русских, половина - для немцев. Мама тоже ушла в санаторий. Ее назначили кем-то вроде коменданта. Виктор Иванович решил сдать в плен. Пошел в военной форме. Его посадили с другими пленными в нашей школе. Люди ходят кормить пленных и многих забирают. Мы тоже ходим к Виктору Ивановичу. Он жаловался, что его никак не выделяют среди других пленных. Папа предложил ему уйти. Папа вышел без пальто, а ему отдал свое. Я с Виктором Ивановичем вышла, никто нас не остановил, и я дворами провела его в санаторий. Теперь он сидит в своей квартире и никуда не выходит. С ним его незаконная жена. Мама называет ее врио жена.

18 ноября. Мама взяла меня на работу. Уговорила какого-то мужчину принять у нее все дела. Ходит, сдает все под расписку. Всех сотрудников послали на кухню. Несколько женщин посадили чистить картошку. Меня тоже хотели заставить чистить, но я сказала, что не могу портить руки. Немец спрашивает: «А что ты можешь?» Я ответила, что играю на пианино. Он сказал: «Поиграй». Я сыграла несколько вальсов Штрауса. Пришли еще немцы, послушали, потом дали нам продукты. Больше я не играла и картошку не чистила. Дома одна не остаюсь. Немцы повесили приказ: «Всем евреям надеть три звезды». Дураки! Понадели, кто знает, где еврей. И еще друг друга ругают. Сегодня на улице одна еврейка кричала другому: «Ах ты, пархатый жид». Сидели б тихо. (...)

22 ноября. Мама сдала наконец все дела. Продукты у нас кончаются. Открыли магазин. Там дают 100 г липкого вонючего хлеба на троих. И дали 10 кг мороженой картошки. Открылась комиссионка. В ней продают награбленное из музеев. Мама не выдержала и купила на последние 1500 р. очень красивую безделушку из Воронцовского дворца. Продукты никто не продает. На рынке только вещи. Наши деньги в 10 раз дешевле немецких марок. 1 марка - 10 рублей. Перед отходом наши сожгли и уничтожили все что можно. Пшеницу в колхозах обливали керосином и сжигали. А теперь из этого зерна пекут хлеб и дают русским. Некоторые женщины пешком идут в степной Крым в деревню менять вещи на продукты. Две женщины вернулись, не дойдя до Никиты. Видели тру-

пы мужчин, сложенные поленницей. Наверное, ополченцы, которые погибли при обороне.

У мамы начало болеть сердце. У нее порок сердца. А теперь столько неприятностей.

11 декабря. Мы на новой квартире. Дом тоже на Набережной, метров шестьдесят от старого. В домоуправлении сразу предложили нам квартиру. В ней раньше жили евреи. Они уехали сразу, как началась война. Одна комната метров 40, вторая метров 20. Есть соседка русская. Кухня общая. Везде грязь. От хозяев осталась мебель каких-то огромных размеров. Нашу мебель перетащили немецкие солдаты. Пришли человек 20. За 2 часа перетащили все. Хозяйскую мебель сложили в большой комнате. А сами разместились в маленькой. Здесь есть печка. Здесь готовим и спим, и папа принимает больных. Приходят татарки из деревни. Платят продуктами. Папа очень страдает от недоедания.

Я хожу в школу на Садовой. Из старых наших учеников только Бахши. Она носит звезду. И еще Витька Кирюшин. Я с ним дралась в 6-м классе. Теперь он ко мне не лезет. Уроки скучные. Все притихли. Учителя пасмурные.

12 декабря. Повесили приказ: «Всем евреям собраться в гестапо с вещами в течение 3-х дней». Евреи потащились. Несут кровати, матрацы, ковры, чемоданы. Папа встретил знакомого врача. Говорит ему: «Беги в лес». А тот отвечает: «Нас отправят в Палестину». Папа ему говорит, что везде, где немцы, давно уже всех перестреляли. А тот твердит свое: «Немцы люди культурные, они не обманут, а большевики все врут». Отец просил его оставить у нас хоть дочь. Но он не хочет.

И еще один папин знакомый зашел прощаться. Адвокат. Прощается и говорит: «Нас все равно убьют. В лес нельзя, туда без пропуска не пускают. Там только райком, горком и дурачки молодые для охраны. А нас всех бросили на растерзание. Самое страшное то, что свои холуи прислуживают, доносят, выдают евреев и коммунистов».

Наш бывший сосед еврей работает у немцев. Донес на маму, что она еврейка, а звезду не носит. Приходил к нам немец с переводчиком болгарин. Мама ведь и по паспорту болгарка. Дед мой чистый болгарин, а бабушка русская. Они успокоили соседа.

Начались налеты нашей авиации, но гибнут только русские. В санатории «Россия» бомба пробила три этажа и взорвалась в подвале. Там работали русские, перебирали картошку. Несколько человек убило.

13 декабря. Сегодня я шла из школы, было очень скользко, на Морской я поскользнулась и подбила солдата в немецкой форме. Я думала, что он меня застрелит. Но он поднялся, поднял меня, спросил, не ушиблась ли. Потом пошел провожать меня домой. Когда папа открыл дверь, то перепугался насмерть. Но солдат, а вернее моряк, и не немец, а австриец из хорватской морской части, ему все рассказал. Когда узнал, что папа зубной врач, то попросил вырвать ему зуб. Он ходил в свою, но там ему не стали рвать. Папа вырвал зуб, и он ушел. Зовут его Мариан Барстелло. Немного говорит по-русски.

14 декабря. Утром пришел Мариан. Он принес банку тушенки, хлеб и колбасу за папину работу. Это вовремя. Мама уже не знает, что готовить. Кроме сахара и бутылки горчичного масла ничего нет. Кошка тоже голодная. Папа иногда выходит на берег, подбирает дохлую рыбу. Немцы знают, что это кошке, и папу не трогают.

16 декабря. Вчера разбомбили нашу школу. Больше ходить некуда. Хорошо, что никого не убили. Чем не понравилась школа?

19 декабря. Вчера весь день в Массандре бил пулемет. Расстреливали евреев. Говорят, маленьким детям мазали губы ядом и они сразу умирали. Бакши тоже убили. Расстреливали наши подонки, а командовали 2 немца. Кто-то сумел убежать. У мамы в санатории работал садовником один придурок. Как пришли немцы, он подался в гестапо. Потом ходил по улицам, всем угрожал. Вот такие гады и убивают своих. Ну ничего, им все отплатится.

24 декабря. Вчера была облава. Папа шел из поликлиники, когда его схватила полиция. Хватали только мужчин и сгоняли в гетто. Как я узнала - не знаю, только схватила пальто и понеслась в Массандру. Там было мужчин - видимо-невидимо. Наверное, тысяча человек. Как я нашла отца - не представляю. Он, увидев меня, растерялся. Я его схватила за руку и потащила вниз к оврагу. Потом низом вывела к Морскому вокзалу. Облава кончилась, и никто нас не остановил. Утром папа на работу не пошел и сказал, что больше не пойдет.

Немцы на Набережной ставят пушки на каждые 6 м, промежутки закладывают мешками с песком. На улицах, выходящих на Набережную, поставили надолбы из рельсов. Говорят, ждут русский десант. Наше парадное закрыли. Ходим через Морскую. Мариан ходит каждое утро. Он носит завтрак своему офицеру и говорит, что это слишком много для него. Все равно выбросит. Это не очень много, но хоть добавка. Мама

моет очистки, перемалывает, смешивает с отрубями и делает котлеты. Мне хочется гречневой каши или жареной картошки. Папа очень страдает от голода, и от бессилия заработать, и от подачек.

26 декабря. Вчера вечером пришли человек 6 немцев. Они попросились посидеть ночь. На улице холод, они дежурят у пушек. Ждут десант. Нам пришлось уйти в холодную комнату. Спать не удалось. Холодно и голодно. Немцы говорят, что в Керчи высадился десант. Мама очень переживает за дядю Володю. Каким-то способом кто-то что-то говорил, что они эвакуировались. У нас работает радиостанция О.Б.С. - «одна баба сказала». У нас нет ни приемника, ни радиотрансляции. Живем слухами.

У нас комендант - идиот. Требуется, чтоб при встрече мужчины снимали шапку и кланялись, а женщины просто кланялись. Ни папа, ни мама не выходят.

31 декабря. Пришел Мариан, принес кое-какие продукты: хлеб, паштет, кусочек колбасы и патефон с пластинками. Патефон круглый, величиной с будильник. Сказал, что придет вечером встречать Новый год. У него отец имеет ресторан в Вене. У них традиция встречать Новый год в семье. У них спокойная семья, они любят помогать людям. Мама у него врач.

1942 год

2 января. Вот и Новый год. Кажется, война была всегда. Мирная жизнь кажется сном. Вроде никогда не было электричества, не было школы, не было дома пионеров, не было вкусной еды. Севастополь громят. Земля трясется от бомбежек. Особенно хорошо слышно ночью. Как там бедные люди? Что они едят, где спят? Эта зима страшно холодная. Пальмы у нас под окном шелестят замерзшими листьями. В Ялте легкий снег. Когда мы приехали зимой, то Ялта встретила нас ароматом прелой листвы, теплом, и как все переменялось всего за два года.

3 января. Прошел слух, что на Володарского у румын лошадь сломала ногу и ее пристрелили. Мы с мамой побежали туда. Напротив дворца Эмира Бухарского живет внучка Багратиона. Она с помощью румын втащила лошадь к себе и теперь продает мясо. Нас встретила эта внучка - тетя Нина. Ей лет 70-80. Черная, нос орлиный, сердитая, в платке. Она пригласила нас в дом. В доме холодно, стена треснула от бомбежек. Как на ней держится огромное зеркало - чуть не во всю стену в черной раме. Огромная черная кровать, огромный черный шкаф и черный кот. Мы

купили, наверное, 10 кг. Еле донесли. Мама сварила суп и сделала котлеты. Суп пенился, и есть его не хочется, но папа похвалил.

6 января. У мамы сегодня День рождения. Подарков никаких нет. Когда же кончится война? Хочется пирожных, газировки.

Приходил Мариан. Он едет в Симферополь. Спросил адрес дяди Вали и взял папиросную бумагу и мыло, чтоб сменять в деревне на продукты. Удивительно. Немцы воюют, а он помогает русским. Значит, не все солдаты гады. Мариан много рассказывает о Вене, прокликает войну и хочет скорее домой.

15 января. Вернулся Мариан, привез полмешка муки. Когда открывали, оттуда выскочила мышь. Мариан засмеялся - вот и мясо. Сказал, что его переводят в Феодосию, а к вечеру привел своего товарища хорвата. Его зовут Винко Данчевич. Он просит папу полечить и сделать ему зубы. Папа согласился.

18 января. Винко ходит к нам, как ходил Мариан. Приносит продукты. Винко - высокий, с очень голубыми глазами и все напевает: «И кто его знает, чего он моргает». У него есть невеста русская, зовут ее Наташа, живет в Алуште. Говорит, что хочет уехать в Югославию и уйти в партизаны. Немцев терпеть не может.

20 января. Сегодня утром мы с мамой пошли в санаторий. Нам сказали, что румыны привезли муку и меняют ее на золотые вещи. У мамы ничего, кроме позолоченных часов, которые не ходили с 1914 г. нет. Я ими играла в детстве. Но мама решила рискнуть. С нами пошла знакомая. У нее прекрасное кольцо с бриллиантами. Румыны ей дали 6 кг муки, а нам целых 15. Мы так бежали с мамой. Боялись, что они узнают, что это не золото, и отнимут муку.

Встретили жену Виктора Ивановича. Они очень голодают. Виктор Иванович пишет книгу, а она работает на кухне у немцев и, когда удаётся, что-то меняет. Рассказала, что у одной сотрудницы, пока она ходила на обмен за Симферополь, немцы застрелили сына 10 лет. Он пошел подбирать рыбу на берегу. Его приняли за партизана в темноте. Когда мать пришла, его уже принесли и положили на стол. Немцы извинялись. Дали ей деньги. Она их выбросила.

В санатории интересные шторы для затемнения. Еврейские письма на ослиной шкуре. Евреев перестреляли, а шторы повесили. Странно.

Я не учусь, школа разбита, но зато много читаю. Хорошо, что у нас

много книг. Прочла Золя, Бальзака, Мопассана. У бабушки огромная библиотека, раньше она мне давала читать.

25 января. В Симферополе жизнь другая. Нет бомбежек, обстрелов. На базаре есть продукты. Открыт театр и кинотеатр. А здесь могильная тишина и бомбежки.

28 января. К соседке вчера пришел немец развлекаться. Напился и пришел к нам требовать у папы спирт. Спирта нет. Тогда он приставил пистолет мне ко лбу и орал: «На колени». На колени я не встала. Папа с мамой перепугались до смерти. Потом папа сказал, что принесет вино, а сам пошел к соседке. Немец все держал пистолет, когда соседка, тоже напуганная, увела его. Через час он снова ворвался и опять требовал спирт. Потом увидел мои белые перчатки и забрал. Утром пришел Винко, и мы ему рассказали, что произошло. Он пошел к своему офицеру и все рассказал.

30 января. Пришел Винко. Рассказал, что офицер ходил к коменданту. Этот подонок оказался солдатом из комендатуры. Он был пьян и ходил в белых перчатках. Комендант дал приказ расстрелять его за мародерство, за постоянное пьянство, за то, что разлагает других и за незаконную связь с проституткой. Так рассказал нам Винко. Не знаю, правда или нет, но здесь он никогда не появлялся.

Винко приводит еще моряков к папе. Моряки приносят продукты и деньги. Но на деньги покупать нечего. На базаре только вещи, золото. Можно что-то купить за кусок мыла или табак. У нас во дворе немецкий склад продуктов. Пришел немец, который там работает, просит дать ему нашу кошку. В Ялте съели всех кошек и собак. Папа не хотел давать, а потом пошел на ночь вместе с кошкой. Она поймала за ночь штук 10 крыс. Утром немец дал большую банку тушенки, хлеб, паштет.

1 февраля. Кошка уже одна ловила крыс. И опять немец принес продукты. Папа поделился со своим техником.

Опять бомбят. Сегодня пошли опять в санаторий. На минуту задержались у нашего парадного. Впереди метров за 50 шли два немца. Вдруг налетел самолет. Мы кинулись в сторону в городской сад. Немцев уже не было, была воронка и обрывки шинелей. А ведь это были бы мы с мамой. И кинотеатр «Арс» тоже в развалинах. Почему наши самолеты так бомбят? Ведь гибнут здания и русские. Два немца впервые. Из Севастополя тот же гул, так же трясется земля. Что за пушки у немцев? Такой грохот.

На территории Крыма действовали многочисленные партизанские отряды, в которых нередко рядом со взрослыми воевали и дети. Когда партизан казнили, на казнь сгоняли всех жителей.

Фотохроника ТАСС.

1 марта. Мы опять в нашем подвале. 27 февраля мы только легли спать и впервые за 3 месяца разделись. Вдруг взрыв. Папа подошел к окну. Прямо перед нашими окнами стоит корабль и лупит прямой наводкой. Папа закричал: «Быстро вниз». Мы накинули только пальто на голое тело и выскочили. Мама хотела вернуться, забыла документы. Но взрыв огромной силы потряс весь дом. Мы были еще наверху, нас осыпало штукатуркой. Мы побежали вниз, в сарай. Еще один взрыв. Над двором сыпались раскаленные осколки. Ночь сидели в сарае. Утром вошли в квартиру, а потолка нет. Там, где лежала мама, огромный осколок вошел в матрац. А на подушке у папы огромный кусок потолка. Как все не сгорело, непонятно. Снаряд пробил крышу и потолок и вошел в печку, которая горела. Опять мы собрали вещи и пошли в свой подвал.

5 марта. Мне приходится ходить на Набережную, таскать вещи, уголь и дрова. Папа не выходит, мама тоже. В подвале спокойнее. Здесь по улице иногда ходят люди.

Вчера я пошла за углем, набрала полный ящик. Везла на тележке. Уже на Санаторной оторвалось колесо. Я никак не могла сдвинуть. Подошел хорват, спрашивает: «Тяжко?» Говорю: «Тяжко». Он помог довести ящик, затем познакомился с папой. Говорит: «Зачем же такой ребенок тащит так тяжело?» Папа ему сказал, что надо привыкать к трудностям. Ей надо все уметь, научиться преодолевать трудности, ведь может быть еще хуже. Хорват только сказал: «Проклятая война» - и ушел.

Заходил Мальцев. Обедали вместе. Виктор Иванович сказал, что пишет книгу о ГПУ, как он сидел, как ему выбили зубы, как пытали.

15 марта. Уже совсем тепло. В подвале сыро. Папа хочет опять выбраться куда-нибудь из подвала. На днях мы рано закрыли трубу и чуть не отравились угарным газом. Хорошо, что в этот момент было небольшое землетрясение. От удара мама проснулась. Лампочка качается. Мы еле-еле выползли на воздух. Ночь была холодная. У соседки сохранилось немного кофе. Она сварила и дала нам. Укутала одеялами. Мы кое-как пришли в себя.

Народу в Ялте осталось совсем мало. От голода зимой ежедневно умирали 30-40 человек. Да еще бомбежки. В облаву забрали столько мужчин. Расстреляли, как говорят, 1100 евреев. Там, где на квартирах стоят немцы или румыны, легче. Они помогают жителям. Кто-то стирает немцам, кто-то работает. К весне как-то устраивается. Папа ходил к знакомому врачу Василевскому. Это недалеко от нашего подвала. У

них в доме пустует половина 2-го этажа. Папа хочет переехать. Домоуправление на этой же улице. Даже представить трудно, за 10 месяцев мы переезжали уже в 4-й раз. Папа договорился, и тут же ему выписали ордер. На днях мы переедем.

Опять появился Виктор Иванович. Он написал книгу и теперь хочет ее издать.

А Севастополь все не сдаётся. Немцы без конца бомбят и бомбят.

10 апреля. Мы уже переехали. Перевезли вещи с Набережной. У нас 2 комнаты, закрытая веранда и балкон, весь увитый глицинией и вьющимися розами. Красиво. Дом построен из такого же камня, как Воронцовский дворец. Стены толщиной чуть меньше метра. Кухня общая, но мама поставила на балконе мангал и готовит дома.

Виктор Иванович вместо писателя стал городским головой. Недоволен. Это для него слишком мелко.

Куда бы мы ни переезжали, папа делает ремонт. Белит стены известкой, устраняет какие-то дырки. У нас хорошие соседи. Врачи. Работали в туберкулезном диспансере. Иногда к ним приходят больные туберкулезом. Они лечат, но все равно голодают. К папе опять стали ходить пациенты. В основном хорваты и румыны. Расплачиваются продуктами. С техником папа тоже расплачивается продуктами. И, кроме того, отдает и соседям и знакомым. Но все-таки хочется гречневой каши и котлет. Румыны больше носят масло, хорваты рыбу. У них котяра, они ловят кефаль и скумбрию. Мы не голодаем. Но хочется и молока и творога. В Ялте картошка никогда не росла. А так хочется жареной картошки.

1 мая. Нас стали бомбить ежедневно. У нас интересная кошка. Она чувствует, что будет бомбежка, и ведет котят под лестницу на 1-й этаж. Мы теперь чаще живем под лестницей, а не на 2-м этаже. Я все так же хожу к технику и на базар. Меняю масло и рыбу на пшеницу или хлеб. Румыны на базаре меняют все что можно, даже вино. Вчера шла по Набережной домой, сзади шла девочка. Вдруг на бреющем налетел наш самолет. Я видела его лицо. Он сбросил бомбу. У «Интуриста» стоят хорваты. Они закричали: «Ложись!». Все произошло мгновенно: выскочил хорват, дал мне подножку, я упала. Бомба взорвалась у городского сада. Девочку убило осколком. Хорват отвел меня домой. Меня трясло.

Немцы громят Севастополь, а наши Соколы Ялту.

10 мая. Бомбежки каждую ночь. Лучше б жили в подвале. Все равно спим под лестницей. Мы и соседи на 4 кв. м. Они очень бедные и боль-

ные. Чтоб белое белье не так пачкалось, они перекрасили его в красный цвет стрептоцидом и в зеленый цвет акрихином. Сосед смеется, что белье на нем такое же, и он то зеленый, как гусеница, а потом вылупился и стал бабочкой. Под лестницей мы и едим. Кошка всегда с нами.

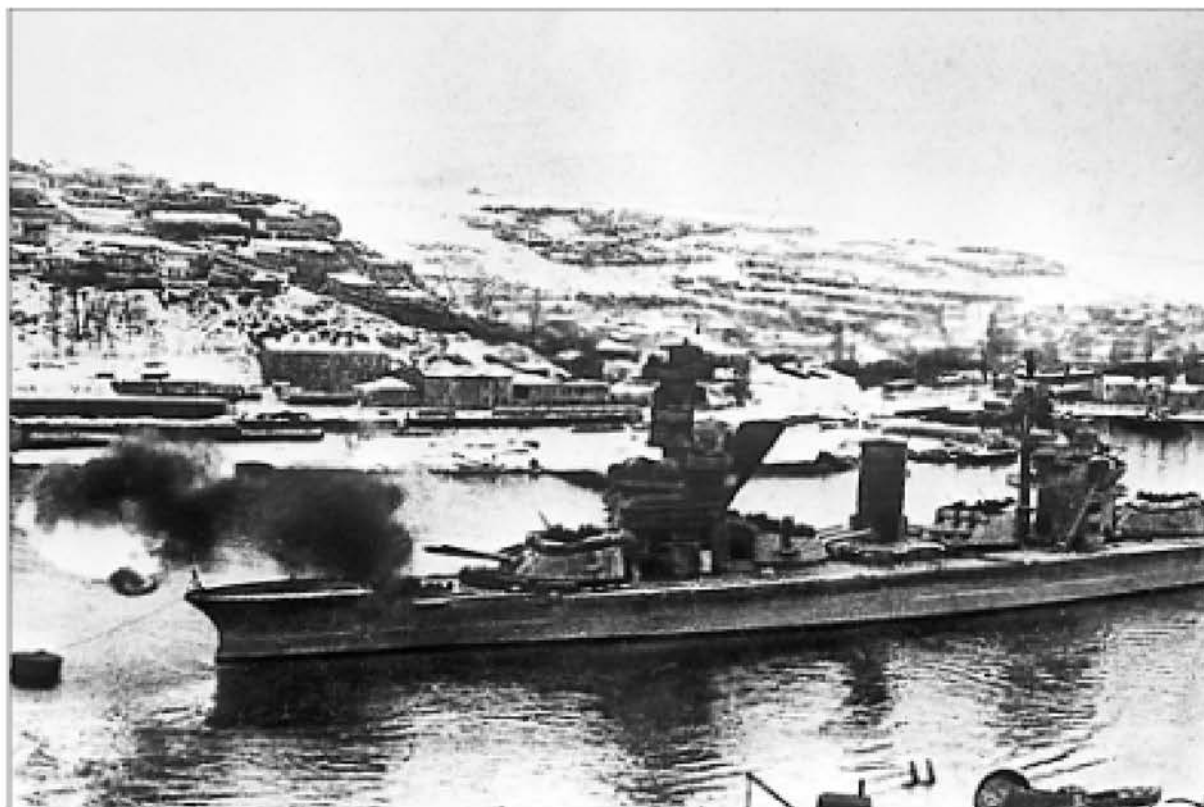
16 мая. Приходил Виктор Иванович. Предложил маме идти работать в управу главным бухгалтером. Мама отказалась. К папе приходила одна еврейка, которая не надела звезду и скрывалась. Просит помочь сделать новый паспорт. Папа поговорил с Мальцевым. Он обещал помочь. И еще к маме пришел ее бывший сотрудник. Просит подписаться, что он не был коммунистом. Мама подписалась. Если б не предатели, то немцам и дела нет до русских.

Мне уже совершенно нечего надеть. Платье, что носила в 5-м классе, мало. Мама отдала свое платье шерстяное. Я его перешиваю. А летнего ничего нет. Старая юбка из платья и одна блузка. Стирать приходится золой. Голову тоже моем золой. Мыло экономим.

26 мая. Папин день рождения. Раньше он всегда отмечал, теперь нет.

28 мая. Вчера с вечера не успели спуститься под лестницу, хоть кошка бегала, звала. Сидели на балконе, потом легли спать в комнате. Спим, как цыгане, - все в гостиной, хоть в спальне 3 кровати. И вот тут громыхнуло. Наши с подводной лодки пустили торпеду. У нас заклинило замок. В половине близлежащих домов повывлетали стекла. Мы ведь опять живем недалеко от моря. Когда же все это кончится? Скоро уже год, как началась война. Сколько уже погибло людей! Сколько невинных еще погибнет. Ведь простые немцы не хотят убивать. А заставляют. Чем я была виновата и та девчонка? Ведь нас было только двое на Набережной. И летчик видел, а бросил на нас бомбу, да еще стрелял из пулемета. А еще советский.

6 июня. Я была на балконе. Папа принимал какого-то мужчину. Высоко летят самолеты со стороны Севастополя. Вдруг я вижу, что-то серебрится. Влетаю в комнату, кричу: «Бомбы!» Папа сказал: «Не ври». И что тут началось. Бомбы рвались одна за другой. Я залезла под стол, папа спрятал голову под кресло, а пациент исчез. Когда бомбежка закончилась, я побежала смотреть разрушения. Одна бомба на углу Литкенса не разорвалась. Я подбежала к ней, прыгнула на нее. Какой-то немец схватил меня и отбросил к стене, сам лег на меня. Все, кто там был, бросились в разные стороны и легли. Через несколько секунд бомба взорвалась. Когда я пошла домой, отец стоял прижавшись к стене бе-

Война шла не только на земле, но и в море. Гибли не только военные корабли (линкор «Парижская коммуна» во время боя под Севастополем - на фото). 7 ноября 1941 г. фашистские самолёты разбомбили транспорт «Армения», на котором находились раненые бойцы и эвакуированные жители Ялты. Из 5000 человек спаслись только 8.
Фото РИА Новости.

лее своего халата. Увидев меня, он сполз по стене и потерял сознание. У меня болела голова, и я стала заикаться.

К вечеру папа отошел и вспомнил, что у него был пациент. Когда я пошла в ванную, то увидела, что из-под ванны торчат ноги. Папа кое-как вытащил своего пациента. Гипс во рту затвердел, как камень. Он не помнил, как исхитрился залезть, а уж вылезти не смог. Папа еле-еле снял ему гипс. И как он не задохнулся?

15 июня. Ничего хорошего, ничего нового. Пришла старая знакомая папы - еврейка. Просит помочь сделать паспорт на болгарку. Папа обещал.

Бомбежки продолжаются. В развалинах трупы, полно крыс. Наша кошка каждую ночь приносит штук 10. После каждой надо встать, погладить Мурку, иначе она положит ее на подушку. Утром я выбрасываю крыс в полицию. Полицай ругается, орет: «Какой черт мне опять крыс накидал?» А на днях у него ночью украли машину. Как ее перекинули через стену?

26 июня. Бомбить стали еще больше. А земля трясется от бомбежки Севастополя. Говорят, немцы в чем-то ошиблись и разгромили румын. Папа попросил Виктора Ивановича, и его знакомой дали новый паспорт. Она болгарка. А мы все так же спим под лестницей впятером.

5 июля. Севастополь сдался. Приходил Виктор Иванович. Возмущался предательством командования. Начальство ушло на подводной лодке. Солдаты до последнего держались на развалинах Херсонеса. Моряки не сдавались. Говорят, что взявшись за руки прыгали с обрыва в море. В плену тысячи солдат.

8 июля. Говорят, что пленных гонят в Симферополь. Когда голова колонны была в Бахчисарае, хвост был еще в Севастополе. Украинцев отпускают по домам. К папе пришел один моряк, он как-то сбежал. Папа дал ему свой костюм. Он украинец. Сказал, что украинцы доберутся домой на Украину. А почему же русские должны идти в лагерь?

Но почему русские самолеты нас так зверски бомбят?

16 июля. Опять мой день рождения. Мне 15 лет. Жарко. Никто меня не поздравляет. Я решила пойти выкупаться. Ведь море всего в 100 метрах. Маме я ничего не сказала и пошла. У Ореанды спустилась к морю. Никого нет. Немцы очень далеко. Я разделась. Вижу, они кричат и машут руками. Я подумала, что они не хотят, чтоб я купалась, потому что русская. А когда нырнула и поплыла, поняла, что море заминировано.

Мина круглая, рогатая качалась подо мной. Я поплыла назад. Какой-то итальянец спускал лодку, но я плыла быстрее. Схватила свое платье и бегом домой. Меня не догоняли. Маме я ничего не сказала. А волосы намочила в ванной. Все я попадаю в какие-то неприятности.

1 августа. Сегодня наша кошка приползла, в горло ей вцепилась белая старая крыса. Но Мурка ее не бросила. Папа оторвал крысу, у Мурки хлынула кровь. Папа обработал ей рану. Теперь она лежит со своими котятами.

9 августа. Ничего нового. Все так же живем под лестницей. Кошка так же спускается вниз с котятами. Они смешные, скатываются по лестнице, ходить-то не умеют. Хожу к технику. Немцев в городе много. Отдыхают. Румын стало меньше. Вчера ходила на рынок. Вдруг вижу, в городском саду к позорному столбу привязан мужчина старый. На груди доска с надписью: «За доносы». Вокруг толпа людей, плюют на него, кидают камни, орут. Приговорил его городской голова на две недели. По вечерам его уводят, а с утра опять привязывают. Облав больше нет. Наверное, уже некого ловить. А папа все равно никуда не ходит. Мама и до войны знала только дорогу из дома на работу. Так было в Севастополе и в Ялте. А теперь ей некуда ходить.

25 августа. Раньше я б готовилась идти в школу, а теперь неизвестно, когда я буду учиться. Да и буду ли. Сейчас я б пошла в 8-й класс. А так умираю от скуки. Хорошо хоть у нас много книг. Подруг нет. К папе ходит один румын вставлять зубы. Теперь надумал вечером петь под балконом мне серенады. Пришел с цветами. Я вылила на него ведро воды.

5 сентября. Виктор Иванович нашел новую жену. Ее зовут Нэлли. Молодая, врач. И что она со стариком связалась. Он уходит из управы. Его приглашают в какую-то русскую армию, которую организуют немцы. Ему надо ехать куда-то в Германию. Пришел прощаться. Очень расстроен, неуверен. Но собирается спасти Россию.

30 сентября. Опять приехал дядя Валя. Говорит, что лучше б нам переехать в Симферополь, чтоб быть всем вместе. Нужен пропуск. Он обещает сходить к коменданту в Симферополе. Папа согласен. Дядя Валя рассказал, что в Симферополе совсем другая жизнь. Есть школы, театр, кинотеатр, на рынке все есть и не бомбят. А здесь бомбят без конца. Под лестницей спать уже холодно.

5 октября. Вчера соседи не хотели идти в подвал. Легли спать дома. Мы пошли под лестницу. Кошка мяукала, как никогда. Тогда папа по-

шел уговаривать соседей идти вниз. Только они начали спускаться, как громыхнуло снарядом с моря. Наш дом из диорита, а зашатался. Утром посмотрели - шкафа нет, что в углу стоял. Все вещи в клочья, полстены снесло, а головка снаряда влетела в печь, что у нашей стены. Иначе б и нашу спальню разнесло.

19 октября. Папа окончательно решил все бросить и уезжать. Как это выйдет? Ведь война, и кругом враги.

К нам приходит цыганка. Мама дает ей кое-какие вещи на обмен. Вчера принесла кусок мяса, похоже на собачатину. Кошкой соседи меня уже угощали. Похожа на крольчатину, это мясо синее и худое, больше костей.

25 октября. Спим дома, ближе к дверям. До полуночи сидим, ждем бомбежки, потом ложимся, как цыгане, все вместе. Похолодало. Школу открыли, но никто теперь не ходит. Наверное, некому и боятся. Кажется, война была всегда. Я уже ничего не помню.

7 ноябля. Вчера ночью нас особенно бомбили. Праздник. У папы есть работа, но за деньги ничего не купишь. Румыны больше не ходят, хорваты в море не выходят. Нет ни рыбы, ни консервов. Я страдаю от голода, а папа очень удручен. Нельзя сказать, что мы голодаем, как в 41 году. Еще остались от лета мука, сахарин и консервы. Надо экономить. Мама стирает золой, мыло только для умывания.

Я бегаяю к технику и на базар. По Набережной стало противно ходить. Море бушует, заливает до домов. Море серое, грязное и холодное. До войны оно сверкало, а по ночам на темном, спокойном море была лунная дорожка, на горизонте широкая, а к берегу сужалась. И луна была такая спокойная. Как же все ушло.

15 ноябля. Нам привезли пропуск. Мама ходила в комендатуру в Ялте. Комендант подписал. Вот и все. Мы скоро уедем. Приходила немецкая медсестра. Она займет нашу квартиру. Увидала стулья с резной спинкой. Выпросила один стул. Сказала, что даст машины, чтоб увезти вещи. А стул отправит своему папе в Германию. Странно. Могла б просто отобрать.

20 ноябля. Мы собираем вещи. Наша кошка мечется, залезает в чемоданы. Утром вылезает и смотрит на нас. Бойтся, что мы ее бросим. Мама никогда не сделает такой подлости.

22 ноябля. Сестра Шарлотта дала машины. Погрузили вещи, но настал вечер. Ехать нельзя. Папа пошел ночевать в машину. (...)

27 ноября. Все по порядку. Шарлотта дала еще одну машину, и ее загружали до половины дня. Но не было шоферов. Вернее, был только один немец. Меня отправили с первой машиной с немцем и кошкой. Шарлотта сказала немцу, что если со мной что случится, ему будет плохо. Мы уехали часов в 12. В горах стемнело рано. Мы заехали в татарскую деревню переночевать. Меня с кошкой поместили на женскую половину, а немец ушел на мужскую. Нас с Муркой накормили и положили спать на полу. Ночью Мурка попросилась, я вышла с ней. На улице холодно, небо усыпано звездами. Кажется, что от них светло. Уходить не хотелось. Где-то слышны разговоры. Я испугалась и пошла спать, Мурка за мной. Рано утром немец пришел за мной. Нас опять накормили, и мы уехали. Дорога пошла вниз, и уже не было таких поворотов. Часов в 9 мы въехали в Симферополь. На улицах много народу. Особенно много полицаев. В Ялте такого не было. Полицай в черной форме с серым воротником. Мы подъехали к дому, где жили тетя Аня с Жаном. Немец, Жан и соседи помогли разгрузить машину, и немец уехал.

На другой день приехали мама и папа на двух машинах. Тот же немец и русский шофер. Сгрузили вещи, и мы кое-как устроились. Здесь не бомбят.

29 ноября. Утром я вышла на улицу познакомиться с городом. Только зашла за угол, как встретила Винко. Я обалдела, он еще больше. Ему было некогда, и я ничего не узнала от него. Странно, почему моряк не на море. Он ведь собирался в партизаны в Югославии, а сам еще здесь.

12 декабря. Я уже хожу в школу. В классе человек 60. Только девочки. Мальчишки в другой школе. Я опять в 7-м классе. Уже подружилась с несколькими. Лилька Измайлова - татарка, Лиля Альянаки - армянка, Люся Кун считается немкой, но она украинка. Отчим - немец и сделал их с матерью немками.

Папа быстро освоился: меня сразу определил в школу, а сам пошел устраиваться на работу в областную поликлинику. В Ялте он всего боялся, а здесь ходит спокойно.

15 декабря. Я хожу в школу. Не надо бояться бомбежек, на улицах много народу. По истории у нас старый учитель, у него на кончике носа висит сопля. Мы прозвали его «капелька». По математике учитель, какие были в старых гимназиях, высокий, дородный, ходит в старинном мундире и очень гордый. По русскому учительница из Ленинграда, она приехала летом 41-го и не смогла уехать. Учим литературу Франции,

Германии и старую русскую. Сейчас проходим Стендаля. А по немецкому - учим биографию Гитлера. Оказывается, Гитлер - это кличка, как и у Сталина. А настоящая фамилия Шикльгрубер.

В городе появилось много немцев из Сталинграда. Моя подруга из Севастополя работает в немецком госпитале. Там очень много раненых и обожженных. Ее отец во время боев был в Севастополе. Он работал в банке и не мог бросить документы и деньги. Потом отправил семью в Симферополь, а сам остался в Севастополе. Рассказывал, как они жили. Люди прятались по пещерам, катакомбам. Продукты были, а воды не было. В Инкермане в пещерах пили и умывались шампанским. Выйти было невозможно, продукты приносили моряки. Моряков сняли с кораблей и отправили в окопы. Немцы боялись моряков, называли их «черная смерть».

24 декабря. У немцев праздник. У нас во дворе много немцев. Они поют, веселятся, выходят во двор пострелять. Уборная во дворе одна на всех - и жителей, и немцев. Немцы не могут понять, как можно не иметь в доме уборной. Приходится и под стрельбу бегать на двор.

Я ходила в гости к Люсе. Отчим у нее вроде немец, но она чистая хохлушка, а числится немкой. У них во дворе тоже полно немцев. К ним приходят немцы - просто посидеть. Одного прозвали Чайковским за то, что он играет на губной гармошке. И еще совсем молодой, Гарри. Он из богатой семьи. Воевать не хочет. Хочет в госпиталь, чтоб не отправили на фронт. И еще один немец, но совсем не похож на немца. По-русски говорит чисто, лучше, чем русские. Нос курносый, глаза заплывшие, как у свиньи. Рассказывает странные вещи, как он переходил границу еще до войны и спокойно ходил по русским селам, переодетый в тряпье, потом шел опять к немцам. А как же наши пограничники? Почему они не трогали перебежчиков? Ведь он не один был такой. А может, он русский и ходил к немцам?

За этот год я уже много увидела и поняла. Зачем эта война? Ведь не хотят немцы умирать, и наши не хотят. Зачем столько жертв? Зачем голод, холод, расстрелы? Мы бросили квартиру, сейчас живем в бараке. Все разрушено. Свои взорвали Ялту - самый красивый город, свои разорвали душу. Зачем меня хотел убить свой советский летчик на Набережной? Я ведь ничего не сделала плохого никому. И папа не сделал, он всегда помогал людям. И мама - самый честный человек на свете. Когда я была маленькой, то любила заходить в кондитерскую, где пекли за-

мечательные пирожные. Запах шел по всей округе. Кондитерская принадлежала Военторгу, а мама была главным бухгалтером. Когда мама узнала, что я почти каждый день захожу угощаться, то тут же оплатила все, что я могла съесть.

Я никому не показываю свой дневник, даже маме.

31 декабря. Мама с папой ушли встречать Новый год к дяде Вале. Мы с Жаном по своим комнатам, переговариваемся через дверь. Нас заперли. Немцы встречают Новый год, и мама и тетя Аня боятся, чтоб к нам никто не пришел. Особенно после истории в Ялте, когда пьяный немец хотел меня пристрелить. Здесь у нас карбидные лампы воняют страшно. Но зато светло, не сравнить с коптилкой, с которой мы сидели под лестницей в Ялте. И вообще здесь вся жизнь другая. Есть магазины, по карточкам дают немного хлеба, крупу и даже немного повидла. Есть бесплатная столовая. Там можно поесть или взять домой. Обычно дают суп с пшеном, кильку и кусок хлеба. Иногда вареный бурак с постным маслом и уксусом. И еще магазин частный. Хозяин летает в Румынию и Германию. Продаются очень красивые брошки, кольца, чулки, белье. Дорого. Мама говорит: «Нечего всякую дрянь покупать».

Папа работает в областной поликлинике. Зарплата небольшая, но он находит частных пациентов. Пока мы ничего не можем купить. Но уже не голодаем. Кое-что привезли из Ялты. Едим кашу из пшеницы, фасолевый суп. В комнате есть плита, и мама готовит в комнате.

Дядя Валя дал немного меда, у него большая пасека. Было много меда, он спрятал от немцев, закопал в саду у бабушки. Но соседи донесли, пришли немцы, мед откопали и забрали 2 тонны. Дали расписку, что взято на нужды армии. Теперь он ждет нового урожая. В Ялте мы пили чай с сахарином. Это такая гадость. Сахарин отдает металлом.

1943 год

10 января. В школе нам дали абонементы, чтоб ходить бесплатно в кино. Картины немецкие такие интересные. Я посмотрела уже две: «Коза Тедри» и «Индийская гробница». В кинотеатре продают фотографии немецких артистов по 5 рублей. Мировые фотографии. Какие платья! Я таких никогда не видела. А на одной артистке брюки и свитер. Вот бы мне такие. Я ведь до 10 лет ходила в коротких штанах из-за того, что лазила по деревьям, дралась с мальчишками и без конца то падала, то царапалась, то тонула. У нас был огромный двор. На верхнем - мы не играли. Большой двор средний. Там мы играли в чурки-палки и жмур-

ки. И еще был двор-сад. Там была сцена, стояли скамейки, и была масса цветов. И еще были качели и огромная шелковица. Вот оттуда я и летала. В среднем дворе были развалины после землетрясения. Там мы строили халабуды и играли в дочки-матери. Еще мы любили играть в самом низу под сараями. Иногда там мы находили старые монеты и камушки. Однажды я нашла очень красивый камень зеленовато-голубой. Потом сменяла его на стеклышко и листки сирени. Мама ругалась, как же давно это было. Как сон. Теперь во дворах не видно детей и никто нигде не играет. В Ялте и на улицах бывало - никого не встретишь. А здесь, на Пушкинской, много народу. Гуляют и русские, и немцы. И девушки с немцами. Офицеры не гуляют. Они сидят в казино. И на других улицах есть народ. Старые - сидят у своих ворот. Рассказывали, что когда немцы взяли Севастополь, то пленных моряков запрягли, как лошадей, и заставили тащить трамвай с пьяными немецкими подонками.

21 января. Папа ходил в домоуправление, дал кому-то взятку. Теперь ему ищут квартиру. Квартир много, но и немцев много. После Сталинграда очень много в госпиталях и на отдыхе. Писать неохота. Не о чем и некогда. С утра иду в школу, потом в кино. Вечером на кофейной мельнице мелю пшеницу, потом иду в гости к Ольге или Люсе. Там играем в карты или на пианино. Мы живем на одной улице, так что комендантский час не страшен. Когда у них бывают солдаты, то кто-нибудь нас разводит по домам. На днях Чайковский показал карикатуру. По углам листа бумаги 4 свиные и надпись: «Кто самая большая свинья?» Когда лист сложили, то получился портрет Черчилля. Неужели многие немцы не любят Гитлера и хотят только домой? А ведь нам говорили, что все они убийцы, грабители, и рисовали плакаты - немцы с рогами. А эти смеются, рассказывают, какая прекрасная Германия и как мерзко на фронте. Почему нас в школе обманывают?

12 февраля. Кажется, мы скоро переедем. Папе дали ордер на квартиру в доме специалистов. Он дал управдому отрез материи из своих запасов военного обмундирования. На эту квартиру дали ордер немцу-офицеру, но служит он в румынской армии. Папа повесил замок, а он повесил свой. Жена дядя Вали говорила с ним. Сказала: «Вы уйдете, а мы здесь навсегда». Немец ей в ответ: «У доктора много денег, он их под матрац кладет, вот ему и дали ордер».

14 февраля. Мама пошла к коменданту. Говорила с ним по-французски, комендант подписал нам ордер.

25 февраля. Мы уже переехали. У папы теперь есть кабинет. В спальне поставили две кровати и мне диван. И столовая. Пол паркетный. Но немцы, которые жили до нас, покрасили чем-то черным, наверное гуталином. Я сколько ни терла, не смогла оттереть. В квартире холод. Когда-то было центральное отопление. Теперь оно не работает. Прихожу из школы и не могу согреться.

В доме живут почти одни немцы - генералы и офицеры. На нашей площадке профессор Бельский - глазник, его сын - хирург. Они работают в областной больнице. Наверху полицейай. На 1-м этаже художник Самокиш. У него живут жена Айвазовского - черная и злая и еще смотрители музея Айвазовского в Феодосии - Бризгалы. Когда я иду в школу или обратно, то высовываются в дверь и тут же захлопывают. Что они хотят? У самого Самокиша мастерская в соседнем доме. Одну комнату у них занимает немец майор. Еще у них кот и попугай. Попугай все понимает и говорит.

1 марта. По утрам, когда я иду в школу, денщик генерала здоровается и говорит мне пароль. Я уже два раза ходила в театр. Приезжают артисты из всех стран. Идут и наши спектакли. Смотрела «Маленькую шоколадницу» и ревию из Парижа. Так здорово. Такие костюмы потрясные. В театре в фойе две двери. В одну входят немцы, в другую - русские.

Здесь у меня новые подруги - Тамара и Рита. Они красивые, а я и некрасивая, и плохо одета. Пальто, которое носила в 5-м классе, из драп-дерюги. Оно уже короткое и тесное. Юбка тоже из старого платья. Мама говорит: «Вырастешь, тогда будешь носить что хочешь».

Папа стал хорошо зарабатывать. Мама ходит на базар. Там можно купить все. Хлеб белый круглый стоит 800 р., масло сливочное 1000 р. Мама покупает даже мясо. Уже не собака и не козлятина.

12 марта. В школе скучно. В классе, наверное, 70 человек. Одни девочки. Сегодня тепло. Учиться неохота. На уроке истории наш «капелька» делал перекличку, а мы по очереди выскакивали в окно. Когда он дошел до моей фамилии, «капелька» поднял голову. Нас оставалось человек пять. Но мы все равно все хором убежали. Дома меня отругали за неуважение к учителю.

20 марта. Вдруг появился Виктор Иванович в немецкой форме. Приехал откуда-то с севера. Папа был страшно недоволен его появлением. Виктор Иванович тоже смущен, говорит, что после того, как сдал свою книгу в печать, его пригласили познакомиться с несколькими русски-

ми офицерами. Они создают русскую освободительную армию с тем, чтоб после войны помогать строить новую Россию. Говорит, выхода у него не было. Как всегда, он разговаривает снисходительно. Папа не переносит. У папы много новых знакомых. К нам приходят по вечерам играть в преферанс. Мама не играет. Приходит главный врач Крыма Радзиловский. У них с папой какие-то дела.

15 апреля. Весна. Тепло. В квартире потеплело. Позеленели деревья. Где-то идет война. Умирают люди. Рассказывают ужасы о немецких концлагерях, об Освенциме. Туда сгоняют людей эшелонами из всех стран. Уничтожают в газовых камерах. Какой ужас! За что? Почему кто-то кого-то убивает? (...)

1 мая. Раньше мы праздновали, а теперь все дни одинаковые. Меня поставили на учет на биржу труда. Поставили штамп «безработная». После окончания школы могут забрать на работу в Германию. Мне нет 16 лет. Поэтому не берут. Мама пошла работать в поликлинику - учеником техника. Лишь бы числиться на работе.

Папа стал пить. Не переносит немцев, хоть теперь они совсем другие. В доме нас никто не притесняет. Немцы здороваются, как добрые соседи. Папа ходит в своем форменном морском кителе. Мама только обшила пуговицы синей материей. Правда, у папы и нет ничего другого. Свои костюмы он отдал еще в Ялте военнопленным морякам, когда они сбежали из плена. А теперь шить негде и не из чего. Тогда он об этом не думал, а ждал, что немцев вот-вот прогонят.

Война идет уже почти 2 года. Немцы очень быстро наступали, но очень медленно отступают. В городе по-прежнему полно немцев и румын. Немцы занимают центр, а румыны - на окраинах. Немцы к румынам относятся с презрением. Румыны тоже их ненавидят, но своей жестокостью хотят показать, что они что-то стоят. Румынская сигуранца хуже гестапо. А солдаты воруют. Немцы по домам не ходят и ничего не берут.

20 мая. Школа закончена. Делать нечего. Каждый день хожу в кино. В театр через день. Там все время новые программы. По вечерам часто собираемся то у Люси, то у Ольги. Папа не разрешает собираться у нас. У него постоянно какие-то люди, пьют и о чем-то шепчутся. У папы вывеска на парадном. Он принимает дома пациентов. Мама злится, ей приходится убирать, а деньги папа куда-то деваает.

16 июня. Вчера нас послали собирать розы на плантации. За килограмм лепестков платят 20 марок. За весь день я получила 50 марок.

8 месяцев силами морской пехоты, артиллеристов береговой обороны и местных жителей удерживался Севастополь от натиска 200-тысячной ударной армии фашистских войск.
Фото East News.

Вечером зашел Виктор Иванович. Подарил мне свою книгу «В застенках ГПУ» с надписью: «Зоя, в жизни встречаются не только розы, которые ты сегодня собирала на плантации, а и тернии, больно колющие душу и тело человека». Виктор Иванович говорит, что более честных людей, чем мои папа и мама, он не встречал. Живет Виктор Иванович в офицерской гостинице. Ходит в летней немецкой форме. Сегодня пришел в коротких штанах и рубашке цвета песочно-зеленоватого. Как-то странно, старый полковник, ноги с седыми волосами, и в коротких штанах.

25 июня. Прочла книгу Мальцева. Какой ужас! Чем же отличается ГПУ от гестапо? ГПУ даже хуже. Ведь мучают своих. То, что Виктору Ивановичу выбили зубы, ничто по сравнению с тем, как мучили женщин, как обливали водой и выставляли на мороз, или сажали в железный ящик почти голых летом в жару, или зимой в сильный мороз, когда можно там только ходить по раскаленному железу, или по замороженному. Многие этого не выдерживали. Или на беременных женщин запускали тупых охранников. Те издевались, пока женщина не умирала. Как можно такое пережить? Куда смотрел Сталин, разрешая эти дикие концлагеря? А мы еще верили, что наша страна самая лучшая. Если бы меня посадили, я бы сразу повесилась.

16 июля. Сегодня мой день рождения. Папа подарил часы, мама спекла пирог. Гостей нет. Почему никогда не празднуют мой день рождения?

Мама пригласила на дом портниху. Мне, наконец, сшили пальто из папиного военного сукна и несколько платьев - из маминых старых, и два новых из белого полотна, и голубое шелковое. Мама сто раз сказала, чтоб я его берегла, и мне не хочется его видеть, не то чтоб надевать. Почему мама такая суровая?

Папа пьет. Те, кто с ним пьют, над ним смеются. А знакомые осуждают маму и папу за то, что я у них, как Золушка. Плохо одета, делаю по дому всю работу, а меня все равно ругают. Папа зарабатывает много, а мне никогда не дают деньги. Хорошо, что хоть кино по абонементу. Хочу идти работать. Папа не пускает.

Люська работает в немецком магазине, Лилька в аптеке, Ольга в госпитале. Лилька приносит медикаменты. Я продаю их папе. Он не знает, что мы с Лилькой делимся. А потом папа кричит: «Где ты берешь деньги?» Люська тоже просит иногда что-нибудь вынести из магазина.

Не дай Бог, поймают, тут же повесят. А мне все равно, я никому не нужна. (...)

5 сентября. Меня вызвали на комиссию. Забирают в Германию девчонку. У Люси живет на квартире немец. Мы плачем, а он нас успокаивает. Люську не возьмут, она по документам немка. А мы с Лилькой попадем. Дядя Ганс нам сказал, что даст адрес, и мы поедem к его жене.

8 сентября. Вчера была на комиссии. Сначала нас смотрели русские врачи. Папа договорился со своей знакомой, она сумела дать мне 3-ю группу. Это означает сельские работы. Девчонки пришли в грязных платьях, измазанные. Им давали 1-ю и 2-ю группы. Это подземные заводы, шахты и химия. 3-я группа должна пройти немецкую комиссию. Я пошла, за столом сидят три немца - врачи. Тот, что посредине, лысый, розовый, с голубыми глазами, просит показать руки. А у меня маникюр.

Он спрашивает: «Что ты умеешь делать?» Я ответила: «Играть на пианино». Он: «А что ты играешь?» Я: «Больше всего люблю Штрауса». Он: «А кто твой папа?» Я: «Врач».

Он взял мои документы, перечеркнул и написал: 5-я группа. Значит, освобождена. Еще спросил, откуда я знаю немецкий язык. Я сказала, что у меня была немка-гувернантка. Он пожелал мне успехов, и я ушла. Ольга и Лиля работают. Им Германия не грозит. А мне повезло.

6 октября. Пришла последняя жена Мальцева. Просит пойти с ней в гестапо. Виктор Иванович в Летцене. Он уже начальник штаба воздушных сил Р.О.А. Она хочет уехать к нему. Она совершенно не знает языка и хочет, чтоб я помогла ей получить пропуск. Я пошла с ней. Ворота открыты, стоит сонный часовой. Я сказала, что мы идем за пропуском. Он махнул рукой, и мы прошли. В какой-то комнате мы увидели двух немцев на кроватях. Тут же стол с едой. Я сказала, чего мы хотим. Один из них встал, взял у Нэли бумаги, подписал, поставил печать. Мы ушли. Маме я ничего не сказала.

31 октября. На улице тепло. Мы ждали, что наши войска войдут, а они прошли мимо на Одессу. В воздухе пахнет осенью. Не верится, что где-то война. Два года назад в Ялте, когда наступали немцы, было холодно, пасмурно, а сейчас мы ходим в летнем. Теперь мы в осажденном Крыму. Немцы ждут какого-то нового оружия.

10 ноября. Папу вызвали в гестапо. Мы даже не знали, что он освобождает людей из концлагеря. К нему приводят из концлагеря заключенного, он в кабинете его переодевает. В лагерь идет другой, в лох-

мотьях и с перевязанной щекой. Трое из освобожденных - врачи. Уже работают в этой же поликлинике. Когда папу заподозрили в обмане, то он сказал, что ничего не знает и пусть конвойный сидит не в коридоре, а у кресла. Папу отпустили, но он все равно помогает. Много денег отдает кому-то. К нам часто ходит Радзиловский. Они пьют с папой. Радзиловский постоянно расстроен, жалуется папе и пьет. На днях спал у нас на балконе, на полу.

25 декабря. Рождество. Папа развеселился. У нас его друзья. Папа хорошо напился и стал танцевать и топать. Пришел адъютант генерала. Просит не топать - генерал отдыхает. Папа ему говорит: «Я майор, и хочу праздновать по-русски». Второй раз опять пришел и просит топать потише. Папа ему: «Я подполковник». Потом пришел сам генерал. Папа ему говорит: «Я полковник». Генерал посмотрел на него пьяного и говорит: «Сейчас доктор еще выпьет и станет генералом» - и ушел.

1944 год

1 января. Мы ушли встречать Новый год. Я пошла к Лиле, а мама с папой к дяде Вале. Сегодня пришли, а у нас у дверей полно обгоревших спичек. Бежит адъютант и заявляет, что мы их утопили. Мы еще не открыли дверь. Пошли смотреть. Вода дошла и на 1-й этаж. Немцы поднялись к нам. Передняя залита водой по щиколотку, и наша кошка бегает по воде. Она привыкла купаться, открыла кран на кухне и веселится. Генерал посмотрел и говорит: «У этих русских даже кошки ненормальные».

7 января. Вчера у мамы был день рождения. Пришел дядя Валя с женой и румыном, ее любовником, он у них на квартире, немец, который живет у бабушки. Она прислала его с поздравлением и подарком. Петр Лещенко - он в гражданскую служил с любимым маминим братом в белой армии - с мамой был тогда знаком. Как всегда «случайно», зашел Радзиловский с женой. Он не знал о дне рождения. Лещенко спел несколько песен. Он теперь майор румынской армии. Небольшого роста, плешивый, а поет здорово. Он очень удручен. Сказал маме, что не ждет ничего хорошего. У него молодая жена, жизнь не радует. Прожил на чужбине столько лет, а мечтает хоть умереть в России. Предчувствие самое плохое. (...)

27 марта. Появился Виктор Иванович. Он теперь в погонах. Высокий, надменный. Поблагодарил за помощь Нэле. Он прилетел из Летцена. Летел сложно, через Румынию. Говорит, что скоро придут наши.

Мне сказал: «Никогда не бросай Родину», а папе сказал: «Немцы нас обманули, мы - пушечное мясо. Они хотят загрести жар чужими руками. Но теперь выхода нет, придется идти до конца». Сказал, что немцы ждут чудодейственное оружие, которое перевернет весь ход войны. А что за оружие, никто не знает. Ему надо было где-то кому-то читать лекцию, но он сказал, что это только проформа. Он недоволен своим положением.

8 апреля. Пасха. Мы все собрались у бабушки. Немцы, что стоят на Красной Горке, собираются эвакуироваться.

9 апреля. Ночью бомбили. Бомба разорвалась под моим окном. Меня засыпало стеклами. Мама встала, зовет в бомбоубежище. Я ей говорю: «Это ветер». И заснула дальше. Папа напился и ничего не слышит.

11 апреля. В эту ночь мы спустились в подвал. Там много немцев. Бомбили. По улицам бегают каратели из чеченцев и ингушей. Немцы их тоже боятся. Хотели ворваться к нам в подвал, но немцы их прогнали. Они повесили на столб какие-то пакеты. Немцы их сорвали. И еще подожгли сарай. Потушили. (...)

13 апреля. Ночь прошла спокойно. На улице ни души. Мама послала меня узнать, что с ее любимой сестрой. Идти надо было с километр до ул. К. Либкнехта. Я пошла. Нигде никого нет. По улице валяются бумаги. Все дома целенькие, хоть и бомбили, да прошли каратели. На улице К. Маркса вдруг выскочила открытая машина с офицерами, по бокам солдаты с пулеметами. Они на полном ходу свернули на нашу улицу. Крикнули: «Где дорога на Севастополь?» Я махнула рукой, и они умолчали. Это была последняя встреча с немцами. Я пошла к тетке. Через час я вышла - на улице полно наших. Кто-то из солдат что-то сказал про мою мать. Я не поняла. На улице Толстого висела афиша «Джордж из Динки-джаза». Я решила посмотреть фильм. Он шел с перерывами очень долго. Дома мне хорошо влетело.

15 апреля. На улицах полно наших солдат и офицеров. Они теперь в погонах. И еще полно людей с красной ленточкой. Говорят, что это партизаны. Наш директор школы тоже с ленточкой.

20 апреля. Нас сняли с занятий, послали в госпиталь ухаживать за ранеными. Они теперь из Севастополя. Большею частью нацмены. Госпиталь в каком-то бараке. Раненые лежат на полу, на соломе. Грязь и вонюща.

26 апреля. У нас на квартире живет один майор из Москвы. Он из

проектного бюро. Как только возьмут Севастополь, его тут же будут восстанавливать. Уже все готово. А в Севастополе ужасные бои. Папа страшно переживает. Он всегда болеет за Севастополь и за моряков. Все-таки он моряк с 1913 года. Хоть и учился на врача в Ревеле, потом служил лекарем то на кораблях, то на подводной лодке, то в морском госпитале, пока в 1938 году ему пришлось уйти в отставку. В Севастополе пересажали ужасно много моряков. Папе какой-то следователь-пьяница посоветовал уйти. Больше папу не трогали. Он уже не враг.

10 мая. Севастополь взяли. Наш майор сегодня уехал. Наконец-то у нас все кончено. Уже почти мирная жизнь. Но на базаре исчезли продукты. У папы много больных. В основном военные. Носят продукты, немецкий шоколад. Наверное, наворовали на складах.

19 мая. Ночью был переполох. Шум, крики, стрельба. Мы выскочили на балкон. Люди в военной форме вытаскивали и заталкивали на грузовик наших новых соседей - татар. Это довоенное правительство Крыма. Они только несколько дней, как приехали. Утром я побежала к Рите. Их тоже забрали. Квартира открыта, все валяется. Я хотела забрать свои ноты, но не нашла и скорее убежала. Оказывается, в эту ночь собрали и выслали всех татар. У Риты отец был партизан. За что же ее выслали?

24 мая. Папу вызвали в прокуратуру. Прокурор требует освободить квартиру. Нам дают по ул. Гоголя четыре комнаты на 1-м этаже, удобства во дворе. Папа отказался.

1 июня. Папу и маму вызвали опять 26 мая. Больше я их не видела. Они в тюрьме. Два дня шел обыск. Следователь - женщина совала себе под жакет чулки, мамины блузки. Все описали. Меня выгнали. Я успела вынести продукты к тете Ане и несколько платьев. Мне дали железную кровать, одеяло и зимнее пальто. Остальное разграбили. Квартиру занял прокурор.

15 июня. Каждый день ношу передачи в тюрьму. Просиживаю целые дни. Арестовали дядю Валю.

16 июня. Тетка меня выгнала. Сказала, что я дочь арестантов. Пока пошла жить к бабушке.

27 июня. Вчера пришли НКВДешники. Дали 20 минут на сборы и выслали деда с бабушкой. Дед - болгарин, ему 84 года, бабушке 76 лет. Они не могли влезть на грузовик. Их закинули, как мешки.

ДНЕВНИК
ВОЛОДИ
БОРИСЕНКО

О дневнике, который вёл 13-летний Володя Борисенко в оккупированном Крыму, его родственники знали. Но где находится тетрадь, не помнил даже сам Владимир Фёдорович: то ли осталась в Феодосии, то ли совсем пропала... И только после смерти отца в 1986 году его дочь Марина, разбирая бумаги, нашла эти записи и автобиографию, в которой кратко перечислены события, описанные в его дневнике: «До декабря 1943 г. я существовал, прячась от облав и от угона в Германию, но в декабре под угрозой расстрела пришлось стать на учёт на бирже труда, откуда 4 декабря был послан работать на электростанцию в качестве чернорабочего. В марте 1944 г. все рабочие электростанции были увезены на грузовиках к Севастополю, для дальнейшей отправки в Германию. В пригороде Севастополя, Инкермане, во время налёта наших штурмовиков мне, а также трём моим товарищам удалось бежать в лес...»

После освобождения Крыма Володя вернулся домой, в школу. После войны поступил в Ленинградский институт физкультуры. «Он покорила добрую половину бассейнов мира и стал частью спортивной элиты СССР. Ни одна Олимпиада не обходилась без него, сначала в качестве участника, а потом - тренера и судьи международной категории», - рассказала нам Марина.

«Кто тебя научил плавать?» - поражённо спрашивали Володю, когда он только приехал в Ленинград. «Море...» - отвечал он. Море, солёным воздухом которого дышал с детства, море, из которого всю войну добывал мидии, чтобы прокормить семью, море, в котором на его глазах утонул корабль с людьми... С этой сцены и начинается дневник Володи Борисенко.

Январь 1942 г. (...) В ноябре 1941 г. в Феодосию ворвались немцы. Возможность эвакуироваться мы не имели, во-первых из-за болезни отца, а во-вторых брату Анатолию было всего 4 года, а сестре Дине не было ещё года. Кроме того корабли, выходявшие из порта, сразу же топились немецкими самолётами. Через 2 месяца после вступления немцев, 1 января 1942 года, в Феодосии был высажен нашим флотом десант, который продержался 3 недели, до 21 января 1942 г., когда в город опять вошли немцы. (...)

Ну так, стало быть сегодня я решил начать мой дневник. Я очень жалею, что не начал его раньше. Хотя все равно я не смог бы записать все те ужасы, которые прошли перед моими глазами, да и к тому же они незабываемы. Да вот еще и сегодня только мы с отцом вышли за ворота, сразу же мы увидели огромный столб дыма и огня, это горел трехэтажный дом, который находится против Союзтранса. Весь город представляет скелеты зданий, воронки и развалины. Все лучшие места города разбиты и исковерканы. Вокзал, «Астория», гидротехникум, 1 школа, 6 школа, огромная табачная фабрика, горсад, купальня, базар, много пекарен, выгорела вся Итальянская и весь порт. Кроме того сотни мелких домиков также были разбиты. Были разбиты все водопроводные трубы, город пил воду из подвалов, воронок, люков, известковых ям. Всего не описать.

Мы пошли с отцом за водой к известковой яме. Повсюду на улицах ходили немцы, валялись рассыпанные патроны, гранаты, осколки от бомб, от снарядов, целые неразорвавшиеся снаряды. По разбитому магазину, собирая доски, ходили люди. На площади, где находилась известковая яма, были построены 3 новых двухэтажных дома, один из них уже был разбит. Недалеко догорал склад боеприпасов, устроенный в бывшем детдоме. Возле раскопанных бомбоубежищ валялся убитый человек. Площадь была усеяна неразорвавшимися снарядами и мелкими бомбами. Набрав воды, мы вернулись домой.

За отцом пришел Белосевич и сказал, что немцы приказали в один день починить пекарню и на другой день выпечь хлеб. Я тоже пошел туда. Мой отец - и стекольщик, и жестянщик, и пекарь, и кровельщик, и лудильщик, и знает много других профессий. Когда мы пришли в пекарню, там уже было 5 человек рабочих, которые привезли разные вещи для оборудования пекарни. Они вычистили корыта для теста, выскребли полы. Одна небольшая комната пекарни была завалена упав-

шей стеной. Они забили двери в нее. Я нарубил дров и растопил печку. Отец повставлял стекла. Я пошел в разрушенный двор собирать дрова и нашел там несколько интересных книг. Собирая дрова, я полез по нагроможденным камням, вдруг один камень соскользнул у меня из-под ноги и я почувствовал, что проваливаюсь. Я выпустил из рук дрова и еле удержался на вытянутых руках. Еще немного и я бы был завален грудой камней. (...)

28 января 1942 г. Сегодня утром я начал читать найденную в развалинах книгу «Исторический вестник». Там мне очень понравился рассказ «Шлиссельбургская трагедия» и «Светлый ключ».

Потом я пошел в пекарню, там уже было готово тесто. Я нарубил дров для печки, на которой стоял котел с водой. Белосевич разжег форсунку. Когда хорошо вытопили печку, начали сажать хлеб. Убрали обсыпавшуюся штукатурку. Пришла уборщица, помыла окна и корыта. Поставили дрожжи и закваску на завтра. Потом начали вынимать хлеб. Когда вынули хлеб, каждый взял себе по буханке и все начали расходиться. Я тоже взял буханку и пошел домой.

Папа остался для того, чтобы выдать хлеб комендатуре.

Придя домой, я нарубил дров для трубы, отапливающей комнату, в которой жили офицер и денщик. Они заставляли топить им трубу каждый день.

Нарубив дров и пообедав, вышел во двор. Там был Боря, который во время боя в городе ночевал на горе у Джона, откуда был виден весь город и море. Теперь Борис забил выпавшие у него в квартире стекла фанерой, перенес обратно вещи, которые он с отцом раньше перенес к Джону. У него было 8 голубей, но их съели немцы.

Теперь мы как бы отдыхали. Только изредка где-то пролетит самолет, раздастся несколько выстрелов, и все.

А то с 29 декабря и до 21 января город беспрестанно бомбили немецкие самолеты. В это время много ужасов прошло перед моими глазами. Недалеко от базара в один двор попало несколько бомб и под развалинами остались 30 человек, только нескольких сумели откопать, остальные погибли. Но самое неизгладимое впечатление у меня осталось - это гибель корабля. Я решил описать ее в этом дневнике.

Мы с Борисом воспользовавшись некоторым затишьем пошли на гору к Джону. Дул тихий ветерок. На море были небольшие волны. На горизонте показался корабль. В воздухе носилось несколько советских

Жареные на обед голуби, воздушные налёты, потопленные корабли, немецкие солдаты - таким оказалось его детство.

13-летний Володя мог разделить судьбу угнанных в Германию на работы. Но чудом избежал этой участи.
Фото на странице - из архива М. Борисово.

самолетов. Я указал Борису на приближающийся корабль. Корабль подошел к пристани, но сделав полукруг отошел километра на три, так он делал три раза, прошло с полчаса, как мы смотрели за ним. Самолеты кружились в воздухе. Я подумал о том, что если он повернет в четвертый раз, что-нибудь должно случиться. Пароход повернул в четвертый раз. И вот, когда советские самолеты чуть отлетели в сторону, далеко за Лысой горой показались точки немецких самолетов. Их было 7 истребителей и 5 бомбардировщиков. Истребители быстро оттеснив наши самолеты, скрылись в тучах. Бомбардировщики продолжали свой путь. Наши самолеты были далеко в стороне. Зенитки создали огненную преграду. Но немецкие самолеты штопором понеслись вниз и поднырнули под разрывы снарядов. Выровнявшись и опустившись гораздо ниже немецкие самолеты начали пикировать на корабль. Корабль полным ходом шел к порту, чтобы в нем укрыться. Мы поняли, чтобы корабль погиб. Самолеты быстро приблизившись к кораблю выстроились в шеренгу и начали по очереди бросать бомбы. Вот бросил первый самолет, но корабль быстро застопорил машины и все пять бомб подняли огромный водяной столб впереди корабля. Кинул второй, но корабль сразу рванулся с места, позади него разорвались все бомбы. Третий снизился ниже всех и бросил свою пятерку в корабль. Но корабль резко повернулся в открытое море. Но четвертый и пятый самолет кидали сразу вместе. Корабль повернулся к порту и затормозил. Пять бомб разорвались впереди корабля, обдавая его ледяными брызгами, но пять других попали в самый центр корабля. Корабль как будто ни в чем не бывало продолжал идти вперед, ничто не показывало, что в него попали бомбы. Все пять немецких самолетов, думая что они не попали, снизились метров на 50 и начали из пулеметов стрелять по слободкам. Вскоре они скрылись за горой.

Корабль минуты три быстро шел по направлению к порту, вдруг он разом остановился, тяжелый дым повалил из его середины, видно было как с борта слетела лодка, как люди прыгают в ледяную воду и как все сразу плывут к лодке, цепляются за ее борта. Пароход быстро пошел в воду. На капитанском мостике мелькнуло несколько огоньков и потом еще несколько мелькнуло на корме корабля, люди кончали самоубийством. Прошло минуты две и корабль скрылся под водою. Из порта вышел катер спасать людей, за ним вышел второй. Они подошли к месту гибели корабля, спустили шлюпки и начали подбирать людей. На гори-

зонте вновь показались пять бомбардировщиков. Катера быстро подняли шлюпки и ушли в порт. Бомбардировщики приблизились ближе и повернули обратно, корабля уже не было, из воды торчали две мачты, это все, что напоминало о корабле. (...)

31 января 1942 г. С утра была слышна канонада. Часам к 9 она затихла. Папа ушел на работу раньше чем обычно, потому что они должны были сегодня сделать два оборота. Когда мы позавтракали, я сел читать сборник рассказов Ясенева «Солнечная сторона». Я прочел рассказы «Когда цветут липы», «На полустанке», «Светлый день», «Славные ребята» и «Язык чувств». Больше всего мне понравился «Язык чувств». Потом я отнес починить Толины ботинки. И наконец часа в 2 я пошел в пекарню. Там уже сажали хлеб во второй раз. Потом начали приезжать за хлебом. Приехал переводчик от местной комендатуры и привез 68 килограмм муки.

1 февраля 1942 г. Утром опять гремели пушки, они гремели всю ночь перед этим и почти весь день. У меня выскочили чиряки под коленкой и я почти не мог ходить. Однако же я вышел во двор и начал помогать выкачивать насосом воду из подвала. Вдруг раздалось несколько далеких выстрелов, это стреляли по самолетам. Два каких-то самолета летели над краем моря. Вокруг них разрывались снаряды. Кто стреляет, определить было нельзя. Вскоре самолеты скрылись на горизонте. Мы с Борисом пошли за дровами. Набрав на развалинах порядочное количество дров, мы вернулись домой. Я порубил дрова и отнес домой. Там я прочел несколько рассказов из старых журналов «Работница», которые папа принес из разбитого дома, чтобы растопить печи. Потом мама приготовила обед и пришел папа.

Днем были слышны взрывы, это взрывали порт, опасались десанта. В городе ходили разные ложные слухи. Говорили, что в Черное море вошел Английский флот и что к городу подходила английская подводная лодка. (...)

3 февраля 1942 г. Утром чиряки стали болеть гораздо тише. После завтрака я начал читать книгу «Моя земля», написал ее Иван Краш. Она мне очень понравилась. Сегодня папа был выходной. Он встретил Аликину маму, которая сказала что они к нам придут. Алик это мой друг, но я с ним не виделся уже месяца два. Они пришли в 2 часа. Я показал Алику дневник, разные книги. Он сказал, чтобы завтра я приходил к нему. Ушли они часа в четыре. Мы пообедали. Потом я дочитал кни-

гу, мама переменяла компресс и мы легли спать. Да, еще сегодня от нас ушел офицер в наш двор, но в другую комнату. К нам пришел другой офицер, по-видимому, добрый.

4 февраля 1942 г. Утром, когда мы сидели за завтраком, мимо проходил офицер, он сказал «Доброе утро» и дал Дине пачечку конфет. Значит, он добрый. Сегодня я начал читать книгу Чернышевского «Что делать»... Часов в 10 я пошел к Алику. С ним я провел весь день. Вечером я опять читал «Что делать». Потом мама опять переменяла компресс, я заснул. (...)

7 февраля 1942 г. Сегодня с утра летали самолеты. Часов в 10 папа принес убитого, но еще свежего голубя. Мама ощипала его и решила сделать суп. Потом я пошел в пекарню. Там я пробыл весь остальной день. Потом мы с папой пошли домой. Дома папа взял один хлеб и пошел к одному дяде, чтобы обменять его на мясо. Потом он принес мяса и мы сели обедать. Был уже вечер. (...)

10 февраля 1942 г. С утра было пасмурно, весь город окутал туман. Во дворе была такая грязь, что невозможно было пройти.

Сегодня из нашего двора уходили немцы, которые до этого здесь остановились, а пришли новые. Немцы забирали на подводы все свои вещи и много чужих. Лошади и подводы намесили грязи еще больше. Я не выходил со двора и большую часть дня читал книги.

2 мая 1944 г. В 9 часов утра. Если записать все, что случилось со мной за время от 8-го апреля и до сегодняшнего дня, то не хватит бумаги. Буду писать покороче. 9-го апреля было воскресенье и мы гуляли в городе, ничего не зная. 10-го шеф не посылал нас на работу и не отпускал домой. 11-го было тоже самое. Сильно бомбили русские штурмовики, а кроме того началась грабилька. Отчего это произошло никто ничего не мог понять, однако было ясно, что немцы сматывают удочки.

12-го утром в общежитии осталось не больше 10-ти человек, а остальные несмотря на запертые двери и ворота сумели убежать домой. Нас посадили на автомашины и повезли за город. Там сумело убежать еще несколько человек, а мне не везло. Собралась колонна, машин пятнадцать и нас повезли на Севастополь. В Старом Крыму еще было спокойно, только шло много войск, машин и подвод. Здесь создалась пробка, и воспользовавшись моментом убежал шофер Валентин, испортив машину.

До этого нас везли на двух грузовиках, причем на каждом сидело по немцу с автоматом, а сзади на легковике ехал шеф, тоже с автоматом.

В мае 1944 года Крым был полностью освобожден от немецко-фашистских войск. На фото - победный салют в освобожденном Севастополе.
Фотохроника ТАСС.

Теперь мы все ехали на одном грузовике, а с нами два немца, а сзади по-прежнему легковик.

За Старым Крымом партизаны обстреливали дорогу, но мы проехали благополучно. Через Карасубазар, Симферополь и Бахчисарай мы проехали не останавливаясь, а к вечеру были уже в 20 км от Севастополя. Здесь наша колонна из 15 автомобилей разрослась до колонны в несколько тысяч машин.

Тысячи машин были впереди нас, а также тысячи позади, причем колонна шла в два ряда машин и ряд румынских повозок.

Все машины стояли одна около другой, а двигались в час не больше чем полкилометра, с длительными остановками. Тоже было и днем 13-го. Часов в 12 был налет штурмовиков и убежали Дешкевич и Возовенко. В час убежал Дятлов, а мне все не везло. Наконец в три часа, когда мы были в 9-ти км от Севастополя, образовалась пробка, так как передняя машина испортилась. Нас заставили сбросить ее с дороги. Отодвинув ее с дороги мы не сели на машины, несмотря на то что колонна тронулась, а наоборот под повозками, лошадьми и прячась за машинами мы двинулись назад, подальше от наших машин. Нас было четверо, но потом неизвестно по какой причине Федотов отстал от нас. Дойдя до гор, мы свернули в горы, где увидели партизан и в деревне Колонтай дождались наших регулярных войск. (...)

1 июня 1944 г. В 2 часа дня. Сейчас я учусь в школе. Сегодня я сдавал первые испытания по русскому письменному, писали изложение. Надеюсь, что смогу сдать все испытания. Дела лично у меня идут неплохо, потому что я ни с кем, ничем не связан, особенно с девочками. Вову Ломакина, который работал на радио-узле сегодня должны отправить в армию, т. к. он 1926 г., то же самое с Вовой, с которым я работал на телефонной станции. Вова Чубаров был взят в армию еще в апреле, сражался под Севастополем, отличился. Алик приехал 3-го мая и поступил в школу, но недавно он бросил школу и пошел на табачную фабрику учеником механика. Гувин заворачивает в комсомол. Я тоже думаю вступать в комсомол.

Все 1927 года 3 раза в неделю занимаются в военкомате, а также по воскресеньям. Позавчера я купался в море. Несколько раз мне, Коле Левченко, Мецову и др. приходилось выполнять задания горкома. В классе я избран командиром звена.

Почти каждый день я вечером выхожу в город. Идут в театре кон-

церты и кинокартины. В горсаду танцы в клубах и разные собрания. Мы переселились с Кооперативной 6 на Тимирязева 28, также во дворе пекарни. Немецких самолетов больше не показывается. Каждое воскресенье мы ходим в порт на воскресники. Сегодня мы получили письма от Нюры Алексенковой и от тети Оли. Диму, сына Нюры, который немного старше меня, еще в прошлом году взяли в армию. Они сообщают нам, что погиб отец моего брата Шурика, муж тети Маруси, а также сообщают их адрес.

15 октября 1944 г. В 11 ч. утра. Испытания сдал все и начал учиться в 8-м классе, но за буханку хлеба отца посадили на год и я поступил работать на табачную фабрику. Там я вместе с Генкой Зинченко разбираю и собираю части от гильзовых машин. В месяц я получаю 120 рублей и каждый день по 20 грамм на раскурку.

28 октября 1944 г. В 2 ч. дня. С табачной меня послали строить памятник и я сейчас строю. Сегодня я выходной, но завтра буду работать. Учусь в вечерней школе. Я написал заметку и ее поместили в «Победе» за 21-е число. Приговор отца утвердили. (...)

11 декабря 1944 г. В 7 ч. вечера. Теперь я уже допризывник и вчера целый день занимался в военкомате. 2-го меня приняли в ряды ВЛКСМ. В школу почти не хожу. За предыдущую неделю ездил один раз в Старый Крым за табаком, а другой в лес за дровами километров за 60.

Теперь я не имею почти ни одной свободной минуты: всю неделю работаю, а в воскресенье в военкомат с полвосьмого и до полвосьмого с перерывом на один час.

22 января 1945 г. Всю эту неделю я ходил в школу и там взял физику. На фабрике перешел из механиков в мотористы. Вчера не пошел в военкомат, так как перед этим отдежурил 24 часа возле мотора. Вчера часа в три приходил отец.

Сегодня день Ленина и все отдыхают. Наши войска взяли Варшаву, Лодзь и Краков. Появилось Кенигсбергское направление.

3 марта 1945 г. Всю эту неделю не ходил в школу. Написал письмо Лене и Яковенко. Отец приехал из Старого Крыма, где наголодался и просит помощи, а помочь нечем.

Сегодня работаю вечером.

3 мая 1945 г. Вчера и позавчера праздновали. Все время был с Колей, учили физику. Анатомию сдал на четыре. Коля учил меня танцевать. Он вскружил мне голову Бакинским училищем и теперь я мечтаю

попасть туда. Вчера в 11 ч. 5 мин. вечера сообщили о взятии Берлина. Наши войска соединились с союзниками. 12 апреля умер Рузвельт. Сегодня сообщили, что Гебельс и Гитлер застрелились. В Италии немцы капитулируют. В общем война в Европе идет к концу. Отец все сидит.

На фабрику пришел американский дизель и уже стоит на ремонте, поплавились подшипники. В военкомате занятия кончились. С 8 апреля по 28 был на облаве. 29 на фабрике был вечер.

13 мая 1945 г. Наконец мы победили и война окончилась. 9-го пала последняя столица, которая еще была у немцев: Прага. 9-го был парад, мы с утра поехали за цветами, узнал я о конце войны примерно в 7 утра. Сейчас идет разоружение остатков немецких войск. Я опять работаю в гильзовом на подъемной машине и мимоходом учусь регулировке. 6-го был в военкомате, сдавали нормы по ГТО: гранату, прыжки, бег на километр.

ДНЕВНИК
ЖЕНИ
ВОРОБЬЁВОЙ

Женя училась в школе № 8 города Пушкин под Ленинградом - и это все сведения о ней. Никогда не издававшийся ранее дневник, вернее, его машинописная копия, был разыскан журналистами «ЛиФ» в Российском государственном архиве социально-политической истории, в картотеке молодёжного фонда.

...Труп повешенного, покачивающийся в дверях Александровского дворца, страницы книг, развеянных по ветру и затоптанных на аллеях, - восьмиклассница Женя, до войны каждое утро по дороге в школу читавшая пушкинские стихи на пьедестале памятника поэту, с болью описывает разрушение родных ей и Александру Сергеевичу мест... Первая запись - первая военная осень, последняя - перед Победой. Между ними - бегство в Гатчину, затем - Пушкиногорье, где был написан «Евгений Онегин» и где Женя видела и могилу своего кумира, и как немцы «на 10 подводках» вывозили из музея принадлежавшие поэту вещи, как будто «Пушкина везли на каторгу», и как погнали мужчин рубить заповедник, и как обнесли колочей проволокой «маленький дряхлый домик няни»...

Притиска в конце найденного нами текста гласила: «На этом обрывается дневник 19-летней советской девушки Жени Воробьёвой из г. Пушкин. Этот дневник нам передала сама Женя, которую мы встретили в одном из лесных поселений, где скрывались от немцев тысячи жителей из деревень Пушкинского района». Кто эти «мы» - так и осталось неизвестным...

«Аргументы и факты» обратились к читателям со своих страниц с просьбой помочь отыскать автора или его потомков. Безрезультатно. Но нам хочется верить, что Женя пережила войну, что сохранила свою любовь к поэту, которой дышит каждая строчка её дневника. Что возвратилась домой в освобождённый город и что однажды она возьмёт в руки эту книгу - и её дневник, который семь десятилетий назад приходилось прятать под полом от немецких солдат, вернётся к ней, постаревшей на целую жизнь, под толстой обложкой. Кажется, у нас есть ещё немного времени...

17 октября 1941 года. Страшный день, то, чего мы ждали с первого часа прихода немцев, совершилось. Нас выгоняют из города. Увижу ли я тебя, дорогой мой городок, - любимые места, Пушкинский лицей, садик с памятником молодого поэта, Екатерининский парк, где мы провели столько счастливых часов, мою школу, царскую аллею. Только сейчас я поняла, как мне дорого все это, ведь здесь я родилась, здесь жила около лицея и каждый день по дороге в школу читала на пьедестале пушкинского памятника вдохновенные строки его стихов. (...)

Как больно мне, что мы покидаем родной город в дни золотой осени. В ту пору, которую так любил Пушкин и люблю я. Когда мы с котомками проходили мимо пушкинского садика, я увидела памятник, осыпанный багряными листьями кленов. Весь месяц был так гнетущ. Невыносимо было больно видеть разрушенный немецкой бомбой Екатерининский дворец, изрытый снарядами старый парк, мостовую у школы, усыпанную страничками книг, оборванные, грязные немецкие солдаты бродили по улицам и аллеям Пушкина. Они поселились в лицее, в залах Дворца. Они таскали воду из детскосельских прудов для своих огромных рыжих битюгов. Я видела в дверях Александровского дворца повешенного немцами человека. Издали казалось, что он просто остановился на пороге, и видела под колесами немецких пушек, установленных около нашей школы, странички из пушкинских книг. Мерзавцы, что они делают с нашей страной, с нашими людьми.

Со стороны Ленинграда непрерывно доносятся канонады. Хоть бы под стенами этого великого города они сломали бы себе шею. (...)

18 октября. Нас идет туча несметная. Женщины несут детей, старики тянут тачки со скарбом. Выпал первый снег. Молча движется по грязной дороге толпа. Немцы-конвоиры идут по обочинам, так по суше с трудом добрались до Гатчины, где нас немцы загнали в холодные казармы, за колючую проволоку.

19 октября. Нас гонят на вокзал. Пишу эти строки в загаженном телячьим вагоне. При нас оттуда выгрузили коров и овец, а потом загнали туда. Под ногами навозная жижа. Негде сесть, кричат дети. А я смотрю все назад, туда, где остался Пушкин, его золотые осенние рощи, его улицы, разрушенные немцами, теми, кто гонит нас неизвестно куда.

25 октября. Снова идем пешком по грязным холодным дорогам. Иду, а в голове все звучат и звучат пушкинские строчки, написанные им в дни расставания с Царским селом, с лицеем: «Друзья мои, прекрасен

наш союз, Он как душа неразделим и вечен, непоколебим и беспечен. Срастался он под сенью дружных муз, куда бы нас не бросила судьбина и счастье куда б не повело, все те же мы: нам целый мир чужбина, отечество нам - Царское село», - как вечны его стихи, словно ко всем нам, изгнанным из Царского села - Пушкина, обращается он: «Друзья мои, прекрасен наш союз». Да, он прекрасен, и немцы не нарушат его.

22 ноября. Три недели мы шли из деревни в деревню и вот теперь три недели живем у хозяйки. Она нас кормит, а мы пилим для нее дрова. Все время вспоминаю веселую нашу жизнь в Пушкине, моих подруг по школе Симу и Тамару, где они? По каким бредут дорогам? Сегодня узнала, что немцы будут давать хлеба только по 100 грамм. (...)

15 января 1942 года. Живем как нищие, иногда вспоминаю школу, и не верится, что все это было. Самое для меня тяжелое то, что я начинаю забывать любимые мои стихи. Как-то на днях захотелось вдруг вспомнить строки, выбитые на пьедестале памятника Пушкина у лица, - и не могла ни одного слова.

10 марта. Бредем из деревни в деревню, все, что можно было - променяли на хлеб. Большие морозы, а ночевать часто приходится в банях, и все равно. Все те же мы, нам целый мир чужбина, отечество нам Царское село.

24 марта. Я хочу запомнить навсегда, на всю жизнь этот день, еще ни разу за все время, что вокруг немцы, не чувствовала я себя так легко и радостно. Я снова с Пушкиным, вот куда бросила нас судьбина. Мы в Пушкинских горах. Только подумать, если б я знала, что мы придем сюда, мне было бы легче. Ведь и Пушкин из Царского села попал сюда, в Михайловское. Здесь он проводил свое изгнание. Здесь он писал «Евгений Онегин», здесь все дышит им, и я снова чувствую себя легко, отвлеченной, свободной, словно кошмар немецкого нашествия кончился. Здесь его могила, но я об этом не думаю. Невозможно себе представить, что существует на свете могила Пушкина.

25 марта. Нам не разрешили жить в Пушкинских горах. Когда мама вернулась из комендатуры и сказала мне об этом, мне стало страшно. Неужели же снова надо брести по дорогам из деревни в деревню. Но вечером мама снова пошла к немецкому коменданту и вернулась радостная. Нам разрешено поселиться в деревне Петровская. Это рядом с Михайловским, рядом с Пушкиным.

27 марта. Сейчас я ходила к озеру со странным названием «Кучяне».

Два с лишним года Царское Село находилось в оккупации. Фашистские солдаты превратили дворцы и павильоны в казармы и конюшни, разграбили их содержимое (на фото - Зелёная столовая Екатерининского дворца). В сентябре 1941 года фашисты расстреляли всех евреев г. Пушкин, которых обнаружили в подвалах Царскосельского лицея, где прятались от оккупантов тысячи местных жителей.

Фото РИА Новости.

На том берегу можно разглядеть дом Пушкина, белый, простой, светлый и слева, недалеко от него маленький дряхлый домик няни. На берегу немцы поставили колючую проволоку.

15 апреля. Наконец удалось побывать в Пушкинских горах. Пришла на могилу. Белый мраморный обелиск на холме. Удивительно, как этот белый прозрачный цвет связан с Пушкиным. Белый лицей, белый дом на берегу озера, белый мрамор на его могиле. Было тихо, пусто, но потом пришли немцы. Я слышала, как они грохотали сапогами в церкви Святогорского монастыря, как они что-то насвистывали. Во дворе монастыря они устроили конюшню. Я поняла, что до тех пор, пока немцы на нашей земле, в Пушкинских горах, в Пушкине, под Ленинградом - не может быть счастья и радости.

7 мая. Не пишу дневник, опасно. На днях немцы с переводчиками делали обыск в домах. Они нашли дневник у Тани, кричали, изорвали тетрадь и грозились арестовать Таню. Я долго колебалась - не уничтожить ли мои записи, ведь там такое, что не снести мне головы, если немцы увидят. Но рука не поднялась. Прячу тетрадку под пол.

6 июля. В день рождения Пушкина был праздник в Михайловском. Его устроили немецкие холуи из Пскова. Хотелось бы все забыть, но не могу. Мерзавцы, они хотят прикрыться именем Пушкина. Они хотят сделать вид, что Пушкин с ними. Какой-то хлюст в очках рассказывал о Пушкине в музее, но я его не слушала, смотрела на опустевшие комнаты. Чувствуется, что отсюда много вывезено немцами. Нет, здесь ничего не осталось от любимого моего поэта. Я чуть не разрыдалась и выбежала в парк. Прижалась лбом к окошку домика няни и сделала вид, что внимательно разглядываю маленькую светелку, где когда-то старушка рассказывала молодому Пушкину русские народные сказки.

20 сентября. Я теперь вытаскиваю дневник только для самых важных записей. Вчера мужчин нашей деревни немцы гоняли рубить Пушкинский заповедник.

7 апреля 1943 года. Немцы угоняют молодежь в Германию. Стараясь не думать, что и меня ждет эта страшная судьба. Особенно ужасно думать об этом после того, как я прочла пришедшее вчера письмо от Оли Климович. Оно написано так мелко, что цензоры, наверное, его не прочли и пропустили. Вот что пишет Оля своей матери:

«Здравствуй дорогая мамочка. Шлю тебе сердечный привет из далекой Германии. Живем в бараках, в комнате 24 девушки, кормят так:

300 грамм хлеба, 20 гр. маргарина, немного жидкого супа и несколько картошек. Мамочка, сколько вспоминаю Петровское, где я могла есть вдоволь картошку с квасом. Приходится очень много работать. Встаю в пять утра и работаю до 7 вечера. Ты меня, наверное, не узнаешь, хожу в брюках, в куртке и деревянных колодках. Сшила себе костюм из одеяла. Живем за забором, на работу водят строем с полицией. О, родная, как хочется все сказать, но немцы для нас, русских, все воспрещают, нам даже нельзя ни с кем разговаривать. Мне очень скучно без тебя, но я рада, что не вижу тебя здесь, в этой тюрьме, когда я увижу тебя, когда поцелую твои глаза, которые пролили столько слез обо мне».

Бедная Оля, немного тебе осталось писать всю правду. О них ты пишешь, ничего не боясь. Все твои письма приходят исчерченные черными полосами, только вот одно уцелело.

9 августа. Не писала всю весну и почти все лето. Немцы все злее, все угрюмее на нас смотрят. А я все слушаю, из-за озера доносится стук топоров, они продолжают вырубать Пушкинский заповедник, роют окопы в Михайловском. Приют трудов и вдохновения Пушкина немцы превращают в свой опорный пункт.

10 января 1944 года. Не могу прийти в себя. Все это время я не ходила ни в Пушкинские горы, ни в Михайловское, чтобы ничего не видеть. Но вчера немцы погнали всех девушек туда рыть окопы и я видела, как немцы везли вещи из музея Пушкина, везли на десяти подводах, под охраной солдат. Я успела разглядеть старинные кресла, диваны, книги. У меня было такое чувство, что немцы Пушкина везут в Германию, на каторгу, туда, где Оля.

15 января. Ну теперь ждать недолго. Сегодня немцы сожгли нашу Петровскую. Сколько лет стояла эта деревенька. Ведь она еще прадеду Пушкина принадлежала, и вот нет ее. Пепелище. Горят соседние деревни - это верный признак, что немцы бегут, что наши близко. Мы перебрались жить в «Песочки». Здесь немцы тоже не оставили ни одного дома. Трудно было рыть землянки, но я не чувствовала усталости. Я думала об одном - неужели они посмеют поднять руки на Михайловское, неужели они и там сожгут все. Неужели они в своей бешеной злобе осквернят могилу Пушкина.

2 марта. «Да здравствует солнце, да скроется тьма». Да здравствует моя родина, моя армия, да здравствует свобода, нет больше немцев. Дорогие герои, освободите Пушкина.

... поимки
... самим
... Встретили

Минус

... мы, под
... поимки
... мы не
... ушли на
... раньше
... утро. Из
... 2 раза
... впереди
... Ford
... свои вещи
... не вижу
... 2 раза
... 1 раз св
... деревне
... 2 раза
... Ford
... куда
... колес
... и по

... впереди
... Ford
... свои вещи
... не вижу
... 2 раза
... 1 раз св
... деревне
... 2 раза
... Ford
... куда
... колес
... и по

... впереди
... Ford
... свои вещи
... не вижу
... 2 раза
... 1 раз св
... деревне
... 2 раза
... Ford
... куда
... колес
... и по

ЗА ЛИНИЕЙ ОГНЯ: В ТЫЛУ

... впереди
... Ford
... свои вещи
... не вижу
... 2 раза
... 1 раз св
... деревне
... 2 раза
... Ford
... куда
... колес
... и по

Тыловой почёт

В советском тылу не было нацистских зверств. Никто не выжигал пятиконечные звёзды на лбах ребятишек. Не резал у них из спины ремней. Не травил овчарками. Не обрубал кисти рук, чтобы потом пустить изувеченного ребёнка по направлению окопов советских бойцов. Впрочем, бомбы находили детей и в тылу – смерть с неба забрала более 350 тыс. малышей.

Это, пожалуй, единственная по-настоящему скорбная цифра. Остальные на первый взгляд кажутся воодушевляющими. Так, 20 млн школьников за годы войны выработали 585 млн трудодней. На одном только Кузнецком металлургическом комбинате за первые три года войны рабочими-детьми было выплавлено столько снарядной стали, что хватило бы для изготовления 100 млн снарядов. А танковой стали – на производство 50 тысяч тяжёлых танков.

Но как жили эти ребята, которые из всех сил помогали фронту и работали наравне, а то и лучше, чем иные взрослые?

Юрий Щелчков, 1939 г. рождения: «Хлеб выпекали из лебеды, торфа и хвоща. Ходили на луга и собирали головки от клевера, называли их «кумушки». Их высушивали, растирали в деревянных ступах пестами или растирали руками. Ещё собирали лебеду...»

Александр Кремлёв, 1930 г. рождения: «Шёл мне тогда тринадцатый год. Был я парнем рослым и крепким, от старших ребят совсем не отличался. А когда дело дошло выдавать документы, меня вдруг спросили: «А ты откуда взялся? Ведь тебе ещё нет четырнадцати лет!» Но меня оставили. Год я работал прицепщиком. А когда мне исполнилось 14 лет, получил документы и стал помощником тракториста, а потом и сам сел на трактор. Пахали день и ночь, без выходных, пока не закончилась страда. Спали по четыре часа в сутки. После уборки урожая я первый раз получил на трудодни мешок зерна. Мама плакала от радости...»

Таких примеров много. Согласно законодательству, рабочий день ребёнка даже во время войны был ограничен. Но, например, на омском заводе «Электроприбор» дети прятались от начальников цехов, чтобы их не выгоняли из корпусов, тайком возвращались и продолжали работу. Взрослые, немало повидавшие и повоевавшие мужики, возвращаясь с фронта, не могли сдержать слёз, когда видели у станков плакатики, нарисованные заскорузлыми от мозолей детскими руками: «Пока норму не выполню, с завода не уйду!»

ДНЕВНИК
ВОЛОДИ
ЧИВИЛИХИНА

Тайга, маленькая железнодорожная станция в Сибири - война лишь отголосками долетала и сюда, и до страниц дневника 14-летнего Володи. Его заботы - как прокормить семью (отец умер до войны), что читать: «проглоченные» книги - практически в каждой записи, и ещё - кем стать. «Сегодня писали диктант. Я написал на «хор». Текст: хоть брось. Предложения бессодержательные, выражения - ни к черту. Вот этот диктант еще больше укрепил во мне настойчивость и веру в то, что со временем я буду писателем. Я знаю, что это трудно, но я смогу добиться этого не для славы и известности, а потому, чтобы люди могли читать хорошие слова и хорошие мысли». Юношеские дневниковые записи положили начало труду всей жизни. Владимир Чивилихин действительно стал писателем. Настоящим. После школы поступил в техникум паровозного хозяйства, затем - МГУ, факультет журналистики. Многие свои произведения он посвящал природе, тревожился за её судьбу. Главную свою книгу - роман-эссе «Память», вторая часть которой вышла раньше первой и была отмечена Государственной премией СССР, он закончил за несколько часов до смерти 9 июня 1984 года на подмосковной даче.

1941 г.

7 марта 1941 года. Мне сегодня 13 лет.

22 июня 1941 года узнал, что фашисты перешли границу (западную) и бомбили Киев, Житомир, Винницу, Каунас и др. Я думаю, что Германия зря сунулась... Всю ночь разносил повестки. (...)

19 сентября. Не писал долго. Было некогда. Отличнейшая новость. Приехала из Чернигова сестра Маня с Аликом и Мэльсаной. Привезла пуда 2 сала, часы карманные, противогаз... Вечером ходил в Маниной шинели. (...)

23/10. У нас нынче кризис на бумагу. Будем писать на газетах. У меня пока есть тетради. Наши войска сдали Одессу. (...)

30. Был осмотр. Я здоров, только нервный. Врач так сказал. Прорабатываем «Ревизор» Гоголя. Скоро будем читать в лицах. Я - в роли Хлестакова. Насчет нервов я сам замечаю, что шатаются. (...)

3.12. Пришла телеграмма от Вани. Его взяли в Армию. (*Иван - старший брат Володи. - Прим.*) (...)

21. Выходной. Морозюка! Свыше 40°. Утром сходили в баню, а потом целый день сидел на полатах. Мы с мамой расчистили там, и хорошо. Я там теперь сплю...

26. Не учились 3 дня из-за морозов. А сейчас вышел приказ, что нам (семиклассникам) учиться и в морозные дни... Прочитал «Труженики моря». Мирская. Виктора Гюго. «Восемь рассказов» Матильды Юфит, тоже хорошая. Сейчас читаю Эмиля Золя «Чрево Парижа»... (...)

1942 г.

26.1. (...) За эти дни чего-то хандрю, не учу уроки, нахватал плюшек. Мама уехала еще 24-го. Она однажды ходила в школу и разревелась там при всех учителях. Теперь пускай лучше исключат из школы, но мать не пойдет! Сегодня, например, не захотел идти на физкультуру, училка просила - не пошел...

2.2. Приехала мама. Привезла хорошие часы (настольные). Сегодня подрался с Колькой Цуцурюком. Дрался ничего... Я два дня не ходил в школу. Получал карточки... (...)

18. Ходил в кино на «Дети капитана Гранта». Хорошая. Понравился образ Роберта Гранта: смелого, мужественного мальчика, для которого перебраться по веревке через пропасть дело чести. Прочитал «Близкое и далекое» Черноокова и «Степь в огне».

Погода сегодня испортилась: ветер, буран, снег, мороз... Я состою

в пионерах. Выписал «Пионерскую правду»... Я сейчас хожу каким-то блатом: гимнастерка нараспашку, а на груди матросская тельняшка, штаны из сапогов навывпуск, широкие, руки в карманах, чуб... (...)

12.3. (...) Газет все нет. Взял книги «Два ромansa» и «Хитрые глаза». Сегодня военрук пробирал нас за то, что не хотим участвовать в игре «Тыл врага». Я не хочу тоже. В бурках не пойдешь по снегу лазить. Мне хочется поиграть, но обуви нет. Сегодня писали диктант. Я написал на «хор». Текст: хоть брось. Предложения бессодержательные, выражения - ни к черту. Вот этот диктант еще больше укрепил во мне настойчивость и веру в то, что со временем я буду писателем. Я знаю, что это трудно, но я смогу добиться этого не для славы и известности, а потому, чтобы люди могли читать хорошие слова и хорошие мысли. (Это не списано, это мои слова). Я на днях попробую свои силы и напишу маленький рассказик и постараюсь подбирать хорошие предложения. Ну вот, например, на тему из своей жизни летом...

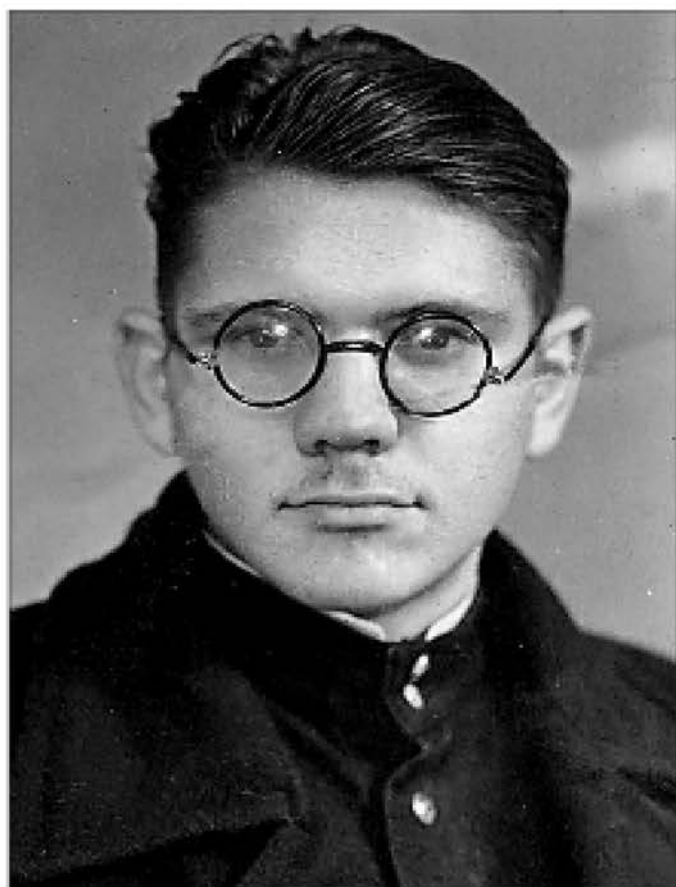
16. Вчера был выходной. Ездил в лес. Вычистил стайку. Скоро отелится корова. Тогда немного отдохнем, а сейчас хлеба не хватает. Ешь не досыта. По большей части чай да хлеб... Разговаривали с Борькиным отцом, начальником Промкомбината. Он хочет взять наш класс к себе на учет и, как только кончится учеба, заберет его на подсобное хозяйство. Вот где будет мирово: хлеба по 600 гр., помещение дадут хорошее, а главное - пахать не будем, не успеем к пахоте. Работа будет: собирать колбу или черемшу, березовый сок, прополка, ягоды, грибы. (...)

25. Отелилась корова. Телочка красивенькая! У нас все ребята курят. Маня принесла из госпиталя две осьмушки табаку. Я стырил и курю. Все!

27. Получили табеля. У меня все «хорошо», за исключением агротехники - «пос.». Меня в школе кличут по-разному: Володька, Чивилихин, Вовка, Чилия, Чиль... (...)

3.4. Не пошел в школу. Натаскал воды. Ходил на базар. Все дорого. Лук, одна луковица - 1 рубль, одна чесночина - полтора рубля. Телятина - 60-70 рубл. Отнес в детсад Мэльсану. Мама натерла ноги до крови. Я хожу кругом за нее.

4. (...) Написали контрольную по алгебре. Мне «отлично». Сегодня чего-то Раиса Васильевна придралась к нам. Борька ей что-то наговорил, она позвонила его отцу, тот пришел домой голодный (а дома есть нечего), бил Борьку. Борька в слезах прибежал ко мне! Стоит у частогокола

Кроме того что надо было помогать матери, без отца воспитывавшей детей в голодные военные годы, Володя учился - в техникуме на занятиях, самостоятельно, читая много книг, общался с учителями и сверстниками.

В техникуме Володя [на фото указан стрелкой] очень переживал, что у него поношенная одежда и стоптанная обувь, и из-за этого немного сторонился своих одноклассников.

Фото на странице - из архива Е. Чинакиной

и плачет навзрыд, а я как раз носил воду, и клянется отомстить Р. В. Я его кое-как успокоил, принес шахматы, мы полезли на вышку и сыграли 4 партии счетом 2:2. Завтра Пасха. (...)

7. Настроение бузовое. В школе сегодня был мрачен. Дома тоже. Читал «Ранние рассказы» Толстого. Хорошая, но читать не влечет. Одежда, думаю: «Пойду разомнусь за работой». Вычистил стайку - скуку не разогнал. Пришел домой, разделся, лег спать - не спится. Взял книгу - не читается. Встал и вот, пишу... Прислал письмо Иван. Ура! Пишет, что находится недалеко от Старой Руссы в лесу, в землянках. Работает электриком. Ваня уже воевал в 4 местах: 1 - война в Финляндии, 2 - с немцами под Москвой, потом под Клином, под Старой Руссой. В финской был шофером. Всего сейчас у нас воюют человек 20. Только я знаю: Иван - мой брат, Сережа Морозов - двоюродный брат, Людвиг, я про него напишу после - зять, его брат Игнат. По материнской ветви - шесть двоюродных братьев из одной семьи. Итого - 10. (...)

14 апреля 1942 г. Вчера был у Борьки Черникова. Взял «Тристан и Изольда». Сыграл с Васькой Андреевым в шахматы. Загнал ему мат. Сегодня на переменке пришла Раиса Васильевна и спросила меня: «Володя, ты сколько пожертвовал (рублей) на подарки бойцам?» Я отвечаю: «У нас, Р. В., дома получки нет и денег нету». На другой переменке она меня позвала и дала (...) рублей, я хотел отказаться, но она сама всунула мне их в карман. (...)

22. Сегодня дал 3 раза по морде Юрке Ярыгину за то, что он нарисовал меня на стене в уборной, с подбитым глазом и подписал: «Ребята, глядите, В. Чивилихину глаз подбили». Я позвал его на переменке в уборную и говорю: «Сотри сейчас же!» Юрка замялся: «Кого стереть?» И сразу же: «Это не я писал». Я в это время, когда показывал на рисунок, съездил по глазам и еще, и еще.

Мама купила пачку «наркомовского». Не знаю с какой целью, я его покамест курю... Скорей бы лето! В колхоз скорей бы! Я возьму с собой дневник... (...)

30. Ровно 5 лет со дня смерти моего отца...

3.5. Выходной. В лес не пойду. Холодно вот уже 3 дня. Мороз. Сплю дома. Хожу обедать в столовую по пропуску. Благодаря Р. В. Вопреки, в 2 часа пошел в лес с Васькой. Пили сок, ели колбу, кандыки, медунки. Сходил мирово. (...)

13. Мама собиралась ехать за картофелем, но ее обманули. Не взяли.

Теперь не знаем, где достать картошки на семена. Надька ворчит. Я выхожу из себя... Мама самый несчастный человек, которого я знаю. 12 лет пошла из деревни на фабрику, 19 вышла за папу. Было 6 детей, из которых одна, старшая, дочь умерла. В 37-м году свалилось несчастье: зарезало папу. Мама от природы добра, нежное сердце, но она все вынесла. Через год умерла мать отца моего, и тут начинаются самые главные ее муки с детьми. Я ее так люблю, что готов отдать полтела за нее. И я не могу себе представить житье нашей семьи без мамы. Еще тут Мелька, ее внучка, как провожать в детсад, так она выматывает у нее все нервы. Не знаю, что за удар будет для нее, если на войне убьют Ивана... Я с сегодняшнего дня буду стараться, взяв себя в руки, помогать матери, оставлять ей лучшие куски. Я окончу нынче семилетку и поступлю работать в депо учеником или в ФЗО, чтобы скорее помочь ей. Ведь она наработала на своем веку изрядный горб. У нас украли (...) курицы, крынку молока, а у бабушки барана... (...)

20. От Ивана давно не было писем.

29. Вчера прислал. Пишет: «Немцы гонят»... Вот уже 3 дня копаю огород в поле, немного загорел. От натуги и от жары, так как я не закрывал голову, шла носом кровь. (...)

7.6. Поступил в техникум Н.К.П.С. в нашем городке. В колхоз поеду всего на 1 м-ц, на август... Борьку не приняли по глазам. У него 5% потеря, и очки не улучшают, а у меня 25% потеряно, и очки улучшают. Борька, наверное, поедет в колхоз. Решил заняться кротоловством... (...)

28.7.42 г. Долго не писал: некогда было. Первого числа разрубил порядком левую ногу топором, до 19-го лежал в больнице. Скучно было. Эти так называемые «друзья» пришли только раз. 19 ушел на покос и только вчера вернулся. Надо карточки получать - нога мало-мало болит.(...)

26. (...) Прислал письмо Сергей Морозов, двоюродный брат. Пишет, что встретился на фронте с моим родным братом Иваном. Вот, представляю, была встреча... Купили тележку-двуколку за 500 рублей. Гром и молния! Что за деньги сейчас стали. В огороды лазили мало, всего только за огурцами, бобами, горохом и подсолнухами. Наш Борька лежит в постели, наскочил вчера на стекло. У нас несчастливое лето. Сначала я ногу покалечил, потом Надька, сейчас Алька лежит в больнице. Кстати, поправляется. И, наконец, Борька. (...)

17.11.42 г. У меня плохо по геометрии. Думаю исправить. Сегодня

разговаривал со студенткой из нашей группы Л. Она Анжерская, отец пропал без вести. Я люблю с ней разговаривать, она умна, начитанна. Мы с ней начали дружить чистой дружбой. Постараюсь укрепить ее... Прочел «Анну Каренину». Достал туши маленько и пишу. Надо будет последний раз. Оставить на чертежи. (...)

1943 г.

17.1.43 г. Целый месяц не писал. Некогда, да и чернил не было. ... Живу сейчас плохо. Разве я думал 3-4 года назад, что буду есть в день 500 г. хлеба. Делаю так: возьму грамм 300 хлеба, мякиш в шарики с солью и в так называемый «суп» - воду и капусту, а корки с «чаем» - кипятком. Это не жизнь. Был бы моложе года на 3, дождался бы весны и уехал бы в Среднюю Азию. Еще хорошо, когда хлеба достанешь по благу 1 кг через день, на станции, где мама стирает. Иван прислал письмо. Ничего особенного не пишет, только обижается на меня, что не пишу ему. Борьке Черникову мирово: их двое, хватит картошки на зиму и хлеба по булке в день достают. Марусин госпиталь эвакуируется назад, на запад, так как наши наступают. У нас в армии ввели погоны и мундиры, как в старой армии. Не дай бог, чтобы и кокарды, и эполеты, и аксельбанты всякие ввели. (...)

30.4.43. Сегодня шесть лет, как мы живем без отца. (...)

22.5. Большая радость: вышло новое распоряжение из Москвы, на счет техникумов: 1. В армию не берут. 2. Рабочий паек. 3. На 2-м курсе 150 р. 4. «Отл.» и «уд.» - 25% надбавки.

30.7.43 г. Давно не писал. Время не позволяет. Сдал все зачеты на «отлично». С 6-го по 22-е были в военном лагере. Досталось. Опишу когда-нибудь подробнее. 8 дней убирал покос. Пришел к начальнику... Направил работать в депо. Не знаю куда: или кочегаром, или учеником слесаря или токаря. Сейчас карточка уже 800 грамм. Немного полегче. Иван письма шлет. Выслал аттестат. Он старшина.

27.7.43 г. Месяц работаю в депо учеником слесаря-экипажника. Очень грязно. Почти всегда хожу грязный. Сейчас уже поспела картошка. Мы копаем без пощады. Сейчас я всегда сыт. Одно тревожит - ни обуви, ни одеть: сапожонки разорвались, рубашки нет ни одной. Дров нет ни полена. Сена дома 5 возов и в лесу 3 воза. Заметил: зимой, когда шамовки было мало - курил, как волк, а теперь, когда я относительно сыт, к табаку не тянет. Скорее бы учиться. (...)

4.12.43 г. На днях ходил в кино. «Воздушный извозчик». Так себе.

Учусь танцевать. Одно плохо, что учителей нет. Да и не к чему, пожалуй, так как на вечере танцевать не в чем. С ребятами нашей группы не в плохих отношениях. С девчатами не особенно, так как настроение их не всегда соответствует моему... (...)

1944 г.

1.1.44 г. День Нового года, 31-го числа, т. е. вчера вечером, пошел на новогодний праздник. Прихожу. Там кругом часовые стоят с винтовками. Начальник и милиционеры. Ну, какой может быть вечер. Я ушел. К Борьке. Гуляю... Борька хочет ехать на Восток в какое-нибудь мореходное училище. Это его мечта. Стать моряком! Он ее вынашивает в себе с самого детства. Мать его поощряет. Вообще Новый год провели неплохо, чувствуя, что, может быть, последний раз вместе пируем: я, Володя Кривошеин и Борька. Мы обнялись и целый вечер сидели и пели, как редко пели до этого. Подражали цыганам...

10.1.44 г. (...) У нас шамовка кончается. Я-то буду питаться в столовой, но мать с Борькой будут голодать. У нас сейчас новый начальник. Что-то вроде аристократа: со студентами общается через завуча... Заставляет прибирать волосы и вообще следить за собой в смысле аккуратности и чистоты. Какая может быть аккуратность, когда на мне неразлучный (прошлогодня премия), затасканный костюмчик...

Прочитал рассказы Л. Толстого «Поликушка» - чудо! О, книги! Что бы я делал без вас в эти тяжелые дни? Безо всякой задней мысли скажу, что книги поддерживают меня, и крепко поддерживают. Откуда бы я брал бодрость и жизнерадостность. Они со всей своей изложенной мудростью не дают мне потерять авторитет у ребят, и я не знаю, что бы я делал со своим толстым носом, старым костюмом и длинной челкой, если бы не книги. Я не представляю дня, чтобы я не прочел десяток-другой страниц худ.(ожествленной) литературы.

19.1.44 г. От Ивана долго ничего нет. Мама плачет. Уж маме-то горше всего. Беспокоится за него, да и здесь, дома все прахом идет. Сена не хватает, картошка кончается, нет ни у кого ни обуви, ни одежды. Сама в обрывках тряпья ходит. Недоедает, все нам отдает.

29.1.44 г. Нас распустили на каникулы. Делать нечего. У меня нет пимов и поэтому сижу дома. Схожу, разве, к Борьке Чернику. Там он достанет брюквы, сидим, жрем и спорим. А о чем спорим? Обо всем, что в голову взбредет. Достаточно одному из нас о чем-нибудь заговорить, как уже у другого есть на это готовые возражения. И, перебивая друг друга,

до хрипоты кричим об атоме, молекуле, космосе, Печорине, Чайльд Гарольде, Китае и нашей Сибири.

31.1.44 г. Сдал все зачеты. Осталась проба по мастерским. Меня удивляет нечуткость своих одноклассников. Конечно, моя внешность не особенно приятна, но ничего не поделаешь. Эти глаза, нос, костюм! Иногда бывает до того досадно, что наговоришь грубостей и даже неприличностей. Я сам люблю посмеяться, но потом все свожу на безобидную шутку. Переписываюсь с Н., но что толку. Ничего умного в ее письмах, ничего оригинального. Дома я себя веду отвратительно. Мама, сестра и все остальные издергались, измотались от нужды, голода, и подчас бывает трудно разговаривать с ними, не повышая голоса. Изредка плачу, хотя бы и стыдно плакать парню почти в 16 лет.

8.2.44 г. На днях Борька в техникуме начал надо мной смеяться, преимущественно над внешностью. Я сначала отшучивался, но потом он стал назойлив, как муха, да еще ребята ржут над его, совсем неостроумными, шутками. Я не показал виду, хотя в груди все кипело, и ушел домой. Вчера днем, в обед повторилось то же самое. Борька, он так ничего парень, но найдет на него, и не дает проходу. К вечеру позвал меня к ним, помочь ему готовиться по электротехнике. Всегда с радостью помогу товарищу. Вечером я пришел. Он пришел домой через 5 минут и говорит матери: «Ма, я иду в клуб, на «Женитьбу Бальзамина». «А Володя учить пришел». «Нет, ма, иду в клуб». А надо сказать, что я в этот день ничего, кроме 500 грамм, не съел (это было утром). Пока Борька ел, я стал вспоминать маму, семью, обстановку, все, конечно, по сравнению с Гуляевыми. Пришел Володя Кривошеин. Мать Борьки стала уговарив.(ать) меня идти в клуб. «Денег, мол, дам, сходи, надевай Борину рубаху» и т. д. Я отказываюсь. А Борька стал меня раздевать; расстегнул мою тужурку и увидел нижнюю рубаху. Я еще отказался, попрощался и выбежал, буквально выбежал, потому что крик рвался из горла и я не мог сдержать слезы.

Иван прислал письмо. Радость исключительная. Корова отелилась на 3 недели раньше. Телок маленький. Корова молоко не дает. Картошка вся. (...)

8.3.44 г. Мне уже 16 лет. Кажется, что прожил немного, но что можно было сделать за эти годы. Что я представляю в 16 лет. Высокий, худой, черный парень в желтых штанах и стареньком костюмчике. Что же я представляю изнутри. Главное, что меня занимает - это жизнь в настоящем и надежда на будущее. От такой жизни характер у меня очень непо-

стоянен. То смеюсь и вызываю смех окружающих, то целый день угрюм и зол. У всех почему-то сложилось мнение, что я человек с повышенными способностями и не учусь на «отлично» только потому, что лень, но я же думаю про себя так: способности у меня есть, а не учусь на 5 потому, что не всегда есть настроение учить, потому что настроение вообще зависит от настроения желудка, которое у меня не всегда нормальное. Затем моя тяга к худ. литературе. На уроках я читаю, в столовке читаю и дома тоже читаю. От этого время, нужное для уроков, я использую на чтение. Курю я уже года 3, но не считаю это каким-нибудь преимуществом перед парнем некурящим. Даже жалею, что привык. Табак заглушает мелочи, неудобства: притупляет чувства и мысли, которые лезут в голову без «гарочки» в зубах... (...)

31.5.44 г. Ехал за картошкой с соседом, фронтовиком, на ст. Иверку. В Анжерке к нам на среднюю полку залезли две девушки, студентки мед. института в Томске (тоже ехали за картошкой, в Бериккуль). Рядом со мной очутилась С. Г., которую описать не могу, т. к. было темно, а при свете спички не много увидишь. Она запела. Как она пела! Пела, а я слушал и ничего не мог сказать. Потом разговорились, она ничего, умная, учится на втором курсе, общественница. Между разговорами опять пела. И такие песни и мотивы, что я при выборе не мог бы подыскать песни лучше, подходящие в тот момент к моему настроению. Сосед мой с подругой Саши тоже разговорился и не обращал ни на что внимания. Лежать было тесно, она и я повернулись на бок, лица наши оказались в нескольких см. друг от друга. Моя рука невзначай легла на ее волосы, которые я стал перебирать и гладить. Темнота... В разных концах вагона храп, сопенье и кашель. На нижней полке какая-то старуха что-то шепчет... и в эту минуту она опять запела какую-то захватывающую душу песню. Я обнял ее левой рукой и, прижав к груди, стал что-то говорить. Она рассеянно отвечала. По всему моему телу разлилась какая-то теплота, я почувствовал влечение, которое не мог не почувствовать, как не мог не почувствовать любой юноша в мои годы. Но все возвышенное сменилось слишком прозаичным, т. к. вагон не парк, да уже Иверка была рядом. Я запомнил ее адрес и пожал руку. Она крепко схватила меня за воротник, приблизила лицо, и я увидел ее глаза при свете луны, светящей в окно. Ушел. Пишу откровенно, т. к. впоследствии, может быть, придется продумать и проанализировать свои поступки. Не знаю, что думал бы другой парень, как бы он это думал.

5.9.44 г. И что всего вероятнее, нуждишка нас нынче опять прижмет, т. к. дров ни полена, сена мало, а основного продукта питания, нашего «второго хлеба», т. е. картофеля, с поля накопили всего центнеров 8, на зиму же треба примерно 20. Выход из этого я нашел - мало-мало заработал - задача привезти. С мамой работали в Ижморке, буквально как кони, ели правильно, даже чувствую, что поправился. Брат Иван прислал письмецо с фото и с большой радостью сообщил, что получил «Красную Звезду». Я рад и немного горд... (...)

18.11.44 г. Научился танцевать. Танго и фокстрот. Вальс еще плохо...

22.11.44 г. Техникумские дела (что бы ни делал) не приносят такого настроения, когда бы я на часок забыл дом, его нужды. У меня нет пальто или шубы, нет пимов (ни у кого из нашей семьи их нет), хожу в сапогах, обморозил палец. Вчера был мороз 41°, шел на собрание, обморозил уши. Напрасно Ленка Литовская терла минут 10 снегом, сегодня ухо стало сизым, скоро, наверное, лопнет. В чем ходит мама, я не представляю - пришили галоши к старым голенищам. Боря - милый братишка, не учится, видно, что учиться крепко хочет. Беспокоит, что картошка (около 100 ведер), заработанная нами в селе Ижморская, наверное, пропадет.

Мама каждое утро плачет, проклиная дрова, печь, гособеспечение, нас, себя. Гособеспечение надо проклясть. Надька, мама ходили туда, обивая пороги, Ваня писал, по-фронтовому не церемонясь, - ничего, в течение трех лет. Говорят, что это не гособеспечение, а благодобеспечение.

26.11.44 г. В профком выбрали большинством голосов. На днях принимали в профсоюз. Когда-то совсем недавно был сам первокурсник, а теперь уже первокурсники - заикаются...

Мама простудилась и серьезно заболела. Если она сляжет - капут. Борисок, мой Монтя Пузатый, наверное, скоро пойдет в школу: благодаря Ваниному письму к военному прокурору - выдали валенки и бушлат. Морозы стоят удивительные. В ноябре такого давно не было. От 40° до 50°. Болтают, что на днях будет 60°. С моей одеждой - жуть. (...)

18.12.44 г. Одна девушка назвала меня эгоистом. Это я уже заметил 2-й раз. Я зла не имею. Надо же принимать во внимание мнение других о твоих недостатках. Неужели я такой эгоист, что это бросается в глаза? Но видно, немного правды есть, но не настолько, чтобы выделиться от других. Эта девушка первая, заметившая во мне такую нехорошую черту. Постараюсь следить за собой. И вообще решил бросить так шутить,

так смеяться, потому что от этого никакого толку нет. Не хочу прослыть шутом. Это было бы для меня слишком неподходяще. Сегодня ребята собираются на вечер в клуб. Не пойду. Сходил бы, да не в чем. Вчера пришел Володя - мой друг. Я лежу в постели (потому что мама чинила брюки), и он вынужден был сесть к столу, отворачиваясь от меня, чтобы я мог одеться не смущаясь. Вполне тактично. Вот этого я стыдиться не должен, не буду стыдиться! Это будет ложный стыд. (...)

31.12.44 г. 2 вечера. Сижу, встречаю Новый год. Сегодня произошло весьма интересное. День прошел обычно. Пошел в техникум на новогодний вечер... Зашел к Володе Крив. Он собирается. Надевает костюм хороший, сапоги. Я же в своем повседневном и в старых пимах. Узнаю, что утром меня назначили в караул на ночь 2 января 45 г. (Я не ходил в депо на практику, нет подходящей одежды, одно неизменное, повседневное). Приходим в техникум... Военрук меня увидел и говорит: «Ты назначен сегодня в караул». «Я уже три раза был в карауле - многие ни разу». «Заступайте на пост». «Уйду домой, но не заступлю». «Не уйдете вы домой!» Он глянул на меня и отвернулся: «Получите 10 суток гауптвахты». Я вышел из курилки... и ушел. Дорогой встречались друзья. Советовали вернуться. Пришел, расстроился, схватил Толстого «Поликушку», прочитал, совсем стало нехорошо. Глянул под ноги, увидел свои заплатанные брюки (тоже «повседневные»), зло плюнул. Затем вспомнил о семье, о маме, о ее жизни (она мне кажется идеалом матерей и человеком адских мучений и великого терпения). Под сердцем что-то засосало. Вспомнил слова начальника: «Что, мол, я тебя с целью поставил на караул». Что за цель? Или моя физиономия просто не понравилась, или характер узнать хотел. Что же? Вероятно, узнал, но губы даст... (...)

1945 г.

15.1.45 г. Сегодня вышел с губы. Отсидел 10 дней. Вот выписка из моей записки: «Сижу на губе уже седьмые сутки. Спим с 2 до 5 часов. Когда уберут топчаны, устраиваем дополнительную спячку... В столовую водят два раза, принимают передачи из дому. Хороший народ паровозники, и вообще человека узнаешь, когда с ним поживешь дней 10-20. Работал я так: дней 6 - топили печи в общежитии, два дня ходил на уголь и два дня не делал ничего. Теперь мне знакомы 4 машиниста... Я решил, что гауптвахта эта не наказывает и, тем более, не поправляет преступника. Рабочие здесь только отдохнут... (...)

26.1.45 г. (...) Иван прислал письмо. Давно уже не было. 8 лет в армии

и только лейтенант. Шамать нечего. Завтра опять еду на «гастроли». На этот раз в Юргу. На запад. Хожу как оборвыш. Смены никакой. Чехов устами одного из героев говорит: «Мы будем жить. Проживем длинный-длинный ряд дней, долгих вечеров, будем терпеливо сносить испытания, что пошлет нам судьба; будем трудиться для других и теперь и в старости, не зная покоя, а когда наступит наш час, мы покорно умрем, и там, за гробом, мы скажем, что мы страдали, что мы плакали, что нам было горько, и мы увидим жизнь светлую, прекрасную, изящную и на теперешние наши страдания оглянемся с умилением, с улыбкой - и отдохнем. Я верую, верую горячо, страстно». («Дядя Ваня»). Увидеть эту жизнь хочется не за гробом, а тут, на земле. Я тоже верую горячо и страстно, что я увижу такую жизнь.

28.1.45 г. Вчера был вечер в техникуме, впрочем, о нем мне нечего писать. Не был я. Был у ребят. Все собираются, одеваются. Мне же нечего одевать. Сегодня ночью в 3 часа сгребся и на поезд в Юргу. Приехал, сходил на базар, купил картошки и назад. Днем приехал. Вот эта постоянная забота о куске хлеба как-то воспитывает, чему-то учит - не могу объяснить. Был у Володи. Мечтали об институте. Были бы у меня условия, я б обязательно уехал. Надо выписать это: «Самое главное - жить и делать свое дело, и смотреть, и слушать, и учиться, и понимать, и писать, когда у тебя есть о чем писать, но только не раньше, и черт возьми, не слишком много спустя... Главное работать и научиться этому». (Э. Хемингуэй, «Смерть после полудня».) (...)

17.4.45 г. Эту весну «блокады» не предвидится. Коровенка спасает. Выкидываю двухпудовку. Победа, т. е. успех. Проект двигается. Черчу. Двоек нет. Иван помогает. Недавно прислал 1200 руб. Сегодня красиво две партии выиграл у Борьки Черника. Притащил со станции кусок рельсы - кг на 25. Беспokoю ее. Пять раз одной уже выжимаю.

9 мая 1945 г. Знаменательный день. Сегодня капитулировала Германия. Войне конец. Возможно, и даже очень, что будет война с Японией. До каких пор народ будут бить?! Кто?..

Я только сегодня приехал с подсобного. Боролись с картошкой. Утром поднят был Борькой Черниковым, который сдернул с меня одеяло и с криком: «Победа! Конец!» начал прыгать вокруг меня.

ДНЕВНИК
КОЛМ
УСТИНОВА

Этот короткий дневник - хроника Колиного превращения из мальчика в мужчину. Вот он, 12-летний, ныряет с причала во Владивостоке, купается с мальчишками в море - и вот уже бороздит океан, он - юнга «огненных рейсов». И неважно, по зову ли сердца пошёл он тогда в порт в надежде, что его, салагу, безотцовщину, возьмут в море, или просто от голодухи... Дневник Коля вёл и в плавании, но тогда помполит отобрал записи: по закону военного времени это каралось... Вот что осталось за кадром: Николай Устинов стал участником международных конвойных рейсов и одиночного плавания, в будущем дорос до капитана. Он доставлял стратегические грузы из стран-союзниц - под огнём противника. Побывал в Ванкувере, Олимпии, Сан-Франциско, Сизтле, Портленде, Майами... После войны ходил в Корею и Китай. Учился в Одесской мореходке, окончил Владивостокское училище. Полвека трудился в Сахалинском морском пароходстве. Окончил исторический факультет. У Николая Васильевича Устинова - две дочери, четверо внуков и 41 награда. Самая дорогая - за те годы, что ходил юнгой палубным, защищая страну.

Май 1941 г. Владивосток. Тепло, ярко светит солнце, и я с Лёней уже купаемся. На берегу много людей. Иностранцы с немецкого посольства, дети просят достать морских ежей, звездочки, наныряться.

Июнь 1941, 22 число. На берегу купаются одни мальчишки. Немок с девочками нет. Идём домой. Флаги немцев сняты. Узнали, что фашисты неожиданно напали на нашу страну. (...)

Июль, 21 число. Пришла повестка, отца забрали. Мы с мамой не знали, куда уехал отец. Сегодня пришёл человек и сообщил, что отец служит у японской границы, недалеко от Владивостока. (...)

Сентябрь, 14 число. Едем по Уссурийску. Все в военной форме. Загружают танки, орудия. Много военных. Ехали очень долго. Попутка довезла до места, где стояли блиндажи. Смогли увидаться с отцом.

Сентябрь, 15 число. Отец повёл меня к специальному прибору, через который я увидел японских солдат совсем близко. Очень интересно смотреть, как маршируют солдаты туда-сюда, танки едут вдоль границы, было видно, что японцы очень сильные.

Июль, 1942 год. Получили записку от отца. Пишет, что находится под Сталинградом. Собираются в бой.

Приехал сослуживец отца, говорит, что он тяжело ранен, находится в госпитале.

Отца я больше не видел. Мама получила похоронку. Она очень плакала. Мне её очень жаль.

Июль, 1942 год. Слышал, что детей, чьи отцы погибли на фронте, принимают на пароходы работать и учиться морскому делу.

Август, 1942 год. Отказали. Говорят, что мал.

Сентябрь, 1942 год. Ходил в порт, загружал пароход, покормили, но в море не взяли. Голодно. Ходили с мальчишками по дворам около порта. Там, под брезентом, лежали горы продуктов для фронта. Пару баночек тушёнки раздобыл. Был в отделе кадров. Послали в порт на пароход, чистить танки. Задыхались от запаха, угара, затхлости. Покормили.

Июнь, 1943 год. В кадрах дали согласие на работу на судах Дальневосточного и Арктического пароходств. С бумажкой в руках прибежал на пароход. «Куда таких маленьких посылают, совсем ребёнок», - сказал боцман. Но взяли и сразу накормили.

1942-1943 годы. Получил мореходную книжку! Могу ходить за границу.

1 мая - 12 июля. Работали, стояли на руле, дежурили, красили, наво-

дили порядок, готовили судно к приёмке. Американцы говорили, что советские суда самые чистые.

Октябрь-ноябрь. Жестокие шторма. Идём из США, Канады. Переход в Арктику. Выгрузка Севморпуть. Дальше на Владивосток. (...)

Ноябрь, 23 число. Ветер усиливается. Пока держимся. Пароход трещит по швам. Но нам такая погода на руку. Подводные лодки врага не появляются. Торпед можно не опасаться. (...)

Август, 5 число, 1945 г. Идём с опаской мимо японского острова Хоккайдо. Надо догнать конвой советских судов и вместе с ними пройти пролив Лаперуза и далее во Владивосток. (...)

Август, 7 число, 1945 г. Движемся к Южному Сахалину и Курильским островам. Высадили разведывательную группу на Курильские острова, шлюпка вернулась к пароходу.

Август, 8 число, 1945 г. Ночью подошло военное судно и пересадили еще одну разведывательную группу на наш пароход. Так как мы были торговым судном, нас не трогали. Таким образом, мы произвели несколько высадок краснофлотцев и разведгрупп на Южный Сахалин и Курильские острова.

Август, 9 число, 1945 г. Стою у руля. Не достаю, чтобы управлять. Ставлю ящик от снарядов. Движение на пароходе. Идём к северной части о. Хоккайдо.

Август, 10-11 число. Получили приказ блокировать северное побережье о. Хоккайдо. Боевая тревога! Торпеда идёт на пароход. Сосредоточили огонь малокалиберных пушек на след торпеды и изменили её траекторию.

Сентябрь, 1945 год. 27 дней длился наш рейс у берегов Южного Сахалина, Курильских островов, вблизи о. Хоккайдо, подвергаясь то обстрелам с берега зенитными орудиями противника, то обстрелам японских субмарин, то обстрелам самолётов, сбрасывающих на суда торпеды.

Сентябрь, 3 число, 1945 г. Получили приказ на переход в Магадан, затем в США и Канаду. (...) В послеобеденное время получили приказ всей команде построиться на палубе. Здесь уже находились краснофлотцы и морские пехотинцы. На палубу поднялись капитан Н.Ф. Буянов и первый помощник капитана А.Ф. Молодцов. Зачитали приказ Верховного Главнокомандующего И. Сталина о том, что 2 сентября 1945 года подписан пакт о безоговорочной капитуляции японской военщины. Нас поздравили, вечером накрыли праздничный стол. Все ликовали!

Юнга «огненных рейсов», «напросившийся» с голодухи в море в свои 12 лет, Коля Устинов после войны дорос до капитана дальнего плавания.

Фото из архива Н. Устинова.

Без крепкого тыла не было бы этой Победы. И этот тыл держался на сотнях тысяч хрупких детских плеч. Эти дети не видели ужасов бомбёжек и зверств фашистов. Но они сутками работали на тяжёлом производстве, собирали танки, изготавливали снаряды. Поэтому эта Победа была и их тоже.

Фотохроника ТАСС.

ДНЕВНИК
НАТАШИ
КОЛЕСНИКОВОЙ

Единственный московский дневник в этой книге был обнаружен нами в Музее современной истории России, куда принесла его сама автор, Наталия Александровна, в начале 2000-х: «У меня было сложное материальное положение, болел муж, и в надежде выручить за свои вещи хоть что-то я сдала дневник в музей...» В нём всего несколько страничек, написанных идеальным почерком отличницы и аккуратистки, какой была Наташа в свои 12 лет: «Поначалу все эти военные ощущения были новы, и не терпелось их зафиксировать, а потом, когда война стала уже тяжёлыми буднями - холодно, не топили, помню, как единственным нашим пропитанием была картошка, которую варили на буржуйке, по две картошины на рот - стало не до дневника...»

Наталия Колесникова до сих пор живёт в том же доме на Старом Арбате, прямо напротив «стены Виктора Цоя», в котором она провела войну вдвоём с бабушкой: отец был в ополчении, мама - на трудовом фронте. Она поступила на киноведческий факультет во ВГИК, затем работала в газетах и журналах.

22 июня, воскресенье. В ночь с 21 июля на 22 была первая настоящая тревога, а в ночь с 23 на 24 упала бомба в театр им. Вахтангова. В нашем доме вылетели все стекла. Немцы продолжают наступать, взяли Смоленск. Москва преобразилась: на улицах лежат мешки с песком, во многих домах выбиты стекла и окна забиты фанерой. В ночь с 5 на 6 августа в Староконюшенном пер. упала бомба, в нашем доме опять вылетели окна. Во многих домах торчат обгорелые балки. Сгорел дом № 26 по Арбату и в Конюшенном п. сгорел один дом. На наш дом упало 3 зажигательных бомбы, одна из них попала в помойку, но всех их потушили. На Волхонке упала большая фугасная бомба. В аптеку на Поварском попало две. Взят Киев. В середине октября началось генеральное наступление немцев. В Москве паника. За продуктами выросли огромные очереди. За хлебом приходится стоять целый день. Особенная паника была 16 октября. Ползли чудовищные слухи. Москва объявлена в осадном положении. Немцы подошли на 20-25 км.

Спешно эвакуируются учреждения, заводы и простые граждане. На улицах строятся баррикады и противотанковые заграждения. Я хожу ночевать в убежище. Начались частые тревоги, продолжавшиеся весь ноябрь. Иногда бросают бомбы и без тревоги. Один день было так: первая тревога в 18 ч., отбой в 21 ч., вторая через полчаса и до 24 ч., потом с 1 до 5 утра, да еще часов 8 тревога. Так бывало несколько дней. В ноябре я видела воздушный бой. Весь ноябрь прошел в напряженных боях. Вдруг 29 ноября в 23 ч. по радио (которое всегда работало только до 22 ч.) передают последние известия. Но ничего особенного не сказали. В начале декабря мы взяли города Ростов-на-Дону и Тихвин. Потом Истру, Клин, Солнечногорск, Калинин, Наро-Фоминск, Малоярославец, Волоколамск. Гитлеровский план захвата Москвы провалился. Наши войска все время продолжают продвигаться на запад. В ночь под Новый год по радио объявили, что зенитчикам и звукоуловителям отдан приказ в эту ночь охранять Москву особенно бдительно. В этот же день наши войска взяли Калугу. 6 января в 6 часов почти во всех районах Москвы был слышен сильный взрыв. Как мы потом узнали, взорвался химический завод где-то в районе Красной Пресни. В нашем доме вылетели стекла в 7, 11 и 12 квартирах. Сейчас тревог совсем не бывает. В январе пока было только 3. Так что открытое в нашем доме бомбоубежище для инвалидов остается всегда закрытым. 21 января взяли Можайск. В Москву снова возвращаются эвакуированные учреждения.

25 января мы взяли последние города в Московской области. 4 февраля немцы заняли Феодосию. В течение февраля наши войска продолжали продвигаться вперед, за весь февраль не было ни одной тревоги. В марте наши войска продолжали продвигаться вперед, но существенных изменений на фронтах не произошло. В марте было налажено сообщение с Ленинградом, это очень важно, так как там был ужасный голод. Такие информации мы получали весь апрель. (...)

В мае немцы применили на Керченском направлении газы. На этом направлении немцы перешли в наступление. Зато на Харьковском мы значительно продвинулись вперед.

Ходят слухи, что война кончится в июле. В конце мая наши войска сдали Керченский полуостров. Немцы ведут сильное наступление на Южном фронте. В начале июля наши сдали два города на Харьковском направлении и 5 июля сдали город Севастополь. В конце июля и в начале августа наши войска продолжали вести упорные бои на Южном фронте. Наши войска оставили города Ворошиловград, Ростов и Новочеркасск. Немцы угрожают Кавказу и Волге.

В конце августа наши войска начали наступление на Калининском направлении. 27 авг. продвинулись на 40-50 км.

В сентябре немцы продолжали наступление на юге. Идут бои за г. Сталинград.

Московская школьница Наташа Колесникова, 1944 год.

«Наш предвоенный класс» - написано на обороте фото. Наташа - вторая справа в третьем ряду снизу.

Фото на странице - из архива Н. Колесниковой.

Кормили фронт женщины и дети. И это был адский труд, потому что всю технику и лошадей из сёл и деревень отправили на фронт, поэтому пахали, сели, собирали урожай маленькие дети своими руками.

Фото РИА Новости.

ДНЕВНИК
ТИМУРОВСКОЙ
КОМАНДЫ

Ни имени ребёнка - мальчик, девочка? - чья рука водила пером в этом дневнике тимуровцев, ни местности, ни времени - нам неизвестно ничего об этом документе, найденном журналистами «ЛиФ» в Российском государственном архиве социально-политической истории. Незамысловатое перечисление добрых дел, предварённое благодарственным письмом, по-видимому, семьи погибшего солдата, - вот что попало к нам в руки. А современному школьнику, сверстнику этих ребят из 5-го «Б» школы № 52 неизвестного нам города, пожалуй, и невдомёк даже будет - кто такие эти тимуровцы в принципе!.. А ведь после выхода книги Аркадия Гайдара «Тимур и его команда» не было в стране города или села, где не начинали бы свою стихийную деятельность пионеры в красных галстуках, взявшие под своё шефство немощных стариков, осиротевшие семьи фронтовиков, детские сады и дома; тимуровцы собирали урожай и ухаживали за могилами павших воинов; как пишут «наши», 5-го «Б» класса ребята, «подмели пол и двор, выгребли золу из печки, принесли воды, достали 22 ведра опилок с чердака, галоши вымыли». Хотя постойте - ведь слово «волонтер» наверняка знакомо современному ученику любого 5-го класса!.. А если ещё нет - покажите ему этот дневник.

Дорогая Нина Дмитриевна!

Шлю вам маленькую дощечку для дежурств вашей Тимуровской команды. Очень вам благодарна за заботу о моей семье. Если бы не ваши ребята, то я не могла бы работать. Особенно благодарна Рыжковой, Жуковой и Мурушкиной. Мурушкина - просто девочка-«хозяйка».

Будьте добры, если вам не трудно, черкните, по каким предметам им помочь? Какие у них прорывы? Я смогу раза два в неделю организовать им помощь.

Привет Валентине Афанасьевне. Много ли писем послали на фронт? Мои мальчишки собрали посылку для РККА*, а девочки для госпиталя собрали подарки. Я, дедушка, бабушка и Нина ваш класс и вас считаем родственниками. Я попросила Валю Мурушкину написать письмо в действующую РККА командиру той части, где был мой муж. Валя послала очень хорошее письмо.

Сегодня я тоже пишу о вас. Вот составила маленькую записку тому командиру, который мне сообщил о гибели Андрея.

Т. Крошину. От жены погибшего боевого друга Сопина, Сердюковой О. Я.

Какою силой обладает память,
 Чтоб наше горе, нашу боль сдержать
 И сколько тысяч раз перед глазами
 Проходят те, кого нам не обнять.
 Ушел и он, нет больше писем от него
 Он далеко, а мне казалось, что рядом
 Он храбро вел смертельный шквал огня
 На юге в черной мгле под Сталинградом.
 Сегодня я его так славно вспоминаю,
 Гляжу на дочь, которой он не знал
 И словно отдираю бинт от раны
 Ей говорю, за что он воевал.

29/І-44 года. Хизниченко и Левшунова ходили на дежурство к О. Я. Сердюковой, они насыпали опилок, вымыли пол, принесли воды и сходили на базар за содой.

30/І-44 года. Власова, Родионова и Мурушкина убрали комнату, вымыли и вычистили посуду, подмели двор, сходили за водой. Помогли выстирать белье.

31/І-44 года. Золоторенко и Агапова подмели пол, сходили за водой,

три раза подмели весь двор. За что О. Я. поблагодарила их. Жукова и Мурушкина получили обед и отнесли.

31/І-44 года. Жукова и Мурушкина разыскали бухгалтерию, получили обед, разыскали палату в больнице, где лежит больной отец О. Я., отнесли ему обед. Помогли О. Я. разыскать отца в больнице Мурушкина и Жукова. Получили хлебные карточки.

2/ІІ-44 года. Жукова, Рыжкова, Сопина шли из школы. Шла бабушка с дочерью, несли большой чемодан. Бабушка шла спотыкалась, ей было тяжело. Они помогли им донести чемодан. Бабушка благодарила их со слезами.

2/ІІ-44 года. Мурушкина вымыла пол, вычистила посуду, сходила за водой, нарубила дров, сходила в больницу. Выстирала костюм и кальсоны.

9/ІІ-44. Мурушкина получила обед и отнесла дедушке. Выстирала немного белья. Рыжкова отвела и привела Ниночку.

10/ІІ-44. Агапова и Золоторенко вымыли пол, постирали белье. Сопина повесила всё белье, принесли воды. Мурушкина и Жукова отнесли обед. Рыжкова отвела и привела Ниночку. Мурушкина играла с Ниночкой в то время, когда мама Нины занималась, обшила куклу.

10/ІІ-44. Все ученицы отказались от завтрака и отнесли их дедушке и бабушке.

ДНЕВНИК
АЛЛЫ
РЖЕВСКОЙ

Эти страницы попали к нам из брянского архива, где кроме самого дневника, переданного в 2013 году племянницей автора, нашлась и такая сухая справка: «Алла Михайловна Ржевская, потомок писателя Диесперова, родилась 23 января 1928 года. Работала связистом. Член Советского райкома КПСС г. Брянска, делегат 20-й областной партийной конференции, секретарь Совета ветеранов городской телефонной сети. Награждена медалью «За трудовую доблесть». Самой Аллы Ржевской не стало в том же, 2013 году. Все наши разыскания каких-либо следов её жизни, попытки составить её портрет не дали никакого плода. Казалось, что эти строки, выведенные детской рукой, – всё, что от неё осталось...

И вот, когда этот том уже верстался, на нашу просьбу, напечатанную в приложении «ЛиФ. Брянск», отозвалась подруга Аллы, с которой они дружили 50 лет, вместе работали. Она и рассказала, что замуж Алла вышла поздно, почти в 50, за военного, для которого стала уже пятой супругой; своих детей у неё не было, но были падчерицы, которых любила как родных. Так же, как любила и многочисленных дальних родственников – в отсутствие близких:

- На каждого двоюродного или троюродного племянника или внука у неё были заведены сберегательные книжки, – рассказывает Римма Язикова, – когда Алла получала пенсию, сразу же её делила между всей роднёй. Она была очень отзывчивым человеком, с доброй душой и огромным сердцем. Помогала и ветеранам Великой Отечественной войны, Афганистана и Чечни, и соседям, и друзьям, и знакомым, жертвовала и во Всемирный фонд дикой природы. При этом сама жила скромно. Родом Алла Михайловна была из боярской семьи, поэтому у неё оставалось много старинных вещей, некоторые из них сейчас хранятся в местном краеведческом музее.

Так ненаписанный портрет девочки, пережившей войну, стал обретать черты и краски... И теперь мы знаем, что кроме строк, которые вы читаете на следующих страницах, от Аллы Ржевской осталась ещё и добрая память.

22 июня 1941 года - памятная дата в истории человечества не только СССР, но и всего мира. В 4 ч. утра германские фашистские войска напали на СССР по всей своей границе, общим фронтом от Балтийского до Черного морей. Была тревога от 21.15 до 1.05.

3/VI. Первый день всеобщей мобилизации.

4/VI. Приказ о строительстве бомбоубежищ.

5/VI. Приказы о поведении населения. Было собрание в «Электросети» о создании кружка ПВХО*, и я записалась туда, получила настоящий военный противогаз и пропуск военного округа г. Брянска.

29/VI. В 11.30 - приказ о заклеивке стекол в окнах и дверях бумагой крестами. В 13 ч. продолжали рыть траншеи до 16 ч. (...)

3/VII. Речь И. В. Сталина по радио, призывающая к всеобщему народному ополчению.

30/VII. В 2.20 ночи была тревога. Сопровождалась залпами зениток и пулеметов. Сброшено очень много бомб (не менее 50-ти) на эшелоны, стоящие на ст. Брянск II, там был эшелон раненых, эшелоны с боеприпасами, были еще цистерны с бензином, керосином, со снарядами, патронами, до 12 ч. дня не прекращались их взрывы, стоял еще эшелон с красноармейцами, которые должны были скоро отправиться на фронт. С самолетов (вражеских) строчили пулеметы, сбрасывали на парашютах ракеты, а потом бомбы. Был огромный пожар.

13/VIII. Была сильная бомбежка, от нее сгорели... на Володарском поселке 2 квартала, в том числе аптека, школа, магазин и др. учреждения и жилые дома. Целых ведь 2 квартала! Все это началось около 12 часов ночи, в ночь с 12-го на 13-е. В селе Антоновка стояла в школе воинская часть, она вместе с зданием была разбита несколькими бомбами.

На папу в милиции составили протокол за то, что он как будто зажег свет. На самом деле это было так. Я, насмотревшись зарев от пожара, легла спать, накрылась шубой, потом вдруг проснулась от звона стекол, открыла глаза и... !!! вся комната была залита ярким пламенем электрической лампочки. Мне показалось спросонок, что мы горим, я откинула шубу, схватила одеяло, закуталась им и выбежала на лестницу, а там кричат: свет потушите. Я тут сообразила, что это был не пожар, а электрический свет, я быстро побежала, потушила, а этот самый свет осветил весь банк и другие дома. В это время пролетал самолет, как видно, увидел свет (хотя он горел примерно с полчаса, а может быть меньше, и давай себе бросать бомбы и строчить из пулемета, но все его бомбы

и пули ложились в Пятницкий ров. Ну, тут пришел милиционер и повел нас в милицию (в НКВД) (около спиртоводочного з-да), там выяснилось по его рассказу, что он был дежурным у банка (как раз против наших окон), пролетает самолет, слышны свист и взрывы бомб, а тут сразу зажегся яркий свет в два окна (они не были затемнены). Он кинулся стучать и кричать в дверь, потом свет потух (я его потушила), и он нас повел. Долго оставалась необъясненной причина, почему зажегся свет (его никто не зажигал), но потом мы догадались, что выключатель был очень слаб и от сильного сотрясения в нем наверно соединились волоски и зажегся. Долго мы после пожара и этого случая со светом не могли забыть...

20/VIII. Папе пришла повестка. Он пошел в больничный городок, ему сказали, чтобы он пришел завтра к 8 часам утра. Получила сегодня 3 кг муки на 3 дня.

23-24. Дни прошли спокойно. 21-го папа в 6 часов ушел. Мама немного поплакала, а также и я (минут 5 и всё). Я держалась бодро. Мама ещё работала.

27-28-29/VIII. Мама получила направление в г. Кирсанов Тамбовской обл. от эвакуопункта.

30/VIII. С утра все было спокойно, но спокойствие вместе с тем необычное. Очень тихо и день такой жаркий был. За эти дни я с мамой готовилась к отъезду, хотя не знали, когда и куда поедем. Папа еще 18-го все ценные вещи закопал в 2-х сундуках в сарае, 29-го мама закопала папин чемодан там же с его бельем. Мы с мамой упаковывались до 2-х часов дня. Я была во дворе, возилась с собакой Милкой и убирала вход в щель. Мама стирала во дворе белье. В 20.30 началась тревога. У нас уже все собранные вещи были целый день в щели. Мы залезли туда, одели шубы. Налетели самолеты. Зенитки стали стрелять, а самолеты бомбы бросать. Сначала слышалась стрельба, потом вдруг свист. Фугасная бомба падает и взрывается. Сразу слышен гул, все приближается, летят 7-10 самолетов, и потом свист и взрывы через 2-3 сек. И так самолеты налетают партиями раз 8-10 через каждые 5 минут. Такая бомбежка кончилась только в 1 час ночи.

31/VIII. 1 час ночи. Самолеты улетели. В щель прибежала Милка (собака), сорвалась с цепи. Перед последним налетом самолетов в щель прибежали 3 красноармейца. Они были около штаба МПВО (в Лесном институте он находится) у машины, ее разбило вдребезги, а они отбежа-

Это единственное фото Аллы Ржевской (слева) попало к нам в руки случайно, когда наша книга уже версталась, а мы давно потеряли надежду узнать что-либо об этой девочке, - благодаря отклик читательницы «АиФ». Так мы узнали, как выглядела автор этого дневника...
Фото из архива Р. Яковской.

ли и спаслись. Насколько Милка раньше к своему человеку не подпускала чужих, то теперь она на них даже не зарычала. Потом красноармейцы ушли, а она убежала и больше мы ее никогда не видели. Самолеты улетели и больше не возвращались. Мы вышли из щели. Небо было ярко-красное, бордовое, малиновое... от пламени огней. Город горел. Мы стали задыхаться от жары, дыма, пепла. Вышли на улицу. Ничего, никого, жуткая картина. По дорогам, на крыльце валяются горящие головни, зажигательные, уже горящие бомбы.

...У моста стояла разбитая автомашина, валялись винтовки. Партизаны не разбирали. Мы перешли через мост на луг. Там уже были тысячи народа. Крики, стоны, слезы, плач, причитания. Город у нас находится на горе, а под горой луг. Вот мы на этом лугу и были. Город как на ладони. Все видно: и как дом только освещается, как начинает загораться, как рушатся стены, балки и, наконец, как остаются только обугленные печи. В эту ночь сгорело более $\frac{1}{2}$ города, и притом центр, окраины были разрушены и сожжены ранее. Утром, часов так в 5 пошли в город. Он еще горел. Валялись трупы лошадей, людей, разных домашних животных. Наш дом каким-то чудом уцелел. Рядом с нами горел 4-этажный каменный дом, больница, и несколько деревянных домиков. Сгорели все дотла, а наш дом остался. Пришли домой, собрали все вещи в мешок большой и пошли к Жене, маминной знакомой, на квартиру. Она хотела с нами уезжать из города и мы ждали только поезда. (...)

3/IX. 6 часов утра. Наконец, тронулись. Опять слышны были слезы, город еще горел и дымился. Последний раз видели город. Направились на Орел. (...)

9-10-11/IX. Все эти дни еще находимся в Тамбове. 2 раза давали эвакуированным в буфете хлеб. 1 раз брынзу. В деревне доставали молоко. Торговки продавали огурцы, яблоки, груши, семечки. Этим и питались.

12/IX. Наконец-то дали лошадей. По спискам отправляют людей на лошадях по разным районам, сельсоветам, колхозам, совхозам. Начинается дождь. Больше $\frac{1}{2}$ пути я прошла босиком, не отдыхая 18 км. Лошади идут медленно, грязь.

13/IX. 1 час ночи. Приехали к правлению и началась сильная гроза. Быстро перетаскали вещи в помещение, постелили соломы и легли спать. День прошел в поисках квартиры. К вечеру перебрались на квартиру, поужинали и легли спать. Почти ничего не слышу - забыла сказать, что наш эшелон бомбили, я была контужена и ничего не слышу.

ДНЕВНИК
ВЛАДИКА
БЕРДНИКОВА

Альбом, в котором отрывочные записи, иногда недатированные, сменяются рисунками или вырезанными из листков отрывного календаря наклеенными и от руки раскрашенными картинками; тут же куплеты и лозунги: «За Родину! За Сталина!» Так выглядит дневник 12-летнего пермяка Владислава Бердникова. В конце войны он поступил на секретное предприятие, завод имени Дзержинского, изготавливавшее взрыватели для снарядов и мин, и 50 лет проработал на нём. «Сохранят ли мои внуки семейный архив?..» - тревожится сейчас Владислав Иванович, любовно глядя потёртую папку для деловых бумаг, где бережно хранятся его записи и рисунки.

Мы - сохраним.

26 июня 1941 г. Идёт война! Сегодня вернулся из пионерлагеря. 22-го там прибежал посыльный из Троицы и сообщил, а потом нас построили у флага, объявили, что фашистская Германия напала на нас, не объявляя войны. Начальник и вожатые, которые комсомолки, после отпраздновались, а Антонина осталась с нами.

1 сентября. Снова пришли в школу. В первый день было всего три урока, а потом собрали и прочитали из газеты приказ. Наши упорно ведут бои и изматывают гансов.

Велели затемнить окна и была проверка светомаскировки, но к нам не приходили. Или просто выключают ток. Тогда сидим при керосиновой лампе. Но керосин надо беречь.

10 сентября. Папа унёс свои новые валенки. Потому что решили сдавать тёплое бойцам Красной Армии.

Строем - с музыкой и песней уходят на вокзал красноармейцы. И у нас, на Плоском, много ушли в РККА. Папа тоже просился, но ему поставили бронь и оставили на заводе. В сводках Совинформбюро и на политинформациях о том, что наши подбивают много вражеских танков и самолётов. Но немцы всё ещё прут.

1 ноября. В хлебном теперь и платят деньги, и прокалывают карточки. Из остального в магазинах свободно только лавровый лист, пачки горчицы и консервы Крабы.

В воскресенье ходили с папой в баню. А вода тёплая, а не горячая. Помылись кое-как. В госпиталях и больницах много стало раненых. Которые слепые - ходят - держатся за других или санитарок.

Сейчас вспоминается, как раньше не любил горошницу. Сейчас я её съел бы много-премного.

Нас уплотнили. Дядя Кирил, тётя Рая и Люся с города Владимира эвакуировались со своим заводом. Живут на бывшей нашей кухне. Чтобы из коридора не видно было, занавеску повесили.

Новый год настаёт. Учиться стараюсь хорошо и отлично, чтобы не съехать. Но уроки делать успеваю не всегда. Приходится помогать маме с маленькими и держать очередь для отоваривания. Наши здорово врезают фашистам под Москвой!!! Об этом и по радио передают и в школе на политинформации.

Простыл. Болею. Скучаю. Читаю «Тимура», рисую.

22 июня, ровно в 4 часа

Киев бомбили, нам объявили,

Что началась война.
 Папа воюет на фронте,
 Трудится мама в тылу.
 Чтоб Гитлерюга поганый
 Мёртвым повис на колу. (...)

16 февраля 1942 г. Снова болею. А ещё совсем нечего кушать. Мама плачет и советует, мол, вы, детки, лежите и тёплую водичку пейте, все-таки полегче будет...

8 марта. По календарю и праздник и воскресенье. Сидим дома тихо. Топим, печём картошку. Папа отсыпается за все дни.

Весна-лето 1942 г. В палисаднике и то картошки насадили.

В кино стали показывать как нам помогают Англия и Америка. Топят немецкие корабли. Даже в пустынях воюют. А ещё из американского яичного порошка вкусный омлет, особенно с луком и крапивой.

11 сентября 1943 г. Поступил в мехтех. На практические занятия - на № 10. Сперва проходили по разовым пропускам, а сейчас выписали постоянные. Заходил в цех к папе. Кое-чему бы и у него поучиться. Нам дополнительно к карточкам выдают талоны в столовую. И ещё мне Селивановская - наша фельдшерица, после медосмотра, написала, чтобы ещё на месяц доппитание дать.

22 декабря 1944 г. Решил идти на завод и переводиться на вечернее отделение. Ещё одна рабочая карточка нам не лишняя.

Февраль 1945 г. Наконец-то, работаю. Выдали мне телогрейку, штаны, кирзовые ботинки на войлочной подошве. Изделие у нас - с ним надо осторожно-преосторожно, особенно когда на тачке перевозишь от участка к участку.

Меня перевели в КБ чертёжником. Но карточки по-прежнему получаю рабочие. Начальник надо мной Борис Соломонович Тарасюк - эвакуированный одессит. Весёлый, добрый. Всегда поможет, подскажет. Но и требовательный, особенно когда чертежи на копировку готовятся.

9 мая! Победа! Как прозвучало сообщение, мы все закричали от радости, выскочили на улицу. Собрался митинг и тов. Далингер нас поздравлял. По репродукторам музыка, песни. Отпустили домой пораньше. Иду, а по всему городу люди, кто поёт, кто обнимается, кто смеётся - все такие радостные! И дома тоже сестрёнки и братик от радости прыгают. Принялись меня обнимать. И папу, когда он поздно-поздно пришёл, тоже дождались и обнимали.

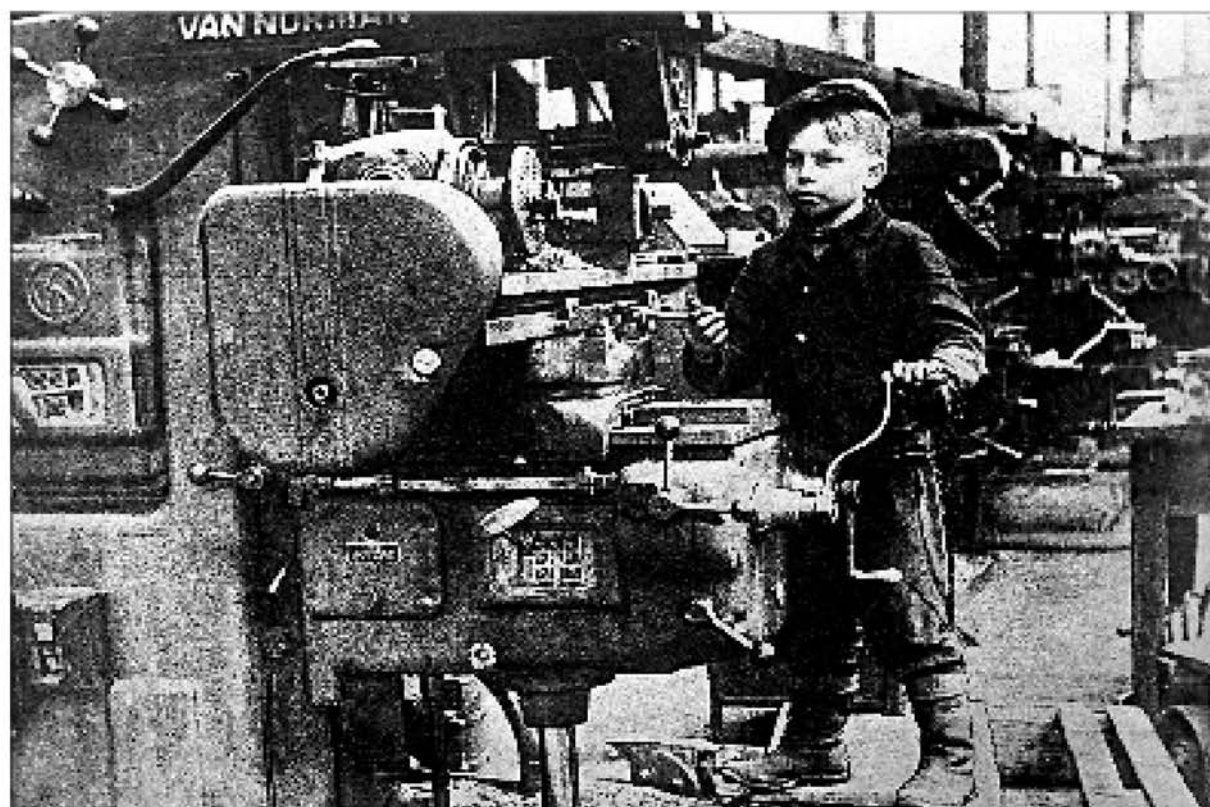

Мальчишкой в войну Владислав Бердников пошёл на завод - «почтовый ящик», где трудился отец. «Ещё одна рабочая карточка нам не лишняя», - записал он в дневнике. В семье росли 6 детей.

Владислав (в центре внизу) дожил до счастья Победы, 50 лет проработал на секретном заводе, родил детей и дождался внуков.

Фото на странице - из архива В. Бердникова.

Этот 12-летний фрезеровщик работал на Пермском моторостроительном заводе.
Дети не доставали до станка, уставали, но никто из них ни разу не отказался от работы.
Фотохроника ТАСС.

ДНЕВНИК
САШИ
ВЕДИНА

В начале войны, когда отец ушёл на фронт, Саше было 11 лет. Его записи берут начало лишь в последний военный год, когда отец уже считался пропавшим без вести: тоскуя по нему, сын украдкой нюхал, доставая из-под матраса, отцовские сигареты «Эпоха»... Строки Сашиного дневника, написанные плоским, как лопаточка, пером «Рондо», по-деревенски бесхитростны: «Проснулся, пошел в школу, наколот дров». И так каждый день. Практически мирная жизнь. Война, кажется, бушует совсем далеко от деревни Чириково. И всё же прочитывается и в тыловом дневнике подростка: еда - предмет забот и хлопот, трудно согреться...

Взяться за дневник Сашу подвиг пример его дяди-военкора. И сам Саша Ведин, сначала выучившись на шофёра, а затем отправившись на целину, уже вскоре напечатал первую заметку в районке на Алтае. Из районки перешёл в молодёжку, вернувшись в Ульяновскую область, стал журналистом «Ленинского пути» - оттуда, с должности зава сельскохозяйственного отдела, Александр Михайлович ушёл на пенсию. Сейчас живёт с дочерью, радиожурналистом. Голос его бодр, а речь медленна. Спешить уже некуда. «Поездил я по стране немало и тетрадки свои всегда возил с собой: они для меня - как воздух».

...А отца с фронта Саша ждал ещё много-много мирных лет, не выкидывал папиросы «Эпоха»... Не дождался.

5 февраля 1945 года. Утром, как позавтракал, пошел в школу, прозанимался три урока и, придя домой из школы, пошел в сельский Совет дежурить. Как только пришел туда, меня послали на спиртзавод. Пришел я оттуда уже вечером. (...)

7 февраля 1945 года. Пришел из школы, пообедал, наколот дров, выучил уроки. Поднимал одной рукой железку весом на двенадцать килограмм. Вечером снова начинаю учить уроки. Мама уходила к моей бабушке, пробыла она там недолго. (...)

13 февраля 1945 года. Утром просыпаюсь, слезию с палатей, умываюсь, завтракаю, кладу в портфель все свои учебники и отправляюсь в школу. Придя из школы, снова принялся за карты. Потом пообедал, начал рисовать опять карты. Вечером поужинал, выучил уроки и ложусь спать на палати. Еще не лег бы, да валит дрема и слипаются глаза. (...)

17 февраля 1945 года. Хотя и велел маме встать пораньше, но она не встала. Встала уже чуть-чуть не рассвело, а только что сварилась картошка. Я взял их две штуки, еще не съел, как за мной зашел Витя Ведин. Я тут же начал собираться и хлеба взял очень мало, только лишь половину лепешки. Мы с Витей пошли, уже стало светать, но огни в домах еще горели. (...)

Экипаж наш состоял из шести человек: я, Ведин Виктор, Ведин Гена, Печников Федор, Шикунов Владимир и Светлова Галина. Вышли мы из Красной Сосны уже пол-девятого. В Базарный пришли в одиннадцать часов, вошли в райком комсомола, нам там сказали, что бюро будет в 2 часа дня. Сидеть нам не очень-то охота, и мы все пошли на станцию. Витя купил пирог со свеклой и делил всем нам. На станции продавали еще махорку, но из нас никто не покупал, только ребята спрашивали попробовать махорку. Они брали ее из мешка, курили и как будто хотели покупать. Потом говорят: не курим, больно плохая.

Со станции пришли уже двадцать пять минут второго, полчаса мы просидели в прихожей. Первого стали спрашивать Шикунова Володьку, потом второго, третьего, четвертого, а затем меня. Отвечал я ничего. Когда всех спросили, началось собрание. Выбрали секретаря комсомольской организации. Шикунова, а заместителя Светлову. (...)

20 февраля 1945 года. Позавтракал, пошел в школу и повез сдавать золу. С Геней Вединым приехали, золу у нас приняли, и мы пошли в класс. Минут через десять пришла Антонина Евгеньевна (учитель по алгебре) и мы начали заниматься. Прошло пять уроков, нас отпустили домой.

Пришел домой, пообедал, нарезали с Володей дров, наколол, написал заголовок для стенгазеты. (...)

25 февраля 1945 года. Мама у меня ушла в Базарный Сызган, а печь не истопила. Утром встаю, уже светло и начинаем с Володей командовать - то есть топить печь и готовить завтрак. Володя полез в подпол за картофелем, а я начинаю затоплять печь. Наклал Володя картошки, намыл ее не полон чугуна. Сварилась картошка, мы налупили две чашки, одну измяли, а другую оставили к обеду.

Намятый картофель поклат я в корыто, положил полкружки муки и начал стряпать. Из всего этого я устроил двенадцать ужасных лепешек, поклат их на плиту и в печь. Пока пеклись лепешки, я сбегал к бабушке. Накормил ее кур, коз, а затем побежал вынуть из печи лепешки. С плиты снимал я их с большим трудом, потому что они прицепились к плите, словно клещи. Но как они ни прицепались, все же снять мне их удалось.

Потом подмели в избе, позавтракали, я напоил корову. А Володя с Марусей пошли в разные стороны. Часов так примерно в 12 я пошел к бабушке дать ее козам корма и зашел там к дедушке. Лежу на кровати и слышу - бежит что есть сил Петя и кричит: «Мама, айда скорее, у свахи обьягнилась коза!»

Одела бабушка рваный пиджак, и мы трое побежали вносить в избу козлят. А одному там и делать нечего, там, гнуся, волочили по мусору три козленка. Мы внесли их в избу. (...)

2 марта 1945 года. Кое-как позавтракав, я отправился в школу. Спустился немного как я пришел, пришла учительница и начала заниматься. Незаметно проходили урок за уроком, и незаметно прошли пять уроков. После чего у нас началось комсомольское собрание, на котором говорили о помощи Красно-сосенскому колхозу. Пришел домой в три часа, но дома еще не обедали, ждали меня. (...)

С 20-го по 24 марта, за исключением двадцать третьего, ходили с Володей за сосновыми шишками, натаскали мы их двадцать килограмм. За которые выписали дров 3 куба. (...)

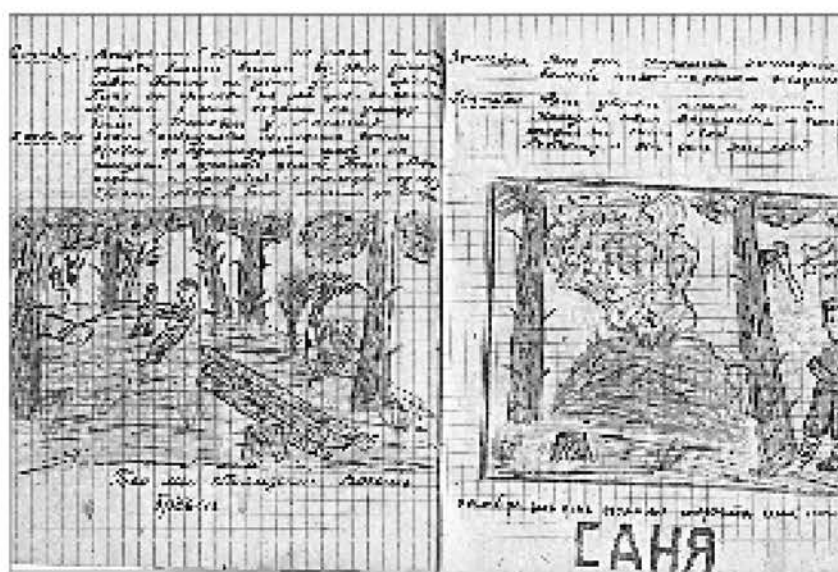
1 апреля. Мама у меня ушла на базар. С маслом. Масла она взяла 5 фунтов. Утром еще не успело рассветать, мы с Володей поехали на салазках за дровами. С нами поехала Маруся. Мы с Володей привезли семь плах, а Маруся (мамина сестра. - А.В.) пять. Приехав с дровами, мы с Петей пошли с ружьем в лес. Но ничего не убили, увидели дятла, и тот от нас улетел. Полазили по снегу и пришли домой.

Папу Саша (в центре на втором плане) проводил на фронт и остался за главного мужчиной в доме.

«Таскала» шишки, колот дрова, носил воду, мёрз и голодал. Ковал свою маленькую победу в тылу, в деревне Чириково. Писал дневник. И ждал отца. Ещё много лет после войны...

Фото на странице - из личного архива А. Вадина.

Мама пришла после обеда, она продала масло за 330 рублей. (...)

С 4 по 12-е, или, вернее говоря, все каникулы я резал один день дома дрова, на другой день переколол их, потом пошли к бабушке Екатерине резать дрова. За день мы все дрова перерезали. На другой день с утра пошел колоть дрова. За день я их переколол не осилил, и до полудня другого дня я их переколол. С Тоней перетаскали их в сарайчик и сложили в поленицу.

Все остальные дни я плел корзины и сплел 4 штуки, из которых отдал одну бабушке. 12 апреля мама у меня пошла на базар продать 4 фунта масла, зайти по пути в аптеку и захватить соли, за которой посылало сельпо. Пришла мама оттуда к вечеру, масло продала, лекарства принесла да расколола бутылочку, которую за лекарствами дала моя бабушка Дуня. (...)

15 апреля 1945 года. Мама ушла на базар для того, чтобы продать молоко и полтора фунта масла. Печь я топил сам своими не очень быстрыми руками, потому что меня валила дрема. Я припас кой-какой шамовки из тертой картошки. Позавтракали, и мы пошли втроем на охоту: я, Петя и Шура Чашин. Убить нам ничего не удалось. И мы долго не ходили, так как валил снег.

Придя домой из лесу, меня поругала бабушка. Войдя в избу, она унюхала запах керосина и стала говорить, что я брал ружье. (...)

9 мая. День победы над немецким врагом.

Я сегодня в школу не ходил, но это не я один, сегодня в школу не ходил никто, даже не только в школу, но и на какую-либо работу, так как сегодня великий праздник (День победы). Пока свободное время, мы вышли копать свой усад.

В книге использованы следующие документы:

1. Дневник Тани Савичевой. Хранится в Музее истории Санкт-Петербурга.
2. Дневник Тани Рудыковской. Хранится в личном архиве Татьяны Григоровой-Рудыковской, Санкт-Петербург. Печатается по машинописной копии Музея обороны и блокады Ленинграда.
3. Дневник Юры Рябинкина. Печатается по изданию «Блокадная книга» Д. Гранина, А. Адамовича, Лениздат, 1989. (© Д. А. Гранин, 2015, © Н. А. Шувагина-Адамович, 2015.)
4. Дневник Леры Игошевой. Хранится в личном архиве Дмитрия Ландо, Москва.
5. Дневник Тани Вассоевич. Хранится в личном архиве Андрея Вассоевича, Санкт-Петербург.
6. Дневник Гали Зимницкой. Печатается по изданию «Блокада глазами очевидцев. Дневники и воспоминания». Составитель С. Глезеров. Санкт-Петербург, ООО «ИТД «ОСТРОВ», 2012.
7. Дневник Капы Вознесенской. Печатается по изданию «Про Капу Вознесенскую. По страницам блокадного дневника ленинградской школьницы Капитолины Вознесенской», Санкт-Петербург, «Красный матрос», 2014.
8. Дневник Миши Тихомирова. Хранится в личном архиве Нины Тихомировой, Будапешт.
9. Дневник Маруси Ерёминой. Хранится в личном архиве Валентина Верховцева, Архангельск.
10. Дневник Бори Капранова. Хранится в Музее обороны и блокады Ленинграда.
11. Дневник Лены Мухиной. Печатается по изданию «Сохрани мою печальную историю... Блокадный дневник Лены Мухиной», Санкт-Петербург, «Азбука-Аттикус», 2011. (© Е. Мухина, наследник).
12. Дневник Юры Утехина. Хранится в личном архиве Юрия Утехина, Москва.
13. Дневник Майи Бубновой. Хранится в © Центральном государственном архиве историко-политических документов Санкт-Петербурга (Ф. 4000. Оп. 11. Д. 16. Л. 1-20).
14. Дневник Вали Петерсон. Хранится в © Центральном государственном архиве историко-политических документов Санкт-Петербурга (Ф. 4000. Оп. 11. Д. 86. Л. 1-8).
15. Дневник Саши Морозова. Хранится в Музее обороны и блокады Ленинграда.
16. Дневник Коли Васильева. Хранится в Музее обороны и блокады Ленинграда.
17. Дневник Аллы Киселёвой. Хранится в Музее обороны и блокады Ленинграда.
18. Дневник Людс Отс. Хранится в © Центральном государственном архиве историко-политических документов Санкт-Петербурга (Ф. 4000. Оп. 11. Д. 85. Л. 1-43).
19. Дневник Тамары Лазерсон. Печатается по изданию «Записки из Каунасского гетто» В. Лазерсон, Т. Лазерсон-Ростовской. Составитель П. Полян, «Время», 2011.
20. Дневник Маши Рольникайте. Печатается по изданию «И всё это правда» М. Рольникайте, Санкт-Петербург, «Золотой век», 2002.
21. Дневник Васи Баранова. Печатается по изданию «Нам запретили белый свет...». Составители П. Полян и Н. Поболь, Москва, РОС-СПЕН, 2006.
22. Дневник Лизы Вейде. Печатается по изданию «Блокада глазами очевидцев. Дневники и воспоминания». Составитель С. Глезеров, Санкт-Петербург, ООО «ИТД «ОСТРОВ», 2012.
23. Дневник Бори Андреева. Печатается по изданию «Нам запретили белый свет...». Составители П. Полян и Н. Поболь, Москва, РОС-СПЕН, 2006.
24. Дневник Ромы Кравченко-Бережного. Печатается по изданию «Между красным и белым: стоп-кадры моего XX века» Р. Кравченко-Бережной, «Гамас», 2008.
25. Дневник Ани Арацкой. Хранится в музее-заповеднике «Сталинградская битва», Волгоград.
26. Дневник Зои Хабаровой. Печатается по изданию «Историко-публицистический альманах «Москва - Крым», № 5, Москва, 2003.
27. Дневник Володи Борисенко. Хранится в личном архиве Марины Борисенко, Москва.
28. Дневник Жени Воробьёвой. Хранится в Российском государственном архиве социально-политической истории, Москва (Ф. М-7. Оп. 1. Д. 5254).
29. Дневник Володи Чивилихина. Печатается по изданию «Дневники, письма. Воспоминания современников» В. Чивилихина, Москва, «Алгоритм», 2009. (© В. Чивилихин, © ООО «ТД Алгоритм»)
30. Дневник Коли Устинова. Хранится в личном архиве Николая Устинова, Холмск.
31. Дневник Наташи Колесниковой. Хранится в Государственном центральном музее современной истории России, Москва.
32. Дневник тимуровской команды. Хранится в Российском государственном архиве социально-политической истории, Москва (Ф. М-1. Оп. 7. Д. 94).
33. Дневник Аллы Ржевской. Хранится в Государственном архиве Брянской области (фонд 3-2996, Оп. 1 Д. 16 листы 9-19).
34. Дневник Владика Бердникова. Хранится в личном архиве Владислава Бердникова, Пермь.
35. Дневник Саши Ведины. Хранится в личном архиве Александра Ведины, Ульяновск.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От редакции	5
Слово Даниила Гранина	7
Слово Ильи Глазунова	9
 Глава 1. Ленинград: блокада	 16
<i>Дневник Тани Савичевой</i>	19
<i>Дневник Тани Рудыковской</i>	23
<i>Дневник Юры Рябинкина</i>	33
<i>Дневник Леры Игошевой</i>	65
<i>Дневник Тани Вассоевич</i>	81
<i>Дневник Гали Зимницкой</i>	89
<i>Дневник Капы Вознесенской</i>	121
<i>Дневник Миши Тихомирова</i>	131
<i>Дневник Маруси Ерёминной</i>	149
<i>Дневник Бори Капанова</i>	157
<i>Дневник Лены Мухиной</i>	175
<i>Дневник Юры Утехина</i>	203
<i>Дневник Майи Бубновой</i>	209
<i>Дневник Вали Петерсон</i>	223
<i>Дневник Саши Морозова</i>	229
<i>Дневник Коли Васильева</i>	233
<i>Дневник Аллы Киселёвой</i>	237
<i>Дневник Людв Отс</i>	243
 Глава 2. Узники: гетто и концлагеря	 248
<i>Дневник Тамары Лазерсон</i>	251
<i>Дневник Маши Рольникайте</i>	267

Глава 3. В Третьем рейхе: дневники угнанных	288
<i>Дневник Васи Баранова</i>	291
<i>Дневник Лизы Вейде</i>	307
<i>Дневник Бори Андреева</i>	315
Глава 4. Лицом к врагу: фронт и оккупация	326
<i>Дневник Ромы Кравченко-Бережного</i>	329
<i>Дневник Ани Арацкой</i>	351
<i>Дневник Зои Хабаровой</i>	371
<i>Дневник Володи Борисенко</i>	407
<i>Дневник Жени Воробьёвой</i>	419
Глава 5. За линией огня: в тылу	426
<i>Дневник Володи Чивилихина</i>	429
<i>Дневник Коли Устинова</i>	443
<i>Дневник Наташи Колесниковой</i>	449
<i>Дневник тимуровской команды</i>	455
<i>Дневник Аллы Ржевской</i>	459
<i>Дневник Владика Бердникова</i>	465
<i>Дневник Саши Ведина</i>	471

Детская книга войны.
Дневники 1941 - 1945

*Художник - Тимур Юсупов
Фоторедактор - Елена Борисова
Верстка - Лидия Страхова, Светлана Соловьёва
Корректура - Марина Петрукович
Набор - Ольга Коротких*

Подписано в печать 20.02.15 г. Формат 70×100/16. Усл. печ. л. 29,7.

Печать офсетная. Тираж 10 000 экз.

Заказ № 6408/15

Издательство «Аргументы и факты»

101000, Москва, ул. Мясницкая, 42

Благотворительный фонд «АиФ. Доброе сердце»

107996, Москва, ул. Электrozаводская, 27, стр. 4

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».

170546, Тверская обл., Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс №3А, www.pareto-print.ru

ISBN 978-5-9906322-0-2

9 785990 632202

